

Б.В. Яковенко

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февральско-мартовская революция
и ее последствия

Д^{ОМ}
Р^{УССКОГО}
З^{АРУБЕЖЬЯ}
С^{ИМ. АЛЕКСАНДРА}
ОЛЖЕНИЦЫНА

Б.В. Яковенко

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

**Февральско-мартовская революция
и ее последствия**

Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
ВИКМО-М
Москва • 2013

УДК 947
ББК 63.3(2)611
Я-471

Подготовка текста и вступительная статья

А.М. Шитова

Примечания

А.М. Шитова, О.Т. Ермишина

ISBN 978-5-98854-046-5
ISBN 978-5-98454-029-2

- © Шитов А.М., подготовка текста, вступительная статья, примечания, 2013
- © Ермишин О.Т., примечания, 2013
- © ГБУК «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына», 2013
- © ЗАО «Издательство “Русский путь”», оформление, 2013

«История Великой русской революции» — единственное историческое исследование о русской революции 1917 г., написанное девяносто лет тому назад Борисом Валентиновичем Яковенко (1884–1949), добровольно и сознательно прожившим большую часть своей жизни за рубежом и оттуда следившим за политической, литературной и культурной жизнью в России. За последние десятилетия опубликовано немало статей Б.В. Яковенко. В 2000 г. в петербургском издательстве «Наука» вышел репрезентативный сборник его философских и историко-философских работ под названием «Мощь философии», в 2003 г. в московском издательстве «Республика» издана «История русской философии», написанная Яковенко для Славянского института в Праге. Относительно полно (исключением является итальянский период его биографии¹) освещены основные события его жизни и главные этапы его творческой работы².

Б.В. Яковенко известен, прежде всего, как философ и историк философии. С бухгалтерской точностью подсчитано количество статей и рецензий, написанных им для философского журнала «Логос»... Отмечены и исторические заслуги, а они были: философская критика (в частности, сторонников религиозно-философских взглядов), которую сам Яковенко считал «борьбой за философию» (именно так назвал он раздел намеченных им для публикации на русском языке своих полемических сочинений, направленных против Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.Ф. Эрн, С.Н. Булгакова). В пятитомной советской «Философской энциклопедии» даются многочисленные ссылки на его историко-философские работы, до сих пор интересны его статьи о С. Маймоне, И. Фихте, Г.В.Ф. Гегеле, Р. Эмерсоне, Б. Кроче. Другие стороны его творческой деятельности — переводческая, публицистическая и как историка — изучены и известны меньше.

¹ К сожалению, о жизни Б.В. Яковенко в Кави ди Лаванья и Риме известно мало. Мы знаем, что он дружил с писателем М.А. Осоргиным, с певцом и поэтом Н. Надежиным, который в стихотворной надписи на своей книге «Разуверенье» (1925), подаренной Борису Яковенко, написал: «Запечатлелись в нас неизгладимо те, итальянские года: / Мы были счастливы под небом Рима, мы были молоды тогда».

² О жизненном пути Б.В. Яковенко см.: *Штов А.М.* Борис Валентинович Яковенко — факты биографии // Яковенко Б.В. Жизнь и философия Иоганна Готлиба Фихте. СПб., 2004. С. 439–454.

В изданной в 1988 г. в Мельбурне брошюре «Мощь философии», которая содержала переиздание одноименной статьи из пражского «Логоса» и ее перевод на английский язык, сын философа Дмитрий Борисович Яковенко в разделе «Рукописи и программа работ» дал ясное и четкое указание на то, что рукопись «Истории Великой русской революции» хранится в Праге³, но исследователи наследия Б.В. Яковенко, по-видимому, этого не знают или не заметили. Только этим можно объяснить то, что итальянский исследователь Томмазо дель Эра в своей статье «Политические статьи Б.В. Яковенко: итальянский период», помещенной в приложении к вышеупомянутому петербургскому изданию, написал: «Опираясь на различные данные, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что Яковенко написал большую (возможно, в нескольких томах) историю русской революции, предлагая ее как минимум трем различным издательствам. Не найдено ни одного экземпляра этой работы...»⁴

Предлагаемая читателю книга — смелая, я бы даже сказал — дерзкая, попытка написания истории русской революции по горячим следам сложнейших для осмысления исторических событий, опираясь на относительно ограниченный круг источников. Изучение работ, вошедших в библиографические сводные каталоги⁵, дает основание утверждать, что Яковенко была написана если не самая первая, то одна из первых историй революции в России. В послереволюционные годы и в России, и за рубежом было издано немало книг, в которых «русская революция» писалась с большой буквы и называлась «Великой», но это были публицистические сочинения, а не исторические исследования.

Для понимания взглядов Б.В. Яковенко, той позиции, с которой написана «История», необходимо обратиться к существенным фактам его жизни и деятельности, к кругу его идей.

В формировании революционных взглядов и отношения к революции Бориса Яковенко, не только понимания им необходимости революционных перемен для России, не только сочувствия и содействия революционерам, но и сознательного участия в революционной борьбе, решающую роль сыграли семейные традиции, воспитание в духе уважения к революционной деятельности и революционерам, восхищения жертвенностью, стойкостью, мужеством и героизмом революционных деятелей в истории.

³ Яковенко Б.В. Мощь философии. Мельбурн, 1988. С. 30.

⁴ дель Эра Т. Политические статьи Б.В. Яковенко: итальянский период // Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб., 2000. С. 939.

⁵ Например, см.: Библиография русской революции и гражданской войны (1917–1921): Из каталога библиотеки Р.З.И. Архива / под ред. и с предисл. Я. Славики; сост. С.П. Постников. Прага, 1938; Генкина Ф. Обзор литературы по февральской революции // Пролетарская литература. 1927. № 2–3. С. 384–396.

Вот откровенное признание, сделанное Яковенко в 1922 г. в предисловии ко второму выпуску написанной для итальянских читателей «Истории Великой русской революции»: «Прежде всего, я принадлежу к тому поколению русских людей, которое унаследовало дело подготовки революционного взрыва от двух предыдущих поколений и подобно им израсходовало свои лучшие интеллектуальные силы на это дело. <...> Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни и сделался одним из основных элементов моей души, и если я потом практически непродолжительно и мало принимал участие в конкретной революционной работе, то духовно и теоретически я всегда жил идеей освобождения России от политического и социального гнета и протестом против всех форм сковывавшего ее самодержавного рабства. <...> Русская революция есть также и мое детище; и я не могу, в конечном счете, смотреть на нее иначе как любящими, верящими и прощающими глазами матери»⁶. Признание искреннее и красноречивое. Пожалуй, излишне комментировать это краткое, но яркое выражение отношения к революции и к революционным событиям в России.

«Дух революционности» воспитывался в семье, был подкреплен примерами родителей Бориса Яковенко, взглядами его товарищей по гимназии. Революционером был его отец — Валентин Иванович Яковенко, в революционной деятельности принимала участие его мать, Клавдия Андреевна Мурашкинцева-Яковенко, профессиональным революционером стал друг его детских и юношеских лет Константин Михайлович Ермолаев⁷.

В молодости и сам Борис Яковенко принимал участие в революционной борьбе. После окончания гимназии в 1902 г. он вместе с Константином Ермолаевым отправляется в Париж, где посещает «свободную» Русскую высшую школу общественных наук (РВШОН). Друзья знакомятся с жизнью русской колонии политических эмигрантов, не пропускают диспутов, на одном из которых с рефератом выступил В.И. Ленин. Скорее всего, Яковенко с другом слушали и лекции Ленина, который в феврале 1903 г. читал курс «Марксистские воззрения на аграрный вопрос в Западной Европе и в России»

⁶ Архив Б.В. Яковенко. Прага (далее — АЯ). Ед. хр. 86. Л. 1–2.

⁷ Ермолаев Константин Михайлович (1883–1919), активный участник социал-демократической (меньшевистской) партии, с начала 1900-х гг. член РСДРП, с 1907 г. член ЦК РСДРП, делегат V Лондонского съезда РСДРП (1907). Изданный Б.В. Яковенко на немецком языке в Праге в годы войны (на обложке указан 1943 г.) второй выпуск своих статей под названием «О гегелевской философии» открывается таким посвящением: «Памяти рано умершего друга моих отроческих и юношеских лет Константина Михайловича Ермолаева посвящается».

в РВШОН. По воспоминаниям дочери Б.В. Яковенко, Наталии, отец рассказывал о том, что в Париже он посещал выступления Ленина. Летом 1903 г. Борис Яковенко с друзьями предпринял путешествие пешком по Швейцарии. После встречи с Е. Брешко-Брешковской он возвращается в Россию с грузом нелегальной литературы.

Яковенко не понаслышке знал о преследованиях за революционную деятельность. В 1905 г. он был арестован в связи с убийством великого князя Сергея Александровича, был заключен в Пугачевскую башню Бутырского тюремного замка, а затем — в Таганскую тюрьму. Находился под стражей с 1 по 14 марта 1905 г. 13 апреля 1912 г. у приехавшего из Италии в Россию с семьей Яковенко был проведен обыск, он был во второй раз арестован, содержался в Бутырской тюрьме, освобожден только 21 июня 1912 г.

Для понимания книги Б.В. Яковенко важны его мировоззренческая позиция, круг его идей. Я имею в виду его отношение к роли любимого им В.Г. Белинского в истории русской общественной мысли и философском развитии России, оценку письма В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю, оценку «Бесов» Ф.М. Достоевского как пасквиля на революционеров, критику литературной и публицистической деятельности В.В. Розанова, оценки других важных явлений общественной жизни и борьбы идей в России.

Документы пражского архива Б.В. Яковенко, его сочинения и наброски, наконец, воспоминания его дочери подтверждают, что Яковенко сохранил верность демократическим — в самом точном и подлинном смысле этого слова — и революционным традициям русской интеллигенции. То же самое отношение к революции воспитывалось и в семье Бориса Яковенко. Детей не крестили, считая, что не родители, а они сами должны сделать свой сознательный выбор в зрелости.

Своим сыновьям он подарил труд забытых сегодня французских демократических писателей Э. Эркмана и Ш. Шатриана «История одного крестьянина», в котором эльзасские предреволюционные порядки и события Великой французской революции рассматриваются «снизу», глазами крестьянина. Дети Бориса Валентиновича Яковенко стали продолжателями глубоких демократических традиций русской культуры: Михаил всерьез увлекся марксизмом и обещал стать крупным теоретиком, Георгий был героем движения чехословацкого Сопротивления, Димитрий симпатизировал коммунистам в Австралии, выпускал журнал «Australian Left Review».

Автор предисловия не один раз имел возможность убедиться в том, насколько крепки и глубоки были корни демократического отношения к завоеваниям революции в семье Б.В. Яковенко. Дочь Бориса Валентиновича, Наталия, почти всю жизнь прожившая в Чехо-

словакии, не терпела общепринятого обращения «пани», возвращала личные письма с обращением к ней «пани Яковенко». Те, с кем она вела переписку, обращались к ней «гражданка» или по имени и отчеству... На конвертах адресованных ей писем указывалось: «Гражданке Наталии Яковенко». В этом проявлялись не только присущий ей (и ее отцу) максимализм, но и принципиальность, гражданская сознательность и ответственное отношение к истории (не знаю, как бы она отнеслась к тому, что в сегодняшней России опять появились «дамы и господа»...).

Рукопись «Истории Великой русской революции», хранящаяся в пражском архиве философа, включает посвящение, два предисловия и две части. Подобно многим написанным Б.В. Яковенко работам, и эта книга первоначально писалась для иностранного читателя, для издания на итальянском языке. Пока не найдено ни одного указания на то, что он пытался выпустить ее на русском языке.

Сравнивая сведения, сообщаемые Борисом Яковенко в предисловии к первому выпуску, с данными, указанными им в программе издания своих работ на русском языке⁸, нельзя не заметить расхождений. В датированном 1922 г. предисловии «от автора» сообщается, что рукопись для русского издания представляет собой переработанный и сокращенный вариант одного большого тома, подготовленного для итальянского издательства вместо шеститомного издания, предполагавшегося «два с половиной года тому назад»⁹ (т.е. еще в 1919–1920 гг.). Названо и число выпусков — три.

В программе издания сочинений Б.В. Яковенко, которая включает указания и на не написанные им работы, в списке работ, предназначенных для включения в будущий сборник его трудов на русском языке, помечено: «История Великой русской революции. 2 части. (Рукопись, есть)». А далее, в скобках: «Итальянская рукопись в Милане у издательства “Mortegale”. Другая итальянская версия, расширенная, в 4-х частях у издательства “La Voce” в Риме-Флоренции». Ключ к загадке — в итальянском тексте, который, к сожалению, до сих пор не удалось обнаружить...

У «Истории Великой русской революции» — примечательное, многое подсказывающее читателю, посвящение-признание: «Посвящаю этот труд памяти покойной матери моей, Клавдии Андреевны Яковенко, с которой вместе всю жизнь мы помышляли о Великой русской революции, потом тревожно и горестно переживали ее, потом кляли и оплакивали, но все же сумели понять и простить»¹⁰.

⁸ АЯ. Ед. хр. 112.

⁹ Наст. изд. С. 23.

¹⁰ Наст. изд. С. 22.

История революции написана философом, а не историком. Характерные черты и достоинства не только этой работы, написанной Б.В. Яковенко, — постановка проблемы исследования, четкое и ясное изложение своего понимания цели ее написания, формулировка предмета, метода и жанра. В предисловии ко второму выпуску Б.В. Яковенко разъясняет избранный им подход, дает характеристику и обоснование своего метода.

Яковенко отвергает претензии истории на научность, цитируя итальянского философа Бенедетто Кроче: «История не ищет законов и не образует понятий; не индуцирует и не дедуцирует, она предназначена *ad narrandum*, *non ad demonstrandum* [к повествованию, а не к доказательству (*лат.*) — А.Ш.]; не строит она универсалий и абстракций, но поставляет интуиции; *individuum omnimodo determinatum* [всцело определяемая индивидом (*лат.*) — А.Ш.] есть ее область, как является и областью искусства. Потому история подходит под общее понятие искусства»¹¹.

Ссылка Яковенко в предисловии на Б. Кроче не случайна, а глубоко продумана. Та же самая цитата из труда Б. Кроче (переведенного Б.В. Яковенко на русский язык), касающаяся сущности истории и исторического познания, приведена Яковенко еще в 1913 г. в чрезвычайно важной для понимания его взглядов статье «Учение Риккерта о сущности философии»¹².

Книга Яковенко — «нарративная история», отрицающая закономерность исторических процессов и событий, рассматривающая их в контексте рассказа автора об этих событиях и сознательно связанная с их интерпретацией рассказчиком. Она включает авторские отступления и сравнительные характеристики исторических деятелей...

Важной, имеющей глубокий смысл для понимания взглядов Яковенко на революционные события является его характеристика психологии русского революционера как разрушителя: «На первом плане для него было разрушение, и он стал человеком разрушения. Творчество и построение отодвигалось для него в будущее, в даль, было скорее мечтою, в то время как насущная действительность требовала борьбы и уничтожения»¹³. Не менее важны и противопоставление деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина или сравнение генерала Л.Г. Корнилова с А.Ф. Керенским: «Первый, благодаря своему примитивизму, чрезвычайно решительный и определенный, ясный тип, второй — скорее неопределенный, скорее нерешительный, скорее выжидатель, скорее примиритель, скорее медиатор. Для Корнилова все

¹¹ Наст. изд. С. 24.

¹² Яковенко Б.В. Учение Риккерта о сущности философии // Яковенко Б.В. Мощь философии. СПб., 2000. С. 538–539.

¹³ Наст. изд. С. 203.

сосредоточивалось в слове “Родина”: он думал только о том, как защитить ее от врага; Керенский был истинный и самый чистый и благородный рыцарь “Русской Революции”¹⁴.

Первая часть рукописи под названием «Разложение старого порядка»¹⁵ основана преимущественно на богатом газетном и журнальном материале, дает картину общественной и политической жизни царской России начиная с политической реакции после революции 1905–1907 гг. («Столыпиниада») и проводит читателя через годы Первой мировой войны и до предреволюционных событий февраля 1917 г. Вторая часть¹⁶ представляет собой историческую хронику политических событий начиная с первых дней Февральской революции 1917 г. и до Октябрьского переворота, т.е. до вооруженного свержения Временного правительства и захвата власти большевиками в Петрограде, Москве, а затем и в других городах России. Таковы хронологические рамки написанной Б.В. Яковенко работы.

Б.В. Яковенко не вел дневников, но он использовал для написания своей книги нечто не менее ценное, а именно свои непосредственные пометки, подчеркивания, краткие и развернутые комментарии, записанные им на полях и между строк заинтересовавших его статей. Известно, что в Италии Яковенко оставил большое количество полных комплектов газет и журналов, которые он использовал при написании публицистических статей еще в годы Первой мировой войны.

В то время Б.В. Яковенко написал ряд статей о войне, ее понимании, против шовинизма в России. Он подготовил к изданию сборник своих политических статей 1915–1917 гг. на русском языке под названием «О смысле войны», в которых, как Яковенко сообщает в главе «Объяснение смысла и значения войны» своей «Истории русской философии», он защищал немецкий дух «от радикальных ура-патриотических обвинений»¹⁷. Этот сборник был послан в Россию, но, из-за цензуры и в силу преобладавших там антинемецких и шовинистических настроений, не мог быть опубликован. Многие русские философы оказались ничуть не лучше немецких, о которых с таким справедливым негодованием и столь разочарованно писал Яковенко. Впрочем, от немцев не отставали и французы, и бельгийцы и пр.

Судя по тому, как резко и возмущенно писал Яковенко в своем письме к Г.Г. Шпету о германском шовинизме, охватившем видных представителей немецкой культуры, включая и его учителя В. Вин-

¹⁴ Наст. изд. С. 300.

¹⁵ АЯ. Ед. хр. 87.

¹⁶ АЯ. Ед. хр. 88.

¹⁷ Яковенко Б.В. История русской философии. М., 2003. С. 387–388.

дельбанда, его статьи содержали столь же резкую критику российских шовинистов¹⁸ (правда, в письме он говорит не о шовинизме, а о мещанстве, т.е. об обывательской точке зрения). Яковенко писал к Г.Г. Шпету 13 ноября 1914 г.: «Да! отличились г.г. германцы. Нечего сказать! Вы, все-таки, мало, наверное, услаждались их “литературой”. Ну, а мы тут все это должны переваривать... Боже, Боже, что пишут немецкие ученые и интеллигенты! Волосы, прямо-таки, на голове шевелятся. Все “Мы”, “Мы”, да “Мы”! И бьют-то они всех, и лучше-то они всех. И справедливость и правду-то они только знают. И Господь Бог-то слушает только их одних. Тьфу ты пропасть! Никогда не предполагал, чтобы интеллигентные люди могли пасть (умственно и нравственно) так низко в общечеловеческом смысле. Знаете, я понимаю и извиняю Лувен, Реймс, вообще Бельгию — опустошения, разрушения и насилия (кто бы из других народов не сделал этого и кто не делает и не будет делать?!) — но вот разговоров этих не прощаю. Это позор, это — самое типичное и безотрадное мещанство, выливающееся в одну формулу: что бы мы ни сделали, все же это лучше того, что сделали или сделают другие. Фу, какая гадость!

И знаете, ведь под тем протестом, с которым Вы, по-видимому, знакомы, под протестом 93 немецких интеллигентов стоят подписи Гауптмана, Зудермана, Листа, а из философов: Вундта, Виндельбанда, Освальда, Рилья, — да, представьте себе: Рилья!! (Виндельбанд всегда был свиньей в ермолке!)

А что пишет, например, немецкий поэт Демель! А если бы Вы читали социалиста Каутского! Или послушали бы, что говорит социалист Зюдекум, прибывший в Италию с миссией убедить итальянских социалистов выступать с пропагандой за мир! Мерзость, гадость! Черт знает, что такое!

Да-с! Если так, то и, слава Богу, что ее — Германию — разнесут теперь в пух и прах. Таких людей, такого добра, такой цивилизации — человечеству не надо»¹⁹.

Одна из последних посланных в Россию и опубликованных статей Яковенко — «Новая история европейской философии»²⁰ — имела полемический характер. В ней Борис Яковенко критикует влиятельного

¹⁸ Вероятнее всего, помимо собственных взглядов Б.В. Яковенко на смысл войны, эти статьи содержали критику статей В.Ф. Эрна, объясняющих германский милитаризм и стремление к мировому господству из принципов «Критики чистого разума» Канта.

¹⁹ Яковенко Б.В. Письма Г.Г. Шпету // Логос: Философско-литературный журнал. 1992. № 3. С. 251.

²⁰ Яковенко Б.В. Новая история европейской философии // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 271–301.

немецкого философа и психолога В. Вундта, в угаре шовинизма искажившего историю европейской философии (в книге «Нации и их философия»). В этой статье он пощадил Виндельбанда, не упомянул его в числе философов, принявших участие в шовинистической кампании в Германии²¹.

Февральская революция 1917 г. изменила деятельность российских дипломатических представительств и их отношение к политическим эмигрантам и гражданам России, проживающим за рубежом. Посольства начали сотрудничать с «эмигрантскими комитетами», образованными в Лондоне, Париже, Риме и Берне, и с гражданами России, находящимися за границей. Согласно «Правилам об оказании помощи русским подданным за границей», установленным Временным правительством, российским посольствам и консульствам были отпущены кредиты на выдачу пособий и ссуд для оказания материальной помощи лицам, застигнутым войной за рубежом и желающим вернуться на родину. Многие политические эмигранты воспользовались этой возможностью. Некоторые из них, в том числе Яковенко, были привлечены для работы в российских посольствах и консульствах.

После Февральской революции Б.В. Яковенко с семьей переезжает из Кави ди Лаванья в Рим, где работает архивариусом в российском посольстве. Это были годы интенсивной публицистической деятельности в издаваемых при финансовой поддержке посольства России в Италии газетах и журналах на итальянском языке: «La Russia» («Россия»), «La Russia Nuova» («Новая Россия»), «La Russia Democratica» («Демократическая Россия»). В 1919 г. Яковенко публикует в издаваемом им еженедельнике «Новая Россия» свою статью «Версальский мир» с резкой критикой Версальского договора как предательства по отношению к Германии²². За эту статью он был арестован. Итальянские власти приняли решение о высылке Яковенко в Югославию. Только вмешательство влиятельных итальянских друзей спасло его от депортации.

²¹ «Большинство из современных германских представителей философии поспешило сказать свое слово о войне. И, разумеется, это все слова на одну и ту же мельницу: в оправдание народа немецкого и в осуждение их противников. Вундт, Ойкен, Лассон, Коген, Риль, Наторп, Мюнстерберг, Кюльпе, Трольч и др. из кожи лезут вон, чтобы только в многочисленных, но почти что совершенно голословных своих статьях и брошюрах так или иначе обелить, восхвалить и превознести немецкую нацию и очернить, втоптать в грязь, заклеить другие выступающие против Германии народы» (Там же. С. 271).

²² Отзвуки этой статьи слышатся в предисловии к «Истории Великой русской революции», когда Яковенко пишет, что «западноевропейские представители наживы и капитала» вместо осуществления возвышенных демократических лозунгов навязали Германии Версальский мир (Наст. изд. С. 30).

В 1921–1922 гг. Яковенко публикует в журнале «L'Europa Orientale» («Восточная Европа»), которым руководил Этторе Ло Гатто²³, серию рецензий и рефератов о книгах, освещающих события революции в России, под общим названием «Сочинения о русской революции» («Scritti sulla rivoluzione russa»). Изучение «Сочинений» (однажды они названы «Книгами по истории русской революции»²⁴) показывает, что Яковенко изучил значительно более широкий круг работ о русской революции (прежде всего, о ее предпосылках), чем тот, который указан в списке использованной литературы.

После переезда в Чехословакию в 1924 г. Б.В. Яковенко не прекращал попыток издать свою «Историю...» на итальянском языке. Для издания книги он обратился за поддержкой к президенту Чехословацкой Республики Т.Г. Масарику. 13 февраля 1928 г. Яковенко направил ему письмо с просьбой одолжить 4000 итальянских лир для издания «Истории русской революции» на итальянском языке. Рукопись книги находилась в Италии. Уже 17 апреля был получен ответ из Канцелярии президента, в котором сообщалось, что президент Масарик выделил необходимую сумму на условиях, предложенных в письме Б.В. Яковенко, и что сумма уже переведена. Но книга не была издана. Причины этого остаются неясными. Возможно, ответ содержится в хранящихся в пражском архиве письмах итальянских издателей к Яковенко.

Не ясно и то, почему Яковенко, издававший журнал «Der Russische Gedanke» («Русская мысль»), не опубликовал в нем ни одного фрагмента этой рукописи. А ведь статьи других авторов о революции там выходили (например, «Раздумья о русской революции» Л.П. Карсавина²⁵). О том, что Яковенко продолжал интересоваться работами о русской революции, свидетельствует его «Краткий обзор сочинений о русской революции» («Kurze Uebersicht der Schriften über die Russischen Revolution»), напечатанный в 1929 г. во втором номере журнала «Der Russische Gedanke».

Название книги Б.В. Яковенко — не оригинальное, поскольку сразу же после революции было написано немало брошюр и книг с такими заголовками или подзаголовками. Уже в 1917 г. в Петрограде стала выходить «Библиотека Великой русской революции». В ее названии «Великая» относится к Февральской революции, тогда как об Октябре сперва писали как о перевороте или вооруженном восстании.

²³ Ло Гатто Этторе (Lo Gatto; 1890–1961), итальянский теоретик и историк культуры, литературовед, переводчик, автор трудов по истории русской литературы.

²⁴ L'Europa Orientale. 1921. № 3.

²⁵ Karsavin L. Erwägungen über die Russische Revolution // Der Russische Gedanke. 1930. № 3. S. 265–268; 1930/1931. № 1. S. 53–56.

В предисловии ко второму выпуску Яковенко открыто заявил, что его взгляды и оценки — это взгляды революционера, т.е. решительного сторонника свержения самодержавия. Глубокий взгляд на события новой и новейшей истории невозможен без учета того, что решающее значение для их верного понимания имеют революции, включая «революции сверху», и контрреволюции. Не будет преувеличением утверждение, что вся история может рассматриваться как смена революционных и контрреволюционных, реакционных эпох. Мы живем, не всегда отдавая себе в этом отчет, пользуясь завоеваниями революций.

Революция 1905–1907 гг. — первая из трех русских революций — незримо, но грозно присутствует в «Истории...» Яковенко. Не следует забывать, что и первая русская революция имела всемирно историческое значение, воспринималась как шаг человечества вперед и сравнивалась с Великой французской революцией. Выдающийся французский писатель А. Франс в предисловии к книге Е. Семёнова²⁶ «Страница из истории русской контрреволюции» повторил прозорливую оценку революционных событий 1905 г., которую он высказал в речи на митинге 16 декабря 1905 г.: «Отныне русские пролетарии имеют решающее влияние на судьбы своей страны и судьбы мира. Русская революция — это революция всемирная. <...> Она угрожает всем системам угнетения, всем видам эксплуатации человека человеком. <...> На берегах Невы, Вислы и Волги — вот где решается ныне судьба новой Европы и будущее человечества»²⁷.

Напомним, что и Лев Толстой сравнивал революционные события тех лет с Великой французской революцией и выражал твердую уверенность в возможностях и перспективах революции в России. В письме к американскому писателю Э. Кросби он писал: «Преступления и жестокости, совершаемые в России, ужасны, но я твердо убежден, что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благотворные результаты, чем Великая французская революция»²⁸.

Первая часть «Истории...» — все же ощутимо «черно-белая», где все подчинено изображению главного водораздела контрреволюционного периода 1907–1914 гг.: с одной стороны — Столыпин с его готовностью «костью лечь», но не позволить «обездолить» 130 000 помещиков, со «стольпинскими галстуками» и «стольпинскими вагонами», а с другой — 100 миллионов крестьян и революционное движение.

Для Яковенко главное — подтвердить мысль о том, что реакция и охранительные меры лишь плодили анархию, способствовали раз-

²⁶ Семёнов Евгений Петрович (Eugène Sémenoff, настоящее имя и фамилия Соломон Мойсеевич Коган; 1861–1944), публицист и политический деятель.

²⁷ Франс А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 698–699.

²⁸ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1956. Т. 76. С. 7.

ложению и приближали революцию. В соответствии со своим обещанием только рассказывать о событиях с определенной точки зрения философ дает свою картину событий: показывает бессилие охранителей, церберов самодержавия, говорит о том, что чем больше душили, давили, громили движение против царской монархии, тем грознее надвигался революционный финал. Газетное происхождение названий многих глав этой части — несомненно.

И во второй части ощущается, что главным источником для Яковенко были публицистические материалы, газетные и журнальные статьи, которые он старается использовать в полной мере: например, для раскрытия атмосферы и настроений в период, о котором идет речь, он обращает внимание на появление новых газетных рубрик, рассказывающих о слухах...

Вторая часть — более стенографична, тезисна, грешит недоговоренностью. Отсутствие развернутых характеристик, делающее книгу не совсем понятной читателю, отнюдь не облегчает понимание события, эпизода или оценки, данной Яковенко. Например, не каждый историк поймет, о какой именно статье идет речь и что именно вызвало возмущение Яковенко в одной из публикаций «Новой жизни» («...в горьковской “Новой жизни” была сделана оскорбительная попытка оклеветать союзные правительства, тоже потребовавшие вмешательства и разъяснений правительства»²⁹).

Хотя все симпатии Яковенко были на стороне А.Ф. Керенского, он не изменил исторической правде и показал бесславный конец и самого Керенского, и возглавляемого им Временного правительства, закономерность потенциальной, а затем и реальной капитуляции перед большевиками. «В отставку!» — таков был ответ на выступление Керенского, в котором тот сообщал о ходе подготовки большевиков к восстанию и просил поддержать Временное правительство в Предпарламенте 24 октября 1917 г. Так неожиданно, оставляя впечатление оборванности, незавершенности, заканчивается вторая часть «Истории...» Б.В. Яковенко. Неожиданно? Да, неожиданно. Но разве не столь же неожиданно для тех, кто привык к смещению внимания к событиям октября 1917 г., и окончание книги И.З. Штейнберга, приведенной в списке литературы? А разве не писал Л.Д. Троцкий, который в октябре 1917 г. был председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в брошюре «1917: Уроки Октября» о том, что победоносное восстание началось с того момента, как Петроградский совет отказался вывести из Петрограда две трети гарнизона на фронт, т.е. уже 9 октября. «Восстание 25 октября имело только дополнительный характер»³⁰, — утверждал Л.Д. Троцкий.

²⁹ Наст. изд. С. 281.

³⁰ Троцкий Л. 1917: Уроки Октября. Берлин, б.г. С. 41.

Сравнение Февраля и Октября, отношение Б.В. Яковенко к большевизму и Октябрьской революции уже было сформулировано и опубликовано в его «Философии большевизма» (Берлин, 1921): «В марте 1917 года мы слышали только революционный лепет “медового месяца” и видели только робкие шаги родившегося общественно-политического обновления; буря пришла потом и только на мрачном и зловещем большевистском небе засверкали ослепительные зарницы. Мартовская революция была чиста и хороша и телом, и духом, но — увы, — она оказалась импотентна; октябрьская революция показала отвратительное лицо и оскаленную маску и окуталась клубами духовного смрада и окунулась в море преступлений; но она и зачала, и родила, и растит... пусть в муках и проклятии, но растит невиданное дитище»³¹.

Часто увлекаются, преувеличивая описание ужасов революционных событий, того, от чего встают волосы на голове. Не задаются даже простейшим вопросом: а могло ли быть иначе после революции, которая возникла в стране, измученной и искалеченной мировой войной, после небывалых и неповторимых лет Гражданской войны? Б.В. Яковенко писал: «Именно в большевизме русская революция установила в России советский строй, именно в большевизме она повергла там наземь капитализм и растоптала принципы собственности, именно в большевизме сейчас ищем мучительно и подчас так гнусно какого-то примирения между ценными еще элементами “старого” и самоутвердившимися уже властно элементами “нового”. Такова непредвзятая историческая действительность самого недавнего прошлого и сегодняшнего дня; и если не хочешь зарывать голову в песок или кривить душою, ее необходимо признать и принять, как она есть»³².

Заключительные аккорды «Философии большевизма» дают четкое представление о понимании Яковенко значения русской революции и ее роли в свержении капитализма: «Все доброе и ценное в человеческой истории всегда рождалось и развивалось в атмосфере злого и отвратительного, с ним смешиваясь и срастаясь. И участь эта не миновала ни одной из революций, т.е. ни одного из борений за свободу. Но разве не означают, — так может настаивать нам воображаемый оппонент, — террор, восстановление политического сыска, расцвет милитаризма под новым соусом и полное экономическое расстройство страны, — каковыми характеризуется как раз большевистский период русской революции, — разве не означают они глубокого внутреннего разложения ее, ее саморазрушения, ее самоотрицания, ее краха? И да и нет, ответим мы одновременно. Да — если брать

³¹ Цит. по: Яковенко Б.В. *Мощь философии*. СПб., 2000. С. 922.

³² Там же.

вещи аккуратно, не ставя нынешних революционных событий в связь с более широким историческим процессом человечества; нет — если посмотреть на них с точки зрения всего предыдущего столетия и намечающихся очертаний грядущего. Русская революция уже победила по существу, и победила именно как большевизм, как реконструкция мира на новых началах свободы, труда, личности и государства, но в конкретной реализации своей победы она будет, несомненно, задержана именно благодаря своему начальному внешне-конкретному уродливому проявлению в форме террора, насилия, милитаризма и экономического развала, которые играют только на руку врагам русской и большевистской революции»³³.

До конца своих дней Б.В. Яковенко продолжал отстаивать свое понимание русской революции. В наброске, который датирован 1933 г., он утверждает: «Смысл ее (русской революции. — А.Ш.) — ценой каких бы то ни было жертв и страданий достичь справедливости и дать человечеству счастье. ...Можно ли сомневаться, кто продолжает христианскую культуру? Т.е. культуру человечества?»³⁴ В полном немецком тексте подготовленного философом реферата для X Международного философского конгресса в Амстердаме в 1948 г. имеется следующее утверждение: «...то, что происходило в России последние 30 лет, несомненно, имеет принципиальное и решающее значение для ближайших и дальнейших судеб всего человечества»³⁵.

В чем достоинство работы Б.В. Яковенко, почему имеет смысл ее издание в наши дни? Может ли она открыть что-то новое для нас, располагающих необозримым количеством источников и большим числом трудов, посвященных истории трех революций в России, материалами по истории Гражданской войны и т.д.? Или же она интересна только как дошедшее до нас из прошлого свидетельство определенного понимания событий, как исторический документ? Пусть на этот вопрос ответят добросовестные историки, способные подняться до философского понимания событий тех судьбоносных для России и мира лет. Русский вариант «Истории Великой русской революции» был подготовлен в июле 1922 г., т.е. не только после краха Временного правительства, но и после поражения иностранной военной интервенции и победы Советской России в Гражданской войне. Можно утверждать, что, сколько бы ни было опубликовано мемуаров и философских трудов — религиозных и нерелигиозных, сколько бы ни было написано исторических работ о русской революции — они не смогут опровергнуть того, что «старый мир» не только потерпел военное по-

³³ Там же. С. 923.

³⁴ АЯ. Ед. хр. 166.

³⁵ АЯ. Ед. хр. 61.

ражение, но и не смог ничего значимого и убедительного противопоставить большевикам ни идейно, ни нравственно. Была проиграна битва за сердца и умы.

В программной статье первого номера пражского «Логоса» (1925) Яковенко писал: *«Русская революция представляет собою несомненный водораздел в жизни нашего поколения, делая невозможным возврат к старому в гораздо более глубоком смысле этого слова, чем это обыкновенно утверждается <...> Русская революция не только потрясающее разрушение, но и источник новой жизни и нового творчества. Как событие небывалого масштаба, оно для каждого из нас несет с собою новое и неиспытанное доселе чувство бытия»*³⁶. В этой же статье он призвал к философскому осмыслению революции. Этот призыв актуален и в наши дни.

Надеемся, что издание «Истории Великой русской революции» уточнит и углубит наше знание настроений, общественного мнения того периода в жизни России, будет интересно и полезно тем, кто хочет лучше понять и исторически вернее оценить события тех далеких лет, позволит дополнить новыми штрихами портрет Б.В. Яковенко — личности последовательной и не боящейся идти против течения, философа и историка, который сумел, руководствуясь спинозовским *non indignari, non admirari, sed intelligere*, т.е. — не негодовать, не восхищаться, но понимать, осмыслить революционные события в России.

А.М. Шитов

³⁶ [Яковенко Б.В.] Логос // Логос. 1925. Кн. 1. С. 16, 18.

с. VIII + 185

W. W. W. W.

Учреждение Бюро
Печать

~~Содержание~~

Содержание-материал печатный
и не печатный.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февральско-мартовская революция
и ее последствия

*Посвящаю этот труд памяти
покойной матери моей,
Клавдии Андреевны Яковенко,
с которой вместе всю жизнь
мы помышляли о Великой русской революции,
потом тревожно и горестно переживали ее,
потом кляли и оплакивали,
но все же сумели понять и простить.*

Рим, июль 1922

Предисловие к первому выпуску

От автора

Может быть, справедливо было бы озаглавить три выпуска, составляющих настоящую работу, менее претенциозным образом, назвав их «Очерком истории Великой русской революции». Но я предпочитаю более ответственный заголовок, потому что в основе этих выпусков лежит большой шеститомный труд, предпринятый мною два с половиной года тому назад для итальянской печати. Мне удалось довести этот труд в таких размерах только до половины, ибо итальянскому издательству, побудившему меня к этой работе, оказалось не под силу «поднять» его, и, по его же предложению, я должен был удовольствоваться переизложением всего материала в рамках одного большого тома. Настоящее русское издание является переделкой и приспособленным сокращением этого тома; следовательно, основывается на том же материале и на той же его разработке; и потому, по моему, заслуживает и более ответственного заголовка.

Так как настоящая работа рассчитана на широкую публику, и в этом смысле я не считаю ее научным трудом (хотя она и является результатом научного исследования), я воздерживаюсь от загромождения ее не только какими-либо историческими изысканиями, но и примечаниями, справками и библиографией. Что касается до источников, скажу только, что главным материалом при составлении настоящего выпуска мне послужили, конечно, наборы крупнейших русских политических газет и лучших толстых литературно-политических журналов за 1909–1917 гг. Был использован также и ряд книг и брошюр, либо прямо трактовавших с той или иной стороны об этой эпохе, либо для нее характерных. В общем, в моем распоряжении был большой материал, и сожалеть приходится лишь о том, что узкие рамки работы не позволили использовать его более обстоятельным и детальным образом.

Рим, июль 1922 года

Предисловие ко второму выпуску

«История не ищет законов и не образует понятий; не индуцирует и не дедуцирует, она предназначена *ad narrandum*, non *ad demonstrandum*¹; не строит она универсалий и абстракций, но поставляет интуиции; *individuum omnimodo determinatum*^{II} есть ее область, как является и областью искусства. Потому история подходит под общее понятие искусства»^{*1}.

Однако, с другой стороны, в противоположность всем основным формам и сферам искусства, она пользуется почти исключительно при достижении этой своей задачи не красками, не звуками и даже не образами, а представлениями и понятиями. И в то время как другие произведения искусства претендуют только на объективность прекрасного, история мало думает об этой последней и претендует, главным образом, на объективность истинного. Она стремится интуировать и рассказать то, что было на самом деле. В этом смысле история подходит также под понятие науки. В конечном счете она представляет собой, стало быть, некоторое промежуточное образование между искусством и наукой, между прекрасно-интуитивным и истинно-действительным. Это художественная деятельность в научных целях и вместе с тем научная деятельность в художественных целях. И, значит, это не настоящее искусство и не настоящая наука. Ибо художественность в ней нарушается рационализмом, генерализмом и объективизмом понятия, а научность искажается эмпиризмом, индивидуализмом и субъективизмом образа.

Про историю можно сказать прекрасно, перефразируя знаменитое утверждение Фихте² относительно философии — и, конечно, с гораздо большим на то правом: «что за историю выберешь ты, это зависит от того, что ты за человек». Ибо во всякой истории, сколь бы ни был совершенен используемый ею научно-познавательный аппарат, всегда подоплека, база, будет

¹ к повествованию, а не к доказательству (*лат.*)

^{II} всецело определяемая индивидом (*лат.*)

* Benedetto Croce. *Filosofia dello spirito I: Estetica.*

личная, индивидуальная, субъективная. Пусть передаваемый ею материал будет безукоризненно точен и достоверен; то, как он будет передаваться и излагаться, неизбежно будет запечатлено личностью трактующего, его основными оценками, вкусами и интуициями, его личным положением в мире и по отношению к миру.

Памятуя об этом и желая быть до конца искренним и перед собою, и перед читателем — в данном случае особенно перед ним, дабы дать ему возможность сразу же правильно ориентироваться в предлагаемой его вниманию истории Великой русской революции, — я считаю своим долгом наперед указать в общих чертах, в чем состоит мое субъективное отношение к излагаемым тут явлениям и событиям.

Прежде всего, я принадлежу к тому поколению русских людей, которое унаследовало дело подготовки революционного взрыва от двух предыдущих поколений и подобно им израсходовало свои лучшие интеллектуальные силы на это дело.

В моих жилах течет кровь революционеров. Моя мать уже восемнадцатилетней девушкой под конвоем двух жандармов скакала денно и ночью тысячу верст в архангельскую ссылку по снежным бесплодным равнинам Русского Севера, при сорокаградусном морозе. Дух революционности вошел в меня с первых же дней моей сознательной жизни и сделался одним из основных элементов моей души — и если я потом практически непродолжительно и мало принимал участие в конкретной революционной работе, то духовно и теоретически я всегда жил идеей освобождения России от политического и социального гнета и протестом против всех форм сковывавшего ее самодержавного рабства. Мудрено ли, если зрелище разразившегося катаклизма будит во мне, рядом с чувством ужаса, горя и отвращения перед ее низменными, дикими и безнравственными проявлениями, также и чувство глубокого удовлетворения ввиду достигнутого разрешения поставленной великой задачи, а также энтузиазм перед мощно открывающимися в силу этого беспредельными перспективами в будущем? Русская революция есть также и мое детище; и я не могу, в конечном счете, смотреть на нее иначе как любящими, верящими и прощающими глазами матери.

Во-вторых, и моя жизненная философия есть философия революционная, философия всесторонней и всеобъемлющей

свободы. Свободная личность, творящая добро в рамках свободного общества, на базе свободного труда, — вот, по-моему, то, чего надлежит достигать человеку, достижение чего составляет смысл жизни, и, соответственно, я способен и согласен понимать и историческую жизнь человека и человечества лишь как сильное выявление и утверждение ими добра в атмосфере борьбы свободы с необходимостью, насилием, эгоизмом и произволом. Я, стало быть, решительно отвергаю материалистическое или узкоэкономическое понимание и жизни, и истории. С моей точки зрения, материя (экономика) как таковая не имеет и не может иметь значения фактора в истинно-человеческой жизни и истории: это — только та внешняя среда или та почва, в которой и на которой они разыгрываются: не больше! Играть там действительную роль материя может лишь в том случае, если одухотворяется, осмысливается идеями. Рычаги, факторы и мотивы жизни и истории — все до единого духовно-идеального порядка; самый труд является в жизни и истории человеческой могущественным фактором лишь постольку, поскольку он одухотворяется там, оплодотворяется и осмысливается великими идеями свободы и добра и действует у них в полнейшем подчинении.

Отсюда следует, в-третьих, что я совершенно не приемлю концепции и метода так называемой «борьбы классов». Это ведь только несколько улучшенное и потенцированное переиздание узкоэгоистического и индивидуалистического материализма. Конечно, экономический эгоизм класса лучше и духовнее материалистического эгоизма отдельного индивидуума; конечно, эгоизм огромного класса пролетариев, объединяющих в себе всех угнетенных работников, лучше и духовнее эгоизма малочисленного класса капиталистических угнетателей, но, глядя в корень вещей и копая до самой глубины человеческой жизни, и классовая борьба пролетариата за свои экономические и социальные интересы и права есть все-таки, в конце концов, борьба по-прежнему эгоистическая и потому не настоящая, не безусловная борьба за свободу человека. И революция, ею производимая, есть не настоящая и не безусловная революция, или, вернее, то выражение и направление, которое она сообщает революции, недостаточно революционно. Настоящая революция должна быть и только и может быть, прежде

всего и по преимуществу, революцией внутренней, духовной, нравственной, революцией в сознании и душе человека и человечества; революцией, в равной мере направленной на свободу и нравственное самоутверждение каждого человека и человечества без исключений; преобразованием их из игры материалистических интересов и арены эгоистического насилия и произвола в среду утверждения всецелой свободы и подлинного добра. Нравственный переворот, духовное перерождение — это главное; остальное прилагается само собою, как следствие; и — увы! — не наоборот. И что это именно так, нагляднее всего показывает сейчас наша русская социально-политическая и общекультурная действительность: русская революция в ее целом является громадным, великим сдвигом по направлению к завоеванию и утверждению истинной свободы и справедливости, но она с самого же начала искажена была и остается материалистически-эгоистической схемой ее внешнего ведения и проложения. Ее величайшее социально-политическое и культурно-духовное содержание унижено, сплющено, окурджено и загажено эгоистически-насильственным методом ее осуществления. Победив безусловно для будущего, она обнаруживает в настоящем все признаки смерти, все симптомы реакции.

Дух человеческий, дух добра и свободы, рванувшись ввысь и потянув туда все и вся за собою, снова оказался стиснут и сперт в прокрустовом ложе эгоистического материализма. И ясно, что в таком случае долг всякого истинного поборника свободы и духа, всякого подлинного и искреннего революционера состоит сейчас в том, чтобы снять с достигнутого так безжалостно облепившую его и уродующую материалистически-эгоистическую оболочку и дать выявиться ему во всей своей подлинной революционности и во всей своей нравственно-идеалистической красе.

В-четвертых, я всегда практически становлюсь на сторону тех общественных и личных тенденций, которые заключают в себе, в каждый данный момент и при данных конкретных условиях, максимум здравого и практически осуществимого революционного идеализма. Я такой же противник доктринерской крайности влево, как и реакционной рутины справа. Я знаю хорошо, что добро конкретно и практически рождается и живет во зле, а свобода осуществляется и укрепляется в атмосфере наси-

лия и произвола, и потому я считаю наиболее революционным и идеалистическим требовать в каждый данный момент осуществления только такой свободы и справедливости, которые практически и технически осуществимы в данных конкретных условиях, памятуя, что доктринерское насильственное осуществление даже самых возвышенных и благих намерений не только совершенно призрачно, не только не достигает своей цели, но отбрасывает человечество назад и отнимает даже те формы свободы и добра, какими оно обладало в тот момент, когда над ним был произведен произвольный опыт. Я сторонник в конкретной жизни, так сказать, метода среднего или теоретически-минимального и практически-максимального идеал-революционизма.

И следуя этому моему мироощущению и миропониманию, я, естественно, был на протяжении всего периода «великой войны» решительным поборником Четверного согласия³. Центральные державы⁴ являлись в моих глазах оплотом европейской реакции, а возможная их победа — угрозой самому существованию европейского демократизма, европейской свободы. Разумеется, от моих взоров не укрывались многочисленные, и даже слишком многочисленные, реакционно-материалистические тенденции, проникавшие собой <в> западноевропейские демократии (не говоря уже о царской России), и я, конечно, хорошо понимал, что происходившая борьба в немалой степени была борьбою противоположных эгоистических интересов самого низменного, утилитаристического, наживного порядка. Но, при всем том, для меня оставалось несомненным, что, по воле судеб, борясь за свои наживные интересы, Четверное согласие боролось в то же время и за величайшие идеи человечества, за свободу и справедливость. Конечно, такое совпадение было совершенно случайно, и при других обстоятельствах или в другую эпоху оно могло бы принять (да и принимало) совсем другие и даже противоположные формы, но от этого самый факт именно такого совпадения в данном случае не переставал быть фактом. Четверное согласие, достаточно реакционное у себя дома, боролось за свободу против абсолютно реакционной в тот момент и вовнутрь и вовне Пан-Германии. Правда, во имя истинной свободы и справедливости можно было бы занять спокойно-нейтральную позицию, одинаково сторонясь

обоих эгоистических соперников. Это можно было сделать либо, так сказать, совершенно умывая руки по отношению к данному периоду жизни человечества, что, по-моему, было бы просто античеловечно и означало бы сухо-формалистическую заботу о высоких идеалах, сочетаемую с самым грубым материальным эгоистическим эгоизмом. Либо последовать за Циммервальдом⁵ и, во имя достижения свободы и справедливости, направить против «великой войны», в лице обоих соперничающих и бьющихся крыльев, струю социально-политической революции, что, по-моему, благодаря обстоятельствам тогдашнего момента, могло фактически легко оказаться прямой помощью Германии и чем во всяком случае до неимоверности усложнялась и запутывалась и без того уже сложная и запутанная ситуация, ибо к конфликту между буржуазно-демократическими и буржуазно-реакционными интересами присоединился бы таким образом еще общий конфликт между интересами вообще буржуазными и пролетарскими, конкретно выражавшийся в столкновении между войной и революцией. Между тем я полагал, что столкновение между войной и революцией ни к чему доброму ни для той, ни для другой стороны повести не могло бы. Я боялся, что некоординированная, обособившаяся и разыгравшаяся вовсю революция обессилит настолько Соглашение фактическим военным выпадением России, что ему придется сложить оружие или, по меньшей мере, примириться с пангерманистской диктатурой в середине Европы (которая затем не преминула бы ликвидировать и русскую революцию и вообще сдвинуть социально-политическое состояние Европы значительно вправо). Но если бы даже этого и не произошло и Соглашение и при таких условиях одержало бы верх над Германией, — все равно, по моему глубокому убеждению, отрыв русской революции от противогерманской борьбы и сосредоточие ее на себе самой и на социальном самоутруждении могло только и только отразиться на победоносной Западной Европе забвением демократических лозунгов союзнической борьбы с Германией и расцветом материально-наживных интересов. Думая так, я руководствовался, конечно, не марксистским пониманием истории, а главным образом психологией человека и человечества, как в настоящую эпоху, так и на всем протяжении истории; и дальнейшие события показали крас-

норечиво, как я был прав. Русская революция, действительно, погубила войну как прогрессивный и идеалистический фактор. Вместо осуществления возвышенных демократических лозунгов, она, найдя свое внешнеполитическое завершение в Брест-Литовском мире, сделала возможным, как его логическое следствие, Версальский мир. Ибо при виде того, как самые крайние идеалисты (русские революционеры) втаптывают в грязь всяческий социальный и политический идеализм, западноевропейские представители наживы и капитала, конечно, без церемоний распоясались... Но не только революция погубила войну, а и война погубила, в свою очередь, революцию. Прежде всего она потребовала от революции громадной затраты ее собственных сил, которые могли бы, при других обстоятельствах, быть затрачены на организацию самой революции и разрешение ее главнейших задач; во-вторых, она послужила чрезвычайно благоприятной почвой для острого взаимостолкновения двух основных крыльев революционного движения: правого и левого, в форме конфликта между оборончеством и пацифизмом, а следовательно, и для внутреннего разложения революции, которое вскоре же позволило вновь возродиться войне, выродившейся, таким образом, из внешней борьбы в гражданскую. Революция захлебнулась в войне и, в конце концов, была вынуждена отказаться почти от всех лозунгов, с которыми выступила против нее: сначала она вынуждена была склониться униженно и опозориться перед германским империалистическим кулаком, уступив ему беспрекословно громадные русские территории; она должна была затем втянуть вновь русский народ в самую изнурительную гражданскую бойню, установить самый насильственный и антидемократический способ управления страной, и, наконец, в завершение всего, на развалинах бывшей России она вынуждена была заняться постепенным восстановлением (старого государственного) капитализма, после того как своими эксцессами, неудачами и преступлениями толкнула Западную Европу решительно на путь реакции (что с такой наглядностью демонстрируется, скажем, примером Италии). Предвидя все это, я был во время войны, в-пятых, противником немедленной революции в России: я считал, что сначала надо было довести до победного конца борьбу с реакционным пангерманизмом и осуществить зада-

чи, поставленные союзниками; мне представлялось, что изменение русского политического режима произойдет неизбежно само собою при окончательной ликвидации последствий войны. Когда же революция произошла в самый разгар войны, я, естественно, стал горячим поборником введения ее, так сказать, в военное русло и подчинения руководству Временного правительства и еще более горячим, чем прежде, противником циммервальдизма и проистекавшего из него конкретно двоевластия или, вернее, безвластия. Нужно было как можно скорее ликвидировать войну и наиболее выгодным для революции образом. Для этого был путь один: напрячь все народные усилия и быстрым натиском победить вместе с союзниками пангерманизм. Тогда бы, пользуясь своим престижем и весом, можно было установить в Европе справедливый мир, соответствовавший лозунгам Согласия и в существенном (оставляя ничтожные детали и мелкие несправедливости в стороне) близкий минимальным циммервальдистским формулам «мир без победителей и побежденных» и «мир без аннексий и контрибуций»; а затем перейти уже к постепенному осуществлению на родине через Учредительное собрание подлинного социалистического народовластия. Судьба решила иначе; события последовали за Циммервальдом, и Россия, пережив и неудачи пораженческого прекращения войны, и неудачи большевистского осуществления немедленной социальной революции, оказалась вновь у традиционного разбитого корыта...

Я нарочно пространно остановился на тех моих отчасти философских, отчасти жизненных, отчасти общественно-политических взглядах и убеждениях, которые безусловно субъективизируют мое изложение хода Великой русской революции. Мне хочется теперь сказать два слова о тех, так сказать, технически-объективистических элементах, которые до некоторой степени уравнивают такой субъективизм. А именно я, во-первых, не был ни непосредственным участником, ни непосредственным свидетелем революции: я участвовал в ней здесь за границей: наблюдал и изучал ее из-за границы, из Италии. Я считаю, что это большой плюс, ибо это дает мне до известной степени историческую перспективу, заменяя собою те 25, или 50, или 100 лет, которые, по мнению некоторых патентованных и слишком академических историков, необходимо должны

протечь прежде, чем следует приступать к историческому изображению событий. Впрочем, сам я отнюдь не разделяю такой точки зрения: ведь понадобилось, чтобы прошло более ста лет с тех пор, как Дантон⁶ сложил на гильотине свою буйную голову для того, чтобы установить наконец устами и трудами А. Матье⁷ его настоящую роль в тогдашних событиях и его подлинный, далеко не идеалистический революционно, облик, между тем как в течение этих ста лет истории Великой французской революции преспокойно писались при совершенно ином о нем представлении (чему блестящий пример Олар⁸).

Разумеется, неточности найдутся и у современных историков Великой русской революции и, в частности, и у меня — и, конечно, в немалом количестве, но это меня нисколько не смущает: с течением времени они будут исправлены либо другими, либо мной самим: сейчас же важно дать целостную картину, построенную в исторической перспективе и на основании ныне представляющихся точными данных. При всем том держу надеяться, что такой огромной и фундаментальной неточности, какую, как оказывается, страдали почти все истории Великой французской революции относительно Дантона на протяжении XIX столетия, в моей истории все же не найдется.

Вторым существенным залогом моего «объективизма» является моя непринадлежность ни к какой партии. Таким образом, надо мной не довлеет никакой партийной программы или схемы, и во мне не могут говорить ни искреннее увлечение, ни официальная лживость и надменность победителей, ни чисто-сердечное негодование или злоба и зависть побежденных. Мне не в чем оправдываться ни перед самим собою, ни перед другими и некого и не в чем обвинять. И в проведении такого отношения к делу мне помогает, как нельзя более, моя привычка к научной работе, приобретенная мною в течение двадцати лет занятий философией и являющаяся третьим важным «объективистическим» элементом в этом историческом трактовании. Я чужд вообще публицистики, лишенной научной подготовки, и надеюсь, что избег ее и тут, поскольку публицистика вообще входит неотъемлемой частью во всякую идейную (не только хронологическую) историю.

Как и при разработке первого выпуска, так точно и в данном случае мною был использован обширный газетный, жур-

нальный и книжный материал (не только русский, но и иностранный), который когда-нибудь, надеюсь, мне представится случай использовать более исчерпывающим образом. Среди книг, оказавшихся мне полезными, хочу указать сейчас на нижеследующие: N. Roubakine. *Qu'est-ce que la révolution russe?* (Genève — Paris, 1917); V. Victoroff-Toporoff. *La première année de la révolution russe. Mars 1917 — mars 1918* (Paris — Zurich, 1919); A.J. Sack. *The Birth of the Russian Democracy* (New York City, 1918); E.H. Wilcox. *Russia's Ruin* (London, 1919); И. Штейнберг. От февраля по октябрь 1917 г. (Берлин, 1921); А. Керенский. Дело Корнилова (Москва, 1918); К. Оберучев. В дни революции (Нью-Йорк, 1919); B. Kritchevski. *Vers la catastrophe russe* (Paris, 1919); В.Б. Станкевич. Воспоминания 1914–1919 гг. (Берлин, 1920); В. Винниченко. *Відродження нації* (3 т., Видень, 1920); П. Христюк. *Замітки і матеріали по історії української революції* (2 т., Видень, 1921).

Особенно важной, прямо-таки фундаментальной для всякого историка Великой русской революции является, по-моему, вышеуказанная книжка Керенского⁹, в которой, несмотря на ее совершенно бессистемный, разбросанный характер, выступают явственно все основные факторы революционного процесса в его наиболее критическом и решительном периоде и дается в общем правильная их интерпретация.

Этого моего взгляда на книжку Керенского я не изменил и после ознакомления с обширными сочинениями (прочитанными мною — увы! — лишь после написания настоящего выпуска^{*}: П.Н. Милюкова *История второй русской революции*, 2 ч. София, 1921–1922; ген. Деникина *Очерки русской смуты* (2 ч., Париж 1921); Н. Суханова *Записки о революции*^{**} (2 т., Берлин 1922)^{***}; ибо каждая из них, против воли ее автора, по-своему, доказывает справедливость картины, раскрывающейся из книжки Керенского; и все вместе, взаимно нейтрализуя свои крайности, возрождают невольно то же самое представление.

^{*} Что позволило мне их использовать в гораздо меньшей мере, чем хотелось бы.

^{**} Которые мне посчастливилось прочитать (и большое спасибо за это автору) в корректурах.

^{***} Не говоря уже о воспоминаниях ген<ерала> Лукомского, напечатанных в «Архиве русской революции» (кн. II и V. Берлин, 1921–1922).

Такой результат не так-то странен по отношению к труду Миллюкова¹⁰, в котором ученый историк если и не всегда превозмогает партийного политика, то все же постоянно находится с ним в борьбе и тем разоблачает правильную точку зрения; не так он странен и по отношению к сочинению ген<ерала> Деникина¹¹, которого присущие ему простодушие солдата и политико-публицистическая неопытность выдают головой. Зато он тем неожиданнее в отношении к публицистически-историческому труду Суханова¹² (который, кстати сказать, является едва ли не самым жизненным, ценным, интересным и талантливым из всего того, что пока вообще написано было о Великой русской революции). Тем не менее это так: записки Суханова как нельзя более подтвердили мне правоту моего убеждения в том, что, губя войну, революция погубила и самое себя; и что все то нравственное и социально-политическое фиаско, какое пришлось пережить нам всем за 1917–1922 годы и которое мы продолжаем изживать и сейчас еще, гнездится, в первую голову, в изначальных циммервальдийских формулах-лозунгах.

Рим, июль 1922

Часть первая

РАЗЛОЖЕНИЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Глава 1

СТОЛЫПИНИАДА

Гибель Столыпина

1-го сентября 1911 года в Киеве во время торжественного спектакля, на котором присутствовал царь, председателю Совета министров и министру внутренних дел П.А. Столыпину¹³ были нанесены две огнестрельные раны. Одна из них оказалась тяжелой, и 5-го сентября Столыпин скончался.

При опознании покушавшийся оказался помощником присажного поверенного округа Киевской судебной палаты, Дмитрием Григорьевичем Богровым¹⁴, 26 лет¹⁵. По национальности еврей, по своему происхождению и материальному положению преступник принадлежал к высшему слою киевской буржуазии.

По официальному заявлению киевского городского головы, билет на то место, которое занимал Богров, находился в распоряжении охранной полиции. Место это было в партере, куда допущены были во время торжественного спектакля 1-го сентября лишь сановники и чины охраны. Далее выяснилось, что Богров состоял агентом Киевского охранного отделения; в качестве охранника он и присутствовал на торжественном спектакле.

Расследовать все это сложное дело было поручено немедленно сенатору Трусевичу¹⁶, который незадолго перед тем, сначала как прокурор, а потом как директор Департамента полиции, близко стоял к организации политического розыска; и при том как раз в то время, когда развернулась и завершалась деятельность Азефа¹⁷, знаменитого предшественника Богрова и на поприще провокации и предательства, и в делах параллельного этому организовывания покушений на представителей правительственной власти.

Что касается непосредственно самого преступника, то с ним было покончено быстро. Военный суд вынес ему смертный приговор в тот самый день, когда скончался Столыпин; и он был тотчас же с лихорадочной поспешностью повешен. По особому ходатайству и особому разрешению (с нарушением закона) на казни было позволено присутствовать представителям киевских черносотенцев — союзников и националистов, дабы они могли своими собственными глазами удостовериться в том, что казнен был не кто-нибудь другой, а именно убийца Столыпина. После казни они разобрали между собой на память куски веревки...

Петр Аркадьевич Столыпин занимает важное, первостатейное место в истории русской государственной и политической жизни. Он воплощает, олицетворяет, представляет собой целый и притом в высшей степени важный, решительный период русской истории. 1906–1911 годы этой последней могут быть названы эпохой «столыпинского правления».

В этом смысле Столыпин становится в уровень с другим выдающимся деятелем России в новейшие времена, гр<аф> С.Ю. Витте¹⁸, присутствием которого у власти и государственным новаторством которого была запечатлена и проникнута в немалой мере непосредственно предшествовавшая эпоха.

Велика, однако же, чтобы не сказать более, разница между этими двумя первостепенными деятелями российской политической арены! Граф Витте — «Портсмутский примиритель»¹⁹; П.А. Столыпин — «русский объединенно-дворянский каратель» и «усмиритель». Гр<аф> Витте — «отец русской конституции»; П.А. Столыпин — «человек третьего июня». Гр<аф> Витте — творец, созидатель; П.А. Столыпин — разрушитель, ликвидатор. Гр<аф> Витте — реформатор, умеренный конституционалист; П.А. Столыпин — реакционер чистейшей воды, верный слуга царского режима. Гр<аф> Витте — сторонник лозунга «сначала реформы — потом успокоение»; П.А. Столыпин — осуществитель лозунга «сначала успокоение — потом реформы». Гр<аф> Витте — ловкий и хитрый negociator и дипломат; П.А. Столыпин — прямолинейный, решительный, авторитарный правитель. Гр<аф> Витте — государственный статист скорее западноевропейской закваски; П.А. Столыпин — яркий, типичный представитель русского

служилого дворянства. Гр<аф> Витте — немец по крови, разночинец по сословному положению, сам своими силами взошедший на вершину власти; П.А. Столыпин — коренной русский, барин, дворянин и помещик, перед которым сама собою, в силу родовых связей и традиций, открывалась государственно-управительная карьера. Гр<аф> Витте — автор «водочной» реформы²⁰, стабилизации продажи спирта, ценою алкоголизации русского народа все же поднявший и укрепивший русские финансы. П.А. Столыпин — автор закона, направленного на искусственное разрушение одного из главнейших устоев русского народного бытия, аграрного коммунизма, общины, — закона, который ухудшил состояние и положение деревни. Перед растущей революционной волной гр<аф> Витте испугался, спасовал и ретировался; П.А. Столыпин встретил ее грудью и в ответ на покушение смело и гордо бросил свое знаменитое «не запугаете!». Гр<аф> Витте в конечном счете уберется от насильственно-революционной смерти; П.А. Столыпин пал на своем государственном посту от пули полупровокаatora, полуреволюционера. Но, при всем этом чрезвычайном различии, между гр<афом> Витте и П.А. Столыпиным было все же в одном пункте и не менее чрезвычайное сходство, даже тождество. Они оба были до мозга костей, до кончика ногтей своих, людьми бюрократического пошиба, темперамента и сознания. Они оба были типичными представителями всесильной русской бюрократии, ее защищали, ее именем правили, ее богам молились. И их обоих она настолько оканцелярила, обесцветила, обезличила, что ни один из них не возвысился до великой задачи, поставленной ему судьбою и временем. Столыпин был до мозга костей чиновником, и сверх того, он был от головы до пят поместным дворянином. Таковы были те политически-государственные оглобли, в которые его поставила от рождения судьба и из которых он никогда не выходил. Они-то и сделали из Столыпина в конце концов лишь выдающегося государственного «преследователя» революции, а его реформаторское дело превратили в бесконечный и бесплодный процесс бюрократического «успокоения» или даже «усмирения». «Я, прежде всего, верноподданный моего Государя и исполнитель его предначертаний и приказаний», — заявил он еще в 1906 году одному интервьюеру, лапидарно выразив таким образом ту границу, ко-

торая была поставлена его «реформаторству», его «конституционализму» и вообще самодеятельной государственной энергии его собственным бюрократическим и дворянским сознанием. Конституция — да, существовала для него, но лишь как дар самодержавной власти. Он ее признавал и готов был соблюдать и почитать, но лишь в тех формах и до тех пор, в каких и до которых того хотела самодержавная власть.

И дальше «служения» самодержавию, — не стране и народу, — и стоявшим за спиной самодержавия 130 тысячам помещиков-дворян, составлявших его плоть и кровь, его душу и сущность, его деятельность никогда и на самом деле не заходила.

Режим государственной провокации

Гибель Столыпина имеет глубоко символическое значение. Ибо это — итог, фацит всей его социально-политической деятельности, всего его государственного дела, а отчасти и — социально-политической жизни его страны. Итог, фацит и — осуждение!

Прозорливо и глубокомысленно прозвучало в те дни оригинальное и смелое в своей оригинальности слово черносотенной «Грозы»²¹: «Что посеешь, то и пожнешь! Культивируя провокаторство, Столыпин пал его жертвой». И не менее прозорливо и заслуженно было дальнейшее прибавление: если Столыпину поставить памятник, то почему не поставить памятника Евно Азефу, которому Столыпин столь покровительствовал?

Схематизируя деятельность Столыпина в самых общих чертах, — главные ее этапы можно представить себе следующим образом. Сначала была такая видимость, что не только карьеру, но и государственное дело намерен сделать Столыпин: уменьшить глубину народного недовольства и создать компромисс, при котором легче бы было поддерживать равновесие. «Успокоение и реформы» — такова была его первоначальная программа. Все первое междудумье наряду с военно-полевыми судами спешно работали также и канцелярии, и Вторая Дума была завалена законопроектами. Но время шло, освободительное движение затихало; с реформами спешить было нечего. Началось второе междудумье, и столыпинская программа получила новый вид: сначала успокоение, потом реформы. На-

конец, при Третьей Думе выяснилось, что успокоение можно продолжать до бесконечности, а что касается до реформ, то их можно и совсем не проводить или заменить удобными суррогатами. Дальше пошло и совсем откровенно: начались «нажимы» не только в угоду сословных прихотей, но и ради личного — его Столыпина — самодовольствия.

Столыпинский период русской истории есть воистину период «бесконечного успокоения» и потому и период непрерывной, систематической правительственной и государственной провокации. Для того чтобы длить до «бесконечности» успокоение, необходимо было наличие столь же бесконечно длящегося «беспокойства». И так как народная Россия, наоборот, успокаивалась и даже готова была совсем успокоиться при малейшем намеке на действительное осуществление обещанных и царем, и правительством реформ, — необходимо было искусственно держать ее в состоянии беспокойства, «заставлять» ее беспокоиться. Что же могло посодействовать этому лучше возможно более полной ликвидации дарованных было свобод, возможно более полного возврата к недалекому еще и всем памятного реакционному прошлому, возможно более широкого проведения в жизнь правительственного и сословного произвола? И что могло послужить для этого лучшим орудием, чем бесчеловечная бюрократия и давно уже искусившаяся в такого рода занятиях полиция и «охрана»?

«Правительство в плену у шпионов», — громил с думской трибуны Столыпина В.А. Маклаков²². Да, но оно пошло в этот плен добровольно, если даже не нарочно, ибо таков был для него наиболее удобный, наиболее надежный и, возможно, наиболее приятный *modus vivendi*¹. Ведь только так могла оправдывать и одновременно проявлять свое существование господствовавшая бюрократия!

Она хотела во что бы то ни стало существовать и при том существовать именно как господствующее, руководящее начало, но для этого она должна была старательно поддерживать в действии бюрократическое «*perpetuum mobile*»² реакционного режима. Столыпин, в сущности, не внес в это дело ничего ново-

¹ образ жизни (лат.)

² вечный двигатель (лат.)

го и оригинального: он продолжал просто ту же игру, которую вели до него Плеве²³, Витте и Горемыкин²⁴. Вспомним хотя бы правительственную декларацию этого последнего в Первой Государственной думе, суть которой можно формулировать так: «уступки сделаны, автократические формы государственности заменены представительными, но то решение важнейших государственных вопросов, какое представляется желательным и необходимым большинству представителей населения, недопустимо». Значит: хоть око видит, да зуб неймет! Ну не явная ли это государственная провокация?

Если Столыпин что и принес от себя в эту антинародную, народоборческую политику, то только — ее обострение. Машина была уже налажена задолго до этого, он только довел в ней пары до высшего напряжения.

Защита помещика

Разумеется, этот сокровенный смысл бытия бюрократической государственности никогда не афишировался открыто ее представителями. Не афишировал его тем более и такой ловкий и азартный политический игрок, каким был, если и не сплошь, то по большей части, П.А. Столыпин. У бюрократического управления и распоряжения Россией всегда был свой показной фасад; был он и у столыпинской политики, и тем более красноречивый и убийственный, что представлял собою не одну только декоративную часть, но и некоторую реальную величину и ценность.

Официальной целью государственной политики при Столыпине была провозглашена защита помещика, защита интересов «поместного землевладения». 130 тысяч помещиков должны были быть спасены и затем охраняемы от народных притязаний. И для этого можно было не жалеть ни средств, ни сил. Все — для помещика! Все дозволено помещику! Таковы были лозунги, данные правительственной властью бюрократической машине управления.

Такая необыкновенная благосклонность к помещику более чем понятна была со стороны столыпинского правительства. Оставляя в стороне традиционную связь в России государственной власти с дворянством, помещики—объединенные

дворяне представляли собою, после революционного движения 1905 года, единственный общественный слой, на который могла опереться с полной уверенностью реакция и из которого к тому же она почерпала необходимые элементы для пополнения своих собственных бюрократических рядов. Кроме правительства, кроме бюрократии, главным пострадавшим от этого движения и наиболее угрожаемым <ему> дальнейшим развитием было, безусловно, дворянство. Потому было вполне естественно им сплотить свои силы воедино в общей борьбе за старые устои и против революционных новшеств.

В результате предварительного собирания сил и нащупывания почвы в течение Первой и Второй Государственной думы получился *coup d'état*¹ 3-го июня 1907 года: роспуск Второй Думы, антиконституционное изменение избирательного закона и созыв Третьей «помещичьей», «господской», дворянской Думы, относительно деятельности которой вполне соответственно будет сказать, что она исправно выполняла «законодательные подряды», сдававшиеся ей правительством, и ставила усердно свой «законодательный штампель» на законах, создаваемых исключительно силами бюрократии. Да и что ж в этом удивительного? Ведь рука руку моет!

Этот союз с дворянином-помещиком и сотрудничество с ним через посредство Государственной думы чрезвычайно облегчили для бюрократии ее провокационное дело бесконечного «обеспокоивания» и «успокаивания» русского народа. В самом деле, объединенное дворянство, «третьедумцы», — как метко они были окрещены в политической русской публицистике, думали и пеклись лишь об одном: охранить устои сословного строя, а если возможно, и еще больше обернуть их в свою пользу. И ради этого, с оговорками или без оных, они готовы были признать и на самом деле признавали возможным, допустимым и даже прямо-таки желательным: 1) организацию погромов, массовых и по возможности одновременных убийств, грабежей и насилий; 2) обезземеление и обнищание миллионов крестьян; 3) организацию политического сыска и провокации, поелику возможно и вширь и вглубь народной массы; 4) систему усиленных, упраздняющих законный

¹ государственный переворот (фр.)

порядок полномочий администрации, приносящую с собой царство произвола, насилия и расхищения государственного имущества.

Вскоре дворянство и бюрократия при Столыпине так самальгамировались в деле «блюдения» судеб русского народа, что уже нельзя было больше отыскать ни концов, ни начал. Повсюду, сверху донизу, шел отчаянный произвол, повсюду звучало рукоприкладство, повсюду господствовал грабеж, все было окутано пеленою беспощадной социально-политической реакции. Бюрократическая правительственная власть, которая, чтобы стать сильной и смочь противостоять народным и антибюрократическим требованиям, оперлась на помещика, очень скоро опять стала себя чувствовать слабой и — как это ни парадоксально — именно благодаря этой своей новой «силе». Ибо дворянская «опора», ставши опорой правительственной власти, в то же время сделалась полем дворянско-помещичьего произвола и беззакония. Дело дошло до того, что в 1911 году представитель тифлисской прокуратуры во всеуслышание на открытом заседании развивал такую точку зрения: незаконные действия и проступки начальствующих не должны быть разоблачаемы, ибо это умаляет престиж власти.

Наступал воистину «прогрессивный паралич государственности», который был так лапидарно заклеен с думской трибуны прогрессистом Н. Львовым²⁵: «У нас нет конституции, нет парламентаризма и основных законов нет, и вообще никакого организационного строя нет, а есть лишь произвол и демагогия».

Прогрессивный паралич государственности

Можно себе представить, до какой степени плачевны были конкретные итоги столыпинской государственности! И, прежде всего, все они, во всех областях социально-экономической жизни, были прямым отрицанием первоначальных заданий и возвещений премьер-министра.

«Преобразованное по воле монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, — говорил Столыпин в своей декларации во Второй Государственной думе 6-го марта 1907 года, — так как пока писанный закон не определит обязан-

ности и не оградит прав отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц».

В добавление к этому все с той же думской трибуны им было сказано 13-го марта 1907 года: «Нет законодательства, которое не давало бы правительству права приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясен до корней... Такого рода временные меры не могут приобретать постоянно-го характера; когда они становятся длительными, они теряют свою силу и могут отразиться на самом народе, нравы которого должны воспитываться законом. Временная мера — мера суровая, она должна сломить преступную волю, должна сломить уродливые явления и отойти в вечность».

Но уже 16-го ноября того же года, после роспуска Второй Думы и созыва Третьей по новому «господскому» избирательному закону²⁶, речь Столыпина звучит совсем иначе: «Разрушительному движению, созданному крайними левыми партиями и превратившемуся в открытое разбойничество, может быть противопоставлена только сила. Какие бы то ни было послабления в этой области правительство сочло бы за преступление...»

Эта перемена тона и уклона была фатальна: из этого русла столыпинская власть уже не выходила более. В течение последующих четырех лет его правления «временные меры» сделались постоянными и упрямо функционировали вместо закона. И это несмотря на то, что — за исключением самого короткого периода (июль–август 1906 года) — революционное движение не поднимало больше головы. Вместо того чтобы поторопиться установить «писанный закон» и предотвратить возможность того, чтобы права и обязанности подданных находились длительно в зависимости от «толкования и воли отдельных лиц», Столыпин дал полный ход правительственной силе и все попечение о судьбах и бытии народа возложил на «временные постановления», которые бессменно в той или другой форме выражали собой и осуществляли чрезвычайную охрану.

С другой стороны, этим путем отнюдь не было достигнуто умиротворения. Даже наоборот, число политических преступлений возрастало, их характер постепенно обострялся, и в последние годы столыпинского «царствования» политический барометр опять стал обнаруживать сильные колебания; обще-

ственная температура снова стала повышаться, раньше чем официальная реакция успела прийти к концу.

Наконец — и это в высшей степени показательно для всего государственного творчества Столыпина — превращение отечества в правовое государство допускалось им лишь в вопросах второстепенного значения. Законодательные палаты были завалены всевозможными законопроектами, но среди них не было основных и наиболее важных политических реформ, от которых только, собственно, и зависело истинное успокоение страны и введение основанного на «писаном законе» порядка. Государственная дума как-то беспомощно барахталась в законодательной «вермишели»²⁷, а народ по-прежнему управлялся «административным» путем.

Во Второй Думе Столыпин заявил о своем намерении «построить земское представительство на принципе налогового ценза, расширяя этим путем круг лиц, принимающих участие в земской жизни». На тех же общих началах, с некоторыми изменениями, предполагалось ввести самоуправление в прибалтийских губерниях, в Западном крае и в Царстве Польском, «с выделением в особую административную единицу местностей, в которых сосредоточивается исстари чисто русское население, имеющее свои особые интересы».

Вместо этого, внесение земской реформы в законодательные палаты было спервоначала задержано предварительным обсуждением ее в «Совете по делам местного хозяйства»; в течение этого обсуждения в нее были внесены существенные изменения в смысле сужения вышеупомянутого «круга лиц». На первый план была выдвинута забота о возможно большей неприкосновенности тех условий, при которых земства обратились за последние годы в орудие застоя и регресса. К введению земства в балтийских губерниях, в Польше и в трех литовских губерниях даже не было приступлено. Распространение земских учреждений на Сибирь и некоторые губернии Восточной России тормозилось самой Думой, не без участия министров. В шести юго-западных губерниях была введена карикатура земского устройства и притом вопреки выраженному мнению верхней палаты и чисто административным образом.

«Земские начальники упраздняются», — возвестил Столыпин все того же 6-го марта 1907 года. «С отменой учреждения

земских начальников и волостных судов необходимо создать местный суд, доступный, дешевый, скорый и близкий населению». В действительности, о полной отмене института земских начальников и речи не было поднято. Правительственный проект лишь освободил их от судейской функции, уничтожая вместе с тем и сословный суд. Государственная дума приняла его. Но он был отвергнут зато в Государственном совете. К тому времени и Столыпин переменял свое мнение, превратившись снова в защитника волостного, т.е. сословного суда (что явственнейшим образом шло вразрез с Высочайшим указом от 12-го декабря 1904 года, признавшим неотложным «введение — в целях охранения равенства перед судом лиц всех состояний — должного единства в устройство судебной части»).

«Правительство, — гласила декларация Столыпина по поводу вероисповедного вопроса, — вменило себе в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17-го апреля и 17-го октября 1905 года». Пересмотр и на самом деле состоялся: в Государственную думу был внесен целый ряд вероисповедных законопроектов. Но... одни из них были взяты обратно еще до рассмотрения, другие, пройдя через Думу, уснули в Государственном совете, а один-единственный — и притом второстепенной важности — законопроект, прошедший и через Думу, и через Совет, остался — увы! — без утверждения. Дело «устроения» иноверцев, как и вообще провозглашенная «свобода совести», никакого осуществления не получили.

Признавал Столыпин и необходимость перестройки рабочего законодательства, как «в сторону оказания рабочим положительной помощи, так и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников и рабочих, при представлении как тем, так и другим необходимой свободы действий чрез посредство профессиональных организаций». Но соответствующие законопроекты постепенно теряли должные размеры, худели и в конце концов брались назад. Та же печальная судьба постигла и вопрос о профессиональных организациях рабочих, в то время как такие же организации беспрепятственно процветали и даже поощрялись среди предпринимателей.

«В реформе высшей школы, — говорил Столыпин перед Второй Думой, 6-го марта 1907 года, — министерство ставит себе задачей укрепление тех начал, которые положены в основу предложенных преобразований Высочайшим указом 27-го августа 1905 года, и согласование их с интересами общегосударственными на основании опыта применения действующих временных правил». Увы! Проект университетского устава фон Кауфмана²⁸, отвечавший возведенной Высочайшей воле, а вместе и принципу университетской автономии, сменился вскоре другим, внесенным Шварцем²⁹, заменившим фон Кауфмана на посту министра народного просвещения и подходившим к университетскому вопросу уже не столько с конституционно-законодательной, сколько с административно-охранительной точки зрения. Но и Шварц оказался, по-видимому, слишком либеральным. Его заменили Кассо³⁰, при котором начался невиданный по своим размерам и своему цинизму «разгром» высшей школы и народного образования. Вместо автономии и закона высшая школа получила от Столыпина кулак и полицейскую охрану.

Наконец, в сфере аграрного вопроса деятельность Столыпина ознаменовалась «административным» упразднением основ общинного землевладения. Высочайшим актом от 9-го ноября 1906 года крестьянам было разрешено выходить из общин расселяться на «хутора» или «отруба». Без сомнения, древний общинный уклад не представлял собой ничего чрезвычайного, что бы оправдывало применение в данном случае 87-ой статьи. В столь поспешном изменении общинного быта не было и не могло быть никакой надобности, оно объясняется единственно лишь желанием правительства осуществить наиболее важные шаги народного законодательства помимо законодательных учреждений (а при случае и вопреки им) и ставить их перед совершившимся уже фактом...

Указ 9-го ноября стал для Столыпина, разумеется, «прецедентом», однажды допущенное произвольное толкование статьи 87-ой не замедлило повести к еще более явным и кричащим ее и общей конституции нарушениям. И действительно, тем же произвольно-административным путем были изданы: 1-го января 1909 года временное учреждение и временные штаты Министерства путей сообщения, а 14-го марта 1911 года опубликован указ о введении земства в 6 юго-западных губер-

ниях (причем в первом случае дело шло о законопроекте, уже внесенном в Государственную думу, а во втором — о законопроекте, даже прошедшем через нее, но отвергнутом в Государственном совете).

Фиаско столыпинского правления

Таков печальный итог, или лучше: мартиролог, государственной и законодательной деятельности Столыпина, для которого трудно подыскать лучшую характеристику, чем «прогрессивный паралич государственности».

Но еще более противоречивая и безотрадная картина открывается взорам, если подвести итоги его административной деятельности и практическому применению и проведению в жизнь различных законов и мер. Без преувеличения можно сказать, что Столыпин потерпел полнейшее фиаско по всем пунктам своей правительственной и охранительной деятельности. Обнаружилось с фатальной неотвратимостью, что между народоборческими тенденциями в политике и нарастанием анархических выводов, настроений и действий в стране существует прямая связь и что самым фактом своего существования народоборческая политика содействует распространению центробежных в социальном смысле вкусов и взглядов и ведет прямоком к общественному разложению.

«Хуторское» и «отрубное» хозяйство

Всего нагляднее, всего разительнее в этом отношении, пожалуй, непосредственный результат, достигнутый Столыпиным в его аграрной политике, легшей безусловно в фундамент всей остальной его деятельности по реформе и управлению. Столыпин намеревался произвести землеустройство, которое бы укрепило вновь дворянина-помещика и дало возможность сложиться классу сильных крестьян-собственников, в то же время разрушая в корне, — так казалось ему, — коммунистические зачатки общинного быта. Вместо этого у него получилось просто-напросто *землерасстройство*.

В самом деле «разрушение» общины дало весьма серьезные результаты к сентябрю 1911 г. Не более и не менее как полтора

миллиона уже укрепившихся дворов и свыше двух миллионов заявлений о выделе. Однако при всей своей грандиозности эти результаты не оправдывали расчетов правительства. Оно рассчитывало, что из общины выйдут в первую голову «крепкие и сильные», многоземельные хозяева, а на самом деле уходили слабые и малоземельные слои, которые не имели глубоких корней в деревне и которые большую часть средств существования добывали не земледелием, а сторонними заработками. Правительство рассчитывало, что община, являясь тормозом сельскохозяйственного прогресса, заставит пойти на выдел крестьянство более интенсивных районов, в действительности же великорусская община разрушалась на экстенсивном юге, юго-востоке, т.е. там, где она не могла укрепиться вследствие кратковременности своего существования, где крестьяне еще не успели как следует осесть, где в массе были сильнее бродячие инстинкты.

В своем докладе по делам земского хозяйства Киевская губернская управа следующим образом рисовала положение своих земельных «частных собственников»: «выбитые из своей колеи, оторванные от привычной обстановки, затратив иногда последние сбережения или, еще хуже, залезши в неоплатные долги, чтобы сделать срочные платежи банку, перенести постройки на свой отруб, купить то или другое орудие и машину или недостающую скотину, отрубники и хуторяне в большинстве случаев оказались в беспомощном состоянии, а очень часто на краю полного экономического упадка. С целью уплатить срочные платежи, они очень часто сдают часть своего отруба или даже весь отруб в аренду на долгие сроки по невыгодной цене, а сами идут в батраки. Бывали даже случаи продажи отрубов, конечно, без правильного оформления сделки. В нескольких случаях образовалась даже целая компания скупщиков, которые поделили между собой села с отрубными владельцами, оперируя без конкурентов, каждый в своем районе, улавливают в свои сети постоянно нуждающихся в деньгах хуторян и отрубников. Доходило до того, что крестьяне продавали зимою рожь и овес будущего урожая по очень низкой цене, а если брали деньги, то платили громадные проценты. Таким образом хуторскому и отрубному хозяйству грозит в настоящее время полный кризис, экономическая смерть...»

Одна из причин — и притом одна из главнейших — заключалась в общем «господском» народоборческом уклоне земельной политики правительства. Дело в том, что Крестьянский банк, скупив в свое время землю у помещиков, которым тогда угрожала революционная волна, по чересчур высокой оценке (за 1905–1909 гг. цена на землю была поднята банком в общем на 48% в помещичьих интересах и под давлением «объединенного дворянства»), стремился и продавать ее крестьянам по повышенной оценке, увеличивая ее, разумеется, еще более (так что для крестьян цена на землю поднялась за те же годы в общем на 94%).

Другая, тоже очень существенная причина: враждебное отношение крестьянской массы к выделяющимся. Правительство создавало хуторян и отрубников наперекор народному желанию и правосознанию. Народная масса платила за это им пассивным и активным бойкотом, не говоря уже о поджогах, потравах и всяких других проявлениях мести, описанием которых пестрела все эти годы «внутренняя хроника» русских столичных и провинциальных газет.

Переселения

Не менее печальны были результаты и переселенческой политики Столыпина. Усиленные заботы о переселении были выдвинуты, прежде всего, как тактическое средство борьбы с аграрной революцией, с крамольными мыслями крестьянства о дополнительной прирезке. Надо было разредить население внутренних губерний. И лекарство это было решено применять в чрезвычайно героических дозах. Правительство, однако, понимало, что нельзя же просто срывать и перебрасывать. И вот были обещаны заботы о колонизации окраин, об устройстве хозяйственного быта переселенцев на местах их водворения. Увы! — то были только обещания...

Значительная часть переселенцев была направлена вдоль строившейся Амурской ж<елезной> д<ороги>, направление которой, смех и слезы, было определено на ура, без предварительных разведок, и так как дорога эта пошла по поясу мерзлоты, то и стали селить людей на участках вдоль нее, где почва даже летом оттаивает лишь на 1/2 или 3/4 аршина: здесь-то

новоселам-хлеборобам пришлось заниматься посадкой картофеля, посевом ячменя и т.д.

За три года (1907–1909) правительству удалось поднять переселенческую волну до небывалых размеров при помощи всевозможных средств пропаганды и побуждения. За эти три года из Европейской России на Восток проследовало свыше 1700 тысяч переселенцев. По своему составу то были, по большей части, средние слои хозяев-землевладельцев, ибо бездомный, нищий люд вообще не допускался к переселению. Беднейшим собственникам это было не по средствам, а богатеи не выражали к тому никакой склонности.

Из этой массы переселенцев, по статистическим сведениям, около 230 тысяч вернулось назад за 1908–1910 гг. Другими словами, за эти три года в Европейской России появилась компактная масса бывших землевладельцев, разоренных дотла и доведенных до самой крайней нищеты. Ибо большая часть этих переселенцев, уходя в Сибирь, выделились из общины, продали выделенную им землю, а что получили за нее, то израсходовали на переселение. Им не оставалось даже возможности вернуться на «старое пепелище», т.е. в общину.

Таким образом, истребляя «гидру крамолы», Столыпин получил сотни тысяч людей, обреченных на более или менее медленную смерть от голода и лишений, к которым и приходится применить его знаменитую формулу: «при тушении пожара нечего думать о побитых стеклах...»

Продовольственная помощь

Народоборческая неприязнь к мужику, полицейско-охранное недоверие к общественной самодеятельности и бесплодие и медлительность бюрократических действий заранее осуждали «продовольственную кампанию» на неудачу, а народ русский на невыразимые страдания, когда осенью 1911 года обнаружился неурожай и начался «мужицкий» голод, сопровождаемый, как всегда, эпидемиями. Еще до убийства Столыпина насчитывалось уже 18 «неблагополучных» губерний, и достаточно сказать, что консервативное и правительственное «Новое время»³¹ (еще 22 сентября, т.е. до наступления зимы) писало, что «во многих местах картины 1891 года бледнеют

перед тем, что сейчас переживает население в неурожайных губерниях».

И что же! Решено было спервоначала продовольственных ссуд не давать, а устроить общественные работы. «От нас требуют безумных и безудержных затрат на помощь под видом голодающих, — говорил в Гос<ударственной> думе известный черносотенец, депутат Марков 2-ой³², — сплошь и рядом людям, которые только не хотят работать и только поэтому якобы голодают... На Волге, кажется, слишком много лодырей... Их действительно надо бы заставить поголодать, дабы они работали, а не бездельничали».

Организация общественных работ предполагалась в грандиозных размерах. На это дело было ассигновано больше 40 миллионов рублей. Но, к сожалению, весь план этих работ сводился едва ли не к одной только географической дате: устроить их на громадном пространстве от Тобольска и Омска до Симбирска и Читы, пригоняя туда голодающих зачастую из за сотен верст. И в конце концов оказалось, что к 23-му октября (а что делали голодающие до этого времени?) работы были начаты только в одной четверти тех селений, где предполагалось их производить, а общая сумма выданной заработной платы выразилась к тому времени в 5,5 миллионов рублей, составляя 1/8 часть предполагавшейся сначала затраты. Принимая во внимание, что на общественных работах к 28-му октября находилось около 200 тысяч человек, будет ясно, что средний заработок за всю «осеннюю кампанию» не достигал 5 рублей.

Убедившись в малой действенности своего плана, правительство, разом позабыв вышеприведенные нравоучения Маркова 2-го, разрешило в конце концов (а что делали голодающие до этого времени?) — уже после смерти Столыпина выдачу правительственных ссуд и субсидий. Но, разумеется, это дело было сразу же обставлено так, чтобы за него не спрятались никакой «крамольной самодеятельности» общества. Организованное распределение пожертвований усилиями общественных групп было строго запрещено. Новый председатель Комитета министров, Коковцев³³, заявил лично представителям 20-ти обществ, ходатайствовавших о разрешении, что «помимо Красного Креста и земских учреждений, никакие общественные организации по борьбе с голодом допущены быть не мо-

гут». Не были допущены к этому делу, между прочим, ни Вольно-экономическое общество³⁴, ни Пироговское общество³⁵, ни даже общеземская организация; и главным образом потому, что в эту же осень начиналась выборная кампания в 4-ю Государственную думу и необходимо было оградить народ, — хотя бы ценой голодной смерти, — от «крамольных» влияний старейших и заслуженнейших общественных организаций.

Между тем, до какой степени мало доверия было у общества к официальным и правительственным органам распределения ссуд, свидетельствует хотя бы нижеследующий эпизод.

Такая благонамеренная организация, как Самарский биржевой комитет, приступил к сбору пожертвований и в 2 дня собрал 15 000 рублей. Когда стало известно, что никакая частная организация не будет допущена и собранные пожертвования надлежит направить в Красный Крест, биржевой комитет отправил телеграммы — одну председателю Совета министров, другую министру торговли и промышленности — с просьбой разрешить биржевому обществу организовать помощь самостоятельно. В случае отрицательного ответа комитет решил возвратить собранные деньги назад жертвователям, но не направлять их в Красный Крест.

Внутренняя политика

Но, может быть, нигде фиаско столыпинской деятельности не достигало таких размеров, как в сфере «внутренней политики» в узком и точном смысле этого слова, т.е. в сфере административной и полицейской охраны страны и населения.

Лозунгом было первоначально: «закон» и «порядок»; в результате получился наибеззаконнейший, беспримерный произвол. Все, от мала до велика, по бюрократической лестнице, изошрялись в противозаконных действиях и нарушении порядка. И прежде всего сам же Столыпин. Чем, как не самым чистым произволом, с конституционной и законодательной точки зрения, было то изменение избирательного закона, а стало быть, и состава и физиономии Государственной думы, которое произвел Столыпин одним росчерком пера 3-го июня 1907 года?

Или проведение весной 1910 года через Думу «кавалерийским наскоком» законопроекта об изменении финляндской

конституции, не привлекая предварительно к обсуждению этого чисто финляндского вопроса действующих финляндских законодательных учреждений, — что в сущности было не более и не менее, как уничтожением финляндской конституции «под русским конституционным соусом». «Что же это — государственный переворот?» — воскликнул при обсуждении этого законопроекта в Государственном совете такой умеренный из умеренных, как гр<аф> Олсуфьев³⁶. «Тогда, конечно, нужны войска, а не законодатели!»

Или еще издание, все по той же самой 87-ой статье, закона о введении земств в шести губерниях Западного края, маленький *сюр д'état*, произведенный 14-го марта 1911 года вопреки конституции, вопреки самой статье 87-ой, требующей для своего применения наличия чрезвычайных обстоятельств, и даже вопреки всякой здравой надобности, так как соответствующий законопроект был уже одобрен Думой и даже в случае отклонения его Государственным советом все равно превратился бы в закон, после некоторых легальных законодательных операций. И мало того, что Столыпин при этом произвольно обошел законодательные инстанции страны, он еще вдобавок взял да распустил обе палаты на три дня, как бы для того, чтобы соблюсти формальные условия применения статьи 87-ой, вызвав этим негодование и протест даже со стороны таких послушных учреждений, какими были при нем Третья Государственная дума и Государственный совет. Нужно ли говорить, сколько было «субъективизма», «пристрастия», «произвола» в выборе Столыпиным своих непосредственных помощников. В «непотизме»³⁷ Столыпина пришлось признаться с глубоким сожалением даже одному из либеральных апологетов премьера. Поговорка «шуровья одолели» была у всех на устах, когда речь заходила об этой стороне управления Россией. В Государственном совете была даже целая партия, называвшаяся по имени столыпинского шурина.

От главы правительства нисколько не отставали в содействии произвола и все остальные: учреждения и люди. «Третьеиюньская» Государственная дума и Государственный совет — этот организованный оплот для защиты социальных интересов, которым угрожает освободительное движение в стране, послушно и смиренно признали или даже подтвердили соб-

ственным законодательным авторитетом целый ряд других, тоже первостепенных по своему значению законодательных проявлений правительственного произвола. Они помогли правительству, опираясь на их законодательную поддержку, уклониться от проведения целого ряда важнейших из обещанных реформ или изменить их до неузнаваемости, до потери ими их первоначального смысла и значения. Они санкционировали целый ряд правительственных мероприятий, направленных к сокращению общественной самостоятельности, в интересах одного только малочисленного класса поместных собственников. Они отклонили целый ряд запросов и протестов, выдвигавшихся левыми партиями и разоблачавших антинародную политику правительства. Можно сказать, что, будучи послушным орудием в руках правительства, они являли собою чисто бутафорское «народное представительство» и вместо того, чтобы законодательствовать, служили «декорацией» для осуществления всесильной бюрократией ее воли.

Отдельные министры — за самыми редкими исключениями, старались по мере сил осуществлять тот же самый метод внутренней политики — каждый в своем ведомстве. Некоторые из них, как, напр<имер>, министр юстиции Щегловитов³⁸ или министр народного просвещения Кассо, даже далеко оставили за собою премьер-министра в деле борьбы с общественностью и народом и искоренения всех здоровых ростков самостоятельности. Генерал-губернатор и градоначальники, каждый в своей «сатрапии», распоряжались и вершили судьбы так, как будто не только не было никаких законодательных инстанций, но и вообще их власть была высшей и единственной, поставленной и санкционированной господствующим классом 130 тысяч помещиков. Подвиги таких столыпинских «любимцев», как Хвостов Нижегородский³⁹, Толмачев Одесский⁴⁰, Муратов Курский⁴¹, Думбадзе Ялтинский⁴², Ширинский-Шахматов Саратовский⁴³ и т.д. — им же несть числа, — стали в России притчей во языцех и эмблемой государственного произвола. Военные, чувствуя свою привилегированность после подавления освободительной волны силами войска, вели себя повсюду высокомерно, кричали, били, стреляли, убивали и дебоширили — в большинстве случаев безнаказанно. Дворяне и помещики с невероятным про-

изволом измывались и куражились над крестьянством, в то же время стараясь захватить себе все привилегии, все льготы, все лакомые кусочки. Стражники, — новая послереволюционная сельская полиция, — били, стреляли и убивали крестьян, а иногда и помещиков, призывавшиеся охранять помещичьи угодья «черкесы» тоже не отказывали себе во всевозможных насилиях над крестьянством. Чиновники всех рангов и ведомств изощрялись в разнообразных хищениях, взятках, мздоимствах и лихоимствах.

«Спросите, — возмущался даже черносотенный «Киевлянин»⁴⁴, — русских заводчиков, фабрикантов или подрядчиков: в министерствах берут? Берут. В строительных комитетах? Берут. На железных дорогах? Берут. В интендантствах? Еще бы — берут! В инженерном ведомстве? Берут. В полиции берут? Конечно. В столичном городском управлении? Отличнейшим манером берут»... Целый ряд громких процессов вслед за ревизиями сенаторов Гарина⁴⁵, Нейдгардта⁴⁶, Дедюлина⁴⁷, Палена⁴⁸ и др. по различным отраслям администрации раскрыл невероятное разложение и падение бюрократических нравов в ущерб народу и стране. Волосы шевелились на голове каждого честного русского человека, когда перед его глазами проходили один за другим: процесс московского градоначальника Рейнбота⁴⁹, московский процесс 66 интендантов, целый ряд более мелких интендантских процессов в провинции: дело кн<язя> Бориса Волконского⁵⁰, дело Вонлярлярских⁵¹ и т.д. и т.д. Казалось, нет им конца-краю... И тем не менее чувствовалось ясно, что в результате этих преследований и разбирательств в лучшем случае понесут заслуженную кару лишь провинившиеся отдельные лица, да и то только второстепенные, ибо крупные птицы либо ускользнут, либо будут «амнистированы», как то и случилось, напр<имер>, с Рейнботом. До системы же самой, которая, собственно, и была главным источником всех преступлений, все равно нельзя было добраться, ибо система эта была самой сущностью всего господствующего строя. При Столыпине мздоимство и лихоимство пробрались даже в такие места, где, казалось бы, совсем не может быть для них почвы. Достаточно в этом случае напомнить тогдашнее положение в Новороссийском университете: у входа в храм высшей науки расположились хищники и на-

чали грабить входящих в него и, конечно, начали с евреев, занявшись «процентным факторством», суть каковой профессии, — поощрявшейся всемерно университетским начальством, состояла в приискании за деньги «рекомендаций» или «поручительств за политическую нравственность».

И над всеми этими произволами и самоуправствами, надо всей этой сложной системой искоренения здоровой народной жизни и общественной самостоятельности и насаждения мертвой и прогнившей насквозь бюрократчины, в угоду интересам небольшой кучки собственников, возвышался, как бы венчая все здание и одухотворяя всю систему, последний и самый наглый и безграничный произвол черной сотни, «союзников». Эти все могли: мошенничать, красть, вымогать и насиловать, убивать, да, убивать даже избранных народа, быть разоблачаемы, привлекаемы и все же оставаться на свободе, продолжать свою зловредную, темную деятельность и, в конце концов, даже давать направление государственному кораблю. Достаточно будет сказать, что даже сам царь состоял членом одной из самых сильных черносотенных организаций и охотно надевал на грудь свою ее позорный жетон.

Пожалуй, ни в ком эта чудовищная система, а вместе и глубокая государственно-народная болезнь не находила такого выпуклого, такого непосредственного и подлинного олицетворения, как в прославившемся на всю Россию своим черносотенным самоуправством иеромонахе Илиодоре⁵².

Мартиролог политической действительности

Из всех многочисленных, чтобы не сказать бесчисленных фиаско, потерпленных государственной политикой Столыпина, самым существенным и значительным по своим последствиям было, безусловно, фиаско в «деле успокоения». Ведь в этом последнем как в фокусе, казалось, должны были сходиться все его помыслы и все его усилия. А между тем чего не было, — вовсе, ни чуточки не было, так это именно — желанного успокоения. И чем более старался Столыпин достигнуть его, тем дальше, казалось, эта цель отодвигалась от него, тем беспокойнее становилось в стране, тем больше приходилось изошряться в мерах «пресечения» и «искоренения», в борьбе с народной и обще-

ственной самодеятельностью. Ибо, как это уже было указано сначала, самый метод Столыпина, при помощи которого он достигал «успокоения», был таков, что плодил и умножал «беспокойство».

Студенческие «беспорядки»

Ноябрь 1910 года — забастовки и демонстрации учащихся в высших учебных заведениях по поводу смерти Л.Н. Толстого — в виде протеста против смертной казни.

Декабрь 1910 года — двоекратное избивание студентов в Одессе полицией и черносотенцами с употреблением огнестрельного оружия этими последними и со смертельным исходом. Аресты и высылки.

Январь 1911 года — забастовка в Томском технологическом институте и исключение оттуда более 300 слушателей. Волнения в Московском университете. Аресты. Проникновение полиции в университет.

Февраль 1911 года — отставка, по распоряжению министра народного просвещения, ректора, его помощника и проректора Московского университета от профессорской должности. Массовая подача прошений об отставке и отставка других профессоров в виде протеста.

Июнь 1911 года — исключение из Петербургского женского медицинского института около 1300 слушательниц за невозобновление занятий. Отставка, по распоряжению министра народного просвещения, от профессорской должности 6 профессоров того же института за невыполнение программы.

В общей сложности учебный год 1910/1911 стоил студенчеству, по всем высшим учебным заведениям России, около 7000 пострадавших.

Кары и гонения на печать

За шесть лет (1906–1911), по приблизительному подсчету, число конфискованных книг и брошюр — 1821, число конфискованных газет и журналов — 1160. За то же время наложено на повременные издания 973 штрафов в общем на сумму в 383 700 рублей. За пять лет (1905–1910) было 1046 случаев

приостановки периодических изданий в административном порядке и 107 прекращений журналов и газет навсегда по приговору суда.

За одну только «Толстовскую неделю» (после смерти великого человека) было оштрафовано двадцать провинциальных газет на сумму 5850 рублей; кроме того, один редактор был привлечен к ответу, а другой арестован.

Вообще за ноябрь месяц 1910 г. на редакторов наложены были в административном порядке 38 штрафов на сумму 8525 рублей. Сверх того, в течение первых трех недель того же ноября в Варшаве было оштрафовано 23 издания на сумму в 5000 рублей. И т.д. и т.д.

Казни

В 1909 году было 557 казней. В 1910 г. — 129 казней на 455 смертных приговоров. Из них в Петербургском военном округе на 41 приговор — одна казнь; в Московском военном округе на 25 приговоров — 15 казней; в Одесском военном округе на 37 приговоров — 32 казни; в Кавказском военном округе на 59 приговоров — 11 казней. В Области Войска Донского было 23 приговора и казнили всех 23 человек; в Варшавском военном округе было 14 приговоров и ни одной казни. В 1911 (первое полугодие) — 29 казней на 93 приговора.

Тюрьма и ссылка

В 1905 году ежедневное число заключенных в русских тюрьмах равнялось 85 184; в 1906 году цифра эта поднялась до 111 403. На первое февраля 1909 года тюремное население России дошло до 181 137 человек. В 1911 г. оно значительно превысило уже 200 000 человек. Так называемых административно-ссыльных было весною 1910 года около 11 000 человек; среди них 1915 — в Архангельской губернии; 1788 — в Томской; 420 — в Тобольской; 1416 — в Вологодской; 931 — в Астраханской; 866 — в Енисейской; 816 — в Олонецкой; 331 — в Якутской области и т.д. и т.д.

Сектанты и инородцы

Гонения на сектантов и инородцев продолжались в период 1907–1911 годов едва ли еще не с большим усердием, чем раньше, и во всех возможных формах. Сектантам чинили все возможные препятствия и наказывали беспощадно за все самопроявления; часто даже когда они бывали уже санкционированы и дозволены начальством.

Малороссийская литература, печать и язык искоренялись и преследовались все время самым энергичным и тщательным образом. Еврейское население по-прежнему несло на себе всю тяжесть своих ограниченных прав и своего полубесправного положения. В столицах и крупных центрах правые организации в каждой вспышке общественного недовольства продолжали видеть «еврейские происки» и что есть сил натравляли народ на погром. Дело дошло до того, что в марте месяце 1911 года по поводу насильственной смерти 12-летнего мальчика Ющинского в Киеве была снова пущена легенда о том, что убийство это — на религиозной почве, так как-де евреи употребляют на Пасху христианскую кровь... Через два года на почве этого обыкновенного убийства суждено было разыгаться — благодаря стараниям черносотенцев и reactionеров — громкому и отвратительному процессу Бейлиса⁵³.

На похоронах Ющинского раздавались прокламации, где говорилось: «Русские люди! Если вам дороги ваши дети, бейте жидов! Бейте до тех пор, пока хоть один жид будет в России. Пожалейте ваших детей! Отомстите за несчастного страдальца! Пора, пора!»...

Среди обнаружений охранительно-успокоительной политики Столыпина три события приняли особенно значительные размеры и сильно потрясли русское общество. Во второй половине ноября 1910 года в каторжных тюрьмах в Вологде и Зерентуе были применены телесные наказания к политическим заключенным. В Вологде было высечено 59 человек, в Зерентуе, после первой же попытки, политические заключенные ответили голодовкой, а некоторые из них покушались на самоубийство (в том числе Сазонов⁵⁴, скончавшийся от принятого яда). Затем, в первой половине декабря, в Одессе, во время празднования столетия со дня рождения Пирогова, произошло

зверское избиение полицией и черносотенцами (в числе коих были и студенты-академисты) учащейся молодежи; в результате оказался убитым молодой студент Иллицкий. Запросам левых думских фракций по поводу всех этих событий, конечно, не было дано хода «третьеиюньским» большинством.

Но особенно сильное впечатление произвел разгром Московского университета в начале 1911 года.

С осени 1906 года, после продолжительного перерыва, вызванного событиями революционного периода, в Московском университете занятия вошли в правильную колею. За 1906–1907 и 1908–1909 гг. нарушения правильного их хода были лишь совершенно кратковременные; за 1907–1908 и 1909–1910 гг. никаких нарушений вообще не было. Все, казалось, обещало действительное «успокоение» в высшей школе.

Но это, по-видимому, было не по вкусу правительству и поддерживающим его «охранительным» элементам. С 1906 г. по 1910 ими было принято немало «частных» мер, в корне изменявших то положение высшей школы, которое создалось для нее в 1905–1906 гг. и при котором только она действительно и могла жить спокойно. Уже эти «частные» меры в значительной степени подрывали и нарушали данную высшей школе и практиковавшуюся там автономию. Но это были только цветочки, ягодки были еще впереди.

Весною 1910 года правительство решило действовать энергичнее, и Министерство народного просвещения принялось за выработку нового университетского устава, который и был внесен на рассмотрение законодательных палат в июне месяце.

Об этом новом уставе «профессорская» московская газета «Русские ведомости»⁵⁵ писал<а> так: «Проектируемая “реформа” не имеет ничего общего с интересами университетов, как ученых и учебных заведений. Это мера исключительно политическая, стремящаяся к тому, чтобы задушить в университетах всякую тень самостоятельности в делах, составляющих область их компетенции, и сделать их послушным орудием правительственной политики». Правота этого суждения подтвердилась затем всецело и со стороны правительства, когда министр народного просвещения, Шварц, в разговоре с ректором Петербургского университета, Боргманом⁵⁶, явивш<им>ся к нему с целью информироваться как раз насчет готовившейся кастра-

ции университетской автономии, откровенно заявил, что он отлично понимает, что новый устав высшей школы вызовет студенческие беспорядки и что, с его точки зрения, «лучше, чтобы эти беспорядки разразились теперь же». Возмущенный проф<ессор> Боргман тотчас же подал в отставку.

Был и другой симптом того, что правительство намерено действовать «энергично» по отношению к университетам и высшим школам вообще и почему-то ничего не имеет против студенческих волнений. А именно как раз во второй половине 1910 года стала замечаться особенно кипучая деятельность среди «академистов», и именно в политическом направлении. Будучи, по своему происхождению, студенческой группировкой аполитического и даже антиполитического характера (ибо их первоначальными лозунгами было «наука, а не политика», «долой политику из школы»), академисты постепенно приобрели чисто политическую физиономию, сделавшись университетским филиалом «Союза русского народа»⁵⁷ и других черносотенных организаций. Как раз осенью 1910 года ими был открыт по различным университетским городам России целый ряд их собственных «академических» клубов (единственных студенческих «клубов», разрешенных правительством), и политическая деятельность их рука об руку с черносотенцами закипела. Сообща ими составлялись списки подозрительных студентов, намечались профессора, за которыми надлежало следить. В Государственную думу были внесены правыми запросы, составленные в таких терминах и таким образом, чтобы провоцировать студентов и вызвать их на необдуманные поступки. Мелкие факты старательно раздувались, и с думской трибуны выкладывались целые вороха мелких сплетен, доносов, бесчестных инсинуаций.

При таких-то auspiciis¹ произошел в разных местах России ряд событий, которые, развиваясь *crescendo*¹¹, лишь подливали масла в начинавший загораться огонь студенческого возбуждения. Началось с похорон проф<ессора> С.А. Муромцева⁵⁸, председателя Первой Государственной думы, которые были огромной импозантной демонстрацией и в которой приняла самое горячее участие московская учащая молодежь.

¹ предзнаменованиях (лат.)

¹¹ нарастая (ит.)

Затем разразилась неожиданная эпопея смерти Л.Н. Толстого, вызвавшая сходку и трехдневную забастовку в университете, а также студенческие демонстрации, и не только в Москве, с протестом против смертной казни. В конце ноября до сведения студенчества дошли подробности вышеупомянутых вологодских и зерентуйских событий; наконец, к середине декабря стала известна вышеописанная «одесская история» со всеми ее «пружинами» и «последствиями». В возбужденном состоянии расходилась и разъезжалась студенческая масса по домам на рождественские каникулы. Оно могло только еще больше взвинтиться, когда в печати стало известно то, что происходило на съезде правых профессоров, устроенном как бы *ad hoc* и происходившем в Москве на праздниках.

Лишь только возобновились занятия после каникул, как в Томском технологическом институте состоялась сходка, на которой была объявлена всероссийская забастовка. Результатом было: 1) исключение из Томского технологического института более чем 300 человек, 2) издание правительством 11 января 1911 года «временных правил», которыми создавалось как бы некоторое «исключительное положение» в высших учебных заведениях: им воспрещались решительно какие бы то ни было студенческие собрания, кроме научных (т.е., напр<имер>, собрания землячеств, которых одних только было в Москве более 80, студенческих кооперативов и т.д.); поддержание порядка в учебных заведениях возлагалось одновременно с университетской также и на общегосударственную администрацию, причем этой последней и полиции вменялось по собственной инициативе принимать в стенах учебных заведений меры пресечения начавшегося беспорядка.

В то же время появился и стал циркулировать по высшим учебным заведениям Москвы список студентов, исключенных из Московского университета помимо ректора и Университетского совета. При таких обстоятельствах ректор Московского университета профессор Мануйлов⁵⁹, его помощник профессор Мензбир⁶⁰ и проректор профессор Минаков⁶¹ нашли невозможным продолжать исполнение своих обязанностей. 28-го января в заседании совета все они единогласно высказались, что «при создавшемся в университете двоевластии ректор является бесполезным и даже лишним», и потому все трое подали проше-

ние об увольнении их от должностей по управлению университетом с оставлением за ними занимаемых ими кафедр. Совет университета вполне одобрил их решение и вместе решил ходатайствовать перед министром народного просвещения о немедленном кратковременном закрытии университета. На другой день пришло известие, что министерство не разрешает закрытие и что лекции должны идти даже и при самом незначительном числе слушателей под полицейской охраной. Занятия, таким образом, продолжались среди различных инцидентов и постепенного повышения возбуждения среди студенчества. Наконец, 3-го февраля пришло известие, что трое подавших в отставку уволены ото всех своих должностей, значит, и от профессуры. Это вызвало немедленный же протест со стороны многих других преподавателей университета. Началась массовая подача профессорами и приват-доцентами прошений об отставках. В результате занятия в университете фактически совсем прекратились, учебная жизнь замерла, а профессорский состав лишился своих лучших и наиболее жизненных членов. Министром народного просвещения Кассо были преступно приняты так безобразно провоцированные им же самим отставки таких ученых и педагогов, как Тимирязев⁶², Вернадский⁶³, Зелинский⁶⁴, Виноградов⁶⁵, Шершеневич⁶⁶, Умов⁶⁷, Хвостов⁶⁸, Новгородцев⁶⁹, князь Трубецкой⁷⁰, Кизеветтер⁷¹ и т.д. и т.д. Московский университет был разгромлен в научном и педагогическом смысле. Но для Кассо ведь этого только и требовалось, ибо, таким образом, открылась возможность населить его «незначительными» профессорами из правых, из верных слуг министерства и реакции, и значит, «очистить» этот рассадник «университетской» крамолы. И, действительно, вскоре же серия «назначений» началась переводом из Одессы в Москву профессора С. Головина⁷², участвовавшего в вышеупомянутом одесском избиении студентов...

Группа гласных Московской городской думы протестовала гласно против такого правительственного произвола. Вслед за ней с аналогичным энергичным протестом выступила группа 65 крупнейших московских промышленников. Протестовали и другие менее заметные группы и организации. Но правительство, разумеется, и в ус не дуло. В Государственной думе в заседаниях 5-го и 7-го февраля спешность двух запросов, возбуж-

денных левыми фракциями, по поводу всех этих событий была отвергнута 155 голосами против 95 и 160 против 109. Вскоре же министром юстиции был заготовлен для внесения в Государственную думу одобренный уже Советом министров законопроект о наказаниях за нарушение занятий в правительственных сословных установлениях, учебных заведениях и учебных обществах, а равно и за нарушение свободы собраний...

Общественное пробуждение

За свою «успокоительную» провокационно-государственную политику П.А. Столыпин заплатил смертью от руки своего подчиненного «охранника», а «третьеиюньское» большинство Думы, поддержавшее всемерно его реакционное правление, — постепенным развалом и ликвидацией.

Уже с начала 1910 года ясно стало чувствоваться общественное пробуждение от «спячки» и «маразма» непосредственного периода послереволюционной реакции. Естественно, что пробуждение это, прежде всего, стало давать о себе знать в волнении и беспорядках чуткой студенческой массы. Но мало-помалу симптомы его стали появляться во всех сферах общественной жизни. Несмотря на все меры реакции, принятые ею для того, чтобы совершенно и окончательно подавить или исказить до неузнаваемости, до бессилия, общественность даже в наиболее умеренных ее формах (какими, напр<имер>, являлись всегда земские учреждения), общественная самодеятельность стала снова поднимать голову. Дело насаждения народного образования, напр<имер>, росло и ширилось, несмотря на все препятствия, чинимые ему со стороны правительственных и бюрократических кругов. В равной мере — и даже гигантскими шагами — развивалось кооперативное движение. В 1911 году разом подняло голову и рабочее движение после длительного затишья предшествующих годов. За этот год в течение одних только летних месяцев наблюдалось 152 стачки с более чем 100 тысячами бастующих. Между тем как в 1910 году бастовавших было всего лишь до 47 тысяч человек.

Это общее постепенное пробуждение не могло, конечно, не коснуться и думского большинства. Это верное «законодательное <большинство>» Столыпина, <в нем> далеко не все были

представителями безусловной и безудержной реакции. Среди них были люди — и в конце концов немало таких, — которые помнили хорошо, что точкой их политического отправления была программа Царского манифеста 17-го октября, провозгласившая политические свободы и глубокие социальные реформы. Они приняли и одобрили столыпинскую реакцию как необходимый временный период «успокоения», всегда оставаясь при этом достаточно чуткими к переменам в общественном настроении, чтобы вовремя понять, что пора изменить курс. В «третьеиюньском» большинстве Думы были не только одни черные «зубры», но и ловкие «реальные» политики и политические оппортунисты (например, А.И. Гучков⁷³), и они-то, при виде начинающегося общественного пробуждения, сразу же, разумеется, стали «держатъ нос по ветру» и помаленьку при случае «поворачивать оглобли».

Первой ласточкой в этом направлении был отказ первого председателя 3-ей Гос<ударственной> думы, левого октябриста Хомякова⁷⁴, в марте 1910 года от своей председательской функции. Свой уход, непосредственно сопровождавший один из наиболее крупных и шумных думских скандалов того времени, Хомяков объяснил желанием «встряхнуть» Думу, «освежить» ее струей «нового» воздуха, ибо в нем глубоко уже было, чуть ли не с 1908 года, зародившееся недовольство общим ходом законодательных работ и сильно сделалось предчувствие, как бы в конце концов не оказалось, что «Дума после пяти лет работы не достигла ничего, кроме пропуска через законодательные органы бесконечной вермишели...»

На его место председателем Думы был избран октябристский лидер А.И. Гучков, кандидатура которого встретила явное недоброжелательство со стороны правых. О том, что настроение Гучкова было к этому времени значительно более «левое» и «протестанческое», чем раньше, что он перестал уже быть «послушным» поклонником всех правительственных актов по ликвидации свобод, дарованных 17 октября 1905 года, свидетельствовала явственно его речь, произнесенная им незадолго до председательского кризиса на одном из октябристских собраний и основной смысл которой был запечатлен лапидарно в следующей фразе, обращенной к правительству, от имени партии: «Мы ждем!»

Выбранный председателем Думы, он еще больше и резче подчеркнул эту перемену в настроении своей партии, пригрозив в сторону тормозившего беспощадно законодательные работы Государственного совета, а через то и стоявшего за спиной этого последнего правительства, и произнес свое «сосчитаемся». Его речь была одобрена не только левым крылом октябристов, ее хвалили и очень хвалили лидеры кадетов, и даже лидер социал-демократической группы Гегечкори⁷⁵ выразил по поводу нее свое полное удовольствие.

Еще более того симптоматический конфликт разыгрался в марте 1911 года по поводу неожиданного роспуска Столыпиным обеих законодательных палат на три дня и опубликования по статье 87-й закона о введении земских учреждений в шести западных губерниях. В виде протеста против такого правительственного произвола Гучков сложил с себя председательские полномочия. Государственная дума приняла громадным большинством все четыре запроса, представленные по этому поводу, среди них и запрос крайних левых фракций, и даже в Государственном совете подобный же запрос был принят подавляющим большинством голосов.

Разумеется, не следует преувеличивать значение «этих проявлений» нового настроения среди октябристов. Это были всего лишь отдельные симптомы, вернее, даже косвенные отголоски общего общественного пробуждения и недовольства в реакционной еще по-прежнему среде. В остальном среда эта, в общем, продолжала нести свою «услужническую» «охранительную» функцию. По-прежнему, по инерции, реакционные законопроекты правительства принимались, по-прежнему отклонялись неудобные правительству запросы левых фракций по поводу различных проявлений либо центрально-правительственного, либо периферически-провинциального произвола, по-прежнему страной и народом распоряжалась невообразимо сильная бюрократия, поддерживаемая «третьеиюньским» большинством. Но если все упомянутые признаки и симптомы и не означали еще никакой радикальной, существенной политической перемены в октябризме, они свидетельствовали ясно о том, что в нем органически надломилось что-то важное, серьезное, что в рядах компактного и согласного до сих пор большинства начался разброд и дезорганизация. И, действи-

тельно, в атмосфере пробуждающейся общественной самодеятельности, стало сказываться с каждым днем все больше и больше, что октябризм является «партией потерянного документа» и «трупом 17-го октября», по крылатым выражениям гр<афа> С.Ю. Витте. Самые спорадические и порывистые броски думских октябристов от «послушания» к «протесту», при следовании в остальном прежнему «охранительному» курсу, свидетельствовали, в конце концов, лишь о том, что октябризм кончается, умирает, что это — его предсмертные политические судороги. «В революционную эпоху, — писал в те дни об октябристах прозорливый политически и чуткий общественно князь Е. Трубецкой, — когда зародился Союз 17-го октября, огромное большинство его сторонников видело в его программе только одно: способ борьбы против революции. Когда кончилась революция, средство оказалось ненужным и программа была просто-напросто позабыта... Она олицетворяла собою скорее тот максимум уступок, какие готовы были сделать ради общественного успокоения люди, напуганные революцией. Теперь, когда успокоение достигнуто более дешевым способом, эти уступки сами собою отошли, как бессмысленный анахронизм... Официально Союз 17 октября еще не упразднен. Но, в сущности, не все ли равно, существует или не существует партия, утратившая смысл своего существования и отпетая собственными сторонниками...» Таково было не только тождественное самочувствие самих октябристов и наблюдение сторонних наблюдателей, таков<о> же было и мнение правительства. И для него октябризм был явственно инструментом, изживающим свое предназначение и ненужным, да к тому же еще потерявшим свою прежнюю устойчивость, расползающ<им>ся. Правительство Столыпина заботилось уже явно и открыто о создании для себя новой «опоры» и формировало для этой цели с лихорадочной поспешностью, и правых элементов октябризма, и более умеренных элементов правого крыла Думы, новую партию националистов. С этой партией оно намеревалось кончить оставшиеся сессии Третьей Думы, ее готовилось проводить на выборах, на нее собиралось опереться в Четвертой Государственной думе, продолжая свою народоборческую реакционную политику «полицейского успокоения».

Может быть, ничто не демонстрирует этого постепенного разложения и ликвидации «третьеиюньского» большинства Третьей Думы с такой наглядностью, как нижеследующая таблица, касающаяся выборов ее председателей.

Февраль	1907 — Хомяков —	371 за, 9 против
-//-	1908 - //-	316 , 34
-//-	1909 - //-	212 , 93
Март	1910 — Гучков	221 , 68
Октябрь		201 , 137

Глава 2 РАСЦВЕТ РЕАКЦИИ ПРИ КОКОВЦЕВЕ И ГОРЕМЫКИНЕ

Наследство Столыпина

«Усиленная охрана» и «административный произвол» — таково было наследство, которое оставил, умирая Столыпин. В цифрах это «правовое состояние» России можно выразить приблизительно так: 2,745,000 кв. км с населением в 2,3 млн человек — под военным положением; 500 кв. км с населением в 0,3 млн — под чрезвычайной охраной; 4,117,000 кв. км с населением в 6,3 млн — под усиленной охраной; 11,951,000 кв. км с населением в 9 млн — под иными юридическими, непредусмотренными видами исключительных положений. Даже в Бухарском ханстве все русские поселения были объявлены на положении усиленной охраны, даже Каспийское море находилось на положении чрезвычайной охраны. «Нормальный» порядок перестал быть действующим порядком, «законы», коими он предусматривался, превратились в мертвый юридический памятник. За 5 лет «столыпинского правления» поместное дворянство постепенно снова овладело всею полнотою власти и распоряжалось, как хотело, судьбами России, опираясь на всегда согласные с ними в существенном «высшие сферы» и обнаруживая свою волю через посредство столь родственной ему и по крови и по духу бюрократии. В этом отношении чрезвычайно характерно следующее признание Маркова 2-го на съезде «объединенного

дворянства» в марте 1912 года: «жизнь нам говорит, что если бы дворяне не вступились в дела государственные, если бы русское дворянство не оставило в стороне толстые томы свода законов и не съехалось бы в Петербург, не возвысило бы свой мощный и благородный голос, то многое в России стало бы иначе, чем теперь есть, даже акт 3-го июня был подсказан известным постановлением земного собрания»...

Унаследовать после Столыпина руководство делами укрепления этого «государственного крепостничества» был призван В.Н. Коковцев, бывший в кабинете Столыпина министром финансов и, стало быть, одним из его помощников по насаждению вышеописанного строя. В противоположность Столыпину, Коковцев как человек не представлял ничего замечательного, никакой ни умственной, ни волевой силы. Равным образом, за его спиной не стояло и такого энергичного и стародавнего дворянского рода, крепкого и гордого своими традициями, как то было у его предшественника. Являясь по крови поздним продуктом чиновничьего дворянства, Коковцев лично представлял собою типичного бюрократа.

Можно сказать, что это была олицетворенная, «ходячая» бюрократия, и ничего более. В то время как Столыпин и как слуга самодержавно-бюрократического строя оставался выдающейся личностью, крупным человеком, его преемник был безукоризненным колесиком общей машины, и только.

Принимая во внимание все обстоятельства и основные черты момента и правительственного курса, тщетно было надеяться на какое-либо изменение к лучшему в системе управления. Реакция была в полном расцвете и процесс «умиротворения» при помощи усиленной охраны и произвола — в полном разгаре; крепостническое дворянство — в зените власти. Сверх того, новый премьер был известен, при всем своем бюрократическом безличии и всей своей бюрократической молчаливости, как убежденный монархист. Ему принадлежал афоризм «У нас, слава Богу, нет парламента!»⁷⁶, сказанный им уже в бытность министром финансов и вызвавший в свое время горячую отповедь со стороны тогдашнего председателя Гос<ударственной> думы Хомякова. Он принадлежал к толпе распутиновских поклонников и, согласно Илиодору, именно как протезе Распутина⁷⁷ попал на пост председателя Совета министров. Главным

помощником себе он избрал, на посту министра внутренних дел, Макарова⁷⁸, который не замедлил вскоре же следующим образом лапидарно охарактеризовать общий курс нового правительства, воскликнув во время своей думской речи по поводу ужасного Ленского расстрела рабочих: «Так было, так будет!» Добавим еще, для завершения картины, что накануне своего отхода от власти в конце 1913 года Коковцев еще раз афористически нарушил свое бюрократическое молчание и во весь рост обнаружил свою реакционно-бюрократическую душу, заявив своему немецкому интервьюеру: «Для больших политических реформ Россия еще не готова. Возможно, что когда-нибудь реформы осуществляются, но для этого нужно время...»

Политика «успокоения» продолжается

Таким образом, после смерти Столыпина его «умиротворительно-охранная» политика управления Россией продолжала находить себе самое широкое проявление, и в основных чертах своих, и в частностях; по-прежнему постановлялись и исполнялись смертные приговоры; по-прежнему шли гонения на инородцев, сектантов, печать; по-прежнему в тюрьмах и ссылке продолжал практиковаться самый безжалостный, антигигиенистский и вместе кулачный режим.

А в высших и низших учебных заведениях, под руководством неумолимого Кассо, шла энергичная ликвидация какой бы то ни было автономии, каких бы то ни было признаков самостоятельной общественной жизни. По-прежнему по всему лицу земли Русской волнами разливался произвол господствующих элементов от самых важных и крупных и до самых «мелких сошек», произвол министров, губернаторов, придворной «клики», черносотенцев, полиции, чиновников, военных и помещиков. По-прежнему продолжался разгул хищения за счет государственной казны или бесправной массы рабочего люда.

Мало того: «умиротворительно-охранная», «классовая» политика Столыпина не только продолжала по-прежнему применяться министерством сначала Коковцева–Макарова, а потом Коковцева–Маклакова⁷⁹, но во многих существенных отношениях она прямо-таки совершенствовалась в своем народоборческом уклоне и проявлении. Так, например, кредитная и

вообще финансовая поддержка «высших» классов получила небывалое еще доселе развитие: по подсчету Витте, за 4 года с 1910 по 1913 годы учетно-ссудные операции Государственного банка скакнули с 385 до 1100 млн рублей. Коковцев так старался поддерживать именно «высшие» классы, что буквально перекармливал их; причем избыток «пищи» шел на ажиотаж, на всевозможные формы спекуляции, на биржевую игру. При Коковцеве же Высочайшим указом 21-го февраля, в ознаменование исполнившегося 300-летия царствования дома Романовых, повелено было образовать за счет Государственного дворянского банка неприкосновенный капитал в 10 млн рублей, проценты с которого должны были быть употреблены в видах оказания потомственным дворянам-землевладельцам возможного содействия в исправном несении платежей.

Параллельно этой щедрой поддержке дворянству шли суровые меры по «выколачиванию» копейки из мужика. При Коковцеве стали вполне откровенно выдавать награды за усиленное распространение пьянства (т.е. продажи монополизированной государством водки); при нем до высокого совершенства было доведено экзекуционное взыскание налогов и недоимок; при нем же широко развернулась деятельность Крестьянского банка по систематическому ограблению крестьян, путем продажи земель, куплен<ых> у них за бесценок, по неимоверно завышенной цене, и по столь же систематическому обделению их землей (путем недомера ее при продаже).

При Коковцеве, который кроме президентства, как специалист, управлял Министерством финансов и немало «усилий» затратил на накопление небывалой еще «свободной наличности», видя в этом главный признак финансового поднятия и укрепления страны, — расцвела такая система, которая поставила Россию в небывалую еще финансовую зависимость от заграницы, с одной стороны, и от бирж и банков, с другой. Это выразилось быстро в том, что помимо развития широкого спекулятивного разврата достиг крайних размеров «синдикатный» разврат, который обострил донельзя дороговизну, сковал и расстроил производственные отношения всевозможными «голодами»: нефтяным, угольным, железным, чугунным, цементным, дровяным и т.п. Одновременно все более и более широкие размеры приобретало «кормление» за счет России целой

орды иностранных дельцов, сенаторов, депутатов, редакторов, журналистов, банкиров, биржевиков и т.д. Под конец своего премьерства Коковцев чуть-чуть не уступил Круппу⁸⁰ крупнейший Путиловский завод, являвшийся главным и наилучше оборудованным источником изделий для русской государственной обороны. Словом, при Коковцеве, в интересах все того же самого поместного дворянства и поддерживавшегося им реакционного режима, шел неукротимый процесс «распродажи по мелочам» народного русского богатства...

Это безудержное увлечение народоборческим произволом, сопровождавшееся столь же безудержным спекулятивным и биржевым ажиотажем, не замедлило отыгнуться трагическим событием, которое глубоко потрясло все русское общество и послужило вновь сильным толчком для намучавшегося и без этого уже общественного и народного пробуждения. Судьбе угодно было, чтобы местом этого происшествия послужили золотые прииски «Ленского товарищества», расположенные близ городка Бодайбо, заброшенного в далекой тайге Иркутской области. Положение рабочих на этих приисках давно уже сделалось чрезвычайно тяжелым, и сами прииски пользовались дурной славой в рабочем мире, ввиду, с одной стороны, «строгостей» администрации, а с другой — отвратительных гигиенических и правовых условий жизни работающих. Недовольство, как всегда, росло постепенно, пока не вспыхнула 29-го февраля 1912 года стачка. Каплей, переполнившей чашу терпения рабочих, явилось негодное конское мясо, обнаруженное в продовольственной лавке одного из приисков. Были выставлены требования: общего улучшения питания, расширения помещений, сокращения рабочего дня до 8 часов, увеличения заработной платы на 10–30%, отмены штрафов и т.п. Снесясь с Петербургским центральным правлением товарищества, администрация заявила рабочим, что второстепенные требования будут удовлетворены, существенные же требования будут оставлены без последствий. Рабочим было предложено стать на работу 6-го марта: и так как это не было выполнено, был произведен полный расчет. 23-го марта в Бодайбо прибыл<и> из Иркутска товарищ прокурора Преображенский⁸¹ и ротмистр Терещенков⁸²; и с этого момента «политика» разом выдвинулась на первый план и заслонила собою «экономический» смысл забастовки.

Первым делом упомянутого ротмистра было, конечно, обращение к рабочим с угрозой расстрелом, если они будут продолжать упорствовать, а 3 апреля забастовочный комитет был арестован по распоряжению из Петербурга. Рабочие разом заволновались, стали требовать освобождения арестованных. 4 апреля толпа рабочих, численностью около 24 тысяч, невооруженная, направилась с приисков в главную контору с прошением к товарищу прокурора. Когда толпа приблизилась на расстояние ста шагов к конторе, куда стянуты были к этому времени все имеющиеся в распоряжении вооруженные силы, к ней вышел инженер Тульчинский⁸³ и начал переговоры. Вдруг внезапно войска, безо всякого предупреждения, дали холостой залп, а затем тотчас же другой боевыми патронами. Толпа тотчас же легла, упал и сбитый с ног Тульчинский. Затем рабочие пустились бежать, и по ним было дано еще несколько залпов. В результате 372 рабочим были причинены телесные повреждения, и из них 170 скончались от полученных ран. В Государственную думу был внесен тотчас же левыми фракциями ряд запросов. Отвечая на них, министр внутренних дел Макаров, выразив официально свое прискорбие по поводу произошедшего, старался настоять на политически-революционном характере забастовки, оправдывал действия ротмистра Терещенкова и в конце концов резюмировал свой ответ запрашивавшим и стоявшей за их спинами стран^{<е>} в вышеупомянутой лапидарной форме: «Так было, так будет!» Третьеиюньское большинство Государственной думы отнеслось к Ленской трагедии со свойственным ему «помещичьим» невниманием; в день внесения запросов не нашлось необходимого для голосования кворума, а затем по предложению октябристов прения были отложены впредь до расследования. На печать посыпались кары.

Результаты деятельности 3-ей Думы

«Ленская трагедия» разыгралась относительно незадолго до окончания 5-ой сессии, а стало быть, и вообще работы 3-ей Государственной думы и была как бы последним аккордом в ее деятельности и, пожалуй, наиболее выразительным клеймом, поставленным историей на реакционной, антинародной российской государственной политике за время ее существова-

ния. Печальные результаты деятельности «третьеиюньского большинства» были прекрасно охарактеризованы еще самим Столыпиным, в его думской речи от 28-го апреля 1911 года. «Всем известно, — говорил он там, — всем памятен установившийся, почти узаконенный наш законодательный обряд: внесение законопроектов в Государственную думу, признание их здесь недостаточно радикальными, перелицовка их и перенесение в Государственный совет: в Государственном совете признание уже правительственных законопроектов обыкновенно слишком радикальными, отклонение их и провал закона. А в конце концов, в результате, царство так называемой вермишели, застой во всех принципиальных реформах». Другими словами, 3-я Государственная дума представляла собою нечто вроде бюрократически-законодательного «*perpetuum mobile*». Именно в этом, по-видимому, и состояла та «плодотворная» работа, которая была повседневным занятием, по мнению правительственного официоза «России», этой «Думы будничной работы». В результате эта последняя не только решительно ничего не сделала для законодательного усиления тех гарантий, в каких нуждалась личная свобода, неприкосновенность жилища, достоинство периодической печати, а, наоборот, *de facto*¹ облегчила чрезвычайно применение того беспредельного административного произвола, который составлял систему русского бюрократического управления страной. В сфере социального законодательства 3-ей Думой делалось, правда, немало, но ничего такого, что действительно принесло бы с собою решение и урегулирование хотя бы одной из основных и наболевших социальных проблем, сделано не было. Даже крестьянский вопрос, в сфере которого Столыпин, на первый взгляд, поступил было так решительно (впрочем, по собственному почину и игнорируя законодательную волю Думы), остался практически совсем нерешенным. Правда, в лице «сильных» крестьяне получили возможность выхода на «хутора» и «отруба» с льготными ссудами и субсидиями; но зато в лице «слабых» им была открыта возможность продать надел, прожечь полученные деньги и превратиться в нищих. И в действительности, как мы видели выше, процесс кре-

¹ фактически (лат.)

стьянской дифференциации пошел скорее во втором направлении. Далее, законом 5 октября 1906 года с крестьян сняты были некоторые правоограничения; но земский начальник и становой пристав остались в полной неприкосновенности, чтобы вершить по-прежнему свой произвол в деревне; и, кроме того, среди крестьян появился новый институт власти: «стражники», готовые каждую минуту пустить в ход нагайки и даже ружья. Теми же самыми законами был несколько изменен к лучшему порядок выбора крестьянами земских гласных; но численное соотношение гласных-крестьян и гласных-дворян оставалось по-прежнему донельзя неблагоприятным для первых. По-прежнему сохранялось и коренное бессилие крестьянского хозяйства из-за безземелья, чересполосицы и отсутствия средств к интенсификации хозяйства, и по-прежнему, разумеется, давал себя знать его постоянный спутник — голод. Наконец, по-прежнему не было осуществлено всеобщего обучения, а над сельскими школами практиковался самый тщательный и вместе произвольный полицейский надзор. Четыре года «господская» 3-я Дума ходила вокруг да около «крестьянского вопроса», в сущности, замалчивая его, или, точнее, растворяя в ворохах «вермишели» и во всяких специфических и второстепенных законопроектах или в бесконечных сентиментальных «пожеланиях» октябристов. Мудрено ли, если русская деревня давно уже пела про нее:

Дума в Питере сидит,
Важно заседает;
Про мужицкие нужды
Ничего не знает.

Депутат у нас хорош,
Только толку ни на грош.
Заседает третий год,
Только дело плохо прет.

Как Гучков-от молодец —
Богачу родной отец,
До бедного мужика
Ему нужда не велика.

Государственная дума третьего созыва служила, по личному выражению первого ее председателя, Хомякова, «вытяжной политической трубой для страны». Она сосредоточивала в себе главные политические силы этой последней, отвлекая их таким образом от работы на местах и тем облегчая чрезвычайно для правительственной бюрократии возможность творить и осуществлять ее черный «классовый» произвол. В этом и состояла, в действительности, основная суть и главная задача ее «будничной работы». Как бы для того, чтобы еще ярче, выразительнее запечатлеть эту ее «рабью», «прислужническую» антинародную роль, тотчас же по окончании ею ее занятий был назначен вице-губернатором один из главных ее черносотенных депутатов, Гололобов⁸⁴, и появился длинный список других правых депутатов, которым были обещаны и предстояли, — очевидно, в награду за «услуги», — назначения на административные должности...

Предвыборная кампания в 4-ю Государственную думу открылась еще задолго до роспуска 3-ей Думы и даже задолго до того, когда выяснился срок ее близящегося роспуска. Разумеется, первые проявили деятельность и развили усиленную агитацию правые организации всех оттенков и... правительственная администрация. И вполне понятно, что все их усилия с самого же начала были направлены к тому, чтобы новая Дума была ни в коем случае не левее ей непосредственно предшествующей, а — если возможно — и правее еще, послушнее, безличнее, правительственнее. И все было сделано правительством и его верными черносотенными союзниками для достижения этой цели, — все, что можно было сделать «при соединении психологии Илиодора с практикой Курлова⁸⁵», по меткому замечанию одного из тонких политических наблюдателей русской действительности. Да собственно, администрации и не трудно было совсем оказывать давление в удобную ей сторону, и прежде всего потому уже, что самим избирательным законом 3-го июня 1907 года ей были в этом отношении совершенно развязаны руки. Этот закон не только формально ограничивал избирательные права таким образом, чтобы обеспечить решающую роль на выборах «правительственным» группам населения (выборщики по курии крупных землевладельцев составляли вообще чуть ли не половину всего числа выборщиков; и это

в стране, где 80% населения крестьянское, т.е. либо общинное, либо мелкоземлевладельческое), но и допускал и предусматривал многообразное административное вмешательство в самый процесс выборной кампании, все с той же самой целью. Не только рядом с прямыми выборами допускались и косвенные, были образованы национальные курии, были устранены целые области от участия в выборах, но администрации, сверх того, еще предоставлялось дискреционное право* дробления различных избирательных коллегий, их разделения по местностям, по роду цензов, по национальностям, по размерам владений и т.п. Кроме того, правительственная администрация за пять лет «столыпинского правления» была слишком умудрена опытом произвольного административного вмешательства во все общественные и частные дела страны, слишком искусилась делом «полицейского давления», «административного изъятия» и т.п., чтобы не постараться этим же путем направить выборы в русло, удобное «130 тысячам поместных дворян». И на самом деле, с первых же дней предвыборной кампании началась усиленная «административная» кампания всех родов против неугодных правительству выборщиков и кандидатов (путем ли формального разъяснения, путем ли арестов и высылки, путем ли угроз и запугивания), против печати, против общественной самостоятельности вообще, против «инородцев» и т.д. и т.п.

С первых же шагов, однако, правительству пришлось натолкнуться на одно печальное для его замыслов обстоятельство. А именно в рядах главной его опоры: крупных землевладельцев наблюдался безусловный политический развал и сопутствующая ему политическая апатия. И это касалось не только октябристов, на которых правительство уже поставило к этому времени окончательный «политический» крест, но и новонародившихся партий «националистов» и даже таких крепких, казалось, черносотенных организаций, как «Союз русского народа». Выходило, что, будучи весьма пригодны для пассивного поддержания правительственных директив и действий в Петербурге в качестве думского большинства, они были уже весьма мало пригодны и устойчивы в том же самом направлении на

* дающее кому-либо возможность поступать по своему личному усмотрению.

местах, как живой политический элемент в самой массе и толще русского народа. Чтобы помочь положению, было решено поэтому испробовать в качестве «избирательной массы» и мобилизовать черное и белое духовенство. По духовному ведомству закипела невиданная доселе «политическая» деятельность: от епископов полетели агитационные циркуляры, консистории* занялись выработкой избирательных списков, благочинные пустились в объезд по своим округам, воздействуя примером и словом... И действительно, в результате этой многомесячной агитации духовенство явилось на выборы сплоченной массой и в общем не обмануло возлагавшихся на него правительством реакционно-политических упований.

Первая сессия новой Государственной думы

В общем, Четвертая Государственная дума получилась очень похожей на Третью. В этой последней распределение депутатов по фракциям был нижеследующее: 19 социал-демократов; 12 трудовиков; 50 конституционалистов-демократов, к которым примыкали 6 членов мусульманской группы, 16 членов польского коло⁸⁶, 6 мирно-обновленцев, 27 прогрессистов, 100 октябристов, 14 умеренных правых и 171 правых. Правый блок состоял, стало быть, из 185 человек, центр же насчитывал 133 депутата. В Четвертой Думе наблюдалось приблизительно то же самое распределение: 14 социал-демократов, 10 трудовиков, 58 конституционалистов-демократов, 46 прогрессистов, 15 поляков, 99 октябристов, 33 члена Правого центра, 89 правых националистов, 64 крайних правых. Правый блок заключал в себе, стало быть, 186 членов, центр достигал 147. Тем не менее между двумя Думами было одно глубокое и в высшей степени знаменательное различие; а именно: благодаря распаду компактной массы правых и народжению новой партии националистов, думский центр в 4-ой Думе, сдвинувшись технически и формально направо (от октябристов — к националистам), в то же время политически и по существу полевел, так как утратил свою прежнюю чрезмерную зависимость от сплошной массы 171 правых. Перестав быть центром, полевели, в свою очередь,

* учреждение по управлению епархией при архиерее.

и октябристы, обнаружив наконец склонность блокироваться при надобности с оппозицией. Правительство и стоявшее за его спиной дворянство не знали, быть им довольными или нет таким исходом выборов. С одной стороны, 4-я Дума была столь же, — если не более того, — «господской», «сословной», дворянски-помещичьей; каждый седьмой член — священник. Значит, правительство по-прежнему могло, казалось бы, рассчитывать на всецелую и безграничную поддержку Думы в своей реакционной «успокоительно-охранительной» политике; но, с другой стороны, вышеуказанное «полевание» сулило, как будто бы, меньше послушания со стороны новой Думы. И тем более это должно было озадачивать и, пожалуй, даже беспокоить правительство, что ведь на выборах в Четвертую Думу им было ухлопано гораздо больше стараний и допущено гораздо больше бюрократического и полицейского произвола, чем при выборах в предыдущую Думу; тем не менее в результате не только не получилось преследовавшегося еще большего поправления и «уплотнения» правого крыла, но даже, наоборот, как будто бы какая-то неведомая сила придавала в общем совершенно правому большинству более левый смысл и характер.

На одном из предвыборных собраний в Москве А.И. Гучков дал такой лозунг своей партии: «В Четвертой Думе законодательная работа должна отойти на второй план. Октябристы должны, прежде всего, протестовать против фальсификаций народного представительства». И как это ни удивительно, новая Дума в первую же сессию, даже с первых же своих шагов, проявилась уже определенно именно в таком «протестантском» духе... В своей вступительной речи вновь избранный председатель Думы правый октябрист Родзянко⁸⁷, впервые после октябристско-дворянской победы 3-го июня 1907 года, ясно и громко заговорил о конституционных базах русского государственного строя: «Я всегда был и буду убежденным сторонником представительного строя, — возгласил он торжественно, — на конституционных началах, дарованного России великим манифестом 17-го октября 1905 года, укрепление основ которого должно составить первую и непреложную заботу русского народного представительства... Русский народ ждет законодательных трудов, направленных к устранению в условиях повседневной народной жизни проявлений недопустимо-

го произвола...» С этим заявлением, не чуждым «крамольного духа» с точки зрения реакционно-охранной политики, вынужден был сообразоваться, — конечно, как всегда, только на словах, — и Коковцев в правительственной декларации по поводу работы новой Думы. Volens nolens¹ ему пришлось открыто признать, что деятельность этой последней «должна быть направлена к отысканию новых путей для всестороннего усовершенствования русского государственного и общественного быта на строго правовых основах, установленных Высочайшим манифестом 17-го октября». Оказалось, что правительство «вполне сознает несовершенство имеющихся в его распоряжении средств к охранению порядка и полагает, что они должны быть заменены твердыми правовыми нормами». Наконец, Коковцев вынужден был во всеуслышание согласиться с тремя пожеланиями кадетского депутата В.А. Маклакова о том, «чтобы соблюдался закон, чтобы у власти была добрая воля охранять и отстаивать порядок, основанный на законе, и чтобы власть не ставила в заслугу сознательного нарушения закона». Эти пожелания, являвшиеся, при всей мягкости и академичности их формулировки, безжалостной критикой конкретного курса правительственных действий, получили тем более рельефный и колкий смысл после выступления прогрессиста Н.Н. Львова, который следующим образом поставил все точки над «і»: «свобода слова, свобода союзов и собраний, неприкосновенность личности — и рядом с этим министр внутренних дел Макаров! свобода совести — и рядом с нею обер-прокурор Св. синода Саблер⁸⁸! свобода науки — и министр просвещения Кассо! Независимость суда — и министр юстиции Щегловитов!»... Прежде чем разойтись на рождественские каникулы, Государственная дума еще раз подтвердила усвоенный ею «конституционный» курс: 132 голосами против 87 она приняла формулу перехода, предложенную прогрессистами и гласившую: «Выражая уверенность, что нормальная законодательная деятельность возможна только при совместной работе правительства и законодательных учреждений в направлении искреннего осуществления начал, возведенных Высочайшим манифестом 17-го октября 1905 года, и водворении строгой законности,

¹ поневоле, волей-неволей (лат.)

Государственная дума приглашает правительство твердо и открыто вступить на этот путь». То же самое «конституционно-протестантское» настроение 4-ая Государственная дума сохранила на протяжении всей первой сессии. Правда, дальше мягких «представительных» выражений неудовольствия 4-ая Государственная дума в те поры не шла и не намерена была идти.

В общем, парламентская жизнь протекала сонно и скучно, будучи заполнена по-прежнему законодательной «вермишелью» и потопая, как и прежде, в законодательных мелочах, междупартийных интригах, депутатских ссорах и перебранках. Законодательно столь же бесплодная, как и ее предшественница (если еще не более того), она по-прежнему была игрушкой в руках правительства и той ширмой, за которой, когда ему бывало нужно, это последнее прятало свой бюрократический и административный произвол. По-прежнему же «срывалось» в Думе и большинство левых нападения на правительство за отдельные акты его политического произвола и социального насилия. Так, например, как мы знаем уже, запрос о «Ленских событиях» был «похоронен»; точно такая же участь постигла запрос о нашумевшей истории с арестом членов самообразовательного кружка гимназистов частной петербургской гимназии Витмер⁸⁹; несмотря на всю непопулярность прокурора Святого синода Саблера и всю очевидность его черносотенной церковной и общей политики, все же смета по его ведомству была принята; пожелания крестьянской группы, образовавшейся в течение первой сессии на беспартийных началах, относительно правильной и широкой постановки народного обучения, были отклонены и т.п. и т.д.

Еще менее придавало значения своим «думским и писанным декларациям» правительство. На деле реакция и административный произвол росли чуть ли не с каждым днем. За время все той же первой сессии была упразднена свобода слова в Государственной думе с признанием депутатов ответственными за их речи, была установлена судебная ответственность печати за напечатание думских речей и отчетов о думских заседаниях; была окончательно восстановлена законодательная власть «автономных» ведомств, в частности Св. синода и Военного министерства; была восстановлена законодательная власть правительства, принадлежавшая Комитету министров до

17-го октября 1905 года; была восстановлена отмена судебных постановлений, несогласных с видами и взглядами министров, и т.д. и т.п. Дело дошло даже до того, что на очередь был поставлен вопрос о так называемой 40-й статье, предусматривающей право Государственной думы запрашивать о действиях правительства; и почти подготовлен был к «реализации» вопрос о восстановлении телесных наказаний. Мало того, поворачивая все больше и больше направо, Коковцев заменил в начале 1913 года на посту министра внутренних дел Макарова (который не сумел, по-видимому, быть настолько насильственным и произвольным во время выборов, чтобы Четвертая Дума вышла совершенно черносотенной и избрала своим председателем, как о том мечталось усиленно осенью 1912 года в петербургских правительственных «сферах», бывшего нижегородского губернатора Хвостова, типичного губернаторского насильника и взяточника) Маклаковым, ставленником «придворной камарилы», протеже Распутина, славившимся своим умением «представлять пантеру» (каковым искусством он охотно потом услаждал царскую семью). А когда окончательно выяснилось, что 4-я Дума намерена время от времени систематически «бунтовать», хотя бы и на словах только, против правительственного произвола, то министерство Коковцева, придравшись к ничтожному поводу (ругательству Маркова 2-го по его адресу), стало въявь бойкотировать Думу, не являясь на думские заседания и посылая туда, в качестве своих представителей, департаментских чиновников. С окончанием первой сессии в воздухе повисли «слухи» о близящемся роспуске «непослушного» народного представительства...

Дальнейшие успехи реакции

Как уже упоминалось выше, этот «курс направо» правительство продолжало неукоснительно и даже со все растущей настойчивостью. Даже редкие его и притом чисто словесные обнаружения «конституционного» характера были лишь тактическими зигзагами, пущенными в ход для того, чтобы временно затушить «победоносный» рост реакции. Так было все время при Коковцеве, так продолжалось и при его преемнике, Горемыкине, призванном Высочайшим рескриптом 30 января 1914 года

на пост главы министерства. Даже более того, сама замена Коковцева (награжденного графским титулом и назначенного членом Государственного совета) Горемыкиным представляла уже собою безусловный сдвиг вправо. Как-никак, реакционная политика Коковцева была хоть и «твердой» в общем, но с «тормозом», недавнее прошлое Горемыкина, «удушение» им Первой Государственной думы (чем, собственно, и началась реакция) сулило с очевидностью наступление периода «реакции без тормоза». «Политика успокоения», казалось, была признана исчерпанной, выполнившей свою задачу до конца; начиналась, явным образом, «политика безответственного господства». И как бы давая с первых же своих шагов о том знать, Горемыкин заявил решительно, что, не оставляя себе никакого социального портфеля и будучи лишь председателем Комитета министров, он не считает себя обязанным отвечать на обращенные к нему запросы законодательных палат.

Прежде всего, развернулась за это время вовсю и расцвела полным цветом политическая реакция в Министерстве народного просвещения под неутонченным руководством Кассо. Еще летом 1911 года им был издан такой циркуляр о «родительских комитетах» при средней школе, которым они *de facto* сводились на нет. В 1911 же году началось осуществление проекта учреждения при заграничных университетах особых «семинаров» для подготовки к ученой и преподавательской деятельности тех из окончивших в России высшие учебные заведения, которых правительство находило достаточно «благонадежными» и предназначало занять места исключенных за «непослушание» и «крамолу» профессоров. В феврале 1912 года Кассо циркуляром запретил правительственным декретом читать так называемые параллельные курсы. В июле того же года им были изъяты из ведения земских учреждений принадлежавшие им и содержавшие *сe* в народных школах народные библиотеки, путем лишения земства права распоряжаться школьными заведениями, что не замедлило отыгнуться в массе случаев реквизицией состава этих библиотек, достигавшей иногда 95%.

В апреле 1914 года Кассо циркулярно запретил народным учителям вступать в общественные организации и союзы, лишив таким образом сотни деревенских кооперативов их естественных руководителей. Повсюду, особенно в провинции,

но также и в столице, был учрежден за учениками низших и средних школ самый тщательный внутренний и внешкольный надзор и со стороны полиции, и со стороны чисто школьных «властей», свобода их внешкольного времяпрепровождения была самым безжалостным образом ограничена, учительский персонал был самым тщательным образом профильтрован и заменен элементами надежными в полицейском отношении, хотя во многих случаях то бывали отбросы в общественном и моральном отношении. Сыск и провокации были введены сознательно в стены школы и культивировались там и среди учеников, и среди учащихся. Заподозренные политически учащие и учащиеся подвергались немедленно беспощадным карам в административном, а когда можно было, и в судебном порядке. Продолжалась по-прежнему и «война» с левыми профессорами высших учебных заведений и замена их «правыми» и бездарными карьеристами. Был уволен из Петербургского университета профессор Петражицкий⁹⁰, сыскавший себе своими трудами по юриспруденции европейскую известность, были переведены из Петербурга в провинцию профессор Пергамент⁹¹, Гримм⁹² и др. Ставленникам правительства приходилось читать лекции зачастую под специальной полицейской охраной, но и эти зачастую их усилия не приводили ни к чему за отсутствием слушателей, бойкотировавших их лекции из протеста.

Аналогичные преследования а la Кассо «крамолы» получил <i>и</i> широкое применение также в военных ведомствах. Уже с 1901 года в правительственных кругах стало замечаться усиленное поползновение милитаризировать и очерносотить Петербургскую медицинскую академию. Первым шагом на этом пути была организация в стенах академии кружка академистов под предводительством пятидесятилетнего студента-черносотенца Сопочко⁹³, который свою деятельность начал, разумеется, с «обследования» в академии «еврейского засилия» и борьбы с ним. В конце 1912 года правительство решило наконец осуществить «реформу» академии. Начальником ее был назначен генерал Маковеев⁹⁴ и был отдан приказ об отдаче чести офицерам студентами. Студенты в громадном большинстве отнеслись к этому приказу отрицательно и исполняли его плохо. На этой почве возник целый ряд конфликтов между ними и военными (вплоть до кровавых столкновений), быстро при-

нявших характер «охоты на студента» со стороны карьеристской военной молодежи. Эти события вызвали возбужденное состояние и в самой академии (ее студенты забастовали, сняв с себя погоны и кокарды), и в других высших школах в стране, поднялась волна студенческих забастовок, свою солидарность с коими поспешили выразить все сколько-нибудь прогрессивные круги русского общества вплоть до Гучкова. На все это правительство (в лице военного министра, которым тогда уже был генерал Сухомлинов⁹⁵) отвечало закрытием академии, исключением 1007 студентов и превращением ее путем правительственного декрета, помимо законодательных учреждений, в типичную военную школу, в которую доступ был абсолютно закрыт не только для самих евреев, но даже и «для внуков лиц, родившихся в иудейском законе».

От Кассо, разумеется, не отставал по своему ведомству и Маклаков. Особенно выпукло сказалась окончательно разнуздавшаяся в своем произволе реакция в преследовании так называемых «инородцев», и главным образом в преследовании малорусской самодеятельности на Юге России и еврейской национальности на всем протяжении страны. Что касается до первой сферы реакционных упражнений реакции, то тут она занималась, главным образом, закрытием по малейшему поводу и под любым предлогом разнообразных украинских обществ, запрещением всяческих выступлений на украинском языке, гонениями на украинскую периодическую печать и книгу. Происходила, собственно, ликвидация той культурной автономии, которая начала было осуществляться после 17 октября 1905 года. Своего кульминационного пункта эти правительственные преследования достигли в запрещении кому бы то ни было, даже «великороссам», отпраздновать в феврале 1914 года торжественно столетнюю годовщину со дня рождения замечательного украинского народного поэта Т.Г. Шевченко. Гораздо шире, конечно, было поставлено, гораздо дальше метило и гораздо глубже проникало, как и всегда, правительственное преследование евреев. Собственно, только для них одних из всех «инородцев» и была установлена в России уже издавна черта оседлости, только они одни были лишены целого ряда гражданских прав единственно лишь по причине своего происхождения и своей религии, и единственно лишь по отноше-

нии к ним систематически практиковался в России, с ведома и одобрения правительственной «администрации», метод расхищения богатства и истребления людей, именуемый «погромом». Этот метод, правда, русскому правительству пришлось оставить без применения в рассматриваемый период, ввиду его финансовой зависимости от Запада, и в частности нередко от западного еврейского капитала, но зато оно отыгрывалось, изобретая все новые и новые мелкие прижимы и ограничения и поелику возможно ухудшая и отяжеляя повседневную жизнь русского еврея. Военная медицинская академия была для него окончательно закрыта ордером Сухомлинова, доступ в адвокатуру затруднен особыми мерами Щегловитова, пребывание и доступ в средние и высшие учебные заведения затруднен <ы> всевозможными мелкими мероприятиями Кассо и его подчиненных; участие в выборах в 4-ую Государственную думу затруднено сетью административных ухищрений. Новыми паспортными стеснениями была разгромлена в еврейской среде организация коммивояжеров; массовыми выселениями нанесен сильный удар еврейскому ремесленничеству; запрещением анонимных обществ лишен применения еврейский капитал; и т.д. и т.п. Эта антисемитская деятельность правительства, поддерживавшаяся и пособлявшаяся всеми способами националистическими и черносотенными кругами (а иногда даже и умеренно-консервативными элементами вплоть до Гучкова), требовала для себя одновременно и оправдания (главным образом, в глазах заграницы), и более яркого, энергичного обнаружения, которое бы разом, если не физически, то хотя морально, обрушилось на «еврейскую опасность» и раздавило «еврейский кагал». С этой целью, главным образом, стараниями двух министров, Маклакова и Щегловитого, был подготовлен и разыгран знаменитый процесс Бейлиса, который — увы! — в конце концов обратился лишь в международное позорище России. Общественный интерес к этому делу был взвинчен донельзя. Без всякого преувеличения можно сказать, что вся Россия была охвачена спором о ритуальных убийствах и виновности в том Бейлиса; и при этом, безусловно, вся прогрессивная, интеллигентная Россия в глубоком возмущении протестовала против действий правительства. В конце концов, несмотря на все ухищрения, давления и незаконные инициаторов процесса

и их пособников, Бейлис все же был оправдан, благодаря героической защите его лучшими представителями русской адвокатуры. За процессом Бейлиса последовал целый ряд других, меньших по своим размерам, являвшихся его прямыми отголосками. По пустяшному поводу, — в наказание за правдивое поведение в деле Бейлиса, — был приговорен к заключению в крепость на год сотрудник левой газеты «Киевская мысль» Бразуль-Брешковский⁹⁶. Затем настала очередь Шульгина⁹⁷, редактора консервативно-реакционной газеты «Киевлянин», державшегося вполне корректно в деле Бейлиса и навлекшего на себя ненависть и гром со стороны «черной сотни». Наконец, в июне 1914 года было заслушано дело 83 присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты по обвинению в посылке защитникам Бейлиса телеграммы с протестом против «извращения основ правосудия», окончившееся осуждением 25 из них, в том числе Соколова⁹⁸ и Керенского, на восьмимесячное (а остальных на шестимесячное) заключение в тюрьму.

Можно себе представить, в какие тиски при таком правительственном «курсе» все больше и больше попадала общественная жизнь вообще и в особенности печать всех родов и видов. Независимые органы печати, не исключая и самых умеренных, подвергались в одно и то же время преследованиям и ударам со стороны трех ведомств: цензурного, полицейского и судебного. Эти же ведомства явно соперничали между собой в неустанной борьбе с печатью. Журналистов, редакторов и издателей били, так сказать, в три кнута: внезапно налагаемыми непомерными штрафами, предварительными цензурными арестами и судебными угрозами уголовных кар, но для правительства и этого было еще мало. Лицемерно прикрываясь лозунгом, что «не может быть никакой гражданской свободы, которая могла бы разрушать и подтачивать государственный порядок», министр внутренних дел не только мало-помалу вступил с печатью в самую скрупулезную, повсеместную и беспощадную «административную» борьбу, но и не постыдился выработать и внести на обсуждение в Государственную думу законопроект о печати, целью которого было сообщить этой борьбе вполне легальные и регулярные формы, превращая по отношению к печати в постоянный государственный порядок положение усиленной охраны.

Общественное пробуждение

Параллельно с этим разгулом «реакций» шел, однако, и процесс общественного «пробуждения», и чем глубже забиралась и больше нагнела реакция, тем шире намечался и обнаруживался всеобщий народный подъем. Оставаясь, по существу, законодательным орудием и игрушкой правительства и реакций и, по тому самому, будучи бесплодной и скучной в творческом отношении, Государственная дума четвертого созыва не переставала, тем не менее, отдавая дань общему настроению, время от времени выступа<ть> с громкими протестами против действий и вообще «нового курса» правительства. Городские выборы в Москве и Петербурге, имевшие место в конце 1912 года, дали большинство прогрессивным элементам, с которыми правительство вступило тотчас же в борьбу по поводу выборов соответствующих городских голов, до трех раз подряд не утверждая общественных избранников, чтобы потом пытаться навязать от себя назначенных. Начиная уже с Рождества 1912 года по всей России стала постепенно расти волна всевозможных общественных съездов, местных и всероссийских. Один за другим имели место съезды священников, торговых служащих, сельскохозяйственный, кооперативный, городской и т.п. За лето 1913 года в одном Киеве их состоялось свыше 200. Все они собирались «по своим делам», но все непременно реагировали на политическое положение, и, конечно, в протестантском духе. Кроме того, на многих из них самая их специальность побуждала касаться жгучих и коренных тем социального законодательства и тем служить одновременно как бы и разительным контрастом, и конкретным типовым дополнением к законодательной вермишели, скуке и бесплодию парламента. К концу 1913 года стало замечаться явственное пробуждение земской деятельности, и первым делом в сфере народного образования. Все давало почувствовать, что дело народного образования стихийно растет, невзирая ни на что, ни на какие полицейские и административные препятствия. На всероссийском кооперативном съезде в Киеве в августе 1913 года обнаружилось громадное развитие кооперативного движения, с каждым годом шедшего crescendo. За 6 лет, как оказалось, было открыто 8990 кре-

дитных кооперативов, а новых членов прибавилось 5 600 000; так что каждый пятый домохозяин в России являлся уже несомненным членом кредитного кооператива.

Но в чем общественный подъем проявлялся, конечно, сильнее и ощутимее всего, так это — в рабочем движении. «Ленская трагедия» послужила в этом отношении могущественным толчком, и летом 1913 года по всей России прокатилась высокая волна забастовочного движения. Охвачены были крупнейшие районы: Московский, Петербургский, Лодзинский, Бакинский и целый ряд отдельных крупных промышленных центров. Число забастовок с 222 в 1910 году поднялось до 1671 за одно только первое полугодие 1913 года (при 678 000 бастовавших); причем процент забастовок на политической почве чрезвычайно возрос. Летом 1914 года забастовочное движение возобновилось с новой силой и к июлю месяцу стало принимать прямо-таки угрожающие размеры. В одном только Петербурге в нем приняло участие до 250 тысяч человек. Быстро стачка получила здесь выраженный политический характер. Начались кровавые столкновения с полицией, стали расти по улицам баррикады... И если бы не грозное внешнеполитическое положение, которое разом разрешилось затем в громаднейшую и кровопролитнейшую войну, то несомненно России пришлось бы снова пережить события 1905 года.

Круг «государственной провокации» готов был явно сомкнуться. «Политика успокоения», предпринятая и культивировавшаяся Столыпиным, добилась наконец, сначала в руках Коковцева, а потом в руках Горемыкина, своей инстинктивной и сокровенной цели: начала нового глубокого народного беспокойства в России. Правительственная реакция снова приблизила Россию к народной революции. И все это исключительно лишь потому, что самая политико-психологическая природа реакции антитетична, т.е. не может жить, не создавая сама себе оправдания в лице революционного брожения. После обстоятельств гибели Столыпина ничто не демонстрировало с такой наглядностью этой истины, ничто не иллюстрировало более картинно провокационного существа русской внутренне-государственной политики, как так называемый «случай Малиновского»⁹⁹, бывшего одновременно

членом Государственной думы, одним из самых близких сотрудников Ленина и постоянным сотрудником Департамента полиции, трудами которого он был проведен в Думу и с одобрения которого произвел предписанный ему Лениным развал социал-демократической фракции в Думе, а равно и произносил свои едва ли не самые крайние по революционности парламентские речи.

Глава 3 ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Общее единодушие в России

19 июля 1914 года Германия объявила войну России. На другой день появился Высочайший манифест, призывавший народ русский к единению.

И действительно, единение это разом наступило в русском народе. Революционная волна, начинавшая уже было грозно воздыматься над головой правительства и бюрократии, разом как-то улеглась. Внутренняя смута, внутренние распри исчезли, и народ всецело отдался новой неожиданно нагрянувшей волне «внешней распри», воспринимая ее как вторую Отечественную войну. Все, хотя бы временно, слились в одном чувстве, в одной мысли. Левые общественные слои протянули руку правительству, и правые со своей стороны пошли навстречу левым. На Высочайшем приеме членов законодательных палат в Зимнем дворце 26 июля черносотенный депутат Пуришкевич¹⁰⁰, этот хулиганский «enfant terrible»¹ Государственной думы, сам подошел к Милюкову, который был всегда одною из главных мишеней его безобразных выходок, и пожелал с ним возобновить человеческие отношения; и Милюков протянул ему руку.

Мобилизация прошла в полном порядке и с исключительным успехом. За исключением нескольких уличных эксцессов в столице, народные массы отнеслись к событию с великой серьезностью и даже торжественностью. Основной особен-

¹ ужасный ребенок (фр.)

ностью было отсутствие пьянства, этого неизбежного спутника всех мобилизаций.

Наиболее красноречивым внешним обнаружением этого внутреннего единения народа было заседание Государственной думы 26 июля. Выслушав заявление правительства, каждый по своему в соответствии со своими традициями и программой своей партии, представители думских фракций высказались за непреложную защиту русским народом своих прав и границ. Представители остзейских немцев, поляков, латышей, литовцев, татар и евреев единодушно обнаружили переполнившее их чувство национального единения, причем особенно характерна и выразительна была речь представителя наиболее гонимой в России национальности — евреев, Фридмана¹⁰¹, которому шумно аплодировала вся Дума.

В том же духе говорили и представители думской оппозиции, даже самых крайних фракций: Милюков, Чхеидзе¹⁰², Керенский. Разумеется, как крайний социалист и приверженец интернационализма и пацифизма, Чхеидзе не мог не подвергнуть сначала резкой критике «внутреннюю политику» правительства, не напомнить об империалистическом происхождении войны, о виновности в ней всех правительств и не заявить о братстве всех рабочих всех национальностей и всех народов, тем не менее в заключение он подтвердил ясно и просто долг всякого социалиста воспротивиться иностранному нашествию. Еще рельефнее это настроение было выражено лидером трудящихся Керенским. В заключение заседания Государственная дума единогласно (представители социал-демократов и трудящихся вышли, следуя своей всегдашней директиве не подавать голосов за мероприятия реакционного правительства) приняла следующую формулу перехода. «Выслушав объяснения правительства и с чувством удовлетворения, убедившись, что были исчерпаны все средства для сохранения мира, отвечающие достоинству России как великой державы, Государственная дума выражает непоколебимое убеждение в том, что в тяжелый час испытаний перед надвигающейся военной грозой все народы России, объединенные единым чувством любви к Родине, твердо веря в правоту своего дела, по призыву своего Государя готовы встать на защиту Родины, ее чести и достоинства. В сознании этого Государственная дума черпает спокойную уверенность

в несокрушимой силе и славном будущем России. Переходя к очередным делам и выражая полную готовность содействовать делу обороны страны и обеспечения семей запасных, Государственная дума посылает свой братский привет доблестным защитникам Родины, самоотверженно приступившим к выполнению геройского своего долга».

На войну поспешили откликнуться тотчас же и все общественные учреждения. Петербургская дума и Московское земство немедленно же постановили принять ревностное участие в заботах о раненых и больных, о семьях запасных и ополченцев, об обеспечении продовольствием прифронтовых местностей и т.д. В Московском земстве возникла даже тотчас же мысль о всероссийском союзе помощи раненым воинам. 12-го августа на съезде уполномоченных от земств былработан план этой новой обширной организации, а 25-го августа он получил уже одобрение со стороны государя и скоро начал функционировать. В то же время образовался аналогичный союз городов.

22 же августа царем был подписан декрет о продлении запрещения продажи спирта, вина и табачных изделий для местного потребления в империи, наложенного в момент объявления мобилизации «впредь до окончания военного времени». Было известно, однако, что в этой форме была предпринята мера к воспрещению казенной продажи водки навсегда, согласно определенному намерению государя, нашедшему свое окончательное выражение в его телеграмме, оглашенной 28-го сентября на собрании членов «Всероссийского трудового союза христиан-трезвенников», посланной им в ответ на их соответствующее ходатайство. Таким образом, получило завершение общественное движение против казенной алкоголизации России, которое давало себя чувствовать уже с 1913 года, но особенно вырос<о> в течение 1914, выражаясь в постановлениях, петициях, протестах и т.п. всевозможных обществ, лиг и организаций. Под влиянием этого движения правительство уже вынуждено было с января по июль 1914 года закрыть десятую часть винных казенных лавок. Война побудила его действовать радикальнее, что и обнаружилось тотчас же значительным понижением процента преступлений.

Революционные партии и война

Ввиду всего этого, можно утверждать, что те заявления, с которыми выступили представители русского правительства, и в особенности Сазонов¹⁰³, — произнесший 26 июля горячую речь, снискавшую одобрение всей Думы, — соответствовали действительности. Россия поднималась на свою защиту; и если у нее появились затем в программе «присоединения» и «аннексии», то это было уже следствием, а не побудительным началом к военным действиям. Вполне понятно, что при таких обстоятельствах и представители крайних думских левых фракций, со всеми их оговорками программного и теоретического характера, могли примкнуть ко всеобщему воодушевлению и поддерживать всецело национальную защиту.

Это «дифензистское»¹⁰⁴ настроение думской оппозиции нашло себе тотчас же дружный отклик в среде наиболее авторитетных революционных элементов, находившихся по большей части за границей.

Одним из первых откликнулся Плеханов¹⁰⁵, один из инициаторов социалистического движения в России и русской социал-демократической партии, всецело вставши на точку зрения защитника России от нападения со стороны Центральных держав. Вслед за ним откликнулся тотчас же и авторитетный теоретик анархического коммунизма П. Кропоткин¹⁰⁶, в своих письмах, печатавшихся в заслуженной московской газете «Русские ведомости»¹⁰⁷ и отстаивавших не только необходимость для России защищаться, но и необходимость для демократической западноевропейской коалиции разбить автократический тевтонский союз с тем, чтобы лишить прусских милитаристов власти и силы. Старый революционер и эмигрант В. Бурцев¹⁰⁸, испытанный «истребитель» шпионов и провокаторов, за свою брошюру, призывавшую убить царя, издевавший не так-то уж давно 18 месяцев английской каторги, как только вспыхнула война, немедленно же двинулся в Россию, чтобы участвовать в общем деле отечественной обороны. Целый ряд видных русских революционеров вроде Слетова¹⁰⁹, Оникко¹¹⁰, Лебедева¹¹¹ и т.д. записались волонтерами во французскую армию и не только на деле стали защищать общее демократическое дело, но и оросили своею революционной кровью поля сражений.

Наиболее полное выражение это отношение к событиям получило в резолюциях, принятых на съезде видных представителей русской социал-демократии и социально-революционной партии, в сентябре 1915 года в Швейцарии в манифесте к «трудящемуся сознательному населению», подписанном, между прочим, Дейчем¹¹², Авксентьевым¹¹³, Оникко, Алексинским¹¹⁴, Аргуновым¹¹⁵.

В России ту же точку зрения на события развивала вся наличная в те дни левая печать: и народно-социалистические «Русские записки»¹¹⁶, и социально-революционные «Северные записки»¹¹⁷ и «Ежемесячный журнал»¹¹⁸, и социал-демократический «Современный мир»¹¹⁹, а равно и отдельные представители революционной демократии вроде П. Маслова¹²⁰, Потресова¹²¹, Рожкова¹²², Огановского¹²³ и т.п.

Тем не менее далеко не все революционно-социалистические русские элементы избрали себе «дифензистскую» платформу. С первых же дней войны, рядом с описанным только что течением, обнаружилось, главным образом за границей, два других, из которых одно было интернационалистско-пацифистское или «циммервальдианское», а другое выраженно пораженческое. К первому течению примыкали видные представители социал-демократов-меньшевиков (например, Аксельрод¹²⁴, Мартов¹²⁵, Мартынов¹²⁶, Ларин¹²⁷, Рязанов¹²⁸, Павлович¹²⁹, Лозовский¹³⁰, Троцкий¹³¹, Раппопорт¹³² и др.) и социалистов-революционеров (Чернов¹³³ и Натансон¹³⁴). «Пораженчество» было компактно представлено большевистским разветвлением русской социал-демократии с Лениным и Зиновьевым¹³⁵ во главе. Социал-демократы-циммервальдианцы своим главным органом имели ежедневную парижскую газету на русском языке «Голос»¹³⁶ (в ней сотрудничали, впрочем, также и большевики), начавшую выходить 1 сентября 1914 года, закрытую на 108-ом номере и превратившуюся в «Наше слово»¹³⁷, которое издавалось вплоть до революции (кроме того, в том же направлении действовали цюрихские «Известия» и женеvский «Вперед»¹³⁸). Социалисты-революционеры-циммервальдисты издавали в Женеве газету «Жизнь»¹³⁹, а большевики-пораженцы публиковали газету «Социал-демократ»¹⁴⁰ и журнал «Коммунист»¹⁴¹.

Для характеристики «циммервальдистов», в сущности, колеблющихся или «скрытых» пораженцев, может служить следу-

ющий пассаж, заимствуемый из статьи «Наша позиция», помещенной в № 50 (от 10 ноября 1914 года) их органа: «Мы стоим на точке зрения Штутгартской резолюции нашего интернационала, мы стоим на точке зрения декларации социал-демократической фракции Государственной думы. Мы рассматриваем эту войну как следствие империалистских стремлений правящих классов Европы и определенных династических интересов. Наше отношение к ней — определенно отрицательное... Мы констатируем, что только российские, сербские и некоторые английские социалисты выполнили свой долг перед интернационалом... Мы призываем от националистического социализма, защищаемого даже товарищем Плехановым, перейти к точке зрения интернационала — отечества всех обездоленных. Мы полагаем, что задачи социалистов по отношению к разразившейся войне ясны. Они определены в Штутгартской резолюции в следующих словах: “в случае, если война разразится, социалисты должны вмешаться для того, чтобы положить ей быстрый конец и употребить все силы на то, чтобы поднять самые глубокие слои народных масс и ускорить падение капиталистического строя”».

Пораженчество

Позиция большевиков-пораженцев была сформулирована ими уже в сентябре 1914 года в ряде «тезисов о войне», которые были опубликованы в № 33 «Социал-демократа» 1-го ноября 1914 года, а затем были подтверждены на большевистских заграничных конференциях в феврале и в марте 1915 года и легли в основу всей дальнейшей большевистской деятельности. Вот этот документ исключительной важности *in extenso*¹:

О характере войны

Современная война имеет империалистический характер. Эта война создана условиями эпохи, когда капитализм достиг высшей стадии развития; когда наиболее существенное значение имеет уже не только вывоз товаров, но и вывоз капитала; когда картелирование производства и интернационализация

¹ полностью (лат.)

хозяйственной жизни достигли значительных размеров; когда колониальная политика привела к разделу почти всего земного шара; когда производительные силы мирового капитализма переросли ограниченные рамки национально-государственных делений; когда вполне созрели объективные условия осуществления социализма.

О лозунге «защиты Отечества»

Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т.д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны.

Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов. Фразы о защите Отечества, об отпоре вражескому нашествию, об оборонительной войне и т.п. с обеих сторон являются сплошным обманом народа.

В основе действительно национальных войн, которые имели место, особенно в эпоху 1789–1871 гг., лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержения национального гнета и создания государства на национальной основе, как предпосылки капиталистического развития.

Созданная этой эпохой национальная идеология оставила глубокие следы в массе мелкой буржуазии и части пролетариата. Этим пользуются теперь, в совершенно иную, империалистическую эпоху, софисты буржуазии и плетущиеся за ними изменники социализму для раскалывания рабочих и отвлечения их от их классовых задач и от революционной борьбы с буржуазией.

Больше чем когда бы то ни было верны теперь слова «Коммунистического манифеста», что «рабочие не имеют отече-

ства». Только интернациональная борьба пролетариата против буржуазии может охранить его завоевания и открыть угнетенным массам путь к лучшему будущему.

Лозунги революционной социал-демократии

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами.

Гражданская война, к которой революционная социал-демократия зовет в настоящую эпоху, есть борьба пролетариата с оружием в руках против буржуазии за экспроприацию класса капиталистов в передовых капиталистических странах, за демократическую революцию в России (демократическая республика, 8-мичасовой рабочий день, конфискация помещичьих земель), — за республику в остальных монархических странах вообще и т.д.

Крайние бедствия для масс, создаваемые войной, не могут не порождать революционных настроений и движений, для обобщения и направления которых должен служить лозунг гражданской войны.

В настоящий момент организация рабочего класса сильно разбита. Но революционный кризис, тем не менее, назревает. После войны господствующие классы во всех странах еще больше напрягут свои усилия к тому, чтобы отбросить назад на долгие десятилетия освободительное движение пролетариата. Задача революционной социал-демократии, как в случае быстрого темпа революционного развития, так и в случае затяжного характера кризиса, будет — не отказываться от длительной повседневной работы, не пренебрегать ни одним из прежних методов классовой борьбы. Ее задачей будет и парламентаризм и экономическую борьбу направлять против оппортунизма, в духе революционной борьбы масс.

Как первые шаги по пути превращения современной империалистской войны в гражданскую войну надо указать: 1) безусловный отказ от вотиrowания военных кредитов и выход из буржуазных министерств; 2) полный разрыв с полити-

кой «национального мира»; 3) создание нелегальной организации повсюду, где правительства и буржуазия, вводя военное положение, отменяют конституционные свободы; 4) поддержка братания солдат воюющих наций в траншеях и на театрах войны вообще; 5) поддержка всякого рода революционных массовых выступлений пролетариата вообще.

Оппортунизм и крах II интернационала

Крах II интернационала есть крах социалистического оппортунизма. Последний вырос как продукт предыдущей «мирной» эпохи развития рабочего движения. Эта эпоха научила рабочий класс таким важным средствам борьбы, как использование парламентаризма и всех легальных возможностей, создание массовых экономических и политических организаций, широкой рабочей прессы и т.п. С другой стороны, эта эпоха породила тенденцию к отрицанию классовой борьбы и к проповеди социального мира, к отрицанию социалистической революции, к принципиальному отрицанию нелегальных организаций, к призыванию буржуазного патриотизма и т.д. Известные слои рабочего класса, бюрократия в рабочем движении и рабочая аристократия, которой перепадала частичка доходов от эксплуатации колоний и от привилегированного положения их отечества на мировом рынке, а также мелкобуржуазные попутчики внутри социалистических партий явились главной социальной опорой этих тенденций и проводниками буржуазного влияния на пролетариат.

Губительное влияние оппортунизма особенно ярко проявилось в политике большинства официальных социал-демократических партий II интернационала во время войны. Голосование кредитов, вхождение в министерства, политика «гражданского мира», отказ от нелегальной организации в то время, когда легальность отнята, означает срыв важнейших решений интернационала и прямую измену социализму.

III интернационал

Созданный военный кризис обнаружил действительную сущность оппортунизма, показав его в роли прямого пособника буржуазии против пролетариата. Так называемый социал-демократический центр с Каутским¹⁴² во главе на деле вполне

скатился к оппортунизму, прикрывая его особо вредными лицемерными фразами и фальсифицированием марксизма под империализм. Опыт показывает, что, например, в Германии только решительное нарушение воли большинства верхов партий дало возможность выступить с защитой социалистической точки зрения. Было бы вредной иллюзией надеяться на восстановление действительно социалистического интернационала без полного организационного размежевания с оппортунистами.

РСДРП должна поддерживать всяческие интернациональные и революционно-массовые выступления пролетариата, стремясь к сближению всех антишовинистских элементов интернационала.

Пацифизм и лозунг мира

Одной из форм одурачения рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. А с другой стороны, с<оциал>-д<емократы> не могут отрицать позитивного значения революционных войн, т.е. не империалистических войн, а таких, которые велись, например, от 1789 по 1871 г. ради свержения национального гнета и создания из феодально раздробленных — национальных капиталистических государств или которые возможны для охраны завоеваний побеждающего в борьбе с буржуазией пролетариата.

Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций.

Поражение царской монархии

В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна остановиться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобожде-

нию поработанных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов.

В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным поработанием народов в уже захваченных областях. В силу этого, поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом...

Сторонники «пораженчества» нашлись еще, правда, в очень ограниченном количестве, — среди заграничных украинских элементов, с одной стороны, захваченных идеей сепаратизма, а с другой, поддерживаемых и политически, и материально австрийским правительством. С благоволения и при денежной помощи этого последнего была основана за границей для всякого рода пропаганды организация, носившая громкую кличку «Союза вызволения Украины»¹⁴³, которая с самого же начала являлась не чем иным, как своего рода политическим австрийским агентством, и в числе главных деятелей которого, согласно разоблачениям женевского социал-демократического украинского органа «Боротьба»¹⁴⁴, состояли люди, изгнанные из политических партий в России (как то Донцов¹⁴⁵, Дорошенко¹⁴⁶, Меленевский¹⁴⁷, Скоропис-Йолтуховский¹⁴⁸, Зализняк¹⁴⁹, Жук¹⁵⁰ и т.п.), и даже агент венской секретной полиции. «Союзом» издавался периодически свой «Вестник», был опубликован ряд прокламаций и брошюр резко антирусского и германо- и австрофильского характера и выполнена сложная и разнообразная работа давления на общественное мнение Запада, особенно в Швейцарии, Болгарии, Турции и Италии (пока эта оставалась нейтральной). В Лозанне в явной связи с этим «Союзом» выходил ежемесячный журнал «La Revue Ukrainienne»¹⁵¹.

В добавление можно еще отметить своеобразную позицию, занятую по отношению к войне крайними правыми, т.е. «черносотенными» кругами. «Союз русского народа» до войны был привержен Гогенцоллернам; в сущности, он не изменил этой своей ориентации и во время войны. Его главный орган, «Русское знамя»¹⁵², по-прежнему продолжало видеть в Гогенцоллернской Германии «оплот» монархизма и реакции в Европе: «Германия, — писалось там в октябре 1914 года, — есть носи-

тельница государственной моды, благодаря тем здоровым началам, которые вложены в управление государством». Очевидно, желать поражения этой «носительницы и насадительницы высоких для человечества принципов» не могло российское черносотенство. Оно соглашалось лишь на отпор яростному натиску воинствующего германизма, поскольку была угрожаема территориальная целость России, но ни о какой «решительной борьбе до конца» оно не хотело и слышать. Бороться так и до тех пор, чтобы «германским принципам государственности не было урона», — вот был его лозунг. Мало того, «замена Германией где-нибудь, хотя бы даже по соседству, народоправческого режима монархическим началом, — говорило оно, — была бы вовсе не вредна для человечества, для спокойствия Европы и процветания народов».

К концу 1914 года в черносотенных и придворных кругах поднялась даже усиленная противоанглийская кампания, преданная гласности одним из киевских правых националистов, Савенко¹⁵³. Цель этой кампании, изложенной в негласной записке, циркулировавшей по Петербургу, заключалась в капитуляции перед Германией, ибо-де «разгром Германии равен силён разгрому идей монархизма и консерватизма. Торжество Англии и Франции будет торжеством идей политического демократизма и радикализма, которые после разгрома Германии широкой волной разольются по всей Европе и захлестнут и наше отечество».

Работа общественных организаций на войну

Как было уже упомянуто выше, с первого же момента объявления войны крупнейшие общественные организации предложили свои услуги правительству, началась в полном смысле этого слова всеобщая «общественная мобилизация».

В первую голову это была русская «земщина», в лице объединившегося земства и объединившихся городов. Сначала ей было сказано, что ее услуги нужны лишь в форме работы в глубоком тылу для устройства лазаретов. Но не прошло много времени, как она была привлечена к участию в деле организации эвакуации раненых, в устройстве передовых перевязочно-питательных отрядов, пунктов и бань и т.д. и т.п., т.е. к обслужи-

живанию также и фронта. Не было такого дела, от которого бы уклонялись Земский и Городской союзы; и работа их беспрерывно ширилась и развивалась. Понимая всю необходимость и неизбежность этой общественной помощи, правительство сразу же пошло навстречу этим организациям, которые еще только что составляли оппозицию и котиrowались как зараженные духом «крамолы». Правительственным циркуляром общественные и частные организации, оказывающие помощь государству в деле ухода за ранеными и больными воинами, были приравнены к правительственным. «Всякие попытки к какой-либо ломке в налаженной общественной и частной организационной работе, — писал министр внутренних дел Маклаков губернаторам, — могут убить животворный дух и инициативу и принесут только вред великому и святому делу». Когда возник Всероссийский земский союз, так и было повелено: «оказывать со своей стороны поддержку и содействие губернским и уездным комитетам Земского союза, а равно и отдельным лицам, действующим от лица союза». Еще знаменательнее был факт изъятия от утверждения со стороны «администрации» лиц, работающих во всех разнообразных учреждениях союза, т.е. уполномоченных, врачей, делопроизводителей, заведующих складами и т.д., — мера, шедшая вразрез с царившим до войны строжайшим «административным» надзором и произволом.

Первоначально дело борьбы с заразительными болезнями в армии правительство отнюдь не хотело упускать из своих рук. Но главноуполномоченный Земского союза, кн<язь> Г. Львов¹⁵⁴, не остановился перед препятствиями ведомственного характера и лично донес о положении дел главнокомандующему, благодаря чему было получено Высочайшее соизволение и на этого рода деятельность союза.

Результаты деятельности Земского союза оказались тотчас же более чем блестящи. Так, например, только в течение августа–октября 1914 года и только по 15 губерниям Московского района на земские койки было отправлено 46 191 раненых из общего числа эвакуированных туда 53 509 человек. Земским союзом было оборудовано тотчас же 35 санитарных поездов, 3 перевязочно-питательных отряда, склад белья, дневной оборот которого достигал огромных размеров (напр<имер>, 2 октября было принято 228 474 аршин материала, отпущено

441 445), склад перевязочных материалов, инструментов, аптекарский склад (из коих в день отправлялось до 1500 пудов).

Когда русскими войсками была занята Галиция, перед Земским союзом открылись громадные и многосложные задачи медицинской помощи населению, в частности — восстановления краевых больниц, дезорганизованных в массе мест бегства австрийского персонала. Вслед за тем ему пришлось заняться устройством бань, складов белья, столовых, питательных пунктов, мест ночлега и т.д. и т.п. После отступления русской армии союзу пришлось взять на себя и другую тяжелую задачу: помощь беженцам, которые в количестве сотен тысяч человек, — мужчины, женщины, старики и дети, — затопили местности, близкие к фронту, и дороги, уводящие вглубь страны. Нужно было и их укрыть, накормить, лечить, эвакуировать, устраивать на местах. Наконец, вскоре оказалось, что правительственная бюрократия была неспособна и бессильна не только в деле организации санитарной жизни и продовольственной помощи войскам, но и что самая заготовка и поставка военных материалов шли из рук вон плохо. Таким образом, Земскому союзу пришлось взять на себя в немалой степени заботы и в этом отношении; и не прошло много времени, как не только по городам и индустриальным центрам стали возникать одна за другой фабрики и мастерские союза, но и повсюду в деревне началось систематическое использование отдельного крестьянского кустарного труда. *Volens aut nolens*¹, правительство вынуждено было согласиться даже на то, чтобы Союз земств принял участие в заготовке и доставке военных снарядов.

В несколько меньшем масштабе, но с такой же энергией и систематичностью развернулась деятельность Союза городов. Но на образовании Земского и Городского союзов не остановилась организация военной помощи со стороны общества и народа. По примеру их тотчас же началась повсюду, в столицах и в провинции, лихорадочная деятельность по созданию с этой целью новых общественных ячеек и организаций и объединений их в более обширные общественные единицы. Кооперативные учреждения, сельскохозяйственные общества,

¹ поневоле (лат.)

разные научные, просветительские и прогрессивные общества и организации немедленно же зашевелились, стали объединяться и организовывать по мере своих сил военную помощь. Пироговское общество объединило вокруг себя целый ряд других обществ и кружков Москвы, в Петрограде тоже возникло Вольно-экономическое общество. В Москве возникла Общесмоковская организация торговых служащих. Университеты, научные общества, промышленные предприятия, общественные и профессиональные союзы, средняя школа и различные профессиональные корпорации вроде учителей, адвокатов, артистов, инженеров и т.д. стали, один за другим, организовывать свои собственные госпитали, санитарные поезда или систематически посылать на фронт наборы различных предметов и припасов. Все общественные ячейки страны стали самопроизвольно отзываться. Самое замечательное, может быть, в этом отношении был великий социальный дух, обнаруженный крестьянством. Призыв лишил массу крестьянских семей работников; и так как хлеб является основным богатством и главным пищевым ресурсом России, то положение легко могло бы сделаться очень быстро критическим, если бы сами же крестьяне не нашли тотчас же из него выхода. Сельскими сходами тотчас же по отбытии призванных были вотированы в массу деревень особые резолюции по поводу общественной помощи их семьям, то ли продуктами и деньгами, то ли даровым трудом и формой обрабатывания их участков. По приблизительным исчислениям, за первые недели войны крестьянами было выполнено дарового труда по «взаимопомощи» приблизительно на 16 миллионов рублей. Затем по всему лицу земли Русской среди крестьян стали образовываться различные сообщества взаимопомощи, которые в некоторых случаях решались распространять свой круг деятельности, организовывая собственные госпитали для раненых, мастерские для поставки на фронт различных изделий и т.д. и т.п.

С громадным подъемом отозвалась на войну и учащаяся молодежь. Во всех крупных учебных центрах она вышла на улицу, заявляя, что не желает стоять поодаль, в то время как народ проливает кровь на поле брани. Очень многие ушли на войну, отказавшись воспользоваться льготами и отсрочками; другие записались в санитарные отряды; третьи, наконец, даже остав-

шись, отдавали громадную часть своего времени различного рода военной помощи. В некоторых городах, напр<имер>, вся работа по разгрузке санитарных поездов производилась учащейся молодежью. Она же приняла самое близкое участие в сборах — денежных и вещами — для солдат и раненых; она же обложила себя сбором для-ради различных нужд войны, несмотря на свои более чем скудные приходы, и т.д.

Реакция все же продолжается

Этот единодушный общественный подъем, которому правительство не могло не пойти навстречу с военной точки зрения в первые моменты, тем не менее, политически совсем не был по вкусу всесильной бюрократически-черносотенной «администрации». Обратившись к широким слоям населения с призывом объединиться и прекратить внутренние распри и приняв помощь со стороны общественных организаций, правительство отнюдь не собиралось понимать этого в смысле политической уступки народу и интеллигенции, в смысле «полевения» правительственного курса. У кормила правления по-прежнему оставалась четверка Горемыкина, Маклакова, Щегловитого и Кассо; и это не могло сулить ничего другого, кроме более или менее быстрого возрождения (если и не обострения) реакции. Правда, правительством были сделаны сначала кое-какие внешние уступки общественному мнению. Был утвержден, например, на посту московского городского головы, после двухлетнего «безголовья» и троекратного неутверждения думского избранника, избранный городской думою же Челноков¹⁵⁵. Был принят государем в аудиенцию главноуполномоченный Земского союза, кн<язь> Г. Львов, тот самый, которого правительство ни за что не хотело утвердить на посту московского городского головы. И даже, — что было максимальной уступкой общественному мнению, — на место умершего в декабре Кассо, на пост министра народного просвещения был призван гр<аф> Игнатъев¹⁵⁶, начавший с отмены целого ряда реакционно-бюрократических циркуляров Кассо (среди коих, впрочем, остался по-прежнему в силе касавшийся усиления затруднений для поступления евреев по жеребьевке в учебные заведения) и переработки универ-

ситетского устава снова в более либеральном и менее «административном» направлении. Наконец, как уже упоминалось, была отменена и казенная продажа спирта. Но все это, в конце концов, было лишь каплей в море и нисколько не мешало продолжать настойчивое применение реакционной системы в ее целом.

Начать хотя бы с того, что с момента объявления войны вся боевая левая печать была разом временно приостановлена и все рабочие газеты и большинство «инородческих» безжалостно и бесповоротно закрыты; на «внутреннюю хронику» пала беспросветная цензурная завеса... После заседания 26-го июля Гос<ударственная> дума была распущена с указанием, что «законодательные учреждения должны знать, что и впредь они будут срочно созываемы, если по чрезвычайным обстоятельствам это будет признано необходимым!», как будто бы наличие национальной войны не было достаточно «чрезвычайным обстоятельством» для того, чтобы или заседать бессменно, и<ли> своим содействием не только облегчать работу правительства, но и каждодневно выявлять и укреплять столь необходимое единение народа и власти. Шесть добрых месяцев прошло, прежде чем Гос<ударственная> дума была снова созвана на три дня; да и этого удалось добиться лишь ценой усиленных давлений со стороны депутатов. В течение всего этого времени правительство пробовало, взамен созыва Гос<ударственной> думы, привлекать отдельных депутатов к ведомственным совещаниям, но в общем действовало самовластно и бесконтрольно, при надобности широко и обильно пользуясь знаменитой 87-ой статьей... Несмотря на официальное распоряжение «сверху» оказывать на местах всяческую поддержку деятельности Земского и Городского союзов, а равно и всех других частных организаций и лиц, работающих «на войну», эта деятельность далеко не повсюду находила содействие со стороны местных представителей власти, и притом не без соответствующих, разумеется, неофициальных, — внушений из Петрограда, из «высших» или близких им черносотенных «сфер». Несмотря на огромные физические и экономические жертвы, принесенные евреями на алтарь войны (их было призвано под знамена уже в начале 1915 года до 300 тысяч), их политическое положение в стране не только не улучшилось, но постепенно ухудшилось до

пес plus ultra¹; массам еврейского народа пришлось перенести невыразимые страдания именно благодаря их политическому бесправию. Уже самая эвакуация из разных мест перед приближением наступающего врага и опустошение этим последним занятых местностей дорого обошлось еврейскому народу. К этому прибавились тотчас же мероприятия царского правительства: властями было сделано все, чтобы не пропустить еврейских беженцев за черту оседлости; и те из них, кто пытался проникнуть туда, бывал безжалостно наказываем.

Но мало того, вслед за русскими военными неудачами и отступлением, черносотенными и антисемитскими кругами стали тотчас же распространяться усиленные ложные слухи о скрытом германофильстве еврейского народа, о радостных встречах, устраиваемых им наступающему врагу, об еврейском шпионаже в пользу немцев и т.д. и т.п. Был пущен в оборот ужасный лозунг: «еврейская измена». Своим непосредственным результатом это имело ряд погромов в различных местностях Польши, в которых участвовало — увы! — не только местное польское население, но и русские солдаты. Вскоре, однако, и правительство решило не отставать от своего черносотенного авангарда и свалить хотя бы часть вины за военные неудачи, целиком на нем лежавшей, на ни в чем не повинный еврейский народ: начались массовые выселения евреев из прифронтовой полосы, которые производились самым бесчеловечным образом, зачастую в 24 часа, иногда в течение трех часов. Самого пустяшного предлога бывало достаточно, чтобы еврею попасть под военный суд, который кончался, после суммарного разбирательства, либо расстрелом, либо каторгой. Широкое применение получили также телесные наказания.

Едва только Галиция была занята русскими войсками, как там началась с места в карьер, несмотря на знаменитое обращение главнокомандующего к народам Австро-Венгрии с заверением по поводу всяческих свобод, — самая реакционная политика насильственной русификации под руководством назначенного генерал-губернатором графа Г. Бобринского¹⁵⁷ и посланного ему в помощь, по духовной части, черносотенного арх^иепископа Евлогия¹⁵⁸. Заседания волостных сходов,

¹ самой крайней степени (лат.)

земских собраний, городских дум и все вообще собрания были запрещены до окончания военных действий; были закрыты все без исключения общества, союзы, клубы вплоть до кооперативов; высшие учебные заведения были закрыты; в низших школах стал вводиться тотчас же русский язык, все украинские газеты были приостановлены, все библиотеки закрыты; был закрыт национальный украинский музей, а его содержимое вывезено в Россию. Согласно распоряжению от 30-го сентября 1914 года, все украинские книги, напечатанные в Галиции, — даже молитвенники, — должны были немедленно быть представлены в полицейские участки на предмет уничтожения; была запрещена даже переписка на украинском языке. Было отставлено от службы до 20 тысяч австрийских чиновников украинского происхождения и заменено чисто русскими, выписанными из глубин России. Не менее энергичные меры были приняты к искоренению униатства (в котором в Галиции жило до 3 1/2 миллионов населения) и насаждению, в замену его, православия.

В ноябре 1914 года царским указом была санкционирована программа мероприятий относительно Финляндии, выработанных особой комиссией и клонившихся в общем к усилению там правительственной власти и осуществлению большего политического и экономического единства с Россией; другими словами, — в завершение всех предыдущих законодательных шагов по отношению к Финляндии за последние 10 лет, — обширная и радикальная программа русификации. В сентябре месяце на русской границе был арестован известный революционер и эмигрант, Бурцев, решивший вернуться в Россию и в записке на имя министра внутренних дел предварительно объяснивший свое намерение мотивами патриотического характера. В течение нескольких месяцев ему пришлось пробыть в тюрьме, после чего 20-го января 1915 года он был осужден на высылку на вечное поселение в Сибирь «за оскорбление величества». В ноябре месяце в дачной местности «Озерки» около Петрограда полицией было обнаружено «недозволенное» собрание группы лиц, в числе коих находились депутаты думской социал-демократической фракции большевиков (Бадаев¹⁵⁹, Муранов¹⁶⁰, Петровский¹⁶¹, Самойлов¹⁶² и Шагов¹⁶³), а также публицист Розенфельд-Каменев¹⁶⁴. Это собрание якобы было

посвящено обсуждению проекта резолюции по поводу войны, в котором признавалось, что «наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск», и выдвигалось лозунгом: «всесторонняя, распространяющаяся на войска и театр военных действий пропаганда социалистической революции и организация для этой пропаганды нелегальных ячеек в войсках». Дело благополучно докатилось до процесса, состоявшегося при открытых дверях 13-го февраля 1915 года; все пятеро депутатов вместе с Розенфельдом и еще одним рабочим были осуждены к ссылке на вечное поселение и лишению всех прав; каковой приговор и был приведен затем в исполнение (несмотря на то, что на процессе защитниками обвиняемых, в числе коих находились снова Соколов с Керенским, было показано, что никто из них не был сторонником пораженчества и не было никакой пропаганды в этом направлении). 30 января 1915 года во время заседания одного из старейших и заслуженнейших русских обществ, Императорского Вольно-экономического, посвященного чествованию памяти павшего в бою члена общества и известного политического деятеля Колюбакина¹⁶⁵, явился полицейский пристав и сообщил, что деятельность общества приостанавливается на все время военного положения в Петрограде. Кара постигла Вольно-экономическое общество в тот момент, когда оно было занято, кроме обычных обширных статистических и иных научных работ, также самой интенсивной деятельностью по удовлетворению неотложных военных нужд.

Глава 4 РАЗРЫВ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ

Начало военного разгрома

Все эти факты явственно свидетельствовали о том, что правительство отнюдь не имело в виду радикально прекращать своей реакционно-народоборческой политики даже в эпоху национальной самозащиты, когда было столь необходимо внутреннее согласие и единение всех народных сил. Первым естественным следствием такого поведения правительства мог стать только

и только постепенный упадок подъема и энтузиазма в народе, и прежде всего в наиболее чувствительной его части, в интеллигентном обществе. Признаки этого не заставили себя долго ждать. Уже в конце января 1915 года созванная вновь «экстренно» на три дня Гос<ударственная> дума обнаружила серьезную трещину в единодушии «представителей страны». На предварительном закрытом заседании 25-го января подверглась самому тщательному рассмотрению и критике деятельность военного ведомства, печальные результаты которого начинали уже давать знать о себе на фронте. Затем, на первом же публичном заседании 27-го января, Чхеидзе и Керенским были произнесены речи такого содержания, что их воспроизведение было запрещено председателем, и самая резолюция перехода, заключая привет Думы армии и флоту, симптоматически в то же время говорила лишь о решимости страны вести войну до тех пор, пока не будут достигнуты условия, «обеспечивающие мир Европе и восстановление права и справедливости», и еще того более симптоматически умалчивала и об единении народа с правительством, и о правительственных действиях. На втором заседании 28 января социал-демократами и трудовиками были сделаны заявления, которые поставили все точки над «i» и *volens nolens* были допущены к обнаружению.

Еще больше и чувствительнее эта трещина между правительственной бюрократией и народом обнаружилась к началу лета, и этому главным образом поспособствовал разгром русских армий и их стремительное и глубокое отступление. Тяжелым ударом для патриотического воодушевления, основывающегося всегда на народном доверии, была загадочная сентябрьская гибель армии генерала Самсонова¹⁶⁶ на Мазурских озерах в Восточной Пруссии, породившая темные и беспокойные слухи относительно немецких интриг при дворе и в высшем командовании, оставленная без объяснений правительством. Еще больше обеспокоилось общественное и народное мнение несколько позже трагическими неудачами 10-ой русской армии в Августовских лесах около северо-восточной прусской границы. Странно поразило также неудачное окружение русской армией нескольких корпусов армии генерала Маккензена¹⁶⁷ около Лодзи в декабре, о взятии которых в плен было уже извещено в печати, и т.д. и т.п. Это беспокой-

ство нашло себе красноречивейшее выражение в заявлении, с которым обратился в конце февраля к председателю Государственной думы трудовик Керенский. Правительство не нашло ничего лучше, как ответить суммарным образом на всеобщее напряженное ожидание лишь через месяц, выпустив сообщение относительно предательской роли подполковника Мясоедова¹⁶⁸, занимавшего должность переводчика при штабе 10 армии, и об его поспешной казни.

Параллельно этому, подливая все больше и больше масла в огонь беспокойства, в стране поднимали голову антивоенные и германофильские течения и происки. Черносотенная печать, как уже упоминалось, открыто восхваляла автократический германский режим и восставала против военного разгрома Германии. В «придворной клике» шла усиленная агитация в пользу сепаратного мира с Германией. Дело дошло до того, что некая госпожа Васильчикова¹⁶⁹, одна из представительниц высшей аристократии, обратилась к Сазонову и Родзянко с предложением от имени правительства Германии о сепаратном мире между Россией и Германией. И в то время как пять социал-демократических депутатов томились в тюрьме, ожидая вечных поселений за пораженческие мысли и настроения, госпожу Васильчикову всего лишь попросили выехать в свои обширные поместья... В декабре 1914 года граф Витте, «отец русской конституции», произнес на собрании представителей русской промышленности речь, клонившуюся к обвинению Англии как главной виновницы вспыхнувшей войны и доказательству тезиса, что Россия не заинтересована в исходе этой войны. В русском обществе и народе все упорнее и упорнее ходила молва, что при дворе, около царицы «немки», свила себе теплое гнездышко, помимо реакции, также и наиподлиннейшая измена родине, при содействии ставшего всемогущим временщиком Распутина. Говорили уверенно, что еще в самом начале войны военный контршпионаж констатировал в Царском Селе существование тайных немецких радиотелеграфических станций; но расследование должно было будто бы немедленно прекратиться, наткнувшись на слишком могущественное «влияние». Не менее уверенно говорилось о том, что Мясоедов был одним из второстепенных персонажей и что нити предательства шли гораздо дальше «вверх»... Не могло не порождать тол-

ков и подозрений то обстоятельство, что какая-то невидимая рука производила совершенно неожиданные, необъяснимые перемещения в высшем командовании, иногда вдруг устраняя лучших, популярнейших и победоносных генералов (как то было, например, с генералом Рузским¹⁷⁰)... И под впечатлением начавшихся военных неудач и растущих патриотических подозрений русские люди не могли не вспомнить с глубочайшим беспокойством о том, до какой степени военный командный состав был переполнен лицами германского происхождения.

В довершение всех бед, уже через несколько месяцев после начала войны на первый план общественной жизни стал неудержимо выдвигаться продовольственный вопрос. Осенью и зимой 1914 года речь была еще только о дороговизне, с весны же 1915 года заговорили прямо-таки о кризисах, ибо стало ощущаться полное отсутствие предметов первой необходимости, как то зерна, соли, сахара, мяса, керосина, угля, дров и т.д. Разумеется, все это объясняется отчасти естественными причинами: тем нарушением обычного темпа жизни, которое принесла с собою неизбежно война. Но, с другой стороны, особенно обостряла положение растущая спекуляция оптовых торговцев, синдикатов и банкиров, а равно и с самого же начала обнаружившиеся течение и дезорганизация в этом отношении бюрократического аппарата. Как в военном вопросе, так и в продовольственном было необходимо немедленное напряжение всех общественных сил, истинная мобилизация внутреннего фронта; между тем как, вместо этого, и тут, как в военной сфере, господствовала подлинно бюрократическая процедура, способная только ухудшить дело, даже если она принимала новые формы...

Наконец, 18 апреля на Юго-Западном фронте австрийская армия бросилась на третью русскую армию, занимавшую позиции на реке Дунайце, и, смяв ее (причем в плен попал, между прочим, командовавший 48-ым корпусом генерал Корнилов¹⁷¹), прорвала русский фронт. Этим было положено начало грандиозной военной операции, которая мало-помалу принудила русскую армию не только отказаться от достигнутых ею в Галиции условий, но и отдать врагу бывшие русские территории. Главной причиной этой военной катастрофы, как оказалось, был полный недостаток в заготовке вооружения и

снарядов, — недостаток, вся вина за который падала на голову правительства, ибо в его руках была сосредоточена всецело эта отрасль «продовольствования» фронта. Русские воины, ценою колоссальных жертв и проявляя изумительную стойкость и выносливость, можно сказать, голыми руками сдерживали врага и в порядке отступали на «глубокие» позиции, виднейшие русские генералы обнаружили большое искусство и еще раз подтвердили ту славу, которую еще совсем недавно заслужили себе победами на всем фронте; общественные организации сделали все по обслуживанию фронта и тыла в разрешенных им размерах. Дискредитированным выходило из этого огромного испытания одно только правительство с его бюрократически-административным механизмом. Было ясно продемонстрировано, до боли ясно, что бюрократизм и народоборчество не в состоянии организовать не только «победы», но и «защиты».

Возмущение общественных кругов

Вполне понятно, что общественное мнение резко вскинулось при виде всего этого и громким голосом заговорило о том, что так идти дальше было нельзя, что необходима была радикальная перемена в правительственном курсе и в методе ведения войны. Даже «Новое время» писало в те дни следующее: «необходимо, чтобы стала другая атмосфера, в которой должна совершиться великая работа защитников России и на бранном поле, и в тылу, а этот тыл — вся наша страна». На открывшемся 26 мая девятом торгово-промышленном съезде было решено «организовать всю неиспользованную мощь русской промышленности», «мобилизовать» промышленность и для того учредить в Петрограде «центральный военно-промышленный комитет», привлеки к участию в нем представителей научно-технических сил, отдельных промышленных организаций, от управления железных дорог и пароходства до Всероссийских союзов земства и городов. Через два месяца разветвления этой организации имелись уже в 73 городах и в то же время в 18 других общественные организации решили содействовать всемерно этому делу. На съезде военно-промышленных комитетов 25 июля было решено дать этому делу еще более широкие общественные базы, между прочим привлеки представите-

лей от рабочих. В то же время отовсюду настойчиво неся по направлению к правительству всеобщий голос о необходимости созвать как можно скорее Государственную думу, и не на короткий срок, а на долгую и настоящую работу, и прекратить бюрократически-правительственный произвол, представляющий в данный момент столь явную опасность для страны и в экономическом, и в чисто военном отношении. В этом духе решительно высказался, между прочим, съезд представителей уполномоченных Всероссийского земского союза, за ним на том же настаивала очередная конференция Партии народной свободы.

Между тем разгром русской армии все увеличивался, и она отдавала одну позицию за другой. Стало ясно, что размеры военного разгрома обещают еще расшириться и неизвестно где найдут себе предел. Перед лицом такой угрозы и под давлением всеобщего общественного требования правительство решилось наконец на ряд уступок общественному мнению. Таким образом, вновь наступил период политической «весны». 5 июня был «уволен от должности по болезни» министр внутренних дел Маклаков. За ним последовали один за другим министр военных дел, генерал Сухомлинов (12 июня), прокурор Святого синода Саблер (4 июля) и министр юстиции Щегловитов (6 июля). 7 июля было Высочайше утверждено положение об образовании под председательством военного министра «особого совещания для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения», в состав членов которого должны были войти, кроме представителей военного и других заинтересованных ведомств, также и члены Государственной думы, Государственного совета и представители торговли и промышленности. 14 июня было опубликовано официальное сообщение о состоявшемся в Ставке чрезвычайном заседании Совета министров под председательством государя, а 17 июня был опубликован Высочайший рескрипт на имя Горемыкина, в котором признавалось необходимым приблизить время созыва законодательных учреждений, дабы выслушать голос земли Русской, фиксируя его «не позднее августа». После долгих настояний со стороны думского президиума и совета старейшин правительство решилось сократить и этот срок, и Государственная дума

была наконец созвана на 19 июля. Перед нею правительство предстало в значительно обновленном составе. Пожалуй, оно и не полевело от этого обновления. А.А. Хвостов¹⁷², заменивший Щегловитого на посту министра юстиции, принадлежал к самому правому кругу Государственного совета, новый обер-прокурор Святого синода, предводитель московского дворянства, Самарин¹⁷³, был всегда известен как убежденный сторонник абсолютизма; в то же время назначенный управляющим Министерством внутренних дел князь Щербатов¹⁷⁴ был всего лишь неопределенно правых убеждений, а занявший пост военного министра генерал Поливанов¹⁷⁵ был известен лишь как тактичный представитель военного ведомства в Государственной думе. Но как бы там ни было с полевением, одно было несомненно: это — значительное очищение правительства от недоброкачественных, злобредных элементов, которые были способны лишь служить реакционной германофильской клике и вредить интересам русского народа и государства. По поводу отставки Сухомлинова Гучков недаром облегченно воскликнул: «Это сильный удар, нанесенный немцам!» Немногие посвященные знали тогда все то, что должна была раскрыть назначенная вскоре по требованию Государственной думы Верховная следственная комиссия (работа которой могла, впрочем, быть доведена до конца и стать общественным достоянием лишь после революции, раскрыв, как содействовал Сухомлинов, в угоду придворной клике, разгрому русского войска врагом России).

Перед всеми представителями фракций, говорившими на первом же заседании Государственной думы, стоял один вопрос: как организовать победу? После всего произошедшего, после «отступления» правительства, Дума снова была охвачена патриотическим воодушевлением. Все они как один человек восторженно приветствовали генерала Рузского, плоды побед которого терялись с каждым днем все больше и больше по вине правительства. Но если победить врага было задачей войска, то организовать победу было задачей тех, кто оставался в тылу, т.е. всей страны, всего народа. «Армия, — сказал новый военный министр Поливанов, — сделает свое дело, но она должна чувствовать, что за ней стоит мощный резерв, и этим резервом должна быть вся страна». Между тем этому непременно ус-

ловию не соответствовала не только вся предыдущая деятельность и тактика правительства, но не соответствовали ему даже те заявления, с которыми почел своим долгом выступить перед Думой Горемыкин. Минуя старательно в своей речи все жгучие темы и наболевшие вопросы, отделяваясь общими текстами и неопределенными фразами, это типичнейшее воплощение царской бюрократии решил пойти навстречу запросам и требованиям общества, народа и момента всего лишь в польском вопросе, произнеся наконец столь долгожданное и запоздалое слово: «автономия». Мудрено ли, если все фракционные выступления, — за исключением крайних правых черносотенцев, — были полны обличительного духа и многозначительных предупреждений. «Правительство должно уйти, народ должен взять в свои руки судьбу страны», — решительно заявил Чхеидзе. «Само население должно взять в свои руки спасение страны и добиться решительного права на управление государством», — вторил ему Керенский. И как бы в обоснование этих крайних требований, но по-прежнему остав^{аясь} более умеренными в своих выводах, беспощадно критиковали правительство в своих речах ораторы прогрессистов и кадеты. От порицания правительства и обращения к нему требования согласовать свою деятельность с народными желаниями и народными представительствами не воздержались в мягкой форме также и левые и правые октябристы с националистами. От имени этих последних графом Бобринским¹⁷⁶ была предложена даже и затем принята думским большинством достаточно выразительная форма перехода.

21 июля состоялись выборы в думскую комиссию по государственной обороне, причем оппозиция не только не была лишена своего представительства, как то делалось всегда прежде, но председателем этой комиссии был избран видный представитель Партии народн^{ой} свобод^ы Шингарев¹⁷⁷ (33 головами против 29, поданных за А. Протопопова¹⁷⁸, популярного октябриста, тогда еще не запятнавшего себя сотрудничеством с Штюмером¹⁷⁹, Распутиным и придворной кликой и иными темными политическими комбинациями). 28 июля в особом закрытом заседании Дума подвергла тщательному и всестороннему обсуждению и критике главные жгучие вопросы военного и дипломатического свойства, в связи с чем было объ-

явлено затем о назначении «Верховной следственной комиссии» для расследования злоупотреблений, вызвавших русские военные неудачи. Всю первую половину августа параллельно думским заседаниям, принявшим больше деловой и буднич- ный характер, шли в Петрограде и Москве частные заседания и совещания между политическими общественными и торгово- промышленными деятелями по вопросу об обновлении и ор- ганизации заслуживающей доверия власти. Уже около 10 авгу- ста стало определяться, что в Государственной думе сложится твердое большинство, намеренное всеми силами стремиться к осуществлению этой цели. 19 августа Московская городская дума приняла резолюцию, которая, провозглашая борьбу до победного конца против неприятеля и призывая страну объ- единить с этой целью все свои силы, гласила относительно вну- тренней политики нижеследующим образом:

...3) основанием к достижению победы служит единение народного представительства со страной. Москва убеждена, что Государственная дума сумеет в этот час исполнить пожела- ния, продиктованные страной. 4) стоящая ныне ответственная задача требует созыва правительства, сильного доверием об- щества и единодушного, во главе которого должно стоять лицо, которому верит страна.

Тотчас же множество городских самоуправлений примкну- ло к этой резолюции. В том же духе высказались затем в своих резолюциях собрания выборных от московского биржевого и купеческого общества. Наконец, 24 августа, главным образом, стараниями Милюкова была подписана представителями всех думских фракций (исключая крайних левых и крайних правых) и некоторых фракций Государственного совета программа дей- ствий, опубликование которой оформило, санкционировало и закрепило образование солидного большинства (до 300 депу- татов) обеих законодательных палат.

Конец политической «весны»

Разумеется, все это общественно-политическое «пробуждение» было не по вкусу ни крайним правым, ни реакционно-бюро- кратическим кругам правительства. И те и другие начали пого- варивать уже после первых же думских заседаний о прекраще-

нии сессии, и если власть медлила с этой мерой, то только потому, что развитие военных неудач принял <о> в течение июля и первой половины августа прямо-таки катастрофические размеры (23 июля была оставлена Варшава и затем вся линия Вислы, 6 августа было очищено Ковно, 13 августа потерян Брест-Литовск, не говоря уже о об очищении Галиции и отдаче Холма, Люблина и Ковеля) и непосредственно не обещало еще улучшения. Особенно всколыхнуло и обеспокоило правительственные и черносотенные круги известие о готовящемся образовании упомянутого блока. Правые и черносотенцы, в свою очередь, стали готовиться к отпору, культивируя идеи «черного блока», а правительство стало нащупывать возможность разложения создающегося объединения путем соглашения с правой частью их. 22 августа Совет объединенного дворянства обратился к Горемыкину с нашумевшим в те дни письмом, составленным его председателем генералом Струковым¹⁸⁰, в котором, между прочим, говорилось, что «проявляющиеся в стране в тылу нашей доблестной армии стремления некоторой части общества пользоваться тяжелым временем войны для достижения излюбленных левыми течениями политических целей представляют собой явную опасность для спокойствия страны» и что «потому Постоянный совет, как орган, объединяющий мнения русского дворянства, считает долгом представить правительству, что по глубокому его убеждению произносимые и передаваемые прессой во все концы страны левые речи, некоторые заключения столичных совещаний и злоупотребления печатным словом являются предвестниками смуты с целью изменения государственного строя». «Только неизбежность основы существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре и на местах, — заканчивало письмо, — оградит страну от шатания мыслей и внутренней смуты». На другой день, 23 августа, последовал Высочайший приказ по армии и флоту о принятии царем на себя главнокомандования всеми военными силами, причем начальником штаба главнокомандующего назначался генерал Алексеев¹⁸¹, а командующим Северо-Западным фронтом снова был сделан генерал Рузский. 26 августа в заседании Совета министров Горемыкин при поддержке меньшинства членов кабинета высказался за необходимость скорейшего роспуска очередной сессии

парламента. 29-го он выехал в Ставку, а 31 августа уже вернулся с готовым указом на сей предмет.

Закрытие сессии не могло быть ни для кого неожиданностью. Депутаты знали об этом из первоисточника; знали, что правительство ждет и колеблется, но, без всякого сомнения, только и думает о том, как бы освободиться от неприятного контроля. Со своей стороны, страна не могла не догадываться о таком настроении правительства по его действиям. В самом деле, «весна» ограничивалась только созывом очередной думской сессии и сменой первых министров; в остальном продолжало господствовать народоборчество почти без всяких перемен. Тем не менее роспуск Думы поразил страну и всколыхнул общество. Со всех сторон посыпались протесты в форме хоть и лояльных, но выразительных резолюций. Два дня спустя уже московское губернское земское собрание отозвалось, вотировав громадным большинством (48 голосами против 8) резолюцию в пользу парламентского «Прогрессивного блока» и возобновления думских занятий. Собравшиеся вскоре общеземский и общегородской съезды вотировали единодушно протестующие и предостерегающие резолюции, кроме того, обоими съездами были выбраны особые депутации, на кои было возложено поручение доложить о высказанных суждениях государю. Это движение проникло даже туда, где его труднее всего можно было ожидать встретить, — в дворянскую среду; ибо аналогичное умонастроение было обнаружено тверским дворянским собранием, а затем и московским, петроградским, новгородским, орловским, нижегородским. Все они, в противоположность вышеупомянутому письму Струкова, заявили о необходимости коренных реформ. Целый ряд дворянств: смоленское, костромское, полтавское, уфимское постановили даже из протеста выйти из состава организации объединенного дворянства. В том же духе высказались представители торговли и промышленности. Правительство слушало все это терпеливо, пользуясь вовсю общественной помощью в происходившем гигантском отступлении армии и выжидая, когда дела на фронте улучшатся настолько, чтобы можно было сделать решительные шаги в ликвидационном направлении. И ждать ему пришлось недолго. 26 сентября был уволен внезапно от должности новый обер-прокурор Святого синода, пробывший на своем посту чуть

ли не меньше трех месяцев (непосредственным поводом его отставки послужили решительные его шаги перед царем против тобольского еп<ископа> Варнавы¹⁸², ближайшего друга и протеже Распутина). В тот же самый день и столь же неожиданно получил отставку и новый министр внутренних дел, а на его пост был назначен затем депутат А.Н. Хвостов, еще недавно являвшийся лидером думских черносотенцев, а в недавнем прошлом прославившийся своим произволом и реакционностью как нижегородский губернатор. 26 октября отставку получил министр земледелия Кривошеин¹⁸³, а на другой день за ним последовал министр путей сообщения Рухлов¹⁸⁴, повздоривший с Хвостовым по поводу разгрузки железнодорожных узлов; оба поста эти были замещены людьми отменно правого порядка: А.Ф. Треповым¹⁸⁵ и А. Наумовым¹⁸⁶.

Параллельно, Родзянко был вынужден не лично представить, как всегда, а в письменной форме отправить государю доклад, порученный ему членами Государственной думы; вместе с тем было отказано в Высочайшем приеме вышеупомянутым делегациям Земского и Городского союзов, ввиду якобы «невозможности принять депутации по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов». Далее, в первой половине ноября были просто запрещены в Москве съезды Земского и Городского союзов и торгово-промышленных комитетов, между тем как съезд правых организаций смог состояться в конце месяца беспрепятственно; 24 ноября после усиленной агитации со стороны правых был опубликован Высочайший указ о новой отсрочке в созыве Государственной думы впредь до окончания работы по бюджету в комиссиях обеих палат.

Новый министр внутренних дел, вступая в исполнение своих обязанностей, заявил, что кладет во главу угла своей практической программы действий: 1) борьбу с немецким засилем и 2) борьбу с дороговизной. При этом он заявил себя сторонником Государственной думы и быстрого ее созыва; он (даже) благожелательно высказался о деятельности Земского и Городского союзов, за которые не преминул успешно заступиться, когда Горемыкин вознамерился отказать им в отпуске испрашиваемых 10 миллионов рублей аванса, и которым намеревался передать всю работу по организации помощи беженцам. Равным образом он высказался решительно против усиленных

и чрезвычайных охран, против подавления печати <и> т.п. Кажалось, — несмотря на всю свою невероятность, — что во главе ведомства стал наконец энергичный человек, который начнет дружно работать с общественными организациями.

Увы! Действительность вскоре же убедила в обратном, ибо деятельность Земского и Городского союзов чуть ли не с места в карьер была заторможена, реакционный режим во внутренней политике стал действовать решительнее прежнего, борьба с немецким засилием превратилась в нечто дикое и безобразное, положение беженцев (особенно евреев) ухудшилось во сто крат, отчасти из-за этой же борьбы, отчасти потому, что это дело, вместо Земского и Городского союзов, вообще перешло в значительной мере в руки губернаторов; а хвостовская борьба с дороговизной привела продовольственное и транспортное дело в состояние небывалого еще хаоса и дезорганизации. Блистая импульсивностью и спорадичностью, проявлениями «сильной власти» и поразительной небрежности, деятельность Хвостова и закончилась неожиданно столь же импульсивным и сильным самообнаружением, заслужившим в печати характеристику «бульварного романа». Мечтая, с одной стороны, как истый черносотенный ех-губернатор о диктатуре, но, с другой, будучи искренно преисполнен патриотического германофобства, Хвостов затеял борьбу с всесильным при дворе Распутиным, которого он считал — и не без оснований — причастным к интернациональной организации шпионажа и обслуживавшим германскую контрразведку; и так как ему не удавалось свалить его и удалить путем прямого разоблачения его перед царем, он решил, по-видимому, прибегнуть в конце концов к насильственному его удалению. Однако план этот не удался, благодаря неладам с его непосредственным помощником, товарищем министра Белецким¹⁸⁷, и по оплошности одного из участников заговора, и Хвостов был немедленно отставлен.

Чем дальше в лес, тем больше дров

Приблизительно за месяц до отставки Хвостова произошла другая смена в кабинете, имевшая громадное влияние на весь последующий ход событий: председател <ем> Совета министров на место Горемыкина был назначен Штюрмер; он же по отстав-

ке Хвостова взял себе портфель Министерства внутренних дел. Замена Горемыкина Штюмером означала переход власти над судьбами России из рук верноподданной и сухой бюрократической мумии в руки одного из видных членов и ставленников придворной германофильской клики, так называемой «звездной палаты», и крайнего правого и убежденнейшего монархиста и реакционера. Мало того, с назначением Штюмера на председательский пост правительственная власть фактически переходила в немалой степени в руки Распутина... И в самом деле, в связи с этим назначением тотчас же всплыли и замелькали в печати знакомые имена других распутиновских приятелей и ставленников, скрывавших обыкновенно под важным саном душу авантюриста и проходимца. Печать отметила постоянное общение между Штюмером и двумя главными ставленниками и приятелями Распутина: митрополитом Питиримом¹⁸⁸ и епископом Варнавой; и уже через несколько дней стало известно, что самочинное прославление нового святого, совершенное этим последним, признается и санкционируется церковью, после того как Святой синод чуть ли не два года сопротивлялся этому и грозил Варнаве самыми серьезными последствиями за самоуправство.

Разумеется, новый премьер не преминул заявить себя сторонником мирной и планомерной работы правительства рука об руку с законодательными палатами, в подтверждение чего Государственная дума и была созвана на 9-ое февраля 1916 года. Четвертая сессия, не в пример предыдущим созывам, длилась (с пасхальным перерывом) до 20 июля, и, не в пример же им, это была в полном смысле этого слова грустная «неудачная сессия», ознаменовавшаяся «политическим фиаско» думского блока и возрождением вовсю «третьеиюньской» психологии ее помещичьего большинства. Майско-июльские трагические переживания 1915 года были уже далеко; вражье наступление было остановлено, солидно забаррикадировано, и даже в некоторых местах фронта были достигнуты частичные успехи (на Кавказском даже весьма значительные) и совершенно продвижение вперед; при таких условиях собственническая психология невольно должна была ожить и повернуть мысли думского большинства в старое русло, а значит, и обесцветить, насколько только было возможно, при ее проведении в жизнь и без того уже достаточ-

но бесцветную программу блока. В результате законодательная деятельность по пунктам этой программы выявила глубоко печальный, но и поучительный факт равенства прогрессистов по националистам, «Маклаковых по Шульгиным, а не наоборот», — как метко выразилась одна провинциальная прогрессивная газета. Характернее всего это сказалось при обсуждении внесенного левыми фракциями запроса о противоеврейском преследовании. Разом обнаружилось, что часть блока настроена антисемитски, несмотря на принятую программу; некоторые члены блока шли даже до утверждения, что в ней нет «никакого равноправия евреев», и в результате получился простой переход к очередным делам без заклеивания правительственных репрессий. «Капитуляция» перед правой частью блока обнаружилась также и при рассмотрении «законопроекта о крестьянском равноправии», бывшего чуть ли не гвоздем сезона, а равно и при обсуждении «законопроекта о военной цензуре». По тому ж самому обошел блок молчанием и вопросы веротерпимости, польскую и финляндскую проблемы, законопроекты волостной, земской, городской реформы и т.п. И по той же самой причине упрямо молчала Государственная дума о спекулятивной игре целых групп населения, направленной к безмерному взвинчиванию цен на предметы первой необходимости, о политике при установлении твердых цен и т.п. Левые фракции, конечно, пытались по мере сил выдвигать жгучие и насущные вопросы, запрашивать правительство о его самочинных и реакционных действиях и мероприятиях и ставить точки над «i», но, будучи слишком малочисленны, они оказывались бессильны перед парламентскими мероприятиями блокового большинства. Их предложения и запросы отвергались, их речи то и дело прерывались или даже задерживались цензурой председателя. Мало-помалу Государственная дума все больше и больше оказывалась вне жизни в самых злободневных и назревших ее вопросах и теряла в глазах страны даже тот небольшой кредит, который оставался у нее благодаря ее летнему выступлению 1915 года.

Как и следовало ожидать от бывшего сподвижника Плеве (известного своим административным полицеизмом в бытность председателем по назначению земской управы в Твери), Штюмер еще более Горемыкина постарался обострить реакционизм во внутренней политике. «Администрация» вер-

нулась при нем решительно и окончательно к старым принципам, старым меркам и старым мероприятиям, более или менее оставленным в течение первого периода войны, когда правительством придавалось значение Высочайшим словам о прекращении «внутренних разногласий». Опять центром правительственной деятельности постепенно стала борьба с «внутренним врагом», в роли какового — увы! — фигурировали, прежде всего, русская интеллигенция и «иностранцы», а потом и вообще весь русский народ. Полным цветом снова расцвела, превосходя даже значительно все прежнее, тактика систематического, неустанного преследования всех проявлений общественной самостоятельности, собраний, печати, общественных организаций, не русских национальностей, сектанства, снова стали переполняться тюрьмы и пополняться новыми многочисленными адептами не очищенные еще и от старых своих обитателей места ближней и дальней ссылки; снова началось применение телесных наказаний и истязаний; и снова поднялась самая безудержная эксплуатация простого народа. Образчиком этого последнего может послужить, например, попытка воссоздать крепостную зависимость в виде имевшего место в Московском районе обязательного губернаторского постановления о принудительных сельскохозяйственных работах для всех лиц обоего пола от 15 до 50 лет, живущих в условиях крестьянского быта, а также беженцев и сельскохозяйственных рабочих на землях помещиков и арендаторов, испытывающих нужду в рабочих руках, за плату по назначению местных уездных земских управ, состоявших главным образом из помещиков же. В высшей степени типично было также декретированное правительством воспрещение созывать какие-либо собрания, съезды или совещания, для коих ожидается прибытие иногородних участников, — мера, которая фактически лишила Земский и Городской союзы возможности созывать съезды своих уполномоченных или даже собирать «главные комитеты». Та же реакционная тактика сказалась в усилении правительственных гонений против рабочих групп военно-промышленных комитетов. И та же самая реакционная тактика провоцировала летом 1916 года огромное восстание в Туркестане, благодаря своим бюрократически-антинародным приемам осуществления объявленного там набора, — восстание, которое пришлось

подавлять кровавыми мерами и ликвидировать которое был послан туда генерал Куропаткин¹⁸⁹.

Параллельно с реакцией под эгидой Штюмерера расцвела и пышным цветом распустилась бюрократическая деятельность по борьбе с дороговизной, которую правильнее было бы охарактеризовать как деятельность по дезорганизации общественного сопротивления дороговизне и способствованию ее свободному росту. Две черты особенно бросались в глаза в этой деятельности; и прежде всего, невероятное бюрократическое услужение в этом отношении правительственного аппарата; ибо продовольственный вопрос должны были ведать и обслуживать одновременно целых пять особых учреждений; причем конкретика взаимоотношений между этими инстанциями совсем не был <а> фиксирован <а>, и де-факто каждая из них могла действовать и действовала за свой страх и риск и по собственной фантазии. Второй характерной чертой этой правительственной деятельности было направление ее так, чтобы наиболее выиграло от этого землевладельческое дворянство, образовавшее к этому времени крепкую и сильную связями «аграрную группу» в Государственном совете, которая неуслышно стояла на страже землевладельческих интересов и из среды которой в июле был назначен новый министр земледелия, граф А.А. Бобринский¹⁹⁰, на место отставленного Наумова. Под прямым давлением этой группы и с помощью этого «помещичьего» министра земледелия были в конце концов, — после долгого огульного сопротивления, а затем и испробования сначала системы местных такс (вводившихся «по усмотрению» губернаторов и градоначальников), а потом системы «раздвоения цен» (т.е. фиксированных цен для казны и «вольных» цен для обывателя, позволявших обобрать его во всю ивановскую), — введены, наконец, существенно повышенные твердые цены, утверждение коих, кроме того, предполагалось, по-видимому, компенсировать для главных землевладельцев еще понижением стоимости сельскохозяйственного труда. В конечном счете борьба с дороговизной и заботы об организации продовольственного дела сводились, по существу, к питанию бюрократического произвола и потаканию аграрных и наживных интересов, а с внешней стороны — к «ловле спекулянтов», впрочем, по-прежнему совершенно бесплодной. Словом, правительство

«работало» всюду над мерами против дороговизны, землевладельцы наживались всюду с его дозволения и благодаря его поддержке, а дороговизна росла себе и росла, сопутствуемая соответственно растущим недостатком в пищевых продуктах, расстройством экономической жизни страны и недовольством в широких слоях, особенно городского и рабочего населения.

Штюрмерада

Кроме этого всего, «штюрмеровское правление» ознаменовалось еще небывалым ускорением в темпе смены отдельных министров. Началось подлинное министерское *andirivieni*¹, или, как обмолвился (выразился) однажды крылатым словом Пуришкевич, «министерская чехарда». 17-го марта (через месяц после Хвостова) был отставлен генерал Поливанов и замещен генералом Шуваевым¹⁹¹, работавшим до этого на посту главного интенданта рука об руку с генералом Сухомлиновым. 10-го июля отставку получил неожиданно Сазонов (находившийся в тот момент в кратковременном отъезде), портфель же иностранных дел был «усвоен» себе самим Штюрмером. В управление Министерством внутренних дел, оставленным этим последним, вступил сенатор А.А. Хвостов, которого на посту министра юстиции заменил Макаров, памятный читателю «Ленской трагедией». 22-го июля министром земледелия, вместо Наумова, был назначен, как упоминалось, граф Бобринский. К половине сентября Хвостов уступил свой пост А.Д. Протопопову; затем граф Бобринский был замещен Риттихом¹⁹², новый обер-прокурор Святого синода, Волжин¹⁹³, — Раевым¹⁹⁴, государственный контролер Харитонов¹⁹⁵ — Н. Покровским¹⁹⁶, который, в свою очередь, был замещен Феодосьевым¹⁹⁷, только что перед тем назначенным на пост товарища министра финансов, и т.д. и т.п.

Среди всех этих перемещений, глубоко дезорганизовавших власть и самой своей частотой и стремительностью, и привлечением к управлению ведомствами людей, в них мало опытных, — эти перемены были особенно знаменательны и важны для страны по своим последствиям. В лице генерала Полива-

¹ хождение взад и вперед (*ит.*)

нова Военное министерство потеряло человека, пользовавшегося симпатиями и доверием в Государственной думе и в стране, который тем более за полгода своего управления Военным министерством зарекомендовал себя честным и неутомимым работником и, идя рука об руку с общественными организациями, сумел значительно улучшить положение русской армии и организовать так тыл, военную промышленность, транспорт и поставки, что летом 1916 года Брусилов¹⁹⁸ смог предпринять грандиозное и столь успешное наступление. В лице министра иностранных дел Сазонова правительство потеряло один из главных и последних элементов, стоявших за искреннее сотрудничество с «Прогрессивным блоком» законодательных палат и за осуществление умеренной программы реформ и гарантировавших невозможность германофильских происков и заключения сепаратного мира с Германией. Непосредственным поводом к отставке Сазонова послужило разногласие его со Штюмером в польском вопросе; ибо Сазонов был сторонником ясного и радикального его разрешения, между тем как Штюмер решительно тянул и в этом отношении реакционную канитель, отговариваясь, что вопросы не могут быть решены, пока Польша остается оккупированной врагом. Главной же внутренней причиной отставки было, разумеется, желание Штюмера удалить из министерства «человека Согласия» и тем развязать себе руки в дальнейшей своей политической игре, которая по всем признакам клонила в пользу Германии.

Самой роковой, как вскоре оказалось, министерской переменой была, впрочем, та, которая повлекла за собою столь неожиданное назначение на пост управляющего Министерством внутренних дел вице-президента Государственной думы, члена «Прогрессивного блока» октябриста Протопопова. Летом 1916 года этот последний во главе парламентской делегации посетил союзные страны, предрекая повсюду близкое наступление в России новой политической эры на базе программы «Прогрессивного блока» и очаровывая всех своим любезным обхождением и оригинальностью и либеральностью своих идей.

По возвращении делегации в июне месяце в Россию стали, однако, мало-помалу циркулировать на его счет странные и тревожные слухи. Проездом в Стокгольм он будто бы имел тайное свидание с германским представителем. Обществен-

ное мнение сразу же всколыхнулось, и Протопопову пришлось объясняться — с самого же начала его объяснения получили какой-то неясный и сбивчивый характер и, сверх того, в некоторых частях своих вызвали тотчас же опровержения со стороны лиц, на коих он ссылался. К этому присоединилась еще другая история, связанная тоже с именем Протопопова. Тотчас же по его возвращении в Россию пошли толки о том, что петроградские банки и промышленные фирмы затевают создание собственной большой прогрессивной газеты, предназначение которой было бы «под сурдинку» защищать интересы промышленной и финансовой «знати». Эта литературно-банковская затея, как оказалось, тоже исходила от Протопопова, под председательством которого происходили предварительные совещания. Русское общество, привыкшее к неподкупности и политическому идеализму своей прогрессивной печати, — не в пример Западу, — встретило новое предприятие с нескрываемым недоброжелательством. Но отрицательное отношение к нарождающейся газете еще усилилось ввиду того, что дело не обошлось с самого же начала без некоторого шантажа, так как, нисколько не смущаясь, Протопопов заявлял о согласии сотрудничать в новой газете различных корифеев русской литературы, не потрудившись даже испросить на то их согласие. Начались опровержения, критика, нападки, разоблачения и обвинения, и мало-помалу и около этого дела сгустился туман чего-то темного, двусмысленного и подозрительного. Не обошлось и без намеков на связь этого предприятия с недавним свиданием в Стокгольме. В то же самое время стали ходить все больше и больше настойчивые слухи о постепенном сближении Протопопова с крайними правыми кругами, с придворной камарильей и с самим Распутиным. Это сближение не замедлило дать тотчас же соответствующие плоды: Протопопов был приглашен управлять Министерством внутренних дел, и едва только вступив на новый пост, он, еще недавно заявлявший себя левым октябристом, стал разом обнаруживать совсем другую ориентацию. Его высказывания сделались сразу же совсем неопределенны и двусмысленны, его первый «выход» перед депутатами в бюджетной комиссии 14 октября по вопросу о продовольственных затруднениях отличался чрезвычайной бессодержательностью, непрактичностью и поразил всех обилием

общих мест. Эти его действия с самого же начала приобрели ясный и определенный и — увы! — решительно реакционный характер. 14-го и 22-го сентября были разосланы им циркуляры с извещением о запрещении газетам говорить о перемещении на министерских постах. Потом было сделано распоряжение о непременно присутствии полиции на всяческих заседаниях и собраниях частного характера. В конце октября им был взят себе в помощники неофициально не кто иной, как достопамятный генерал Курлов, черносотенец из черносотенцев и мошенник из мошенников (преданный было в 1912 году суду по обвинению в соучастии в убийстве Столыпина, при котором состоял товарищем министра внутренних дел и управлял полицией), что вызвало даже поздние запросы в Думе и официальный «отход» Курлова. Наконец, в самый день открытия очередной сессии Государственной думы, 1-го ноября, был опубликован в порядке статьи 87-ой, по предложению Протопопова, указ об увеличении состава полиции и различных, сопряженных с этим мерах (что должно было обойтись народу сразу же в 90 лишних миллионов рублей).

В дополнение картины, необходимо еще упомянуть о следующих фактах. Наступление Брусилова, победоносно начатое в конце мая и давшее такие блестящие результаты в течение июня и июля, замерло и остановилось, — как бы по знаку какой-то волшебной палочки, — к началу августа, как раз тогда, когда наступил момент использовать достигнутый успех, собрать плоды и нанести решительный удар сильно потрепанному и расстроенному противнику. Энергичные военные действия были возобновлены Брусиловым лишь в середине сентября, когда уже «дыхание» было потеряно и враг сумел значительно оправиться. Но мало того, — и это второй симптоматический факт, — в середине августа, по настоянию союзников и главным образом России, против Германии выступила наконец военно со стороны Согласия Румыния; но она не только не была поддержана в своем действии интенсивными операциями на Русском и Салоникском фронтах, не только Русский фронт как нарочно затих, облегчая тем противорумынскую кампанию неприятеля, но ей на помощь не было послано Россией даже тех войск, которые были обещаны по предварительному уговору. Как известно, после первых же шумных успехов, Румыния ока-

залась вскоре сжатой, как клещами, между австро-германской армией генерала Маккензена и болгарскими войсками и вынуждена в три месяца отдать врагу две трети своей территории. Лишь тогда на Румынский фронт было двинуто многочисленное русское войско, предназначение которого было явно не столько помочь Румынии, сколько послужить предупредительным заграждением для проникновения врага с этой стороны на русскую территорию.

В довершение всего, на одном неподражаемом примере обнаружилось, какими общественными отбросами окружен был, с кем приятельствовал и какую общественно-политическую группу представлял собой в правительстве Штюрмер. В течение осени и зимних месяцев 1916 года опять всплыло несколько раз (повторно) на поверхность имя Манасевича-Мануйлова¹⁹⁹, с давних пор близкого Штюрмеру, состоявшего прежде и теперь его личным секретарем и уже известного своими подвигами по части спекуляции, взяток, шантажа и всяческих беззаконий, но до сих пор в конце концов неуловимого и недостижимого для судебных властей благодаря своим исключительным и высоким связям. В ноябре месяце, уже после отставки Штюрмера, сорвалась очередная попытка судебной инстанции покончить радикально с этим делом благодаря личному вмешательству императрицы, действовавшей под внушением штюрмеро-распутинской клики, и не Манасевич пошел на каторгу или хотя бы на поселение, а тогдашний министр юстиции Макаров, педантически подготовивший скандальный процесс, вынужден был просто подать в отставку.

Глава 5

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ПРОТИВ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Атака Милюкова

Тяжело было состояние России к началу зимы 1915 года. Внутренняя неурядица шла все crescendo. В главных ведомствах царяла, по крылатому слову Пуришкевича, министерская чехарда. В управлении не было никакого единства. Фронт совер-

шенно обособился от тыла. В губерниях тыловой России господствовала полная разруха. Разлад ведомств, не объединенных наверху в кабинете, передавался и в провинцию, где у Министерства внутренних дел были свои люди и свои приемы, у Министерств земледелия, торговли или финансов — свои. Одно министерство воевало с общественностью, другое — дружило. Исполнители совершенно растерялись, не зная, кого слушаться, чьи приказы исполнять. Губернаторы, во многих губерниях принявшие на себя обязанности уполномоченных по продовольствию и занятой должностью подчиненные министру земледелия, слушались, однако, в продовольственном деле не его, а министра внутренних дел, своего непосредственного начальника. Каждая губерния превратилась в особое княжество. Повсюду были свои таксы, не согласованные с соседними, свои таможенные кордоны с соответствующей стражей. Частная торговля была подорвана и почти разрушена всеми условиями военного времени, но на место ее не были поставлены органы общественного снабжения. «Твердые цены» существовали только на бумаге. Подвоз хлеба сокращался все больше и иногда приостанавливался совсем. Одна за другой останавливались мельницы, то по недостатку зерна, то по недостатку угля. С каждым днем росли цены и вздымалась спекуляция, между тем как товары все более и более исчезали и скрывались.

Под влиянием всей совокупности таких явлений, событий, фактов, слухов и переживаний, русским обществом и широкими кругами русского народа все больше и больше овладевала тревога, полная самых черных подозрений и смешанная с чувством самого глубокого протеста. Надежды русских людей на то, что после неудач и испытаний 1915 года все должно было радикально измениться, пойти по-новому, но лучшему, что измена, продажность и произвол должны бы быть элиминированы, а судьбы России переданы в руки людей честных и деятельных, подлинных ставленников русской общественности, — эти надежды рассеялись как дым. 1916 год принес с собой еще больше неурядицы, произвола обмана, измены и подлога; мало того, он укрепил окончательно убеждение в том, что из этого придворно-бюрократического тупика нет более мирного полюбовного выхода. Ценою поражения, унижения, измены, расстройств и даже гибели России, черносотенно-

правительственные круги готовы были, — это было уже ясно каждому сознательному человеку в России, — оплатить свое дальнейшее пребывание у кормила власти. И они шли на это с каждым днем все решительнее, с каждым днем все больше и больше раскрывая свои карты...

Эта глубокая тревога, полная искреннего протеста, нашла себе наиболее рельефное и сильное выражение в двух письмах, с которыми председатель Центрального военно-промышленного комитета, Гучков, обратился к начальнику Главного штаба, генералу Алексееву, и которые представляют собой документ первостепенной важности. В них Гучков рассказывает с подробностью о тех странных препятствиях, которые чинились ускоренному снабжению русского войска всеми необходимыми для него военными материалами со стороны лиц, занимавших ответственные посты по Военному министерству, в особенности же генералом Беляевым²⁰⁰, председательствовавшим тогда в Особом совещании по государственной обороне. Эпический тон этих писем и передаваемые в них факты производят неотразимое впечатление. Вместе с усиленным развалом бюрократической власти, вместе с обострением реакции, вместе с тревогой стало заметно нарастать в течение 1916 года и оппозиционное настроение в стране; и прежде всего, разумеется, в рабочих массах, в интеллигенции и в парламентских кругах. Думские крайние левые фракции уже с начала года открыли яростный огонь по правевшему не по дням, а по часам правительству, мимоходом обстреливая также и слишком оппортунистичные, слишком уступчивые и слишком буржуазные и умеренные (по их мнению) партии центра, в частности «Прогрессивный блок». К осени под давлением событий сильное волнение обнаружилось также и среди многочисленной думской фракции прогрессистов, входивших также в блок. Дело кончилось тем, что она вышла из этого последнего накануне открытия Думы, после того как «блок» отказался построить свою формулу перехода ясно и определенно на требования ответственного министерства и выразить столь же определенно недоверие правительству. Несмотря на это, однако, боевой дух пробудился и заговорил и в самом блоке, когда за осенние месяцы 1915 года со всей ясностью стали обнаруживаться скандальные последствия и грозные плоды штюрмеровского прав-

ления. Разом социальная помещичья психология большинства блока отошла снова на задний план, и как в июне 1915 года, его движущей и объединяющей силой стала вновь грозящая России политическая опасность. Немало этому оживлению блока поспособствовало также и то, конечно, что пришлось в течение летних каникул увидеть и услышать депутатам на местах в самой стране: в них невольно перелилась та волна сплоченного народного протеста, которая уже назревала в народных массах. Боевое настроение блока проявилось уже во вторую половину октября, во время прений в бюджетной комиссии по поводу продовольственного вопроса. Заседания приобрели тут тотчас же настолько острый характер, что отчеты о них не были пропущены в печать. Масла в огонь подлило появление в комиссии управляющего Министерством внутренних дел Протопопова, еще совсем недавно видного представителя «Прогрессивного блока», в костюме, весьма напоминавшем униформу жандармского генерала...

Но настоящий гром грянул в исторический день 1-го ноября, когда собралась Государственная дума. Уже заранее было известно, что действия правительства подвергнутся критике в заявлениях блока и фракционных ораторов; и, очевидно, в предвидении этого, Комитет министров со Штюрмером во главе, простояв молебен и прослушав вступительное слово председателя Думы (которое и само уже попало в газеты с белыми местами), затем демонстративно удалился, оставив на местах правительства, во исполнение формальности, лишь товарищей министров...

Но никто не думал, что критика правительства будет так беспощадна, так глубока, так решительна и так документирована, как то имело место. В примечательной исторической речи лидер Конституционно-демократической партии и инициатор «блока», Милюков, вскрыл всю бессовестную, прогнившую и изменческую подноготную штюрмеровского режима и показал всю опасность внутреннеполитического положения страны. Можно сказать без преувеличения, что этой речью был дан решительный толчок тому политико-социальному процессу, который уже давно назревал в народных массах и которому четыре месяца спустя суждено было прорваться одною из самых глубоких и потрясающих революций, какие знает история.

В тот же день и на следующем заседании от лица думских фракций выступил ряд других ораторов против правительства, бюрократии и общего политико-социального курса страны, среди коих особенно яркие речи произнесли Маклаков, Шульгин, Керенский, Чхеидзе. Эти речи, как и милюковская и даже самая декларация блока, не были сначала пропущены к опубликованию, и публика смогла ознакомиться с ними едва лишь через месяц.

Государственный совет, несмотря на весь свой консерватизм, последовал примеру Думы и в более мягкой, может быть, но не менее решительной форме высказал устами ораторов большинства, примыкавшего к «Прогрессивному блоку», порицание действовавшему правительству и требование нового, облеченного народным доверием. И опять об его заседаниях пестрели в газетах белые столбцы.

Краткосрочное министерство Трепова

Настал жуткий момент в политической жизни России. Слово было сказано, обвинение было брошено прямо в лицо высшей исполнительной власти. Пробыл час решения!... Потянулись дни глубокой патриотической тревоги; зароились вокруг Думы слухи один другого мрачнее. Ярким, отрадным лучом на этом тягостном фоне глянуло появление 4-го ноября в Гос<ударственной> думе военного и морского министров, произнесших вне очереди солидарные с нею речи, на которые Дума отвечала овациями. Этот визит двух министров обороны носил тем более симптоматичный, подчеркнутый характер, что ген<ерал> Шуваев во время оваций подошел к Милюкову и в знак благодарности крепко пожал ему руку. 11-го ноября заседания законодательных палат были прерваны Высочайшим указом на одну неделю, и накануне Штюмер был отставлен (с пожалованием ему звания обер-гофмейстера и оставлением его на посту вице-председателя Верховной комиссии), а председателем Совета министров назначен был А.Ф. Трепов. В остальном состав министерства сохранился почти неизменным (только Бобринского сменил на посту министра земледелия столь же правый и бюрократический Риттих). Протопопов, значит, оставался на посту министра внутренних дел. По слу-

хам, принимая на себя руководство министерством, Трепов пытался было поставить в качестве условия удаление Протопопова, как лица, успевшего сосредоточить на себе всеобщую ненависть и недоверие общества; он даже заручился на этот счет обещанием царя, и на этом основании в печати было опубликовано извещение об отставке Протопопова. Да не тут-то было! На царя немедленно же было произведено давление через Распутина и царицу, и в результате Протопопов преспокойно себе остался.

Думское выступление против правительства, а равно и речи военного и морского министров нашли в стране немедленно же самый широкий, энергичный и единодушный отклик. Чуть ли не первым подал о себе голос, разумеется, Земский союз. Вслед за ним в выражениях различной силы и решительности, но с абсолютной ясностью, сказали то же самое губернские и уездные собрания, губернские и уездные земские управы, городские думы, советы университетов, биржевые и купеческие общества, провинциальные комитеты Земского и Городского союзов, военно-промышленные комитеты, кооперативные товарищества, профессиональные, рабочие и приказчиьи общества, советы и группы присяжных поверенных, клубы, просветительные общества и т.д. и т.п. День за днем Гос<ударственная> дума не переставала получать десятки, даже сотни приветствий и одобрений... 19-го ноября она собралась снова. С первого же момента она обнаружила самое боевое настроение. Едва только Трепов показался на кафедре с намерением прочитать декларацию нового правительства, как представители левых фракций подняли адский шум и стук пюпитрами. «Долой его, долой! В отставку!» — кричали они что есть силы. Попытки председателя остановить обструкции не привели ни к чему: они продолжали все с той же силой. Тогда один за другим были исключены, по предложению председателя, Чхеидзе, Керенский, Скобелев²⁰¹, Хаустов²⁰², Чхенкели²⁰³, Дзюбинский²⁰⁴, Кейнис²⁰⁵, Суханов. Каждый из них, покидая зал заседания, заявлял в своем объяснении, что его депутатское достоинство не могло позволить, чтобы на думскую трибуну дано было взойти члену того правительства, которому за три недели до того были брошены с нее же самые тяжкие обвинения. Четыре раза входил Трепов на трибуну и четыре раза принужден

был ее снова оставить, не будучи в состоянии начать чтение своей декларации. Только на пятый раз он смог приступить без помехи к ее прочтению и довести его благополучно до конца. В декларации нового премьера было много общих мест, соответствовавших думским пожеланиям. Между прочим, заявлялось о том, что «война будет доведена до решительного конца», «до сокрушения германского милитаризма»; говорилось по поводу «военной» деятельности общественных организаций, что «эту высокопатриотическую деятельность правительство приветствует и всячески пойдет навстречу целесообразному ее развитию»; перечислялись кое-какие прогрессивные реформы, вроде земской, городской и всеобщего обязательного обучения; было во всеуслышание, наконец, правительственно сказано слово о «воссоздании свободной Польши» (правда, «в неразрывном единении с Россией»); и, наконец, Дума была поставлена в известность о договоре, состоявшемся между союзниками в 1915 году и установившем окончательно «право России на проливы и Константинополь». Но о главном желании Думы, о министерстве, пользующемся доверием страны, и об изменении реакционного управления ею не было сказано ни слова, да и сама наличность Трепова во главе правительства, а Протопопова во главе Министерства внутренних дел, как равно и каждодневная правительственная политика, свидетельствовали ясно о том, что в этом отношении никаких изменений не предвидится. Как и в предыдущее заседание, Дума отвечала правительству беспощадной критикой. Первым, кто выступил с сильной обличительной речью, был не кто иной, как Пуришкевич, лишь накануне этого вышедший из фракции правых и еще на памяти у всех до войны бывший ярым и крикливым черносотенцем и прихвостнем правительства. Его страстная, искренняя речь дышала глубоким пережитым страданием прозревшего и переродившегося человека и произвела глубокое впечатление на всех благородством своих высказываний и прямою обвинений. Вслед за ним, правый националист гр<аф> Бобринский беспощадно обличал Протопопова. Заметно волнуясь, слушал этот последний обе речи. Когда гр<аф> Бобринский кончил, он даже вознамерился было отвечать; но Родзянко поспешил объявить перерыв, дабы избежать нового грандиозного скандала, так как Дума не позволила бы Протопопову говорить...

На следующем заседании продолжали критиковать правительство и его деятельность представители других думских фракций. Милюков, октябристы, Шидловский²⁰⁶ и Савич²⁰⁷, прогрессист Ржевский²⁰⁸ произнесли опять беспощадные обличительные речи. Речь Милюкова, обстоятельная, документированная, неотразимая, особенно тяжелым обухом ударила по кабинету Трепова. Ею вновь был исторически отмечен второй этап развертывающейся драмы. В Государственном совете сильные и беспощадные речи были сказаны о правительстве представителем земств кн<язем> Голицыным²⁰⁹ и оратором академической группы кн<язем> Е. Трубецким. Наконец, в заключение прений обе законодательные палаты вотировали громадным большинством решительно оппозиционные формулы перехода, предложенные «Прогрессивным блоком». Эта новая атака Думы против правительства вызвала новую, еще более интенсивную и решительную волну общественных приветствий, одобрений и протестов. И это было тем показательнее и тем симптоматичнее, что правительство после новой атаки стало как-то лихорадочно, точно в опьянении, с новой энергией упражняться в реакционных, антиобщественных мерах... Вскоре дело дошло до того, что протестантский дух пробудился в правых дворянских кругах; и одно дворянство за другим стали присоединяться к всеобщему народно-общественному движению против правительства. Всего характернее и драгоценнее в этом отношении была, конечно, резолюция XII-го съезда объединенных дворян, занимавших самое крайнее место направо среди общественных сил. Тем временем Гос<ударственная> дума продолжала критику и обстрел правительства. После того как в заседании от 3-го декабря были заслушаны и в общем одобрены патриотически лояльные заявления только что назначенного (против собственного желания) на пост министра иностранных дел Н. Покровского, Гос<ударственная> дума 5-го декабря перешла в атаку в связи с продовольственным вопросом. Подвергнув обстоятельному и беспощадному разбору продовольственную деятельность или, лучше, бездеятельность и противодеятельность кабинета, она вотировала вновь решительно отрицательную резолюцию с перечислением необходимых с точки зрения Думы действий и мероприятий. В заседании 8-го декабря критика правительственной деятельности

вспыхнула снова при обсуждении законопроекта по волостной реформе. Но с особенной силой она разразилась на другой день при обсуждении вопроса о применении правительством 87-ой статьи, согласно которой оно стало за последнее время проводить чуть ли <не> все законодательства. Ряд депутатов, примыкавших к «Прогрессивному блоку», беспощадно клеймил правительственный произвол, и дело кончилось, действительно, отклонением всех проектов, проведенных уже правительством досрочно и внесенных на подтверждение Думы.

Положение треповского министерства стало делаться заметно шатким. Не заслужив доверия Думы, благодаря ли сохранению Протопопова, благодаря ли своим первоначальным действиям, оно в то же время не могло казаться достаточно сильным и реакционным и для правых кругов и придворной камарильи, благодаря своему попустительству, с их точки зрения, и Думе, и общественным организациям. В соответствии с этим уже со второй недели декабря стали носиться слухи о новых министерских переменах и о назначении на пост премьера не более и не менее как Щегловитого. Между тем Протопопов окончательно распоясался. После недавних отповедей Милюкова и Пуришкевича он было сначала заболел, потом пытался публично оправдаться письмом в газеты, напечатанным 28-го ноября, которое кончалось до смешного наглым и глупым в своей наглости утверждением: «Я был и останусь твердым сторонником общественности, чему служит порукою вся моя долголетняя общественная работа». Но, конечно, никто ему уже больше не верил, никто его не слушал; все говорили о нем враждебно, с ненавистью и презрением; и тогда Протопопов, подстрекаемый уколотым самолюбием, реакционно развернулся во всю ширь и пустился во все тяжкие. Помимо мелких реакционных шагов вроде внезапного освобождения крупного спекулянта Рубинштейна²¹⁰, обвинявшегося в государственной измене, прекращения дела против Манасевича-Мануйлова и издания обязательного постановления, воспрещающего «оглашение или публичное распространение каких-либо статей и иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству», им была применена мера, чреватая чрезвычайно грозными последствиями: воспрещение в Москве земского и городского съездов. В ответ на немедленно представленный

думский запрос министрам внутренних дел и военному они оба уклонились от объяснений. И тогда-то разразилось вновь, 16-го декабря, бурное думское заседание, на котором Милюков произнес свою третью речь, послужившую как бы третьим громовым ударом начавшейся грозы. Кроме Милюкова, в том же заседании громили правительство прогрессист Коновалов²¹¹, кадет Аджемов²¹², октябрист Шидловский, социал-демократ Скобелев, трудовик Керенский и др.; причем Скобелев и Керенский, разумеется, нападали попутно и на блок за его якобы слишком большую умеренность и инертность. В тот же день был объявлен Высочайший указ о перерыве думских занятий на рождественские каникулы вплоть до 12-го января, несмотря на то, что депутаты ввиду всей критичности создавшегося положения и всей необходимости непрерывной парламентской работы намеревались ограничить праздники одной неделей.

Смерть Распутина

На другой день после перерыва сессии по Петрограду с молниеносной быстротой распространился потрясающий слух о гибели в ночь с 16-го на 17-ое декабря Распутина. Тотчас же стали циркулировать разнообразные версии, которые сходились, однако, все в том, что убийство произошло во дворце князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон²¹³, и что к нему так или иначе были причастны, кроме самого князя, также великий князь Дмитрий Павлович²¹⁴ и депутат Пуришкевич. 19-го декабря за городом у Петровского моста подо льдом был найден наконец труп Распутина с тремя глубокими огнестрельными ранами и еще кое-какими поверхностными поранениями. Непосредственным следствием убийства Распутина был арест князя Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича и немедленная высылка первого из них в его курские поместья, а второго — в Персию, в штаб генерала Баратова²¹⁵. Некоторые члены царской фамилии были глубоко возмущены мерой, примененной к великому князю, но их протест перед царем не имел никакого успеха. С места своего обнаружения труп Распутина был перевезен, по распоряжению свыше, в Чесменский госпиталь, где был одет и убран лично одною из приближенных Распутина и деятельной участницей «придворной клики»

Головиной²¹⁶. 20-го декабря труп в сопровождении ее был перевезен в Царское Село, там принят помощником дворцового коменданта и предан земле вблизи дворцового парка на месте, предназначенном для постройки часовни приюта имени св. Серафима Саровского. Несколько дней спустя лицами, близкими ко двору, стали распространяться слухи о том, что тело Распутина будто бы увезено в Тобольск; в то же время, на самом деле, Распутин был похоронен на том же самом месте в присутствии императрицы и дочерей. Обряд погребения совершал епископ Исидор²¹⁷; над могилой была возведена на средства наперсницы царицы и главной поклонницы Распутина Вырубовой²¹⁸ часовня; самое место, как и вся округа, были подчинены самой тщательной охране и сделались недоступны для посторонних; солдатам, составлявшим охрану, был отдан наистрожайший приказ хранить все это в тайне. Каждый день вечером царица в сопровождении Вырубовой или одной из своих дочерей приезжала в часовню и молилась подолгу на могиле своего «любимца».

При русском дворе испокон веков велось так, чтобы при царствующих особах состоял какой-то святой человек, «тауматург»¹ или «иллюминат», который обслуживал бы «мистические потребности» царствующего дома. Но никогда еще до царствования Николая II-го не случалось, чтобы подобный субъект возвысился до положения всесильного руководителя царской воли в важнейших делах управления народом, до роли полного хозяина над политико-социальным бытием страны, будучи в то же время орудием и проводником идей кучки хищников-черносотенцев, авантюристов и предателей Родины. Такое «счастье» выпало лишь на долю Распутина; и в этом смысле он представляет собой нечто единственное в русской истории... Это объясняется, отчасти, неоспоримой незаурядностью самой личности убитого «старца» и большой силой гипноза, которой он был наделен; отчасти же совершенно особыми, чрезвычайно благоприятствовавшими этому психическими условиями жизни царской семьи и придворной русской жизни вообще. Гипнотический дар Распутина, которым он был наделен в чрезвычайно значительной степени, по свидетельству таких «экс-

¹ творящий, делающий чудеса (греч.)

пертов», какими являлись в данном случае кн<язь> Юсупов и бывший министр внутренних дел А. Хвостов, направлялся у него, главным образом, на слабый пол, принимая всевозможные сексуальные формы. На испорченных и распутных он воздействовал, открывая им возможность под прикрытием как будто бы глубокой религиозной теории предаваться с ним разврату в грубой, но при том все же незаурядной, острой, пикантной форме. Стыдливых же и нерешительных он притягивал к себе своим внешним бесстрашием, открывая возможность находиться вблизи мужчины, ощущать его телесную близость, тем не менее не греша физически, морально же истолковывая все это в смысле высоко религиозного общения. Одной из стыдливых и нерешительных жертв распутинского полового гипноза была, — увы! — без сомнения, и царица Александра Федоровна. Отпрыск старого рода германской знати, как все вообще старые роды носившего в жилах своих тайную наследственную болезнь, как все они вырождающегося, — она оказалась вскоре же до чрезвычайности предрасположенной к суеверной религиозности. Хотя и воспитанная в протестантском рационализме и укрепившая в себе холодную светскость занятиями в Гейдельбергском университете, из которого она вышла с дипломом доктора философии, Александра обнаружила, тем не менее, с течением времени душу, в высшей степени склонную к мистицизму, и в конце концов сделалась в исповедании православной веры чуть ли не ревностнее самых заядлых приверженцев ее. Развитию в ней этой мистической религиозности, кроме очевидной прирожденной склонности, посодействовала, прежде всего, окружавшая ее дворцовая атмосфера, а потом также и самый ход ее личной и вообще русской общеполитической жизни. Как уже упоминалось, русский двор всегда отличался святошеством, всегда держал при себе какого-нибудь ясновидца или тауматурга. При Николае, особенно с начала XX-го столетия, эта склонность стала культивироваться особенно усиленно. В атмосфере нараставшей социально-политической разрухи Николай чувствовал, что почва колыхалась у него под ногами, и искал жадно помощи всеми способами у сверхъестественной силы..

И вполне естественно, что та же потребность возникла и у императрицы; мало того, будучи от природы наделена харак-

тером самолюбивым, надменным, авторитарным и самомнительным, царица тяжело должна была переживать первоначальную холодность своего мужа, женившегося на ней, так сказать, из-под отцовской палки и делившего в первые годы своей супружеской жизни свой досуг между вином и женщинами. Тяжела была также для Александры и враждебность старой императрицы; если прибавить к этому привоспитанное ей презрение ко всему русскому вплоть до русского языка, которому она так-таки как следует и не выучилась, то сразу же станет ясно, до какой степени одиноко она должна была чувствовать себя в своих огромных и роскошных дворцах. При таких условиях неудавшийся роман, окончившийся загадочной гибелью любимого человека, глубоко потрясал истосковавшуюся душу; дальше развернулась крещендо страшная революционная борьба русского народа с ненавистным царским режимом. На глазах у царицы один за другим стали гибнуть трагической смертью «верные слуги престола», пока рука смерти не прикоснулась к самой царской семье и смерть не стала грозным призраком над головою самой царской четы... Революционное движение произвело глубокое, потрясающее впечатление на Александру, особенно дрожавшую за жизнь своего единственного сына, явившегося на свет после долгих бесплодных, почти отчаянных ожиданий «наследника» и применения всех возможных, естественных и «сверхъестественных» мер для его появления. Событиями 1905–1906 годов нервная система царицы была совершенно расшатана, и она стала временами заболеть на нервной почве и даже обнаруживать явные признаки психического неравновесия. Все это до чрезвычайности облегчало для Распутина задачу душевного овладения Александрой, в чем он и преуспел довольно быстро, играя одновременно на струнах и ее религиозного истеризма, и ее половой полупатологии.

К этому времени Николай, пресытившись женщинами, устал от беспутной, разгульной жизни, изменив свое отношение к семье и царице, превратившись мало-помалу в примерного семьянина. Безусловно, решительным толчком в этом направлении послужило рождение сына, в котором последний русский царь просто не чаял души. Долгие годы сначала бесплодного ожидания наследника, а потом совместных забот о болезненном и хрупком ребенке, жизни которого, — таковы

были настойчивые слухи, — не раз угрожали разные «дворцовые» опасности, сблизил <и> царя и царицу и упрочили их семейный очаг. К несчастью, это сближение было также порабощением. Властолюбивая, самонадеянная Александра, охваченная непреодолимой религиозностью, подчинила постепенно своей воле слабовольного, уставшего от жизни и апатичного Николая; и, подчинив, передала ему, — или, по меньшей мере, передавала временами, — и обуревавшую ее религиозность. Человек мелкий, ничтожный, мелочный, эгоистичный и мало-развитой, Николай в то же время был от природы не лишен ума и понимал свою слабость и свое трагически-дурацкое положение; но по слабоволию ничего не был в состоянии сделать. Как много горькой правды и безысходного отчаяния в том восклицании, которым он однажды отвечал на настойчивые указания Коковцева на то, что необходимо же наконец сократить наглого проходимца, опутавшего своею волей императрицу: «О! Двадцать Распутиных лучше одной истерической женщины!» Разумеется, историческая правдивость требует не забывать рядом с этим безволием и другие стороны царского характера, благоприятствовавшие распутинскому господству. Николай II был убежденным черносотенцем, если вообще можно говорить об его политико-социальных убеждениях. И, затем, он всеми фибрами своей мелкой, ничтожной души ненавидел общество, интеллигенцию... и даже самый русский народ, поскольку речь шла не о подставных манекенах, покорно свидетельствовавших свое раболепье и верноподданность, и не о «переодетых городских», а о живом и самобытном русском мужике и работнике.

Но, помимо общего овладения душой Александры и бесовской игры на ее болезненном сексуальном мистицизме, Распутин нашел одно совершенно специальное средство, абсолютно гарантировавшее ему даже в самые критические моменты необходимость его присутствия во дворце, а следовательно, и возможность непосредственного влияния и на царицу, и на царя. А именно он один только, казалось, умел лечить царевича от наследственной болезни, перешедшей ему из гессенского рода; и это потому, что в его власти было при помощи преданных ему интимных «друзей» царицы вызывать проявления неудержимой кровоточивости у ребенка, когда только в этом появля-

лась надобность. Пользуясь своим безграничным влиянием на царицу, а через нее и на царя, Распутин постепенно проводил на высшие правительственные посты «своих» людей. Нельзя сказать, чтобы в этом у него была какая-нибудь государственная система, какой-нибудь политический план. Скорее хитрый, чем умный, совершенно безграмотный в политических делах и ими, в конце концов, совсем не интересовавшийся, он действовал всегда спорадически, лишь под давлением момента, когда для его собственных, личных целей бывало необходимо удалить одного и «посадить» другого министра. Результат, однако, от этого получился вскоре даже очень систематический, ибо отстраненными всегда оказывались относительно лучшие и честнейшие, а заместители с каждым разом бывали все хуже и хуже. Можно сказать, что с осени 1916 года, когда произошло назначение Протопопова, Россия была в полной власти если и не самого Распутина, то во всяком случае распутинской клики, т.е. шайки политических и иного рода авантюристов, шантажистов, спекулянтов и стяжателей...

Можно себе представить, сколь глубокое возмущение должна была вызывать диктатура Распутина у искренних монархистов или у других сохранивших свое достоинство членов царской семьи. Ими было сделано немало попыток воротить хотя бы только одного царя, если уже нельзя было царицу, на путь здорового и политически достойного существования. Один за другим великие князья пытались, путем ли личных разговоров, или письменно, побудить царя к этому, но одинаково безуспешно. Равно были сделаны попытки и воздействовать на царицу чрез посредство великих княгинь, но с тем же самым успехом. Вот тогда-то, после того как были исчерпаны все средства легального воздействия и убеждения, группой лиц, для которых был нестерпим позор Родины и которые уже видели явственно бездну, в которую вскачь влеклась царицей, царем и распутинской шайкой Россия, было решено избавиться от Распутина путем насильственного его устранения. И то, что не удавалось его отдельным жертвам слабого пола, уже дважды перед тем покушавшимся на «святого старца» за его гнусные проделки над ними, вполне удалось наконец молодым высокопоставленным заговорщикам...

Последние дни царского правительства

Весть об убийстве Распутина и тех обстоятельствах, при которых оно произошло, произвела потрясающее впечатление на общество, и печать в ближайшие дни только и была полна, что толками об этом событии. Но потом всякие печатные разговоры о Распутине разом надолго прекратились, и на событие это пала густая, непроницаемая завеса вынужденного, административно предписанного молчания. Только революция позволила в конце концов сдернуть покрывало и открыть обществу действительный ход и смысл событий... Несомненно, для императорской четы, а равно и для придворной клики вообще, исчезновение Распутина было страшным ударом. Вместе с ним исчезла почва из-под ног, все заколебалось, и царь с царицей почувствовали себя как бы висящими в воздухе. Но такое состояние длилось недолго, ибо для Распутина нашелся достойный заместитель, уже приготовившийся и наострившийся заранее и как бы благословенный на дело самим же Распутиным, в лице управлявшего Министерством внутренних дел Протопопова. С места в карьер этот последний стал обнаруживать большую «тауматургическую» сноровку и немалые «мистические» способности. При дворе стали устраиваться настоящие мистерии, на которые допускались лишь посвященные и во время которых дух Распутина воплощался в Протопопове.

Это свое сближение с царской четой Протопопов постарался тотчас же, конечно, использовать в политическом отношении. И действительно, через какую-нибудь неделю после убийства Распутина начался неудержимый процесс министерского поправения. Перед самым Рождеством на пост министра юстиции, пустовавший после ухода Макарова, был назначен сенатор Добровольский²¹⁹, ультраправый и беспринципный член распутинской клики. Сам Протопопов из управляющего министерством благополучно сделался настоящим министром. Новая попытка Трепова, который чувствовал себя в безвыходном положении между двух огней: Государственной думой и своеволием Протопопова (карикатура объединенного кабинета!) и поэтому настоявшего на длительном перерыве думских заседаний, освободиться от Протопопова опять потерпела полное фиаско. Мало того, на этот раз

результатом была отставка самого Трепова (28-го декабря) и отставку же получил и министр просвещения граф Игнатъев, не выдержавший и высказавший царю откровенно свои взгляды на всю эту недостойную игру. Вместо Трепова на предательский пост был назначен крайний правый и приближенный царицы, князь Н.Д. Голицын, руководивший в это время «Комитетом помощи русским военнопленным», а министром народного просвещения был сделан профессор Кульчицкий²²⁰, черносотенец чистейшей воды и полное ничтожество. Все это произошло в течение последних десяти дней 1916 года. Наступление Нового года ознаменовалось назначением лидера крайних правых, Щегловитова, председателем Государственного совета и назначением в этот последний большого числа заведомо черносотенных элементов одновременно с преждевременным отчислением части ранее назначенных членов, проявивших себя сторонниками «Прогрессивного блока». 5-го января заседания Государственной думы были отсрочены, — по инициативе Протопопова, — еще на месяц; в тот же день генерал Шуваев был замещен на посту военного министра генералом Беляевым, мало патриотическая деятельность которого по Министерству военных дел была разоблачена в вышеупоминавшихся письмах Гучкова к генералу Алексееву. Одновременно стало известно, что министры Покровский, князь Шаховской²²¹, вице-адмирал Григорович²²² и Барк²²³ подали в отставку, но она не была принята царем, и два первых получили только продолжительный отпуск. Все эти перемены чрезвычайно усилили положение Протопопова в правительстве, и он мог уже беспрепятственно продолжать сам лично и через своих подставных лиц вроде князя Голицына или Добровольского вести свою двойственную внутреннюю политику: как будто бы доброжелательного отношения к Думе и общественным организациям на словах и самой черной и антиобщественной реакции на деле.

6-го января на имя князя Голицына был обнародован Высочайший рескрипт, в котором новому кабинету предписывалась объединенная деятельность в согласии с законодательными учреждениями и доброжелательное отношение к столь необходимым для обороны общественным организациям. И в соответствии с этим номинальный глава правительства не-

однократно в своих заявлениях представителям печати, и при своем вступлении в должность, и на протяжении двух месяцев своего управления, изъявлял свое твердое намерение следовать этим Высочайшим предуказаниям. На самом деле, однако, ни на что подобное не было и намек в правительственной деятельности; напротив того, все действия правительства были отменно реакционного свойства: напр<имер>, хотя бы уже вышеупомянутая отсрочка думской сессии до февраля; запрещение вывоза русских газет и журналов за границу; разрешение съезда военно-промышленных комитетов (еще в декабре) на таких полицейских условиях, что съезд решил самоупраздниться, в знак протеста ограничившись лишь голосованием боевой резолюции; не разрешение съезда биржевых комитетов во второй половине января, отмена московских городских выборов, давших определенно прогрессивное большинство; высылка редактора «Русской воли»²²⁴ (той самой газеты, о которой так много и так двусмысленно хлопотал Протопопов) Амфитеатрова²²⁵ в Иркутск за глубоко насмешливую статью об этом последнем; или, наконец, арест в конце же января 11 рабочих представителей Центрального военно-промышленного комитета; и т.д. и т.п. Если эта решительно реакционная правительственная тактика и сменялась актами либерального характера (по большей части словесными), то лишь тогда, когда дело касалось внешней политики и необходимо было успокаивать союзников. Любопытно же то, что за последние три месяца своего царствования Николай II чувствовал себя вынужденным несколько раз, — в разной связи и по разным поводам, — настойчиво высказать и подчеркнуть свое намерение продолжать войну до победного конца. Таков же точно был смысл назначения Сазонова послом в Лондон, опубликованного 12 января, а равно и удержания на посту министра иностранных дел Покровского, который должен был затем председательствовать на междусоюзной конференции, открывшейся в Петрограде 1-го февраля. Необходима была внешняя декорация; и для этого пускались в ход чиновники, пользовавшиеся хорошей репутацией и доверием Согласия, за их же спинами преспокойно продолжала практиковаться черносотенная внутренняя политика господами из «потсдамской партии», окружавшими царицу...

19-го февраля последовало наконец столь долгожданное открытие заседания Государственной думы. Поставленный в первую очередь на обсуждение, самый больной и жгучий вопрос момента: продовольственный — вызвал, конечно, немедленно дебаты по общей внутренней политике правительства. Отправным пунктом послужило заявление «Прогрессивного блока», которым и был сразу же предопределен по-прежнему протестантский характер всей сессии. В последовавших за этим дебатах, которые растянулись на несколько заседаний, выступил целый ряд фракционных ораторов, из коих некоторые (Милюков, Пуришкевич, Керенский, Ефремов²²⁶, Шульгин, Шингарев) с новой силой обрушились на правительство и подвергли беспощадной критике его действия. Помимо общего внутреннеполитического положения страны и некоторых отдельных вызывающих правительственных мероприятий, к этому подзадоривало еще специально то, что министр земледелия настойчиво старался несколько раз оправдать свои действия, тем как бы поддерживая общий правительственный курс в самом его больном, уязвимом пункте. Правда, в начале сессии правые элементы «Прогрессивного блока», движимые классовыми инстинктами, пытались несколько защищать мероприятия Риттиха в продовольственном вопросе; но через несколько дней они должны были уступить под давлением событий и аргументации слева. Самой характерной чертой фракционных выступлений этой сессии было, пожалуй, ясное ощущение неминуемости надвигающейся катастрофы. Открыто или неоткрыто, въявь или только намекая, о ней говорили все (и Пуришкевич, и Ефремов, и Милюков) с чувством глубокой тревоги, с сознанием собственного бессилия предотвратить отныне ставшее неизбежным. Но всего симптоматичнее, всего нервнее, всего выразительнее была на этот раз речь трудовика Керенского, произнесенная им 17-го февраля, по которой можно было тотчас же явственно судить, насколько близка была Россия к перевороту, и за которую он был бы, по всей вероятности, привлечен по статье 102, несмотря на весь свой парламентский иммунитет, если бы революция не прервала несколько дней спустя существование царского правительства.

Глава 6 РОССИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Да, речь Керенского, пожалуй, чутче всех других речей и общественных обнаружений отражала в себе тот огромный потрясающий кризис, который с первых же дней войны постепенно развивался в гигантском теле России, а к началу 1917 года уже окончательно назрел в нем во всех отношениях и направлениях и готов был разразиться неслыханной катастрофой. Его корни уходили в самую глубину русского социально-политико-экономического бытия; его обнаружения распространились по всему лицу земли Русской, знаменуя собою расстройство во всех областях народной жизни.

Финансовое положение

Будучи страной со слабо развитой промышленностью, бедной капиталами и техническим образованием, с задержанной политической жизнью и устаревшей налоговой системой, построенной по преимуществу на косвенном обложении дохода с водочной монополии, отрезанная от сношений с внешним миром, почти лишившись своей внешней торговли, Россия уже в первые дни военных действий очутилась в трудном финансовом положении. Оно усугублялось еще отсутствием предварительных финансовых соглашений с союзниками и чрезвычайно было усилено внезапной отменой винной монополии. Наконец, уже к началу 1916 года Россия лишилась почти 300 тысяч квадратных верст богатейшей территории с населением до 25 миллионов человек, между тем как обширные прилежащие области находились в состоянии экономического паралича. Неприятелем было захвачено около 8000 верст рельсовых путей; во время боев погибло множество фабрик и заводов и разорено было добрых два десятка провинций.

При таких-то условиях России приходилось не только продолжать сводить концы с концами, но еще выдерживать ежедневный расход в 18 миллионов рублей на ведение войны. Путем повышения налогов, а также ввиду заметного прироста вкладов в связи с развитием специальной военной промышленности и военной торговли с первой задачей удавалось еще благополучно

справляться. Что же касается расходов на войну, то они совершались целиком за счет займов. В итоге всех разрешенных кредитных операций к концу 1916 года за Россией было

Займов внутренних — на 20 850 миллионов рублей

Займов внешних — 9410 <миллионов рублей>

Итого — 30 260 миллионов рублей

Это давало на 1-ое января 1917 года 164 рубля 07 копеек долга на душу населения и вынуждало в общем Россию платить ежегодно процентов по долгам до 1220 миллионов рублей.

1917 год сулил еще гораздо более серьезные затруднения, ибо, вычисляя все предвидевшиеся экстренные расходы, общий бюджет на новый год должен был возрасти на 3753 миллионов рублей, в то время как в 1915 году едва-едва удалось справиться с значительно меньшей цифрой, да и то с дефицитом почти в 400 миллионов рублей.

Аграрное положение

Уже в 1916 году обнаружили грозные признаки упадка в сфере земледелия: площадь посевов главнейших хлебов уменьшилась в абсолютной цифре на 2600 миллионов десятин (т.е. на 3,1%). В 1916 году недосев принял гораздо более бедственные размеры, достигнув общей цифры 20 500 миллионов десятин (т.е. 24,7%) всей засеянной площади. По отдельным районам, наиболее богатым хлебными сборами, это соотношение было еще того страшнее, как то видно из нижеследующей таблицы

Осталось незасеянной обычной площади

В Донской области — 37%

В Самарской губернии (Новоузенском уезде) — 23%

В Саратовской губернии (Камышинском уезде) — 23%

В Саратовской губернии (Царицынском уезде) — 50%

В Воронежской губернии (Богучарском уезде) — 33%

В Воронежской губернии (Новохоперском уезде) — 25–33%

В Астраханской <губернии> (Черноярском уезде) — 50%

В Ставропольской губернии — 46%

В Харьковской губернии (Купянском уезде) — 35%

В Полтавской губернии (Полтавском уезде) — 38%

В Екатеринославской губернии (Александровском уезде) — 40%
В Херсонской губернии (Тираспольском уезде) — 43%
В Таврической губернии (Симферопольском уезде) — 50%

Среди причин этого грозного явления, которое давало себя уже сильно почувствовать зимой 1916—<19>17 года, но особенно тяжкие последствия сулило в последующий сезон, надлежит упомянуть: сокращение сельскохозяйственного кредита Государственным банком и банками коммерческими, опасение реквизиции по ценам ниже издержек производства, недостаток рабочего скота вследствие мобилизации и усиленного убоя, недостаток наемных рабочих рук, повышение заработной платы на них, экспроприация обширных немецких владений, потерявших таким образом обработывателей, и т.п.

Торговля и промышленность

Внешняя торговля претерпела, естественно, едва лишь вспыхнула война, громадное сокращение, как то показывает следующая таблица:

За год: в миллионах рублей

до войны 1913—<19>14 — 1634 млн руб. (вывоз); 1536 млн руб. (ввоз)
во время войны 1914—<19>15 — 368 млн руб. (вывоз); 675 млн руб. (ввоз)

Или следующая таблица в миллионах пудов:

Вывоз — 1914 — 616
Вывоз — 1915 — 31
Вывоз — 1916 — 45
Ввоз — 1914 — 402,9
Ввоз — 1915 — 42,5
Ввоз — 1916 — 61,3

О сокращении внутреннего товарообмена можно судить, за неимением прямых данных, по нижеследующей таблице коммерческих перевозок в миллионах пудов:

1913 год (1-ое полугодие) — 7552
1913 год (2-ое полугодие) — 8193

1914 год (1-ое полугодие) — 8582

1914 <год> (2-ое полугодие) — 5995

(должно было быть при нормальном ходе развития около 9000 мил<лионов> пудов)

1915 год (1-ое полугодие) — 6274

(должно было быть при нормальном ходе развития около 9500 мил<лионов> пудов).

В тяжелом положении оказалась скотопромышленность. В 1915 году она сократилась на 25%, а в районах наибольшего производства — на 50%.

Параллельно этому увеличилось чрезвычайно потребление мяса, а ввиду нужд армии, а равно и усиленного потребления его разбогатевшей сразу же от войны деревней, а равно и производство всякого рода кожаных изделий, что в результате к осени 1916 года выразилось в значительном сокращении числа голов рогатого скота на русской территории и стало угрожать «мясным голодом».

Угольная промышленность потеряла вскоре Польский угольный район, сосредоточившись почти исключительно в Донецком бассейне, она мало-помалу стала сокращать — в 1915 году уже до 30% — поставки негосударственного характера, что не могло тотчас же не отразиться самым чувствительным образом на состоянии различных отраслей промышленности. Металлургическая и металлическая промышленность, — помимо обслуживания нужд войны, — тоже быстро сократилась до минимума, ввиду огромного роста военных заказов, а как следствие этого — тотчас же стало заметно чувствоваться сокращение в постройке железных дорог, заводов, фабрик, городских домов, трамваев, машин, орудий производства и т.п. В свою очередь сокращение перечисленных работ вызвало уменьшение спроса на необходимые при этом материалы, как то: цемент, кирпич, известь, камень, лесные материалы и проч. (и заметное сокращение в сфере соответствующих производств).

Сильное сокращение вскоре же по открытии военных действий испытала мануфактурная промышленность почти во всех своих разветвлениях, а равно и промышленности бумажная, стеклянная и т.п.

Транспорт и продовольственное дело

Как то знает уже хорошо читатель, вопросы транспорта и продовольствия стали чуть ли не с зимы 1915/16 года самым болезненным, тревожным и разлагающим местом русской действительности. К наступлению 1917 года положение страны и особенно обеих столиц было в обоих отношениях безусловно критическое.

Достаточно сказать, что та забастовка, в феврале месяце, которой было суждено перейти тотчас же во всеобщую и молниеносно вызвать всесокрушительный революционный взрыв, началась на Путиловском заводе (обслуживавшем непосредственно нужды обороны), потому что, придравшись к пустому поводу, администрация закрыла завод ввиду недостатка топлива и невозможности продуктивно работать.

При этом необходимо отметить, что первым и самым настойчивым лозунгом вышедшей на улицу и демонстрировавшей толпы Петрограда был всеобщий вопль: «Хлеба!»

За четыре дня до решительного взрыва транспортно-продовольственное положение России было следующим образом лапидарно охарактеризовано Гучковым с трибуны Государственного совета: «Господа, общее расстройство транспорта, давно уже наблюдавшееся во время переживаемой войны, ныне обострилось до степени государственного бедствия. Из данных Особого совещания по продовольствию и совещаний, разновременно созывавшихся министром земледелия во время его поездки по России, выясняется, что при современной постановке дела снабжения продовольствием армии и тыла нельзя ждать в конечном итоге благоприятных результатов. Подвозимый и доставляемый на станции железных дорог хлеб не развозится в места потребления. На мельницах — отсутствие зерна, нужного для перемола. Заготовленное в Сибири и Средней Азии мясо рискует погибнуть вследствие затора вагонов на узловых станциях и невозможности продвинуть их до наступления оттепели. Из данных Особого совещания по топливу мы знаем, что выдаваемые ежемесячно наряды на перевозку топлива даже в размерах минимума использования потребностей не выполнены, хронически ухудшаясь с декабря прошлого года даже в пределах первоочередных погрузок. Начиная с конца

января железные дороги прекратили всякую погрузку и занялись исключительно перевозкой потребного им самим топлива, не останавливаясь даже перед реквизицией погруженного для других потребителей чужого топлива, так как запасы топлива на железных дорогах к этому времени окончательно иссякли. Мельницы, снабжаемые зерном кое-как, хронически останавливались от недостатка угля и нефти. Наконец, города и деревни, вследствие отсутствия керосина, точно так же хронического, погружались в тьму с заходом солнца, и для оставшихся в стране рабочих рук, таким образом, сильно сокращается дорогое рабочее время. Мы знаем, что за последнее время остановился ряд доменных печей вследствие несвоевременного недостаточного подвоза руды и кокса. Наконец, мы знаем, что на Урале также угрожают скоро стать заводы из-за неподвоза фуража и продовольствия. Все это отразится в ближайшем времени крупным недостатком металла. От своевременного подвоза топлива, металла и сырья остановятся промышленные предприятия».

Развал транспорта и продовольственная неразбериха, сопровождаемые ростом спекуляции, своим прямым следствием имели чрезвычайный рост дороговизны, о которой можно судить по нижеследующей таблице.

Рост цен по сравнению с нормальным временем 1913–<19>14 гг., принятым за 100%

Продукт	Июнь 1915	Декабрь 1915	Июнь 1916
Пшеница	113	161	182
Мука пшеничная	121	154	164
Мука ржаная	144	183	199
Овес	193	225	251
Ячмень	109	142	154
Среднее по хлебам	137	174	189
Сахар	131	146	147
Мясо	121	168	332
Масло	114	233	234
Соль	228	401	583
Кожа	216	145	155

Шерсть	179	179	188
Лен	145	199	365
Миткаль	160	160	213
Керосин	113	120	130
Нефтяные остатки	136	145	120
Каменный уголь	144	137	148
Медь	170	180	219
Чугун	118	129	199
Ср<еднее> без зерновых	159	180	225
Ср<еднее> со всем	146	178	214

В то время как в Англии дороговизна продуктов возросла к середине 1915 года на 50–70%, во Франции до 50%, в Италии до 35%, в России общая прибавка цен была на 114% (причем мясо, например, возросло в цене на целых 232%).

Во второй половине февраля, накануне самой революции, маленькая мерка картофеля, за которую платили прежде 15 копеек, стоила в Петрограде 1 рубль 20 копеек, масло с 50 копеек за фунт возросло до 3 рублей 20 копеек, башмаки — с 10 рублей до 100 рублей и т.д. и т.п.

Правительственная деятельность

Можно сказать смело, что правительственная власть сделала все от себя зависящее, чтобы побудить народ к революционной вспышке. Калейдоскоп министерских перемен лишал правительственную деятельность всякой систематичности. Она шла бросками из стороны в сторону, от одного мероприятия к другому, из которых ни одно не доводилось до конца, тем только каждый раз еще более ухудшая положение. Приходящие и уходящие министры по большей части являлись экспонентами противоположных экономических или политико-социальных групп, и их смена означала резкий переход от господства одних социально-политических интересов к другим, с ними враждовавшим. «Министерская чехарда» наверху, несмотря на внешнюю централизацию, открывала самые широкие возможности

для децентрализованного произвола на местах и представителей власти и всяких местных магнатов, — произвола, который выражался чаще всего во всевозможных формах спекуляции. И весь этот развал облегчался еще постоянным старанием сосредоточить дело по возможности в руках бездейственной продажной бюрократии, по мере возможности мешая всем проявлениям и попыткам общественной самопомощи и организации.

До каких Геркулесовых столбов доходило в этом отношении дело, показывает хотя бы борьба между управляющим Министерством внутренних дел Протопоповым и министром земледелия графом Бобринским из-за продовольственного вопроса, который каждый из них хотел заполучить в свои руки и в сфере которого каждый из них действовал, как ему хотелось, между тем как окончательного решения в Совете министров все же не принималось. Эта междуведомственная борьба, — что самое лучшее, так тем и кончилась, что продовольственный вопрос остался как бы междуведомственным, что на практике так блестяще доказал окончательным расстройством продовольственного дела заместитель Бобринского протопоповский ставленник Риттих, скоропалительно перейдя к противоположной системе...

Общее политико-социальное положение

Экономический и административный развал не мог не сказаться в радикальном изменении общенародного настроения. От того патриотического энтузиазма, которым характеризовался первый год войны и которым было запечатлено еще первое разочарование летом 1915 года, к началу 1917 года не оставалось и следа.

Глухое недовольство, усталость и безразличие охватило в 1916 году широкие круги крестьянства. Оно с энтузиазмом ответило осенью 1914 года на призыв защищать Родину и дало лучшие свои элементы на это дело. Что же увидело оно за последующие 2 года со стороны власти? Продолжение все той же старой антинародной бюрократической политики, упрямое нежелание никаких реформ, настойчивое продолжение самой безудержной эксплуатации рабочего народа, несмотря на все эти невероятные жертвы, — и вот это с явным, губительным

вредом для общего патриотического дела, только и только в интересах все тех же старых 130 тысяч поземельных собственников, да еще небольшой кучки крупных промышленников и финансистов. Мало того, оно узнало вещи еще похуже: измену, свившую себе гнездо в самом правительстве, и вытекающую отсюда бесплодность русских народных усилий и это собственных мужицких жертв и затрат; полное разложение правительственной администрации и безволия царя освободиться от темных элементов, распоряжавшихся за его спиной страной и разлагающих ее силы; бессилие Думы помешать этому страшному делу, всемерное затруднение, чинимое безответственным правительством общественной — и его собственной — помощи фронту и внутреннему напряжению страны; торжество реакционных методов управления и т.д. и т.п.

В довершение всех бед, осенью 1916 года был объявлен призыв так называемой 2-ой категории запаса, что совершенно обезлюдило деревню, лишив ее окончательно работников, — призыв совершенно излишний и напрасный, так как военная организация, рассчитанная только на 4 миллиона человек, да кроме того еще во всем до чрезвычайности нуждающаяся, никак не могла утилизировать втрое большее количество солдат.

Правда, деревня, может быть, меньше всех других слоев населения ощущала экономические последствия разрухи. Она даже разбогатела от войны, что по меньшей мере ясно закончилось на протяжении 1915 года, пока расстройство транспорта, головокружительное повышение цен и развитие безудержной спекуляции не успели еще нейтрализовать этого преимущества крестьянской жизни. Но во второй половине 1916 года и этому благоденствию пришел конец, во всяком случае для беднейших слоев крестьянства. Призрак голода стал мало-помалу надвигаться на деревню, и моральный подъем стал все больше и больше падать в ней под влиянием вышеуказанных причин. Постепенно крестьянство стало все больше и больше замыкаться в себя, уходить в свои политические интересы, сужать обработку полей до необходимого ему самому минимума, спекулировать и даже пассивно бойкотировать разнообразные бюрократические «упражнения» в производственном вопросе, тем еще более отягчая положение городов, да и всей страны.

Таким образом, на место первоначального энтузиазма и самопожертвования к началу 1917 года в русской деревне уже ясно стала намечаться та вражда к городу и столице, которой потом суждено было в самый разгар революции принять характер настоящего междоусобия.

Еще больше, чем в крестьянстве, переменялось настроение в рабочих массах. Более близкие к центрам и к поверхности жизни, они больше видели, наблюдали и знали совершавшийся политико-социальный развал государственного механизма и все зигзаги, интриги и падения власти. Мало того, населяя города, главным образом большие города и столицы, они сильнее крестьянства на своей собственной шкуре чувствовали непосредственные последствия экономической разрухи и правительственного разложения. Это они, в первую голову, должны были терпеть от недостатка пищевых продуктов; это они, главным образом, страдали от дороговизны; и, по преимуществу, именно им приходилось в то же время испытывать по-прежнему широко культивировавшиеся прелести административного гонения. Поступившись столь многим в идейном отношении, когда они, — вопреки своей интернационалистической идеологии, — приняли программу защиты Отечества и даже послали в полуправительственные и во всяком случае типично буржуазные учреждения, обслуживая оборону, военно-промышленные комитеты, своих представителей, — что же они видели, чему оказались вынужденными свидетелями? Правительственных гонений на эти их организации, бюрократических преследований их избранников и в эти организации, и даже в Думу, под вечным полицейским предлогом революционной «крамолы», почти полной ликвидации рабочей печати; всемерного препятствования профессиональному рабочему движению и т.д. и т.п.

Мудрено ли, если в них и на самом деле стал пробуждаться прежний революционный дух, сознательно на время подавленный при виде страшной германской угрозы? Мудрено ли, если под влиянием облегченной трудами правительства экономической разрухи и внутреннеполитической реакции социально-политические проблемы и жизненный факт борьбы пролетариата против бюрократии и капитализма мало-помалу стал<и> заслонять в глазах рабочих масс продолжающуюся борьбу с врагом Отечества?

Уже осенью 1915 года начались снова стачки. В 1916 году волна их поднялась уже много выше и была гораздо напряженней. В Петрограде, Баку, Костроме, Иваново-Вознесенске и других местах наблюдались серьезные рабочие волнения, повлекшие за собой кое-где не менее серьезные репрессии.

Точно такая же перемена замечалась и в настроении «иностранцев». Ибо и они не видели ничего, кроме зла, от господствовавшей и возраставшей реакции. За свое преданное участие и свои обильные жертвы в войне еврейское население не только не было освобождено от практиковавшихся специально по отношению к нему административных ограничений, но было подарено еще особыми военными мероприятиями, стоившими ему немало числа человеческих жизней и массы бесполезных страданий, оставляя в стороне разорение сотен семей и гибели иногда трудом скопленных состояний. Украинская жизнь продолжала быть предметом самых усиленных гонений; финляндская самобытность продолжала задыхаться в русских реакционных тисках, а для возродившейся Польши были открыты перспективы «свободы» под русским скипетром, что в переводе с дипломатического языка на жизненный означало не более и не менее как аннексию всей Польши, как то и было в действительности уговорено между Россией и Францией совсем накануне революции.

Наконец, бюрократически задуманная и еще того более бюрократически выполненная мобилизация в Туркестан, до того никогда не практиковавшаяся, для полудикого населения совершенно неожиданная и непонятная, а главное — совершенно ненужная и бесполезная, вызвала крупное туземное восстание, за которое население тотчас же дорого заплатило своей кровью.

Но что было, пожалуй, всего симптоматичней, а вместе и всего грознее, так это постепенное глубокое видоизменение настроения войска. Это была уже не прежняя регулярная армия, послушное, вышколенное орудие в руках у высшей государственной власти, готовое одинаково направить свое оружие не только против внешнего врага, но и против родного брата — рабочего. Нет, это был сам русский народ в оружии, те самые крестьяне и рабочие, в души и сердца которых влился уже яд сомнения, подозрения, недовольства и протеста. Равным обра-

зом, и командный состав, за исключением разве высших должностей, в значительной мере состоял уже не из выдрессированных долгими годами службы военных профессионалов, а, по большей части, из представителей интеллигенции и средних слоев русского общества, глубоко проникнутых освободительной идеологией и остро чувствовавших всю невозможность наличного внутринеполицеского режима.

Войско мало-помалу стало превращаться в самостоятельную политическую силу; и незаметно уже к концу 1916 года оно приобрело в этом отношении громадное влияние на страну и ее судьбы. Но в то же время, как вершина этого огромного организма действовала в направлении оздоровления народного бытия и духа, в укреплении патриотизма и обороны, низы были, наоборот, — увы! — рассадниками и разносчиками разложения. В самом деле, именно Ставка была той средой, в которой Николай II вновь исполнялся патриотического духа и становился способен сопротивляться пацифистским проискам придворной петроградской камарильи. Она одна только являлась инстанцией, достаточно сильной, чтобы потягаться с Распутиным, иногда даже и победить. Не будь Ставки, не будь у царя непосредственной опоры в высшем командном составе и не действуй этот последний в унисон с общим общественным настроением, с земщиной и городами и с законодательными учреждениями, можно быть уверенными, что сепаратный мир с Германией был бы заключен еще в 1916 году и Протопопову не понадобилось бы для устрашения Николая подготавливать революционную бутафорию, которая, однако, ...обернулась настоящей революцией.

С другой стороны, русское войско <на>счит<ыв>ало, накануне революции, — несмотря на то, что было внешне оснащено лучше, чем когда-либо прежде, — не более и не менее как свыше 1 миллиона дезертиров. Это был неоспоримый признак глубокого внутреннего разложения, а вместе и страшная угроза разложением самой стране, куда дезертиры возвращались как элементы, противящиеся власти и дезорганизующие непрерывно ее установления.

Тот же самый упадок обнаруживался во всех направлениях и в широких кругах общества. Под влиянием всех пережитых военных неудач, политических разочарований и разрас-

тавшихся экономических невзгод стала гигантскими шагами расти общественная апатия, безразличие к жгучим военным вопросам момента, сопровождающаяся пробуждением эгоизма, поверхностных тенденций и низких инстинктов. Уже не защита Отечества и победа над врагом стояли в центре внимания широких общественных кругов зимой 1916–<19>17 года, а забота о том, как бы получше развлечься и получше прожить настоящий день. На первый план общественной жизни стали все больше и больше выдвигаться спекулянты и поставщики, так называемые «новые богачи», успевшие народиться уже сотнями и скопить в своих руках солидные суммы, с их неудержимым стремлением к мишурной роскоши и пустым наслаждениям. Кинематограф и варьете стали делаться излюбленным местом времяпрепровождения, как то было до войны. Разврат стал мало-помалу принимать стихийные размеры. Возвратилось и пьянство во всевозможных обманных и скрытых формах, несмотря на запрещение продажи спиртных напитков.

Вместе с тем глубокое разочарование обуяло те идейные круги русской интеллигенции, которые в течение первого года войны являлись вдохновителями обороны, а равно и вообще военной идеологии интеллигенции и самих масс народа. Мало-помалу оборонческая точка зрения стала вытесняться интернационалистской, циммервальдианской. На место уверенности в правоте первоначального истолкования происхождения войны и в искренности и ценности преследуемых союзниками целей стал привходить все больше и больше скептицизм и разлагающая критика. Непосредственная политическая перспектива происходящей борьбы стала отодвигаться на задний план, уступая все больше и больше места более глубокой, но вместе с тем и менее острой и насущной в данный момент перспективе социальной. Обнаружилось, с одной стороны, стремление доискиваться «более глубоких причин» конфликта, а с другой, неизбежная в таком случае склонность нивелировать, с точки зрения теоретических концепций, наличествующие различия конкретной политической жизни. Открытое и последовательное оборончество начало рассматриваться и трактоваться как нечто очень похожее на «ура-патриотизм» и как проявление либо поверхностного ума, либо буржуазной психологии. Военные лозунги стали все больше и больше стушевываться перед

социально-политическими лозунгами: «долгой самодержавие» и «борьба классов».

Знаменательно, что этим движением скептицизма и разочарования были охвачены даже самые серьезные органы печати и наиболее видные представители общественного мнения. Но особенно широко оно могло раскрываться, разумеется, только на заранее подготовленной почве, т.е. в кругах, воспитавшихся и выросших на интернационалистически-нейтралистских концепциях социалистической доктрины. В этом отношении огромную роль сыграл основанный в декабре 1915 года М. Горьким и руководимый Н. Сухановым журнал «Летопись»²²⁷, ставший тотчас же центром, так сказать, духовного пораженчества и посодействовавший немало росту антивоенного настроения и распространению антивоенных тенденций.

В середине февраля 1917 года все уже ясно чувствовали приближение бури. Свою вышецитированную речь в Государственном совете 21-го февраля Гучков закончил зловещими словами: «Ныне приходится признать, что все эти грозные расстройства в области народного хозяйства являются неизбежным и прямым последствием того тяжкого недуга, который охватил Российское государство и выражается в полном параличе и разложении государственной власти. Все это внушает нам тревожные опасения, что разруха тыла дошла до таких пределов, что является гибельной для жизненных интересов государства и грозит разрушить самые основы его бытия...»

Для того чтобы избежать революции или по меньшей мере серьезных народных волнений, был только один путь: призвать избранных общества и народа к власти, устранив решительно всякие посторонние «безответственные влияния». И опять перед царем был предпринят ряд шагов людьми, желавшими блага России и победного конца антигерманской борьбы, с целью побудить его наконец к этому. В первой половине февраля государя посетил декан иностранных миссий, английский посол Бьюкенен²²⁸ и долго говорил ему о необходимости изменить директивы и метод управления и элиминировать безответственные личности. Ответ был ясен и прост: русское правительство немедленно же потребовало отозвать дерзкого посла... В первой же половине февраля московское дворянство обратилось к царю с петицией об изменении правитель-

ственного курса во имя спасения Родины. Накануне открытия Гос<ударственной> думы Родзянко в продолжительной беседе показал царю всю необходимость радикального обновления правительства и его деятельности.

Ни один из этих шагов, однако, не имел ни самомалейшего успеха. Николай не только не смягчил режима, не только не призвал к управлению страной общественных ставленников, но, наоборот, все больше и больше, казалось, полагался на Протопопова, в руках которого фактически концентрировалась к этому времени вся власть и судьбы страны. Протопопов же, как бы предумышленно и следуя какому-то дьявольскому плану, был занят отнюдь не улучшением транспорта, не борьбой со спекуляцией и не понижением дороговизны, а подготовкой к подавлению ожидавшихся беспорядков. В то время как грузы, предназначавшиеся для столицы, продолжали преспокойно лежать и гнить на узловых станциях, как столица голодала и холодала и как бесконечные вереницы-хвосты обывателей теряли часы на бесплодные ожидания перед запертыми дверями лавок на 20–25-градусном морозе, 16-го февраля был опубликован указ о выделении Петрограда с губернией в особый военный округ, начальником которого был назначен генерал Хабалов²²⁹, а значительно усиленной полиции был отдан приказ готовиться к беспощадному подавлению ожидавшихся волнений.

Все было готово к отпору. Но и революция уже готова была... разразиться самым неудержимым и победоносным образом.

Часть вторая <РЕВОЛЮЦИЯ>

Глава 1 ПЕРЕВОРОТ

Начало беспорядков

Революция началась с незначительного повода и разразилась затем с необычайной силой и быстротой, и в этом смысле неожиданно. Все чувствовали чрезвычайное политико-социальное напряжение, но никто не думал, что взрыв произойдет так быстро и что события разыграются так молниеносно.

В четверг 23-го февраля в столице вновь, в который уже раз! — ощущался серьезный недостаток хлеба. Население, голодное и раздраженное бесконечными стояниями на морозе в «хвостах» около лавок, зачастую без всякого результата, жаловалось, протестовало и глухо волновалось. Там и сям на этот раз произошли разгромы булочных; и хотя полиция быстро восстанавливала порядок, тем не менее в течение дня все бюро и большинство лавок оставались закрыты по распоряжению власти. В этот же день забастовал огромный Путиловский завод. Много разных причин побуждало рабочих к этому шагу; но непосредственным поводом было временное закрытие завода администрацией, после столкновения ее с персоналом одной из мастерских. Тотчас же из солидарности забастовали и кое-какие другие предприятия, всего до 80 тысяч рабочих. На другой день, в пятницу 24-го февраля стачка сделалась почти всеобщей и бастовало уже около 200 тысяч рабочих. Рабочие, населяющие главным образом правый берег Невы, Выборгскую и Петроградскую стороны, уже с утра стали обнаруживать намерение перебраться на левую сторону в центр города, с целью манифестаций. Но они натолкнулись тотчас же на решительное сопротивление полиции, оцепившей мосты. Тогда рабочие толпы повернули прямо на реку и стали переходить ее почти бегом по льду, утопая иногда в глубоком снегу. В течение

дня было устроено несколько многочисленных уличных манифестаций в центральной части города. На Невском произошло первое столкновение с полицией, в результате которого оказалось ранено холодным оружием несколько десятков человек. Казаки и войска обнаруживали явное нежелание прибегать к решительным мерам против толпы. За два дня «хлебных» беспорядков цены на пищевые продукты заметно поднялись. Ввиду всех этих событий в Государственной думе во время заседания 24-го февраля были прерваны общие прения по продовольственному вопросу и обсуждению был подвергнут экстренно предложенный премьеру запрос о том, какие меры принимаются им для обеспечения продовольствием столицы. По исчерпанию прений по запросу, он был принят Государственной думой единогласно; была принята также формула перехода, предложенная Милюковым относительно немедленного повсеместного урегулирования продовольственного вопроса с помощью городских самоуправлений, общественных организаций и союзов, а в предприятиях, работающих на оборону, — также и рабочих. Непосредственным следствием этого было то, что по инициативе Родзянко в тот же день вечером было созвано экстренное совещание под председательством премьера в составе 4 министров (председателей состоящих при них особых совещаний), председателя и тов<арища> председателя Государственного совета, государственного секретаря, председателя и тов<арища> председателя и секретаря Государственной думы, петроградского городского головы и председателя Петроградской уездной управы, которое порешило передать дело продовольствия в руки городских самоуправлений.

В субботу 25-го февраля народные волнения сразу же приняли более грозный и обширный характер. Участие в них приняли уже дисциплинированные рабочие под руководством своих комитетов. Равным образом в движение вмешались и социалистические организации. Движение стало мало-помалу оформляться и принимать все более и более политическую окраску. Правительство тоже принимало меры. Весь город был разделен на участки, и во главе их были поставлены командиры полков, войсковая охрана была откомандирована к отдельным заводам. Войска, не обнаружившие достаточной дисциплинированности, накануне были заменены более надежными частя-

ми. Вечерние газеты более уже не вышли. Невские мосты охранялись уже не полицией, а солдатскими патрулями; городские кварталы были разобщены между собою; трамвайное движение было остановлено. Кровавые столкновения произошли уже с утра, причем были и убитые. Тем не менее в поведении солдат и казаков все больше и больше начинало обнаруживаться желание уклониться от решительных действий против толпы, а иногда проявлялось резко и непроизвольно полное <толпе> сочувствие. Несмотря на строгие приказания начальства, и те и другие, проникая в толпу, ограничивались, по большей части, увещаниями и устройством заграждений, тогда как полиция охотно, без приказаний, переходила к вооруженному и кровавому вмешательству. Тем временем в Государственной думе царило напряженнейшее настроение. Главной темой разговоров были, разумеется, происходившие уличные события, растущая грозность которых не укрывалась от депутатских глаз. Вечером в заседании был снова подвергнут обсуждению, конечно, все тот же продовольственный вопрос в связи с внесенным в Думу законодательным предложением о снабжении населения продовольствием городскими общественными самоуправлениями. В этот день поздно вечером генералом Хабаловым было получено от царя лаконическое предписание «завтра же прекратить в столице беспорядки». В ночь на 26-ое были произведены в городе многочисленные аресты (больше 100 человек), между прочим было задержано пять членов Петроградского комитета социал-демократической партии. В ночном заседании Совета министров обнаружилось разномыслие и растерянность по поводу грозных совершающихся событий.

В воскресенье 26-го утром было расклеено по улицам и напечатано немногими вышедшими газетами (только правого толка) грозное объявление командующего Петроградским округом о том, что им отдан приказ войскам «не останавливаться ни перед чем для водворения порядка в столице». И, действительно, весь гарнизон был поставлен на ноги; все войска были приведены в боевую готовность и распределены по главным стратегическим пунктам и артериям города со строжайшим приказом по первому же знаку пускать в ход оружие, всякое извозчицье или автомобильное движение было прекращено по Невскому, все входы и выходы которого охранялись солдат-

скими патрулями. Этот день ознаменовался целым рядом кровавых столкновений и стоил манифестирующим толпам около 150 мертвых и больше 400 раненых. Около 4-х часов дня в Павловском полку была попытка солдатского возмущения, впрочем, тотчас же ликвидированная. В этот роковой день, под впечатлением чрезвычайно напряженного и грозного положения, Родзянко обратился, наконец, к царю с нижеследующим телеграфным предостережением: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на Венценосца». Одновременно текст этой телеграммы был перетелеграфирован всем начальникам фронтовых армий с просьбой о содействии перед государем. Вечером на частном совещании министров у князя Голицына было решено принять две меры: прервать заседание Гос<ударственной> думы до апреля и ввести осадное положение в Петрограде.

Решительный день

В ночь с воскресенья на понедельник в казармах Волынского полка солдатами была пережита глубокая психологическая драма, исход которой утром 27-го февраля предрешил значительно дальнейший ход событий и победу революции. На следующий день они должны были пойти на верный и кровавый расстрел рабочих и сограждан, и они решили ни за что не участвовать больше в братском кровопролитии. Рано утром учебная команда первой роты полка застрелила своего командира, когда тот убеждал солдат как можно беспощаднее подавлять восстание, а затем, выстроившись, вышла из казарм и подняла остальные команды. Потом несколько частей полка, в боевой готовности и под командой главного инициатора возмущения, взводного Тимофея Кирпичникова²³⁰, вышло в город и направилось к казармам других лейб-гвардейских полков с тем, чтобы и их тоже поднять на святое дело. Вскоре навстречу ему попались части,

посланные для его усмирения, но начавшееся было побоище быстро прекратилось само собою, так как революционный дух уже проникал и усмирителей. Один за другим на сторону восставших стали переходить части Литовского, Семеновского, Преображенского, Павловского и других полков, — все цвет гвардии и столь недавний еще оплот престола!

Рано же утром в этот день, — как бы в ответ на телеграмму Родзянко, — был опубликован правительственный указ о роспуске Думы, который произвел самое тяжелое, гнетущее впечатление на депутатов. В их рядах тотчас же обнаружилась растерянность, дезориентация и крайнее разноречие. Некоторые, подавленные происходящим, заявляли, что нужно подчиниться, другие настаивали на необходимости идти с народом до конца. Этим утром Родзянко послал свою вторую телеграмму, которая гласила: «Положение ухудшается. Надо принимать немедленные меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии». Тем временем в городе революционное движение с самого утра разрасталось и крепло с каждым часом. Еще до полудня перешедшими на сторону народа войсками, после непродолжительного сопротивления, взяты были арсенал и Главное артиллерийское управление, причем был убит заведовавший складами арсенала генерал Матусов²³¹. Народ тотчас же вооружился, и на центральных улицах города началась настоящая партизанская война, спорадически вспыхивая то там, то сям, против войск, остававшихся еще верными правительству, а главным образом против полицейских кадров, которые теперь, по заранее выработанному плану, заняли возвышенные стратегические пункты на крышах и чердаках домов, на колокольнях церквей и т.п. и осыпали пулями проходившие революционные толпы из пулеметов и ружей. С каждым часом к повстанцам присоединялись все новые и новые войсковые части. Вслед за взятием арсенала разгрому подверглось Министерство внутренних дел и дом градоначальника. И та же самая участь начинала угрожать всем другим ненавистным твердыням старого режима, пока еще охранявшимся верными ему войсковыми отрядами. Под впечатлением всех этих событий и сведений, в Думе мало-помалу растерянность и нерешительность стала уступать место энергии и решимости. Совет старейшин, собравшись экстрен-

но, постановил: «Не расходиться. Всем депутатам оставаться на своих местах».

Около часу дня в Таврический дворец явилась делегация от восставших солдат, чтобы осведомиться о позиции, занятой народными представителями. Родзянко передал делегации единоголосное постановление Совета старейшин, которое гласило: «Основным лозунгом момента является упразднение старой власти и замена ее новой. В деле осуществления этого Государственная дума примет живейшее участие. Но для этого, прежде всего, необходим порядок и спокойствие». Одновременно Родзянко вручил делегации текст телеграмм, посланных царю, генералу Алексееву и трем главнокомандующим на фронтах. Около двух часов дня сильные отряды присоединившихся к движению войск в сопровождении толпы вооруженного народа подошли к Государственной думе. Первый бросился встречать их Керенский, вышедший на четырнадцатиградусный мороз без шубы и шапки и встреченный восторженными криками. Затем войска вошли в Таврический дворец, где перед ними говорили один за другим с революционным подъемом Чхеидзе, Керенский, Скобелев и другие. Лица, руководившие войсками, сняли караул у дворца, и охрана его была принята новопривычными войсками. Эти события придали Думе еще больше решимости. В половине третьего состоялось частное заседание членов Думы, на котором было решено организовать немедленно временный комитет для «поддержания порядка в городе и сношений с различными учреждениями и лицами», а выборы его были поручены Совету старейшин. Днем же в помещении Государственной думы собрались представители рабочих и солдат и несколько общественных деятелей революционного толка, и ими было положено начало организации Совета рабочих депутатов пока в форме «Временного исполнительного комитета», а равно выпущены два небольших воззвания к народу осведомительного и успокоительного характера. Была учреждена также особая «Военная комиссия» с целью организовать народную защиту новорожденной революции.

Во вторую половину дня революционными стараниями были взяты Кресты, дом предварительного заключения, Литовский замок, а заключенные были выпущены на свободу. Охранное отделение подверглось жесточайшему разгрому,

а все архивы и политические дела были преданы пламени. С наступлением темноты революционная толпа добралась и до ненавистного здания Окружного суда, которое быстро осветилось заревами пожара и сделалось пищей пламени. В это время в столицу с севера прибыло два полка и, не зная хорошенько создавшегося положения, попробовали было выступить против восставших, но, узнав затем, в чем дело, перешли без колебаний на их сторону. В 5 1/2 часов в Таврический дворец без пальто и под сильным конвоем революционной толпы был доставлен арестованный, по распоряжению Керенского, председатель Государственного совета Щегловитов. Это была первая ласточка... Но другие представители старой власти были арестованы не так-то скоро, ибо они скрывались по различным правительственным учреждениям, еще не попавшим в руки революционеров. В 6 часов вечера от имени правительства и за подписью кн<язя> Голицына царю была отправлена телеграмма, сообщавшая о том, что в столице собственной властью военного министра с одобрения Совета министров введено осадное положение, что во главе верных войск было бы необходимо поставить немедленно одного из начальников действующих армий и что Совет министров чувствует себя неспособным справиться с создавшимся положением и считает необходимым создание ответственного министерства с лицом, пользующимся всеобщим доверием, во главе. Несколько позднее великий князь Михаил Александрович²³², после совместного совещания с кн<язем> Голицыным, Родзянко, генералом Беляевым и другими, отправил царю телеграмму, в которой предлагал назначить премьером кн<язя> Г. Львова и принять на себя регентство.

Царь отвечал, что он выедет на другой день и сам примет решение, а пока у власти должно-де было оставаться существующее правительство. Но положение этого последнего, — которое в этот момент олицетворялось, главным образом, военным министром, ген<ералом> Беляевым, ген<ералом> Хабаловым, — становилось с каждой минутой все безвыходнее и безвыходнее. К ночи оно не знало буквально, где преклонит голову, так как повсюду, даже там, где, как в Петропавловской крепости или в Зимнем дворце, еще не было революционеров, ему с минуты на минуту угрожала опасность попасть им в руки.

В конце концов, после некоторых блужданий, правительственной штаб-квартирой было избрано ночью Адмиралтейство, охраняемое некоторым количеством оставшихся еще надежными войск. Можно сказать, что к ночи столица была, таким образом, решительно и бесповоротно в руках революционеров; даже не присоединившиеся к восставшим войска тщательно избегали всяческих столкновений и держали вооруженный нейтралитет; и только полиция продолжала по-прежнему свою предательско-провокационную роль, стреляя из невидимых засад по толпам, впрочем, без сколько-нибудь серьезного результата. Все нереволюционизировавшиеся еще оазисы были кругом обложены революционными массами, и их падение было теперь вопросом нескольких часов.

Победа

Около <полуночи> 27-го окончательно организовался Временный комитет Гос<ударственной> думы, которому надлежало нести функции Временного правительства. В состав его вошли: Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милуков, Караулов²³³, Коновалов, Дмитриюков²³⁴, Ржевский, Шидловский, Некрасов²³⁵, В. Львов²³⁶ и полк <овник> Энгельгард²³⁷. На этого последнего были возложены обязанности коменданта восставшего петроградского гарнизона.

Несколько раньше полуночи двадцатью двумя выборными членами Гос<ударственного> совета царю была отправлена телеграмма, содержащая последнюю попытку побудить его призвать добровольно к управлению страной людей, пользующихся доверием страны. В течение ночи состоялось первое общее собрание Петроградского совета рабочих депутатов, выбранных за день по призыву <Временного> Исп<олнительного> комитета. На этом собрании сконструировался постоянный Исп<олнительный> комитет Совета, в который, между прочим, были избраны Чхеидзе, Керенский, Скобелев, Стеклов (Нахамкес)²³⁸, Суханов (Гиммер), Гвоздев²³⁹, <Н.Д.> Соколов и др. Было решено организовать милицию, послав в городские районы комиссаров, и обратиться к населению с воззванием в отношении поддержания гражданского порядка и оказания помощи Совету в <утверждении> новой революционной власти.

Вторник 28-го февраля был днем окончательного закрепления отныне уже очевидной революционной победы и полной ликвидации всякого сопротивления со стороны реакции. Столкновения между отдельными войсковыми частями почти прекратились. Борьба продолжалась, главным образом, с упрямо не желавшей сдаваться полицией, зачастую переодетой в солдатские шинели. Из-за нее, между прочим, подвергся разгрому дом громадной первоклассной гостиницы «Астория» на углу Морской и Исаакиевской площади, в которой жило немало русских и союзных офицеров с семьями. С самого утра начали подходить к Таврическому дворцу все новые и новые воинские части с тем, чтобы совокупно заявить свою преданность Гос<ударственной> думе, Временному комитету, Совету и революционному движению вообще. Некоторые явились со всем офицерским составом во главе. Другие приближались с развернутыми знаменами и военной музыкой, руководимые каким-нибудь прапорщиком или унтер-офицером. Юнкера Михайловского училища, лейб-гренадерский полк, Преображенский полк, 9-й запасной кавалерийский полк и т.д. и т.п., один за другим, дефилировали перед дворцом и, либо проникая вовнутрь, либо выстроившись снаружи, выслушивали заявления и речи различных ораторов Врем<енного> комитета. Милюков, Керенский и др., но чаще всего Родзянко говорили солдатам слова успокоения и дисциплины, призывая их служить верою и правдою новому порядку.

Все они настойчиво твердили о необходимости взаимодоверия между солдатами и офицерским составом и о тех обязанностях, которые налагает и на тех и на других военная дисциплина: все убеждали солдат поскорее найти своих офицеров и вернуться восвояси... Выступали непрерывно и советские представители. Число войсковых частей, переходивших на сторону Думы, росло с каждым часом. К концу дня было уже ясно, что весь гарнизон, за малыми исключениями, принял сторону революции. И замечательная вещь: если накануне в революционной армии было мало офицеров, 28-го их можно было уже считать сотнями; причем среди них были не только прапорщики и поручики, но также и полковники, генералы. В этот день мало-помалу в Петроград стали прибывать войсковые части из близлежащих к столице мест. Здание Государственной думы

представляло все эти дни, но особенно 28-го февраля, совершенно необычайное зрелище. Шпалерная улица была вся переполнена народом. Пробираться можно было только медленно. Около дворца стояли автомобили с красными флагами, кареты Красного Креста. Куда ни глянь, стена народная: солдаты, штатские, женщины, шапки, платки... На черно-сером фоне реяли красные ленточки, бантики, розетки, перевязи... Еще того разительнее, необыкновеннее, было зрелище внутри дворца с белой залой, полной бурлящей и гудящей солдатской массой... В городе движение приняло совсем новый характер: вслед за стадией уличных противоправительственных манифестаций, и стадия военного мятежа была уже позади. Ныне шла ликвидация остаточных элементов и пристанищ реакции: охота на городских. Вместе с тем тяжелые минуты приходилось переживать и офицерству, для которого иногда, — к счастью, очень редко, — дело кончалось прямо-таки трагически. В общем волнении и неразберихе не обошлось, разумеется, и без случаев самоуправства, покушения на чужую собственность и пьяного дебоширства; но, по большей части, толпы народные тотчас же сами реагировали на это должным образом, останавливая резкое и решительно производ, дебош и грабежи.

С целью водворения порядка и дальнейшего наблюдения за ним Врем<енным> комитетом Думы было решено еще днем организовать городскую милицию из добровольцев; и для этого в 8 часов вечера в городской думе была открыта запись студентов всех высших учебных заведений. Одновременно Комитетом военно-технической помощи были выпущены обращения ко всем гражданам с призывами способствовать всеми силами восстановлению порядка и к студентам с приглашением в этих же целях вступать в милицию. Совещание руководителей банков и частных кредитных учреждений постановило, ввиду постепенного восстановления спокойствия, открыть на следующий день все банки. По поручению Временного комитета депутат инженер Бубликов²⁴⁰ принял на себя обязанности заведующего Министерством путей сообщения и по всей сети железных дорог на имя начальствующих разослал свою знаменитую телеграмму, оповестившую население России о переходе власти к Временному комитету Гос<ударственной> думы и немало поспособствовавшую провалу «экспедиции» генерала Иванова²⁴¹,

которого царь, следуя с некоторым запозданием вышеупомянутым настояниям Совета министров, еще накануне вечером назначил в Петроград главнокомандующим с неограниченными полномочиями для водворения там порядка и который отбыл туда из Ставки днем 28-го во главе эшелона Георгиевского батальона, полуроты железнодорожного полка и роты Собственного Его Величества полка. Около 4-х часов дня народными войсками было занято Адмиралтейство, где до сих пор скрывались еще некоторые члены старого правительства; Зимний и Мариинский дворцы с Петропавловской крепостью перешли в руки революционеров окончательно еще ранним утром. С утра же в Таврический дворец стали доставляться один за другим арестовываемые по распоряжению Исполнительного комитета сановники и представители старого режима. Штюрмер, генерал Курлов, черносотенец Ширинский-Шахматов, известные своими полицейско-охранными интригами и авантюрами генералы Комиссаров²⁴² и Климович²⁴³, бывшие министры Рейн²⁴⁴, Макаров, Борисов²⁴⁵, петроградский градоначальник Балк²⁴⁶, начальник Петроградского гарнизона генерал Хабалов, начальник Медицинской академии генерал Маковеев, адмирал Гирс²⁴⁷, тов<арищ> председателя Государственного совета Дейтрих²⁴⁸, председатель «Союза русского народа» д<окто>р Дубровин²⁴⁹ и все классные чины градоначальства вскоре же оказались узниками в министерском павильоне Таврического дворца, превращенном временно в место их предварительного заключения. После падения Адмиралтейства, в павильоне появились члены павшего правительства — кн<язь> Голицын, Барк, Кригер-Войновский²⁵⁰ и др. Министр юстиции Добровольский был, по его просьбе, перевезен из итальянского посольства, где он с перепугу искал было сначала убежища. Поздно вечером по постановлению Исполнительного комитета для заведования отдельными министерствами были назначены особые комиссары из состава членов Государственной думы, которые вступили в исполнение своих обязанностей с 1-го часа ночи 1-го марта. 28 же были получены Государственной думой ответы генерала Брусилова и генерала Рузского на первую телеграмму Родзянко царю, им препровожденную, Брусилов телеграфировал: «Вашу телеграмму получил. Свой долг перед Родиной и царем исполнил». Ответ Рузского гласил: «Телеграмму получил. Поручение исполнено».

По пути углубления победы

В ночь с 28-го февраля на 1-ое марта во все города России было разослано телеграфное сообщение о том, что в столице образовался Врем<енный> комитет Государственной думы. С самого утра 1 марта дефилирование войск перед Государственной думой возобновилось с прежней силой. Все новые и новые части, городские и иногородные, являлись, чтобы засвидетельствовать свою преданность новому правительству и выслушать из уст его членов слова заверения, успокоения и правды. В течение дня стало мало-помалу известно о присоединении войск и морских команд Царского Села, Петергофа, Павловска, Ораниенбаума, Кронштадта. И казачьи части, находящиеся в столице, присоединились также к восставшим войскам. Из всех дефилировавших отрядов наиболее сильное впечатление произвело, безусловно, прибытие Гвардейского экипажа с полным офицерским составом под командой адмирала и во главе с великим князем Кириллом Владимировичем²⁵¹ (который еще 27-го настаивал на принятии «энергичных» мер против восставших). На состоявшемся в тот день собрании офицерства, находящегося в столице, было принято единогласное решение признать власть Временного комитета впредь до образования постоянного правительства и помочь ему всемерно в деле установления порядка и новой государственной организации. Различными комиссиями и комиссарами было выпущено ряд воззваний и приказов, клонящихся к той же самой цели. Продовольственный комитет после тщательного обсуждения постановил, что все продовольствие Петрограда переходит во владение соединенной продовольственной комиссии Государственной думы и Совета рабочих депутатов. Были сделаны первые основополагающие шаги в деле организации городской милиции. В течение дня в Таврический дворец явились военные агенты союзных посольств с целью вступить в сношение с Исполнительным комитетом. Аресты сановников и верных слуг царского режима продолжались. Один за другим были доставлены в здание Государственной думы князь Шаховской²⁵², Горемыкин, Маклаков, Трепов, Стишинский²⁵³, митрополит Питирим, около 11 часов утра явился также добровольно скрывавшийся доселе Протопопов,

а после полудня был привезен и генерал Беляев. Поздно вечером туда же были доставлены под сильным конвоем бывший военный министр, генерал Сухомлинов, которого Керенскому с большим трудом удалось спасти от наполнявших дворец солдат, которые хотели непременно линчевать его. Еще позднее привезли известную германофилку и реакционерку, графиню Клейнмихель²⁵⁴, салон которой являлся одним из самых крупных и сильных центров столичного черносотенства и вообще безответственных влияний.

Как уже упоминалось, одновременно с Временным комитетом Государственной думы в Таврическом дворце — в новой его половине — было положено еще 27-го февраля начало советской организации выбором Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов. В течение 28-го состав Исполнительного комитета пополнился представителями социалистических партий (среди которых были, между прочим, большевики Сталин, Стучка²⁵⁵ и Козловский²⁵⁶, социалисты-революционеры Зензинов²⁵⁷ и Русанов²⁵⁸, трудовики Чайковский²⁵⁹ и Брамсон²⁶⁰, народный социалист Пешехонов²⁶¹ и др.). Но ни в Исполнительном комитете Совета, ни в дневном заседании самого Совета за этот день не было принято никаких значительных решений, а «работы» шли самым беспорядочным, калейдоскопическим образом. Зато день 1-го марта был полон самой ответственной работы. Действительно, в этот день в утреннем заседании Исполнительного комитета был поставлен на обсуждение (а на вечернем его заседании и решен) вопрос об условиях, которые надлежало поставить новой организовавшейся власти. Было отвергнуто (13 голосами против 7) предложение правого крыла настаивать на коалиционном составе правительства с участием представителей от советской организации; было решено потребовать от образующегося буржуазного правительства дать амнистию, осуществить основные политические свободы, заняться немедленно подготовкою созыва Учредительного собрания, распространить на солдат завоеванные только что гражданские права, организовать взамен полиции народную милицию, отложить вопрос о конкретной форме дальнейшего политического бытия до Учредительного собрания и т.д. Относительно личного состава организующегося правительства было решено предоставить это дело <Временному комитету

Государственной думы> и общественным элементам, вокруг него группирующимся, оставив за собою лишь право конкретного отвода в отдельных случаях. Вслед за тем эти решения были доложены Совету рабочих депутатов, который тоже заседал целый день, посвящая свои силы, главным образом, обсуждению различных мероприятий, касавшихся жизни Петроградского гарнизона, и принял в заключение ряд решений, которые были сформулированы в тот же вечер в форме знаменитого «Приказа № 1»²⁶², оказавшего столь разлагающее влияние на состояние фронтовых войск, но предназначавшегося первоначально только для распылившегося и разложившегося уже, силой самого восстания, гарнизона столицы. Около полуночи состоялось затем по инициативе Исполнительного комитета Совета совместное обсуждение правительственной проблемы представителями этого последнего (Чхеидзе, Соколовым, Стекловым и Сухановым) и членами <Временного> Комитета Думы (от лица которых выступал, главным образом, Милюков). Выслушав «советские» требования, представители Временного комитета признали изложенную в них программу в общих чертах приемлемой; но два пункта вызвали решительное возражение, а именно: пункт о распространении на солдат всех гражданских прав и, в особенности, пункт о непредрешении формы правления до Учредительного собрания. Большинство Временного комитета Государственной думы желало лишь образования ответственного правительства с замещением дискредитировавшего себя монарха каким-нибудь другим членом царской семьи, лучше всего великим князем Михаилом Александровичем в роли регента. Люди «3 июня»: дворяне, помещики и купцы не хотели очень-то поступаться «исконными началами» российского государственного бытия, не хотели выпускать из своих рук доставшейся так неожиданно власти под напором новонарождающейся народной власти. Равным образом, соображения то ли партийного, то ли доктринального характера заставляли и некоторых представителей либеральной интеллигенции противодействовать поспешной и слишком радикальной ломке существующего строя; в частности, углубленная революция представлялась им, — и вполне основательно, — серьезной угрозой дальнейшему успешному ведению войны.

Тем временем по городу циркулировали уже самые тревожные слухи насчет царских и генеральских намерений. В одно прекрасное мгновение распространился слух о том, что <генерал> Иванов приближается к столице во главе верных трону войск для усмирения революции, что весьма отдаленно соответствовало действительности, ибо генерал Иванов со своими эшелонами был остановлен железнодорожниками по распоряжению Бубликова вдалеке от столицы и, несмотря на все свои старания и попытки прорваться туда, ничего не смог поделать. Говорили также, будто генерал Брусилов назначен в Петроград диктатором и должен прибыть с той же самой целью, что и генерал Иванов, с часу на час — что уже было полнейшим вздором. Был момент, когда даже Временный комитет Думы проникся всеобщей тревогой, и Гучков, в качестве председателя Военной комиссии, ревностно старался организовать революционную оборону. Вполне понятно, что при таком напряженном настроении и по-прежнему неопределенной линии поведения Временного комитета Думы в вопросе о будущей форме государственного существования России в народе под влиянием демагогических речей снова стали ползти и распространяться мало-помалу неблагоприятные слухи и на его счет. Престиж Комитета, в первый момент неоспоримый и прочный, стал постепенно подтачиваться. Уже Родзянко и Думу обвиняли в желании помириться с царем, уже обзывали Врем<енный> комитет «Романовской кликой», уже кричали громко, что это — кучка изменников народному делу... Масла в огонь подлило еще одно неудачное выступление Родзянко, взбудоражившее сильно солдатскую массу... Вместе с тем, с каждым часом все больше и больше укреплялся престиж Совета. Можно сказать, что к 1-му марта народные массы были в его руках: им разрешен был выход революционных газет, он постановил возобновить железнодорожное сообщение между Петроградом и Москвою, им подготовлялось восстановление трамвайного движения, им начата была публикация знаменитых «Известий Петроградского С<овета>Р<абочих>Д<епутатов>»²⁶³ (первый номер которых мигом разошелся в более чем двухстах тысячах экземпляров).

Установление нового правительства

Все это, а главным образом необходимость в быстрых и окончательных решениях, хотя бы уже в интересах борьбы с внешним врагом и спокойствия на фронте, — между тем как царь, выехавший на рассвете 28-го из Ставки в Петроград и застрявший по дороге, не принимал никаких определенных решений, — побудило в конце концов думский Комитет пойти на значительные уступки в самом существенном пункте о созыве Учредительного собрания. Со своей стороны, и Совет рабочих депутатов как будто соглашался смотреть сквозь пальцы на то, что до Учредительного собрания временно будет оставлена в действии форма конституционной монархии при фактической полной независимости действий намечавшегося уже Временного правительства от монарха. Так что к середине дня 2-го марта соглашение между двумя сторонами, в общем на базе сформулированных советскими представителями требований, можно было считать состоявшимся, хотя оно и не было еще формально заключено и подписано. Чувствуя это, а вместе и понимая, что больше нельзя уже было медлить (и кроме того, желая, с одной стороны, позондировать настроение народной массы относительно сохранения монархического принципа, а с другой, подготовить в этом отношении благоприятную почву для того решения, с которым должны были вернуться от царя посланные к нему Временным комитетом Думы Гучков с Шульгиным), Милюков вышел в 3 1/2 дня в Екатерининский зал, чтобы объявить о вероятном составе революционного правительства нетерпеливо ожидавшимся толпам. Известие об образовании правительства, а особенно об участии в нем Керенского было принято с восторгом, сохранение монархического принципа, наоборот, возбудило громкие протесты. Одновременно Керенский, согласившийся вступить в ряды нового правительства, не испросив на то полномочий Совета, товарищем председателя которого он состоял, и даже действуя тут вразрез с настроением Совета, выступил перед этими последними с разъяснением по поводу своих действий. И хотя Совет постановил считать недопустимым участие его членов в буржуазном правительстве, искусная и сильная речь Керенского вызвала в собрании прилив энтузиазма и снискала ему одобрение большинства.

Вечером этого же дня произошла вновь встреча советских представителей с Милюковым, во время которой было решено окончательно вопрос о форме правления оставить открытым и <которая> была закончена составлением и начертана (главным образом, Милюковым и Сухановым) программа новой правительственной власти. Воззвание, с которым должен был выступить одновременно (таково было ответное требование думского Комитета) Исполнительный комитет Совета, было уже готово раньше, явившись итогом троекратного творчества Стеклова–Суханова–Милюкова. Поздно вечером оба документа были отправлены в типографию, чтобы на другой день утром оповестить столицу и страну о формировании первого революционного правительства. Декларация гласила так: «Временный комитет членов Государственной думы при содействии и сочувствии столичных войск и населения достиг в настоящее время такой степени успеха над темными силами старого режима, которая позволяет ему приступить к более прочному устройству исполнительной власти. Для этой цели Временный комитет Государственной думы назначает министрами первого общественного кабинета следующих лиц, доверие к которым страны обеспечено их прошлой общественной и политической деятельностью: председатель Совета министров и министр внутренних дел — князь Г.Е. Львов; министр иностранных дел — П.Н. Милюков; министр военный и морской — А.И. Гучков; министр путей сообщения — Н.В. Некрасов; министр торговли и промышленности — А.И. Коновалов; министр просвещения — А.А. Мануйлов; министр финансов — М.И. Терещенко²⁶⁴; обер-прокурор Святого синода — Вл. Львов; министр земледелия — А.И. Шингарев; министр юстиции — А.Ф. Керенский. В своей настоящей деятельности кабинет будет руководиться следующими основаниями: 1) полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.; 2) свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями; 3) отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, пря-

мого и тайного голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; 6) выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; 7) неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; 8) при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам. Временное правительство считает своим долгом присовокупить, что оно отнюдь не намерено воспользоваться военными обязательствами для какого-либо промедления по осуществлению вышеизложенных реформ и мероприятий».

В советском воззвании, между прочим, говорилось: «Новая власть, создавшаяся из очень умеренных слоев общества, объявила сегодня о всех тех реформах, которые она обязуется осуществить частью еще в процессе борьбы со старым режимом, частью по окончании этой борьбы. Среди этих реформ некоторые должны приветствоваться широкими демократическими кругами: политическая амнистия, обязательство принять на себя подготовку Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод и устранение национальных ограничений. И мы полагаем, что в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать в направлении осуществления этих обязательств и решительной борьбы со старой властью, — демократия должна оказывать ей свою поддержку...» Воззвание кончалось обращением к офицерам с призывом чтить личность в солдатах, а к солдатам — предать забвению прежнее отношение офицерства, и совместно и дружно, соблюдая строгий порядок и дисциплину, работать над укреплением революционных завоеваний.

Еще утром приказом думского Комитета на пост командующего войсками Петрограда и его окрестностей, взамен арестованного генерала Хабалова, был назначен командующий 25-м корпусом генерал-лейтенант Корнилов, а обязанности петроградского градоначальника были возложены на профес-

сора военно-медицинской академии Юревича²⁶⁵. От генералов Брусилова и Рузского поступили на имя Родзянко телеграммы с сообщением о переходе армии к новому режиму и указанием, что на фронте спокойно. И на имя же Родзянко главнокомандующим Кавказским фронтом, великим князем Николаем Николаевичем²⁶⁶, была прислана телеграмма, свидетельствующая о том, что и он готов был поддерживать всецело думский Комитет в его действиях. Первым актом Керенского на его новом посту был телеграфный приказ енисейскому губернатору о немедленном освобождении и почетном возвращении пяти членов Государственной думы, принадлежавших к социал-демократической фракции и осужденных на поселение в 1915 году. В этот день в Таврическом дворце, кроме военных агентов Соглашения, появились также и дипломатические представители. Равным образом, представитель английской армии сообщил Керенскому, что он уполномочен английским послом приветствовать Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной думы. В течение дня к зданию этой последней прибывали по-прежнему все новые и новые войсковые части для засвидетельствования своей преданности новой власти. Со всех сторон и из всех углов России приходили в Государственную думу сотни телеграфных приветствий. Таврический дворец по-прежнему кишел народом всех рангов, положений и профессий и кипел непрерывной и неустанной деятельностью по организации порядка, спокойствия, продовольствования страны. По этому последнему вопросу новообразованной соединенной продовольственной комиссией думского Комитета и Совета было решено, не останавливая обычной закупки и получения зерна по разверстке ото всех владельцев, немедленно приступить к реквизиции зерна у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 80 десятин, а также к реквизиции запаса зерна у торговых предприятий и банков. Для осуществления этого мероприятия было решено тотчас же поручить губернским земским управам, а где не имеется земств — городским думами, образование специальных продовольственных комитетов из выборных земств, дум и различных крупных общественных организаций. Накануне еще, 2-го марта, часть арестованных, число которых пополнилось, была перевезена из Таврического дворца в Петропавловскую крепость.

Перст Божий

В тот момент, когда в Петрограде начались только что описанные события, Николай II находился в Ставке, куда он возвратился 23-го февраля, как раз накануне революции. Генерал Алексеев, бывший в отпуску по болезни, тоже вернулся к этому времени к исполнению своих обязанностей. Когда в Ставке были получены первые сведения относительно петроградских «беспорядков», им не было придано серьезного значения: 24-ое и 25-ое февраля прошли без особых беспокойств, тем более что и в телеграммах царицы не содержалось еще никакой тревоги. 25-го было отдано по телеграфу предписание генералу Хабалову непременно прекратить на следующий день беспорядки. Следующий день был проведен уже значительно тревожнее. И царица выражала в телеграмме явное беспокойство, и Родзянко телеграфировал царю свое первое предупреждение. 24-го была получена вторая, совсем тревожная телеграмма Родзянко, а за нею столь же тревожная телеграмма царицы, указывавшая на необходимость «уступок». Под вечер поступила телеграмма от Совета министров с указанием на необходимость принять некоторые экстраординарные меры и с предписанием распустить его и дать ответственное министерство: на эту телеграмму Николай отвечал решительным отказом произвести изменения в составе правительства при данных обстоятельствах, в то же время расширив права кн<язя> Голицына по гражданскому управлению.

Не нашло в нем отклика и предложение его брата взять на себя регентство, сделанное по телеграфу в тот же вечер. Но вся совокупность этих тревожных известий и предложений заставила царя (которого, — вопреки усиленно циркулировавшим впоследствии слухам, — обо всем информировал подробно генерал Алексеев, рекомендовавший ему настойчиво сделать просимые уступки) назначить свой отъезд в столицу на следующий день. В то же время было решено назначить генерала Иванова главнокомандующим Петроградским округом для водворения там порядка. К вечеру стало известно, что царь решил непременно выехать в течение ночи, но уже не в столицу, а в Царское Село, где тоже, по полученным вечером сведениям, было неспокойно.

Несмотря на срочные приготовления, литерные поезда Б и А (свитский и царский) двинулись лишь в 4 и 5 часов утра 28 февраля окружным путем на Лихославль и Тосно; охрана поездов была обыкновенная. В 3 часа дня царский поезд достиг Вязьмы, откуда царь ободрил царицу телеграфным оповещением о том, что с фронта послано «много войск». Вечером в Лихославле царская свита ознакомилась с вышеупоминавшейся телеграммой Бубликова, а равно и узнала о распоряжении нового коменданта Николаевской ж<елезной> д<ороги> направить оба литерных поезда не в Царское, а в Петроград. Тем не менее поезда двинулись дальше и в полночь были уже в Бологом, где свитские узнали, что Любань и Тосно находятся в руках восставших, но и это не показалось свитским (т.е. главным образом, генералу Воейкову²⁶⁷, занимавшему при царе должность дворцового коменданта) достаточной угрозой, и поезда двинулись снова в путь и дошли до Малой Вишеры. Тут из полученных сведений стало ясно, что ехать дальше значило бы добровольно отдаться в руки восставших. Разбудили царя, который после доклада ему генерала Воейкова приказал повернуть на Псков, где находился штаб Северо-Западного фронта, которым командовал ген<ерал> Рузский. Царь казался по-прежнему спокоен, но говорил мало, и вообще все свитские старались избегать разговоров о событиях. Около 6 часов вечера царский поезд пришел на станцию Дно; прибытию его предшествовал обмен телеграммами между генералом Алексеевым и Родзянко относительно желательности свидания царя и Родзянко на этой станции. Но хотя все было готово заблаговременно для отъезда Родзянко, этому, в конце концов, не удалось вырваться из кипучего водоворота петроградских событий (немало времени отняли, между прочим, дебаты Исполнительного комитета Совета о том, позволить или нет Родзянко совершить эту поездку), и царь проследовал в Псков, телеграфировав Родзянко приглашение прибыть туда же. Пока Николай II странствовал указанным окружным путем из Ставки в Псков, генерал Иванов успел двинуться оттуда же во главе нескольких воинских частей по направлению к столице, застряв с ними в пути и проехав даром в Царское Село, где царица была уже во власти и под охраною революционных войск с полудня 28 февраля; но после свидания с нею он был вынужден вернуться назад на станцию

Вырица, в сознании полной невозможности выполнить возложенную на него миссию.

Царский поезд прибыл в Псков в 8 часов вечера 1-го марта. На вокзале царя встретил генерал Рузский, высказавшийся настойчиво за настоящие и широкие уступки и в общем встретивший со стороны царя полную к этому готовность. Царь хотел только предварительно увидаться и переговорить лично с Родзянко, которого настойчиво просил приехать, а когда это для того оказалось невозможно, оповестил о готовности своей назначить его главою нового общественного министерства. Целую ночь напролет генерал Рузский сносился по <телефону> с Таврическим дворцом, докладывая о ходе переговоров государю. Наконец, к утру выяснилось, что теперь необходимы были более радикальные уступки.

Утром Рузский доложил государю телеграммы, полученные от великого князя Николая Николаевича, от генерала Алексеева, от командующих фронтами и Балтийским флотом, в которых высказывались советы отречься от престола в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича; Рузский и сам присоединился к такому исходу из положения. Николай согласился, и была составлена соответствующая телеграмма, которая, однако, была тотчас же задержана ввиду отбытия из Петрограда в Псков думских делегатов на переговоры с царем. В 10 часов вечера прибыли, в качестве таких делегатов Временного комитета Государственной думы, Гучков и Шульгин с миссией принять из рук царя отречение. На вокзале делегаты были встречены царским адъютантом, который пригласил их прямо к царю, так что они не успели даже предварительно посоветоваться с генералом Рузским, который увидел их только в царском вагоне, куда поспешил явиться. Царь сохранял внешнее спокойствие и говорил деловым тоном. Кроме Рузского, при этой беседе присутствовали граф Фредерикс²⁶⁸ и генерал Нарышкин²⁶⁹. Первому слово было предоставлено Гучкову, который, сухо изложив положение, создавшееся в Петрограде, решительно заявил, что единственным выходом считает лишь отречение царя от престола в пользу сына при регенте великом князе Михаиле Александровиче. Гучков прибавил, что царю придется, конечно, жить врозь с сыном, и предложил ему обдумать ответ. Но царь сразу же сказал, что он решил уже раньше отречься от престола в

пользу сына; однако теперь передумал и, не желая расставаться с ним, предпочитает отречься в пользу брата. Царю передан был немедленно набросанный начерно текст отречения, с которым он и удалился. Вскоре после одиннадцати часов вечера государь вернулся с актом отречения, переписанным на машинке и им подписанным, в руках. Гучков прочел его вслух; было сделано в тексте несколько незначительных поправок; затем, по предложению Гучкова, было решено приготовить дубликат акта отречения, который должен был храниться у генерала Рузского. В заключение царь назначил Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, а председателем Совета министров князя Г.Е. Львова. Это были последние акты последнего русского монарха. Текст отречения гласил в окончательной редакции следующим образом: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое нелегкое испытание. Начавшееся народное волнение грозит действительно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего дорогого Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками может окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России сочли мы долгом совести облегчить тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расставаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие брату нашему, великому князю Михаилу Александровичу, и благословляем его на вступление на престол государства Российского. Завещаем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на таких началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины. Призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновению царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему вместе с представителями народа

вывести государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России...»

Поздно вечером 2-го марта отрекшийся царь выехал из Пскова в Ставку: несколько раньше его отбыли в Петроград делегаты Временного комитета Государственной думы. По прибытии в Могилев, бывший царь в первый день не менял порядка своего прежнего времяпрепровождения. Только 4 марта прекратились между ним и штабным главнокомандующим всякие сношения. В это же время в Могилев прибыла вдовствующая экс-императрица <Мария Феодоровна>, и ближайшие дни после этого бывший царь провел в тесном и постоянном общении с матерью. Сведения об окончательном отречении Николая II от престола достигли до столицы лишь во вторую половину ночи на 3 марта. Утром рано во Временном комитете Государственной думы начались переговоры и споры относительно того, как отнестись к передаче Николаем II государственной власти своему брату. Общее настроение рабочих и солдатских масс, не говоря уже о советских кругах, было решительно неблагоприятно такому разрешению вопроса; так что оповещенная об этом Ставка пыталась даже всеми силами задержать опубликование царского отречения. Около 10 часов утра члены Временного правительства и Временного комитета Государственной думы отправились во дворец великого князя и тут, в его присутствии, продолжали обсуждение вопроса. Большинство высказалось за необходимость для него отречься от престола, тогда как двое (и среди них особенно Милюков) продолжали упрямо настаивать на сохранении монархического трона и необходимости для Михаила Александровича принять престол и корону. Этот последний, выслушав отдельные мнения и дебаты, попросил разрешить ему удалиться на частное совещание с Родзянко и кн <язем> Г. Львовым. Около часу с половиной великий князь вышел снова к собравшимся и заявил, что решает отречься, что вызвало полную энтузиазма реплику со стороны Керенского. Кн <язем> Львовым вместе с Керенским и Шульгиным был составлен затем текст отречения, который великий князь подписал и передал Родзянко. Этот документ гласил следующим образом: «Тяжкое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне императорский всероссийский престол в годину беспримерной войны и волнений народа. Одушев-

ленный со всем моим народом мыслью, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского. Призывая благословение Божие, прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и обремененному всей полнотой власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

7-го марта Временным правительством было принято решение лишить свободы отрекшегося императора и его супругу и интернировать их в Царское Село. Это решение было принято по требованию Исполнительного комитета Советов, обеспокоенного правительственным проектом удалить Николая с Александрой Феодоровной в Англию. Исполнить это правительственное решение по отношению к Николаю было поручено четырем членам Государственной думы, Бубликову, Грибунину²⁷⁰, Вершинину²⁷¹, Калинин²⁷². 8-го марта они прибыли одновременно в Могилев, передали сопровождающие бумаги и полномочия генералу Алексееву, а затем, не теряя времени, выехали вместе с экс-самодержцем в литерном поезде. Царя сопровождала свита в самом сокращенном составе; в числе свитских не было уже более ни ген<ерала> Воейкова, ни вице-адмирала Нилова²⁷³, ни графа Фредерикса, с которыми бывший царь расстался добровольно еще за три дня до этого, следуя совету ген<ерала> Алексеева. В 11 часов с половиной 9-го марта поезд подъехал к Царскосельскому вокзалу, и Николай был передан комиссарами на попечение местных властей. Накануне в Царское Село выезжал новый командующий петроградскими войсками генерал Корнилов, с тем, чтобы поставить экс-царицу в известность о решении Временного правительства подвергнуть ее вместе с мужем домашнему аресту. Низложенной царской чете была отведена одна из боковых частей Царскосельского дворца, где она должна была отныне обитать под строгим надзором верных революции воинских частей.

Временное правительство

4-го марта в Мариинском дворце состоялось первое заседание нового русского правительства в полном его составе. Немедленно же было отправлено по всем войскам фронта и тыла нижеследующее оповещение об установлении новой государственной власти: «2-го сего марта последовало отречение от престола государя императора Николая II-го за себя и за своего сына в пользу великого князя Михаила Александровича. 3-го марта Михаил Александрович отказался воспринять верховную власть впредь до определения Учредительным собранием формы правления и призвал население подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до созыва Учредительного собрания, которое своим решением об образе правления выразит волю народа».

По своему составу новое правительство было бы воплощением идеала, если бы оно сложилось в результате более или менее мирной парламентской борьбы и своим нахождением у власти означало бы победу не революции, а эволюции. В самом деле, в его состав входили лучшие представители прогрессивной России. Тут были наиболее видные лидеры либеральных партий, наиболее энергичные организаторы русской общественности, наиболее надежные и прогрессивные представители торговли и промышленности, наиболее положительные и серьезные элементы политико-парламентской жизни страны.

При таком составе правительство могло бы, безусловно, развить реформационную деятельность, необычайную по своей плодovitости и плодотворности, по своей настойчивости и неутомимости, по своей честности и положительности, если бы этому хоть сколько-нибудь благоприятствовал дальнейший ход развития революционного движения. Во главе правительства был призван стать князь Г.Е. Львов, который взял себе также и чрезвычайно ответственный портфель министра внутренних дел. В его лице кабинет получил замечательного и неутомимого общественного организатора и работника. Можно также сказать, что князь Львов был «деловой душой» нового правительства, в каковом отношении он давно уже заслужил себе известность и уважение, особенно в земской среде, где

протекла значительная часть его жизни и деятельности. Но если практическим руководителем и деловым вдохновителем нового правительства был князь Львов, то его «государственно-политической душой» был, бесспорно, П.Н. Милюков, и в этом смысле вполне правильно было характеризовать этот кабинет, как то делалось в крайней левой печати, как «министерство Милюкова». Ведь Временное правительство было прямой эманацией «Прогрессивного блока», этот же последний был результатом длительных и настойчивых парламентских стараний, главным образом, Милюкова. И программа Временного правительства была, в конце концов, лишь расширенной до максимума, при обновившихся условиях, программой блока. Наконец, Милюков вообще являлся за последнее дореволюционное десятилетие самой крупной государственной силой и фигурой России, может быть, единственным крупнейшим русским политическим деятелем, соединившим в себе глубокую государственную эрудицию Запада с типичными чертами представителя русской интеллигенции и борца за российские общественные свободы. Типичной и в высшей степени ценной чертой политической деятельности Милюкова был всегда его ясный и отчетливый реализм, в то же время, однако, не лишенный определенной принципиальной и идеалистической ориентировки. Это выгодно отличало его от большинства его более левых собратьев по борьбе с самодержавием, путавшихся безысходно в дебрях политического доктринерства и мечтательства, но та же самая черта его характера вызывала яростные нападки на него снова за якобы чрезмерный оппортунизм и склонность к политическим хитросплетениям, что, по мнению крайних партий, единственным плодотворным способом борьбы было — рубить сплеча, а пока то было невозможно — предаваться самой отчаянной революционной пропаганде. К сожалению, несколько горячий политический темперамент Милюкова шел иногда вразрез с предостережениями спокойной реалистической оценки и подталкивал его на решения и поступки, отдававшие то скоропалительностью, то недостаточной политической гибкостью, то политиканством. И ясно, что совершенно исключительные условия революционного времени и распределения и взаимоотношения революционных сил должны были неизбежно с особенной силой обострить в Ми-

люкове этот контраст между объективно-политическим методом и субъективной склонностью. Но, как бы там ни было, в лице Милюкова, со всеми его достоинствами и недостатками, Россия обладала едва ли не единственным человеком, политически способным и готовым к тому, чтобы стать идейным руководителем ее государственного пересоздания на демократических началах, без ущерба той борьбы, в которой она волею судеб принимала столь близкое, кровное участие. Рядом с князем Львовым и Милюковым, третьим руководящим элементом и вдохновителем Временного правительства являлся, несомненно, А.Ф. Керенский. Но в то время, как двое первых вносили в общее грандиозное дело организационную деловитость и государственный реализм, Керенский был в кабинете носителем революционного энтузиазма и крайних революционных требований. Ему принадлежит немалая заслуга в том, что Государственная дума решила не подчиняться царскому декрету о роспуске; он же первый встретил у Думы подходившие революционные войска и толпы восставшего народа, первый явился живым свидетельством того, что Дума примкнула к народному движению. И во Временном правительстве он был не только представителем крайних левых, не только членом от партии трудовиков (а потом социалистов-революционеров), но и неофициальным представителем Совета рабочих и солдатских депутатов, стоящим на страже пролетарских народных интересов и истинно революционного демократизма.

Таковы были эти три основных столба, на которых покоилось все здание Временного правительства. То была в первые моменты истинная и живая коалиция воли и разума, дела и знания, опыта и энтузиазма. Лучшую гарантию, казалось, трудно было бы придумать для плодотворного, радикального и честного осуществления завоеванной свободы. И надежность всего этого революционно-государственного предприятия увеличивалась еще тем более, что в помощь трем главным правительственным силам в составе правительства вошла плеяда других людей, тоже отмеченных либо исключительностью их деловой энергии (например, Гучков), либо серьезностью их государственной подготовки (например, Шингарев, или Коновалов, или приглашенный на пост управляющего делами правительства Набоков²⁷⁴), либо безукоризненной политической честностью (например,

Годнев²⁷⁵) и бесконечной преданностью делу освобождения России (например, назначенный министром по делам Финляндии Родичев²⁷⁶). Но грандиозна была задача, поставленная Временному правительству жизнью и судьбою: может быть, вообще непосильна для какого угодно правительства; и как мы это знаем, — увы! — оно, в конце концов, пало, раздавленное действительностью, несмотря на всю исключительность и неустрашимость своего состава и на все упорство почти неистощимой энергии многих из его членов. Приняв власть в свои руки, эти люди очутились лицом к лицу с огромным государственно-народным циклопом, с которого только что разом спала железная и тягостная рубашка прежнего политико-социального строя; но взамен ее не было еще установлено никакого порядка, никакой организации, никаких политико-социальных форм. Россия разом превратилась в огромную бесформенную политико-социальную массу, лишенную привычных норм и вообще каких бы то ни было жизненных очертаний, которую надлежало оформить снова и радикально, начиная с самых глубоких ее фундаментов.

Правда, эта бесформенная масса была охвачена могучим и неподдельным энтузиазмом обновления; и в оргазме неопишуемой радости от осуществившегося наконец освобождения со всех концов беспредельной России тянулись пламенно всеобщие взоры и руки именно к Временному правительству, именно к этой кучке людей, воплощавших собою в тот миг в глазах всех единственное начало власти и порядка, единственный залог отечественного благополучия. Но, увы! — в той же самой массе русского народного целого тлел уже непреодолимый огонь начавшегося социально-политического разложения и разрушения, лишь первым обнаружением которого была так называемая бескровная «розовая Февральская революция», свалившая реакционный бюрократизм и передавшая судьбы России в руки самого русского народа. Опытное и внимательное ухо с первого же момента могло расслышать за тысячеголосыми и тысячекратными «ура» освобожденного народа глухой гул подземного народного вулкана. Все здание самодержавного порядка рухнуло как карточный домик, от кровли и до самого глубокого фундамента. Нужно было закладывать новое основание, строить новое здание, ввести новую организацию, завести жизнь на новый лад, найти новых людей. Мало того, все эти

вопросы приходилось решать в атмосфере разрушенного старого строя: не на расчищенной почве приходилось возводить новое здание, а на поверхности, заваленной обломками старого разложившегося и зараженного здания, глубоко въевшимися в землю и требовавшими самой скрупулезной и настойчивой работы по выкорчевыванию их и устранению. И что еще того более усугубляло и без того уже неимоверные трудности новой власти, также это — война, вовлекшая в действие весь народ и, благодаря царистскому ее ведению, не только быстро надорвавшая его энергию и разложившая его организацию, но и немало восстановившая его против себя. Как и в социально-политическом отношении, так и тут, необходимо было самое радикальное обновление, а вместе и самая тщательная чистка и выкорчевка, самое серьезное лечение; но производить эту чистку и перестройку приходилось в вихре самих же военных действий, самой борьбы с могущественным врагом Родины, старавшимся использовать все и вся для своей победы; и таким образом, грандиозная задача переорганизации России становилась явственно делом почти сверхчеловеческим, титаническим, беспрецедентным. Эту бесконечную трудность своего положения, эту грандиозность поставленных жизнью и требующих своего немедленного решения задач члены Временного правительства почувствовали с первого же момента; и к чести их нужно сказать, что они отдались делу всей душой и всем телом, не щадя ни своих сил, ни своих способностей и не зная ни минуты покоя. Кто их видел в первые дни русского революционного обновления, знает, по их изможденным, измученным усталостью лицам, что эти люди сделали для народного дела все, что могли, дали все, что имели. И чтобы убедиться в этом, достаточно простого перечня их главных действий и мероприятий с момента восстановления Временного правительства и по день первого правительственного кризиса в революционной России.

Революционный переворот в провинции

О петроградских событиях в Москве стало известно еще 27-го февраля, благодаря находчивости одного петроградского корреспондента московских газет. Хотя полученные сведения

и не были допущены к напечатанию в газетах, они с молниеносной быстротой разнеслись из уст в уста по городу, а потом стали циркулировать среди публики в листках, отпечатанных на машинке и на гектографе. С утра 28-го Москва представляла уже собою совершенно необычайное зрелище. По всему городу шли толпы народа с пением революционных песен и с красными флагами. Их не задерживали ни полиция, ни конные жандармы; полиция вообще почти не показывалась на улице. Толпы народа направлялись, главным образом, к зданию городской думы, где утром уже собрались представители московского городского общественного управления, губернского и уездного земства, Всероссийских земского и городского союзов, Военно-промышленного комитета, кооперативов, биржевых и других общественных организаций и образовали особый организационный Совет в количестве 150 членов для урегулирования народного движения, который и открыл немедленно же свои заседания. Одновременно в здании же Думы организовался и приступил к своим занятиям и местный Совет рабочих депутатов. С первых же шагов возник вопрос об объединении действий этих двух учреждений и сосредоточили их в более малочисленном, а потому и дееспособном Комитете общественной безопасности. 1-го марта народные манифестации возобновились снова и в еще большем масштабе.

Около полудня была начата революционными войсками осада арсенала, который вскоре же сдался. Сдался быстро и Манеж, в котором были сосредоточены правительственные войска, а затем был занят и Кремль, а вечером штаб Московского округа. В 6 часов вечера были открыты двери знаменитой Бутырской тюрьмы и были освобождены все политические заключенные. Тем временем в Думе продолжались без перерыва заседания и организационного комитета, и Совета рабочих депутатов, а во вторую половину дня был избран наконец обоими учреждениями вышеупомянутый сокращенный Исполнительный комитет, в который вошло 5 представителей города, бирж и союзов, 5 кооперативов и 5 членов Совета рабочих депутатов. Командование примкнувшими к революционному движению войсками было поручено председателю Московской губернской земской управы, подполковнику Грузинову²⁷⁷. Совет рабочих депутатов приступил к организации милиции. 2-го марта

центром народного движения по-прежнему оставалась городская дума. Исполнительный комитет беспрерывно заседал с раннего утра, и к нему обращались по самым разнообразным делам со всех сторон. Перед зданием Думы непрерывно дефилировали в полном порядке целые полки Московского гарнизона во главе с командирами и всем офицерским составом, с развернутыми знаменами и под гром ликующей музыки. Общий порядок и ликующее спокойствие белокаменной нарушались очень редко за этот день; наиболее серьезными проявлениями беспорядка были сожжение охранного отделения и разгром Бутырской тюрьмы. В этот день, как и в предыдущий, происходили усиленные розыски и аресты переодетых городских, жандармов и агентов охраны. Арестованы были, между прочим, градоначальник генерал Шебеко²⁷⁸, со своими помощниками, и губернатор Татищев²⁷⁹. Вечером, когда стало известно, что в Петрограде образовалось Временное правительство, Московский совет раб<очих> депутатов немедленно же постановил приветствовать его и выразить готовность поддерживать его, поскольку оно честно приступило к немедленному осуществлению созыва Учредительного собрания. 3-го марта организация общественной жизни и сил интенсивно продолжалась. Был арестован бывший главнокомандующий войсками Московского округа генерал Мрозовский²⁸⁰. В советских кругах было решено созвать Совет солдатских депутатов. День 4-го марта ознаменовался торжественными похоронами немногочисленных жертв борьбы за новый строй, а затем огромным торжественным парадом революционных войск на Красной площади.

В другие места провинции в большинстве случаев известия о петроградских и московских событиях достигали со значительным запозданием, главным образом, конечно, по вине местных властей и администрации, которые безжалостно задерживали почти повсюду поступающие сообщения. Но раз ставши достоянием гласности, эти сообщения повсюду там вызывали единодушные взрывы энтузиазма и ликования; и почти повсюду старая власть бывала ликвидирована бескровно, и бразды правления переходили непосредственно в руки общественных и революционных организаций. Изю всех значительных провинциальных городов только в Твери революция сопровождалась побоищем, кровопролитием и разгромами.

На фронте слухи о петроградских событиях смутно циркулировали уже 2-го марта. На другой день распространились более точные сведения. Почти без исключения всеми солдатами и офицерским составом падение старого правительства и образование нового было принято со вздохом облегчения. Порядок, однако, нигде не был нарушен, дисциплина нисколько не пострадала. Все от мала до велика, от самого младшего до самого старшего находились на своих местах и исполняли с точностью свой долг. Зато в прифронтовых центрах и городах петроградский переворот вызвал самые восторженные манифестации, и переход там к новому режиму совершился в тех же формах, как и почти что во всех других городах России. Можно сказать, что поведение действующей армии и на позиции и в тылу было образцовое и глубоко патриотичное в эти первые дни осуществления нового строя. Черным пятном на общем светлом фоне легли лишь кровопролитные волнения, вспыхнувшие вечером 3-го марта на судах Балтийского флота и распространившиеся затем также и на Свеаборгскую крепость. Непосредственной причиной волнений были темные тревожные слухи, циркулировавшие между матросами относительно происходящего. В результате мятежа было много жертв, среди коих особенно тяжка была утрата для обороны командовавшего флотом адмирала Непенина²⁸¹. Для прекращения волнений Временное правительство вынуждено было отрядить специальных комиссаров в лице Родичева и Скобелева, которым и удалось 5-го марта восстановить спокойствие.

Общественное пробуждение

Великий энтузиазм обуял русское общество и весь русский народ на другой день после свержения ненавистного царского ига. И велико было охватившее все классы, все слои, все круги, всех граждан желание утвердить народное бытие на нерушимой базе чистой и полной свободы, так неожиданно и легко доставшейся всему народу. Громадная волна общественности поднялась разом в столицах и властно стала растекаться по всему лицу земли Русской, постепенно добираясь до самых отдаленных, невежественных и медвежьих уголков России. Насладиться во всю сласть завоеванной и неотъемлемой нако-

нец свободой слова и собраний и использовать эти свободы во всю ширь и во всю мочь на благо Родины, как могучее орудие установления самостоятельной народной организации, — не естественный ли это был позыв, не законный ли и не прекрасный ли? И действительно, все, кто как умел, хотел и мог, все заговорили и записали, все стали непрестанно собираться, все стали организовываться в кружки, общества, союзы, партии, коалиции. Прежде всех других, конечно, уже столь привычные к слову «избранники народа» и разом вышедшие из подполья специалисты по произнесению агитационно-политических речей, — революционеры всех мастей и оттенков. А за ними вслед — министры и их помощники, генералы и офицеры, солдаты и рабочие; приказчики, коммерсанты, промышленники, лавочники; кооператоры, инженеры, адвокаты, доктора; писатели, публицисты и артисты, ученые, учащие и учащиеся, профессора и студенты, священники и дворяне; землевладельцы и ремесленники; мужчины и женщины, молодые и старые, взрослые и дети, постриженные и миряне, всезнающие и невежды, здоровые и больные, бодрые и пришибленные, выдающиеся и ничтожества, столичные жители и провинциалы, революционеры и либералы, конституционалисты и анархисты, сторонники войны и отъявленные пораженцы... И заговорил впервые громко и свободно, вместе со всей Россией, русский мужичок-середнячок Иван Каратаев... Лихорадка, горячка, вакханалия слово- и мыслеизлияния охватила русские народные массы. То, что подневольно скрывалось за стиснутыми зубами в течение десятилетий; то, что жило в глубине души каждого, не смея показываться на свет и стать всеобщим достоянием; то, что составляло в одно и то же время и величайшую думу, кручину и горе, и величайший помысел и надежду всякого русского человека, — то всплыло разом на всех устах и полилось широчайшей волной русского народного слова. Не было конца митингам и собраниям и по деревням, селам и местечкам, и по городкам, городам и столицам. В этих последних каждый день во всех концах и районах шли непрерывно десятки всяческих заседаний и сборищ, прерывавшихся лишь манифестациями то скромных, то грандиозных размеров. Собирались повсюду, где только было возможно. В городских думах, во дворцах и в министерствах; в аудиториях университетов, высших училищ,

гимназий, школ; в театрах, казармах и манежах; в залах увеселительных заведений и ресторанов; в помещениях всевозможнейших обществ; в домах видных богатеев и меценатов. Но больше и чаще всего под открытым и холодным зимним небом России, по улицам и площадям столиц, городов, пригородов и деревень. Собирались и говорили; говорили и обсуждали; обсуждали и спорили; и выносили резолюции, сотни, тысячи резолюций; и пели революционные гимны, расходясь с тем, чтобы сойтись снова в другом месте и снова говорить, говорить и говорить без конца. И повсюду лилось мягкое выразительное русское слово так же, как в былые времена лилась на всенародных торжествах и пиршествах шипучая брага...

С прежней настойчивостью продолжалось непрерывное дефилирование революционных войск в Петрограде перед зданием Гос<ударственной> думы, где по-прежнему заседал<и> думский Комитет (пополнившийся новыми членами взамен ушедших во Временное правительство) и Совет рабочих и солдатских депутатов. И не один еще день в течение всего марта дефилировали они там восторженно, чтобы лишний раз произнести заверения в своей верности новому порядку, проиграть «Марсельезу» и из уст вожаков движения услышать слово о задачах и намерениях момента. По прошествии некоторого времени стал давать знать о себе и фронт; и уже не бесчисленным роем телеграфных приветствий, вместе со всеми другими затопивших буквально и думский Комитет, и Совет, а присылкой особых делегаций, являвшихся самолично удостовериться в намерении руководящих государственных органов и выразить им свою неограниченную поддержку. Непрерывной чередой тянулись в столицах изо дня в день уличные манифестации всяческого рода и по всяческим поводам, то небольшие, то достигая огромных, потрясающих размеров. 7-го марта в Москву прибыл Керенский, и то был день, полный оваций и восторженных речей; 12-го марта в Москве состоялось грандиозное празднество свободы; 19-го марта состоялась в Петрограде грандиозная женская манифестация, организованная «Лигой равноправия женщин»; 20-го марта в Петроград возвратились из ссылки социал-демократические депутаты 2-ой Государственной думы с Церетели²⁸² во главе, встреченные самым торжественным образом; 22-го марта революционная Мо-

сква восторженно встречала «бабушку русской революции», Е.К. Брешко-Брешковскую²⁸³, заехавшую в Москву по пути из Сибири в Петроград. 23-го в этом последнем происходили похороны жертв революции. Это был день глубокого траура и вместе с тем день величайшего торжества революции, ибо похороны превратились в феерический революционный порыв, превзошедший все ожидания (по первоначальным сведениям, революция стоила петроградскому населению 1443 человека убитыми и ранеными; из них 169 убитыми, 996 ранеными, 278 заболевшими, главным образом нервным потрясением; ко дню похорон число ушедших возросло до 181 и в братскую могилу на Марсовом поле был опущен 181 цинковый гроб). 30-го марта Петроград встречал Г.В. Плеханова, 5-го апреля Временное правительство торжественно принимало представителей французских и английских социалистических партий; 13-го апреля в Москве праздновался приезд второй партии ссыльных из Сибири (в том числе «бессрочников» и «смертников»); 16-го апреля в Таврическом дворце в Петрограде имела место грандиозная манифестация инвалидов; 17-го апреля в Петрограде состоялся огромный митинг с посвящением «займу свободы». Наконец, 18-го апреля был отпразднован повсюду в России самым торжественным и грандиозным образом день Первого мая; в Петрограде на шести бывших площадях было воздвигнуто больше 300 трибун, с которых не переставая проносились в течение всего дня всевозможные речи.

Митингам и собраниям прямо-таки не было числа. Собирались все, кто только мог; и все, — в той или иной форме, — выносили резолюции приветствия и поддержки Временному правительству и наилучших пожеланий его устроительной деятельности. Собирались священники и старообрядцы, артисты и художники, еврейские общества и сионисты, всевозможные прогрессивные общества, всевозможные общества научного характера (например, Вольно-экономическое или Юридическое), всевозможные партийные организации («народной свободы», социалистов-революционеров, социал-демократов, меньшевиков и т.д. и т.п.). Были устроены даже детские митинги. И так сильна была волна общественности, что в Одессе 10-го апреля состоялся ни больше, ни меньше как митинг дезертиров, на котором после речей представителей местного

Совета постановлено было избрать особый комитет для заведования делами дезертиров... Все ликовали, все говорили, все хотели высказаться и сговориться с другими. И все стремились организовать, организовать демократические силы во всех направлениях, слоях и сферах общественной жизни. Петроградский совет подал в этом отношении сигнал еще 27-го февраля, и сигнал этот разнесся по всей России самым зычным эхом. Все русские люди его услышали, его подхватили; и с первых же дней новой государственной жизни кипела уже самая энергичная организационная деятельность. Старые общества стали переорганизовываться; новые организации стали расти как грибы; повсюду начались конгрессы партий, союзов, сообществ, организаций, то ли местно-городские, уездные и губернские, то ли областные, то ли, наконец, всероссийские. Одновременно с пробуждением деятельности старых обществ и союзов и их переорганизацией началось зарождение новых обществ и организаций во всех слоях русского общества и народа и со всевозможными целями, главной и общей из коих была, впрочем, для всех них цель объединения сил для устройства новой России. Так, стали намечаться или зародились и начали действовать: Республиканский клуб офицеров, Бюро помощи освобожденным политическим (ранее, свыше пятнадцати лет существовавшие нелегально); Совет студенческих депутатов; Союз деятелей высшей школы; Всероссийский крестьянский союз; Союз союзов; Крестьянский республиканский союз; Родительский союз; Еврейское демократическое собрание; Общество политического просвещения; Народный университет; Лига аграрных реформ; Польский военный союз; Республиканская демократическая партия; и т.д. и т.п. Организационная волна с огромной силой сказалась также и в деревне. По всем губерниям закипело переустройство волостного управления на началах самоуправления. Повсюду стали возникать среди крестьян всевозможные местные советы, комитеты и сообщества. Интенсивность и объем деятельности сельских кооперативов тотчас же заметно возросли. Заметно улучшился и налажился подвоз продуктов на рынки, как сельские, так и городские (уездные и губернские), что сразу же сказалось понижением цен. Возросли заметным образом и заботы сельского населения об армии: в некоторых волостях было собрано

по сотне тысяч пудов зерна; и нередко были в те дни случаи даровой посылки населением хлеба на фронт. Начались также пожертвования звонкой монетой, а в городах также и ценными вещами, на нужды государства.

Одним из наиболее характерных симптомов того, как искренно и единодушно принят был всем русским обществом переворот, являются его заботы о политических ссыльных в Сибири и об их немедленном возвращении (а также и об эмигрантах за границей). Уже 8 и 9 марта Земским и Городским союзами были предоставлены в распоряжение правительства находившиеся в резерве санитарные поезда с целью их перевозки обратно в Россию. 8-го марта в распоряжении О. Керенской²⁸⁴ находилось уже пожертвований на сумму более чем в один миллион рублей (какая цифра к 11-му апреля переросла два с половиной миллиона). Среди отдельных пожертвований с этой целью бросались в глаза: 500 тысяч рублей от Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков (4-го марта); 200 тысяч рублей из Московской городской думы (7 марта); 500 тысяч рублей от московских и петроградских банков (11-го марта) и т.д. и т.п. Кроме того, в связи с моментом были сделаны на нужды его и революции вообще нижеследующие пожертвования: миллион рублей от инженера Денисова (6-го марта); 100 тысяч рублей от собрания уполномоченных Московского купеческого общества взаимного кредита (6 марта); миллион рублей от московских и петроградских банков (11-го марта) и т.д. и т.п.

Глава 2 ДВОЕВЛАСТИЕ

Наследие старого строя

Сколь ни велик был энтузиазм, вызванный переворотом, сколь ни значителен подъем и напряжение освободившихся разом народных и общественных сил, сколь ни бескровно прошла революционная перемена и сколь ни радужные и беспредельные перспективы открывались перед освободившимся русским народом и обществом, тем не менее чуть ли уже не с первых же

дней сквозь пелену упоения «розовой» революцией стали просачиваться, — постепенно все сильнее и сильнее, — мрачные, грозные симптомы.

Революция родилась в атмосфере разложившегося донельзя старого режима, павшего до последнего предела политического и социального разврата и бесстыдства. Более того, она родилась именно от него, от этого преступного, насквозь прогнившего развратника, и потому тяжело и полно роковых последствий было полученное наследство.

Революционное движение великих февральско-мартовских дней разорвало деятельно и бесповоротно заржавевшие и заплесневевшие цепи царизма, сковавшие молодое тело русского народа. Значило ли это, что она разом очистила и его столько времени и столь бесчисленными способами отравлявшуюся душу, могла ли она как бы одним росчерком пера вычеркнуть из нее все то колоссальное скопление грязи и гнили, которое в ней неизбежно должен был отложить рухнувший самодержавный строй? Могла ли как бы чудом каким-то аннулировать всюду накипь гневных и мстительных чувств, чувств ненависти и злобы, которые сумело возбудить к себе и культивировать во всех слоях российского населения, во всех сколько-нибудь порядочных и сознательных людях России проклятое иго самодержавия?

Россия и русский народ были еще молоды, еще всеильны; и захотели разом осуществить самое передовое, самое справедливое устройство социальной и политической жизни. Это правда, но такая же правда и то, что со всех сторон русский народ был охвачен и облеплен социально-политической гнилью; и что опираясь именно на эту-то гниль, должен был русский народ воспрянуть к новой и чистой народной жизни. И что еще того более усугубляло и без того уже грандиозную трудность и серьезность его положения, так это, как об этом уже упоминалось выше, и то, что в такой-то грозный и исключительный момент, когда, казалось бы, он все свои живые и здоровые силы должен был сосредоточить на внутреннем своем переустройстве, его внимание и силы в значительной, даже громадной мере были отвлечены борьбою с внешним врагом, и притом борьбою, его уже изнурившей и истерзавшей, борьбою, сделать которую ему ненавистное царское правительство,

казалось, поставило одной из своих главных целей, не жалея на то ни сил, ни средств.

Совершенно разложившуюся, дезорганизованную администрацию, совершенно расстроенное продовольствие страны и войну, изнулившую народ, обманувшую его, переставшую быть популярной, — вот что оставил старый строй в наследство революции.

Психология русского революционера

К этому тяжкому наследию, оставленному старым режимом новой власти, присоединился еще один фактор, косвенно тоже представляющий собой результат самодержавного режима, — фактор, могучее действие которого, пожалуй, трудно было учесть сначала, в атмосфере общего освободительного ликования. А именно революционная волна неизбежно должна была выдвинуть на авансцену политико-социальной жизни те элементы, которые всю жизнь свою отдали революционному движению. Не естественно ли было, чтобы именно тот, кто жертвовал своею жизнью делу освобождения России и кто затратил все свои физические и духовные силы на его подготовку, кто был известен как вдохновитель и вождь этого движения, чтобы он именно получил в глазах народных наибольший вес после того, как революция наконец грянула и победила? Не естественно ли было, что охваченный революционным переживанием народ именно в этих элементах стал видеть своих истинных представителей, вождей и руководителей?

Между тем тяжкое наследие царизма сказалось, сверх всего прочего, и в том также, что в чуть ли не столетней борьбе с его насильственным и произвольным бюрократизмом русский революционер превратился в профессионала, в специалиста по революционной части, на все смотревшего сквозь очки революции. На первом плане для него было разрушение, и он стал человеком разрушения. Творчество и построение отодвигалось для него в будущее, в даль, было скорее мечтою, в то время как насущная действительность требовала борьбы и уничтожения. И в этой-то действительности он взрастал уже со школьной скамьи, а то и раньше еще, начавши впитывать в себя дух революционизма; в ней же получил затем в первый же час своего

студенчества свое боевое крещение; и в ней же закалялся затем в течение первых лет своей взрослой жизни, деля свое время между пропагандой и борьбой с самодержавным врагом, с одной стороны, и тюрьмой, ссылкой или даже каторгой, с другой.

Удары нагайки и другие, подчас много более серьезные поранения, полученные им во время уличных демонстраций; страшные побои и издевательства, перенесенные по всяческим централам и тюрьмам, и неизлечимый туберкулез, вошедший в его организм во время его бесконечных тюремных скитаний или тяжелой, мучительной жизни каторжанина или ссыльно-поселенца, были для него вечным физическим напоминанием о том деле, которое еще не было доведено до конца и которому была отдана вся жизнь, и будили в его душе непрерывно чувство гнева, протеста и мести.

И не одни только эти личные переживания и страдания давали направление ходу его мыслей и чувств. Нет, уже с молоком матери вошли в него зародыши таких же мыслей и чувств, ибо и его родители, а нередко и родители его родителей, жили точно такой же жизнью и претерпевали точно такие же муки. А бывало и так, что над его детским еще сознанием повисала уже земной тучей жизнь отца или матери или гибель их в сырых и холодных крепостных казематах. И у мальчика сверкали глаза от бессильного гнева, и ненависть, беспредельная, бездонная ненависть вила себе в его душе крепкое, вековечное гнездо...

Мог ли такой человек удовлетвориться первыми розовыми днями Февральской революции? Не сложилась ли в нем под влиянием его собственного жизненного опыта и унаследованных и воспринятых от родителей и учителей вкусов, фактов и идей особая революционная идеология, заставляющая его оценивать все с точки зрения большего или меньшего прогресса в революционном развитии и толкать революционный процесс что есть сил дальше и глубже? Не обставилась ли неволью его мысль, специализировавшись в революционном экстремизме, целым рядом революционных схем и предрассудков и не обзавелась ли своим революционным «символом веры», для-ради которого можно было бы идти вплоть до самой инквизиции? Долгие годы тюрьмы, ссылки, каторги и исключительная и подпольная сосредоточенность на революционной борьбе не сузили ли его горизонт, не сплющили ли его душу и ум, не оторва-

ли ли его таким образом от жизни, превратив в специалиста «от революции», в революционного доктринера, видящего — увы! — непоколебимо, что его доктрина, его схематическое построение и есть сама жизнь? И не находил ли он при всем том, повсюду вокруг себя, в те незабвенные ликующие дни розово-революционного марта, в великом множестве те самые общественно-политические элементы, которые вежливо гнули спину перед самодержавием, или служили ему хотя и независимой, но верной поддержкой; или же, наконец, ведя линию чисто парламентской оппозиции, являли собой жалкое зрелище политического бессилия из-за своей политической «умеренности и аккуратности»? Мог ли он поверить хотя бы сама-лейшим образом друзьям лютого преследователя революции Столыпина, какими еще так недавно были Родзянко и Гучков? Или главному представителю вечно садящейся между двумя стульями и оставляющей революционную демократию на произвол судьбы «оппозиции его величества» — Милюкову? И не потому, что эти сами по себе не заслуживали вообще доверия в те дни великого переворота, которому и они отдались со всей душой, а из-за крайней, не терпящей никаких компромиссов, абсолютно прямолинейной, абсолютно схематической, ультрапозитивной, ультратребовательной и принудительной психологии самого революционера.

Словом, русский революционер не так был сделан, не такими был оформлен традициями и не таких исполнен стремлений, чтобы остановиться на достижениях февраля и марта и задуматься над их укреплением и упрочением. Его революционизм должен был влечь его вглубь и толкать на новые перевороты, побуждать требовать иных, более обширных, более радикальных перемен. И не только в тех случаях, когда им исповедывался решительный, неудержимый и экстравагантный экстремизм, но и тогда также, когда более умеренный темперамент подсказывал ему больше осторожности и постепенности в его действиях и программах. Ибо осторожность и здравый смысл всегда пасовали в нем, в конце концов, в решительную минуту, перед врожденной абстрактностью, предубежденностью и подозрительностью революционизма; и он делал то же самое, что и экстремисты, но только в более вялой, нерешительной, неоригинальной форме...

Симптомы надвигающегося разложения

Уже с половины марта приблизительно в газетах столицы и провинции стали появляться, — и чем дальше, тем настойчивее и систематичнее, — рубрики: «агитация темных сил» или «контрреволюционная пропаганда». Разумеется, это явление носило сначала разрозненный и спорадический характер; оно безусловно местного и самопроизвольного, не центрального происхождения; но и в таком виде оно уже достаточно красноречиво говорило о внутренней неустойчивости создавшегося положения, несмотря на весь подъем и все положительные проявления народной души.

«Темную» агитацию вели все те, кому не по душе было произошедшее, кто как утка в воде чувствовал себя в старом самодержавно-бюрократическом укладе, т.е. представители и члены старой власти: стражники, урядники, городовые, провокаторы, многие представители духовенства, а равно и многие помещики; или же те, кому было важно и желательно возможно серьезнее повредить России и расстроить ее социальную жизнь: германские агенты. Зачастую при этом распускались самые невероятные слухи, вроде того, например, что духовенству Временным правительством приказано «посшибать все кресты на церквах» или что на свете появился «антихрист Родзянко» и т.д. и т.п. На Юге эта темная агитация получила, разумеется, главным образом, антиеврейский характер и выражалась в подуськивании населения к еврейским погромам.

К этой «темной агитации» присоединилась, с другой стороны, революционная пропаганда, исходившая от некоторых элементов партии социалистов-революционеров, в особенности же от членов партии с<оциал>-д<емократов>-большевиков, толкавших народную массу, в частности крестьянство (первые — в более мягкой, нерешительной и теоретической, вторые — в более решительной, резкой, практической форме), на путь дальнейших революционных выступлений и дальнейших и притом немедленных и самопроизвольных социальных завоеваний. В этом направлении оказывало немалое влияние на народную психологию все то, что делалось и говорилось в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов; а равно и провинциальные агитаторы старательно подливали

масла в огонь. В результате чуть ли уже не с половины марта в газетах стали утверждаться такие рубрики: «аграрные беспорядки», «эксцессы в деревне» и т.п. Во многих местах этим беспорядкам и эксцессам немало содействовали и сами помещики, не умея подчиниться духу времени и искренне пойти навстречу законным требованиям крестьянства. Равным образом, и в солдатской среде, и даже — увы! — на фронте, дисциплина и организованность стали мало-помалу расшатываться заметным образом. То там, то сям в различных частях огромного фронта и еще более огромного тыла стали появляться кучки революционных агитаторов, усиленно пропагандируя мысль о близящемся заключении мира и приглашая солдат оказывать в этом смысле давление на правительство своим поведением. Среди солдат стали циркулировать все настойчивее и настойчивее всевозможные листки и прокламации крайне революционного содержания с приглашением саботировать войну и осуществлять дальше революцию в захватном порядке. Слухи о близящемся дележе земли тоже усиленно распространялись агитаторами, а равно и всякими темными сеятелями смуты, все более и более заметным образом содействовали самовольному оставлению солдатами армии. Все больше и больше нагнело и расцветало вражье шпионство, пользуясь общим расслаблением дисциплины, и зачастую прикрывалось ультрареволюционной внешностью. И наконец, под влиянием всех этих факторов стало постепенно падать и подчинение солдат начальству, в некоторых случаях сопровождаясь даже эксцессами.

В целом ряде тюрем произошли волнения среди уголовных, взбудораженных сначала освобождением политических и общим ослаблением режима, а затем и частичной уголовной амнистией; волнения, иногда принимавшие, как, напр<имер>, в Одессе, угрожающие размеры. На железных дорогах стали все чаще и чаще повторяться случаи солдатских бесчинств.

В равной степени и на местах возвращающиеся на побывку солдаты, в компании с дезертирами, нередко стали устраивать разгромы, грабежи и насилия. Повсюду стали появляться всякого рода авантюристы, мошенники и самозванцы, разыгрывая из себя уполномоченных власти и пытаясь так или иначе поживиться на счет мирных граждан.

3-го апреля прибыл в Петроград Ленин с товарищами, проехав предварительно через Германию в «пломбированном» вагоне. Этот поступок Ленина вызвал всеобщее негодование. Протестовали не только либеральные газеты, не только эмигранты из «оборонцев»; но протестовал сам народ и протестовали солдаты.

Матросы Балтийского флотского экипажа, бывшие в почетном карауле, поставленном у Финляндского вокзала для встречи Ленина, вынесли по этому поводу решительно протестующую резолюцию, лишь только узнали, в чем дело.

Впрочем, это не помешало и второй группе эмигрантов, на этот раз руководимых уже не большевиками, а меньшевиками-интернационалистами (между прочим, Мартовым и Аксельродом), повторить тот же самый опыт приблизительно месяц спустя, прибыв в Петроград 9-го мая.

Несмотря на всеобщее возмущение его поступком, Ленин мог не унывать, ибо он являлся уже на подготовленную для его пропаганды почву. Уже с половины марта большевистская партия стала вести самую энергичную печатную и устную пропаганду и в столицах и в провинции, и в тылу и на фронте, ориентируя ее на заключение немедленного мира и углубление революции в смысле борьбы с капиталистически-буржуазным режимом и непосредственного осуществления социальных завоеваний так называемым явочным порядком; и прямой мишенью этой пропаганды, конечно, стало тотчас же Временное правительство, объявленное большевиками просто-напросто филиальным отделением англо-французского империализма. «Оно есть правительство войны, — писалось в московской большевистской газете «Социал-демократ»²⁸⁵ в конце марта, — правительство продолжения империалистической бойни, правительство захвата, покуда не отказавшееся ни звуком от царской политики захвата Армении, Галиции, Турции, отнятия Константинополя, нового завоевания Польши, Курляндии, Литовского края и т.п. Это правительство связано по рукам и ногам англо-французским империалистическим капиталом...»

Генерала Алексева, который как раз в те поры ожидал своего назначения на пост Верховного главнокомандующего, «Социал-демократ» величал не иначе как «злейшим врагом народа», затем продолжая так: «и к этому палачу народной свобо-

ды бросаются в объятия гг. Керенские, Милюковы и Гучковы. С ним тайком от народа совершают они какую-то сделку. С этим испытанным слугой царской власти у Временного правительства находится линия общей работы...»

На другой день по своему прибытию Ленин принял участие в совещании представителей различных течений социал-демократии по вопросу об объединении, где произнес большую двухчасовую речь, в которой яростно критиковал поведение Совета рабочих и солдатских депутатов и директивы социал-демократии, призывая сбросить с себя «старое платье», превратиться в коммунистическую партию и направить революционное движение в сторону социального переворота при помощи гражданской войны. Его речь не встретила, однако, одобрения; и не только со стороны меньшевиков, но и со стороны многих присутствовавших на совещании представителей большевизма. Общее отношение метко формулировал видный член Совета рабочих и солдатских депутатов и близкий к большевизму социал-демократ Нахамкес-Стеклов, указав на то, что Ленин изложил ряд абстрактных построений, которые показывают, что русская революция прошла мимо него.

Нисколько не унывая от такого несочувствия, Ленин тотчас же принялся энергично организовывать при помощи небольшой относительно группы своих приверженцев, с Коллонтай²⁸⁶ и Каменевым во главе, устную и печатную пропаганду своих идей. Занятый большевиками еще 3-го марта «явочным порядком» дворец балерины Кшесинской²⁸⁷ стал постепенно делаться тем центром и генеральным штабом, откуда исходили и проникали в народ лозунги о прекращении войны, о борьбе с Временным правительством, о гражданской социальной войне и т.д. и т.п. Свою программу Ленин не преминул изложить снова в виде тезисов, приспособив для нужд момента уже начертанный и опубликованный еще в начале войны их состав. Среди них бросались в глаза следующие положения: «в нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и Керенского безусловно остается грабительской, империалистической войной, в силу капиталистического характера этого правительства недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству»; «никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной

лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий»; «создание революционного интернационала — против социал-шовинистов и против центра»; и т.д. и т.п.

Интересно отметить, что уже в те поры, с первых же шагов своей «свободной», «созревшей» революционной практики, Ленин зарекомендовал себя отнюдь не теоретическим схоластиком от политики, каким казался в своих писаниях, а человеком, при всем своем доктринаризме, наделенным большим тактическим чутьем и большой практической приспособляемостью.

Эта пропаганда, давая о себе знать с первых же своих шагов своим содействием государственному разложению, вообще и в деталях, путем, так сказать, каждодневного и незначительного по своим непосредственным размерам отравления, свое первое значительное проявление имела в тех народных волнениях, которые всколыхнули обе столицы и не обошлись без человеческих жертв во второй половине апреля; и непосредственным результатом коих был глубокий правительственный кризис, сильный удар по престижу власти Временного правительства и сильный толчок в сторону общего разложения государственно-го организма в стране.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов

Во втором месяце революции все эти тревожные симптомы надвигающегося разложения чувствовались уже явственно всеми. Во всех слоях и кругах общества и народа о них говорили открыто, по большей части со скорбью и отчаянием, иногда с удовлетворением и даже злорадством. И повсюду, во всех организациях, сообществах и комитетах, более или менее умеренно настроенное большинство провозглашало необходимость бороться всемерно с проявлением развившейся разрухи и обещало бессменно свою поддержку источнику власти — Временному правительству. Но это последнее — увы! — не представляло собой ни единой государственной власти, ни единственной государственной власти. Мало того, оно не представляло собой даже, в конце концов, и единственной исполнительной власти. Рядом с ним, с самого же начала его установления, су-

ществовала другая власть, теоретически предназначенная для контроля над ним, фактически же нередко, — особенно в провинции и на фронте, — вмешивавшаяся в исполнительные функции правительства, их расстраивавшая и подрывавшая, а иногда и прямо им противопоставлявшаяся: власть многочисленных Советов рабочих и солдатских (а потом и крестьянских) депутатов, и среди них, в особенности, Петроградского совета.

Петроградский совет сложился самопроизвольно, был создан наспех. В его состав попали те из вожаков революционного движения, которые случайно находились в тот момент в столице. В основание выборов не было положено никакой предварительной обдуманной системы. Выбирали отдельные фабрики и промышленные заведения, отдельные войсковые части, отдельные партийные организации, каковы бы они ни были по числу своему и значению. Уже к 3-му марта Петроградский совет представлял собою целое море голов чрезвычайно разношерстного люда, числом до 1300; и вышло само собою, что вся власть и вся деятельность сосредоточилась в Исполнительном комитете, так как такое громоздкое учреждение было совсем не приспособлено к революционно-исполнительной роли. Число членов Петроградского совета продолжало расти и далее, как и его Исполнительный комитет не переставал пополняться все новыми и новыми элементами. В конце марта на совещании делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов было решено объединить деятельность Советов и для этого в возможно кратчайший срок созвать Всероссийский съезд Советов; подготовить же съезд было постановлено возложить на Исполнительный комитет Петроградского совета, пополнив его делегатами от Северного района, Кавказа, Урала, Азии, Дона, Юго-Запада, Поволжья, Московско-Центрального района, Туркестана и по одному от каждой армии. Благодаря этому фактическое верховенство петроградского Исполнительного комитета еще больше того укрепилось; и он до начала июня оставался фактически центральным и руководящим органом всей этой обширной организации народных сил.

Как бессистемен был состав Петроградского совета (а значит, и его Исполнительного комитета), так бессистемна была и работа в нем. Она носила все следы стихийности событий, не

столько направляя их, сколько следуя за ними, санкционируя и закрепляя уже сделанные шаги и только в самых общих чертах влияя своими постановлениями и директивами на совершающееся. В сущности, все внимание Комитета было поглощено почти исключительно вопросами экстренного характера; так что о выполнении какой-нибудь программы занятий не могло быть и речи. Любопытно отметить, например, что вопрос об организации его работ значился почти ежедневно на повестке, но только по истечении чуть ли не двух месяцев был подвергнут наконец обстоятельному обсуждению и разрешен. Попытка помочь делу образованием отдельных комиссий, посвященных специальным вопросам, тоже не увенчалась успехом, так как жизнь неслась вихрем, ставила неожиданно и разом существеннейшие вопросы, не терпевшие никакого отлагательства, и вынуждала принимать решения в самом Комитете, не дожидаясь результатов бесконечных прений в комиссиях.

В первоначальный состав Исполнительного комитета Петроградского совета, как уже отмечалось, входили, между прочим, от социал-демократов-меньшевиков: Чхеидзе, Скобелев, Богданов²⁸⁸, Гвоздев, Соколов; от социалистов-революционеров: Керенский, Зензинов, Филипповский²⁸⁹; от социал-демократов-интернационалистов: Стеклов (Нахамкес), Суханов (Гиммер); от народных социалистов: Брамсон, Станкевич²⁹⁰, Чайковский; от Бунда: Либер (Гольдман)²⁹¹ и Эрлих²⁹²; от социал-демократов-большевиков: Стучка, Козловский, Залуцкий²⁹³, Линде²⁹⁴. Постепенно в течение марта и апреля к ним присоединились приехавшие либо из Сибири, либо из-за границы и выбранные либо от новых организаций и частей, либо допущенные с совещательным голосом социал-демократы-меньшевики: Церетели, Дан²⁹⁵, Бинасин²⁹⁶, Войтинский²⁹⁷; социалисты-революционеры: Гоц²⁹⁸, Чернов, Бунаков (Фондаминский²⁹⁹); большевики: Каменев, Коллонтай. Резко бросалось в глаза всякому присутствие среди этих представителей и руководителей революционной России значительного числа нерусских элементов в полной диспропорции с процентным отношением народовластия.

До приезда Церетели (во второй половине марта) деятельность Комитета фактически направлялась, главным образом, Сухановым (Гиммером), Стекловым (Нахамкесом), хотя офи-

циально Комитет и возглавлялся Чхеидзе, почти бессменно занимавшим председательское место. В Исполнительном комитете Нахамкес являлся одним из самых усиленных элементов, а равно и едва ли не самым образованным в общественных науках человеком, в особенности спервоначала. Не являясь представителем большевизма в его самоновейшей фазе развития, он, тем не менее, в вопросах отношения к правительству и войне был очень близок к большевистской демагогической позиции. Он был первым редактором «Известий Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» и вел их с самого начала до такой степени персонально и экстремистски, что Исполнительный комитет был вынужден, в конце концов, сместить его с этой ответственной роли.

Вместе со Стекловым в Исполнительном комитете поборником самого решительного комитета был Суханов, который выражал его в лозунге «Мир внутри ценою мира на фронте». Ему принадлежало авторство самого значительного и сильного из документов, опубликованных петроградским Исполнительным комитетом, а именно манифеста «К народам всего мира» от 14 марта³⁰⁰. Его же экстремистскому влиянию вместе со Стекловым нужно в немалой степени приписать и то, что Исполнительный комитет не смог найти с министерством Милюкова средней линии, и дело дошло до открытого конфликта и окончательного подрыва правительственной власти. Что касается до Чхеидзе, то в первые дни революции он обнаруживал все признаки довольно явственного интернационалистического экстремизма, отказался даже, напр<имер>, подписать комитетские разъяснения к пресловутым «Приказам» № 1 и № 2, ссылаясь на то, что не может призывать солдат оставаться на фронте, т.е. продолжать войну.

19-го марта в Петроград вернулся из Сибири Церетели и через несколько дней стал фактически лидером в Исполнительном комитете. Затем, как упоминалось, мало-помалу появились другие видные представители социал-демократической и социал-революционной партии, и прежние руководители Комитета как-то сами собою стушевались и потонули в массе других имен, ораторов и партийных представителей. Немало этому посодействовала и несомненная перемена в общем настроении Комитета, его эволюция от крайнего и решительно-

го интернационализма и экстремизма, поборником которого были Суханов и Стеклов, к революционному патриотизму, духом которого вскоре же прониклись Церетели со Скобелевым и в духе которого нередко высказывался в общем все же в высшей степени неопределенный, не то циммервальдистский, не то оборонческий Чернов.

Несмотря на толчею и несистематичность комитетских занятий, над его деятельностью все же явственно доминировали, внося тем некоторый порядок, два главных вопроса, ибо таковы были внутренние, стихийные директивы самого движения, самой жизни. Это были вопросы об отношении к правительству и к войне. В обоих случаях первоначальная позиция Комитета была явственным выражением крайнего течения революционной мысли и чрезвычайно приближалась к позиции большевиков. Эта первоначальная циммервальдистская ориентация Комитета, однако, вскоре же уступила место другой в отношении ко второму вопросу, ибо упомянутый манифест не нашел желанного отклика ни у врагов, ни у союзников.

Германская социал-демократия не приняла доверчиво протянутой руки, и в ответ с ее стороны слышались в высшей степени двусмысленные и пахнущие аннексионизмом заявления и предположения. В то же время немецкое командование отвечало организацией братаний, выгодных явственным образом только для немцев, и нанесением чувствительного удара русскому войску на отходе (21 марта). Действительность, таким образом, быстро расхлodiла циммервальдистские энтузиазмы, в результате чего на петроградском совещании делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов была вынесена 30-го марта большинством 325 голосов против 57 (при 20 воздержавшихся) сильно смягченная резолюция.

Революционная опека над правительством

Таким образом, революционная власть с первой же минуты своего возникновения характеризовалась двоевластием; и, что хуже того, была в скрытой форме все время, а иногда, и даже зачастую, становилась въяве борьбою между двумя государственными началами, борьбою упорною, настойчивою, постепенно все больше и больше озлобляющею. Правда, многие элементы,

как с той, так и с другой стороны, — более умеренные элементы Совета, более левые элементы правительства, — старались и самих себя и других разубедить сначала в том, что и следовало никакого двоевластия не замечалось и что на деле существовало строго разграниченное и обеими сторонами одинаково признаваемое и высоко ценимое сотрудничество. Но то был понятный самообман людей, исполненных самых лучших намерений и находившихся в порыве их осуществления, — между тем как настоящая действительность не представляла собой и тени сомнений для наблюдателей со стороны, голос которых стал звучать столь недвусмысленным образом в массе различных заявлений, резолюций, постановлений и петиций. Временное правительство, по существу дела, было не более и не менее как «буржуазным заложником» в руках «пролетарского» Совета, который пользовался этим заложником тактически, как административным органом страны. Совет относился к нему благожелательно постольку, поскольку оно следовало его директивам. Он явным образом должен был занять порицательную или даже карательную позу, как только оно вздумало бы идти ему наперекор. Но и благожелательство Совета имело в высшей степени умеренный смысл, ибо это было благожелательство одного из общественных классов по отношению к своему «классу-врагу» постольку, поскольку этот последний смиряется и не обнаруживает враждебных действий и намерений, и лишь до тех пор, пока руководящий Советом класс не сложится окончательно в могучую организованную силу.

И не следует думать, что такова была позиция лишь одного только крайнего более или менее большевистского меньшинства Совета. Отнюдь нет! На такой же самой точке зрения стояло и меньшевистское большинство Совета, руководимое Чхеидзе, Церетели, Скобелевым и др., всецело исповедуя тактическую формулу «постольку-поскольку» и лишь выражая ее менее демагогическим и более умеренным образом и во смягчение ее отодвигая придаточную формулу «до тех пор — пока» на неопределенный срок в будущее. И совершенно в таком же духе была внесенная совещанием, в конце концов, резолюция по поводу отношения революционной демократии к «буржуазно-демократическому» Временному правительству.

Итак, Временное правительство было с самого же начала не единственной властью в стране: и этот факт уже сам по себе немало расслаблял его силу и дискредитировал его правительственный престиж в глазах народных масс. Но мало того, оно было правительством, каждый конкретный шаг которого проходил под самым бдительным контролем другой власти, — столь бдительным, что он носил скорее характер опеки и надзора. Для более тщательного и скрупулезного осуществления такой опеки, как бы самой судьбой, уже с самого начала в состав Временного правительства был введен один из самых видных представителей Петроградского совета, один из его двух вице-председателей, Керенский.

По принадлежности занимаемой им должности (министр юстиции) он был одновременно и генерал-прокурором: судьба сделала из него также в те первые два месяца русской революции «генерал-прокурора Временного правительства». Его звали тогда «демократическим оком» в составе буржуазного правительства: но он был там в еще большей мере «советским оком». Его пробовали иногда характеризовать как «заложника» демократии, якобы захваченного врасплох правительственной буржуазией; но не правильней ли было бы сказать, что не он, а сама правительственная буржуазия оказалась тотчас же «заложницей» в руках его, как представителя советской власти? Впрочем, вскоре же Петроградскому совету показалось мало и Керенского. Его здоровое (и относительно) умеренное отношение к своей функции стало казаться пасованием перед буржуазией: на его счет стали тотчас же циркулировать всякие недоброкачественные слухи. И они были столь настойчивы, что ему пришлось, в конце концов, явиться самолично в заседание Совета (26-го марта), чтобы восстановить к себе доверие, начавшее как будто колебаться. Ввиду этого, Петроградским советом еще 10-го марта была выбрана особая, так называемая контактная комиссия, которой было поручено следить за действиями правительства и быть органом непосредственного на него давления с советской стороны. При этом из 5-ти выбранных в нее лиц (Нахамкеса-Стеклова, Гиммера-Суханова, Чхеидзе, Скобелева и морского офицера Филипповского) два первых принадлежали, скорее, к крайнему крылу революционной демократии, были определенно циммервальдистского толка и

уже ранее неоднократно показывали себя яростными врагами некоторых из членов Временного правительства.

Но помимо этого фактического распределения правительственной власти и этого внутреннего взаимоотношения между ее элементами, дискредитировали и обессиливали Временное правительство, — и притом в еще большей степени, — сами же акты советской инстанции. Прежде всего, эт<а> последняя в самых важных вопросах внутреннего управления революционной страной дважды поставил<а> Временное правительство перед совершившимся фактом государственным актом громадного значения: и страна была свидетельницей того, как Временное правительство было вынуждено спасовать и склониться перед этими актами. Во-вторых, сами эти акты, по своей консистенции, были разлагающего, дезорганизующего характера и, внося собою смуту в человеческие пути и действия, только еще более затрудняли и без того уже до бесконечности трудное дело управления перерождающейся Россией.

Таковыми актами были: пресловутый приказ № 1, выпущенный Петроградским советом еще 2-го марта, и его знаменитое обращение к народам всего мира с предложением о мире от 14-го марта.

Приказ № 1 был сильной дозой такого яда, который действует медленно, постепенно проникая в тело, но зато уже наверняка и радикально. Он подорвал глубоко и бесповоротно в глазах солдатской (сиречь народной) массы организацию и даже самый смысл дисциплины, хотя его последствия стали сказываться по-настоящему лишь спустя чуть ли не два или три месяца. Его дезорганизующий дух был настолько явного характера, что сам Петроградский совет спохватился тотчас же и поторопился парализовать его действия приказом № 2, его разъясняющим и дополняющим в смысле умеренности и постепенности, а затем еще и специальными разъяснениями к обоим приказам, но, — увы, — это было лишь жалким паллиативом. Яд вошел в кровь, и его оттуда могло выгнать лишь одно только время.

Обращение Петроградского совета к народам всего мира для широких масс солдатских и народа тоже было духовной отравой, против которой уже нельзя было потом бороться. До революции в ограниченном и наивном сознании солдата и

крестьянина сидела мало осмысленная, но твердо уместившаяся там мысль о том, что *volens polens* нужно было продолжать войну и не думать о мире. Как бы он ни объяснял себе этой необходимости, сколь бы ни был инстинктивно уже восстановлен против войны (и ее продолжительностью, и поведением руководившего ею царского правительства), тем не менее не мир, а именно война была идеей и фактом, господствовавшим над его духом. Советское обращение (явившееся, впрочем, логическим следствием целого ряда других более мелких обнаружений такого же порядка) затем ориентировало народную мысль в противоположном направлении. Все те оговорки и добавления, которыми в нем была обусловлена возможность заключения мира, представляли значение для самих его творцов, но мало значения имели для народа. Этот видел и слышал в нем слово «мир», и более ничего. Как раньше война, так теперь мир захватил постепенно его примитивное сознание и стал там доминирующим элементом.

Кроме этих двух основных советских актов, масса других советских проявлений, и даже все почти из них, шли на мельницу дискредитирования престижа Временного правительства и подрыва успешности его действий и стараний. Изо дня в день и в столичных Советах и в провинциальных шли толки и разговоры о «постольку-поскольку», о «до тех пор — пока», о ненадежности правительства, об его буржуазности, о необходимости давления, надзора и угроз. Изо дня в день в официальной советской печати в столице и провинции раздавались желчные и резкие нападки на правительство, стремящееся якобы «увильнуть» от принятых на себя обязательств. Изо дня в день многочисленные посланцы и представители Советов развозили и разносили этот антиправительственный дух повсюду по деревням и бесконечным русским фронтам. Даже у самых здоровых и умеренных, как Церетели, в центре их речей невольно стояло недоверие к правительству, пусть прикрытое, примазанное, замысловато или условно сформулированное, но несомненно неотразимое и убийственное. Что же сказать в таком случае о самых крайних элементах, о настоящих большевиках или шпионских и провокаторских элементах, надевших большевистскую личину. Эти громко кричали о том, что настал момент разделиться окончательно с буржуазией, что правительство предает

русский народ в угоду капиталистам (в частности, английским и французским), что нужно немедленно заключить мир, дабы повсюду зажечь пожар социальной революции, что трудовому народу нужно скорее забрать себе землю и другие богатства, что народ должен как можно скорее взять в свои руки власть, что для этого органом должны служить Советы и т.д. и т.д.

Эта смертоносная, то более резкая и демагогическая, то более умеренная и парламентарная, пропаганда недоверия к правительству неизбежно должна была рано или поздно дать конкретные результаты. От слова рано или поздно и агитаторы, и сами массы должны были перейти к делу. И это случилось скорее, чем того ожидали многие и чем того ожидало, может быть, и само Временное правительство.

Первый правительственный кризис

К середине апреля в обеих столицах стали с особой настойчивостью циркулировать темные слухи о том, будто бы правительство намеревается отступить от намеченного в его декларациях (от 13-го и 23-го марта) пути в вопросах о целях и задачах войны и о мире. Некоторым поводом к этому могли послужить устные заявления некоторых из членов правительства, в частности министра иностранных дел Милюкова. Ибо, хотя и вполне принимая точку зрения не захватного мира и будучи готов всецело содействовать проведению такой точки зрения во внешней политике союзников, он, тем не менее, не скрывал своего убеждения в том, что такой мир установить с Германией можно, только предварительно побив ее, и что пока в Европе не привилась вообще точка зрения абсолютного пацифизма и не проведен принцип разоружения, было бы простым ущербом и даже вредом для России, русского народа и русского пролетариата отказаться от определенных чрезвычайно важных для них стратегических и экономических гарантий. И для крайнего доктринерского интернационализма ничего не стоило, ухватившись за такие соображения здоровой реальной политики, начать кричать во весь дух о приверженности Милюкова самому настоящему буржуазному империализму, об угрозе делу революции и т.д. и т.п. Эти слухи не остались без влияния на столичные рабочие и солдатские массы, в которых стало за-

мечаться некоторое волнение, а равно и на Советы рабочих и солдатских депутатов. Петроградский совет, под несомненным влиянием этих слухов, отложил даже 16-го апреля, по предложению Исполнительного комитета, обсуждение вопроса о «займе свободы» в ожидании должностовавших состояться в ближайшие дни новых выступлений Временного правительства по вопросу о войне и мире, несмотря на заявление таких в его глазах в те поры авторитетных людей, как Церетели, о том, что никакой перемены в правительственной директиве не предвидится. 18-го апреля в день столь торжественного празднования 1-го мая действительно министром иностранных дел было телеграфно поручено российским представителям при союзных державах передать соответствующим правительствам ноту, которая была составлена после тщательного и продолжительного обсуждения ее Временным правительством и по единодушному решению всех без исключения ее членов. Следовательно, и Керенский не усмотрел в ней ничего противоречащего советской платформе. Тем не менее появление ноты произвело в советских кругах почти что ошеломляющее впечатление. Все пришло тут разом в движение, заволновалось, загорелось...

Исполнительный комитет Петроградского совета, ознакомившись с текстом ноты, собрался вечером 19-го апреля на экстренное заседание, которое приняло тотчас же самый бурный характер. Крайние левые, большевистские элементы, несколько дней тому назад горячо отстаивавшие необходимость отказать правительству в поддержке по «займу свободы», теперь высоко подняли голову и постарались изо всех сил «поддать жару». Другое течение, отвергая такое предложение, как неосуществимый и вредоносный план, требовало устранения Милюкова и Гучкова из состава Временного правительства с заменой их лицами, принадлежащими к тем же самым политическим кругам. Наконец, третье течение решительно высказывалось за замену их представителями социалистических партий и за образование коалиционного министерства. При этом, однако, все члены Исполнительного комитета сходились на том, что редакция ноты составлена в выражениях настолько туманных и двусмысленных, что может дать повод думать, будто все осталось по-старому; и что потому, — самое меньшее, — правительство должно сделать дальнейший шаг и заявить со-

вершенно определенно, что оно, как и весь народ, решительно отказывается от политики аннексий и контрибуций.

Ни во время этого заседания, ни во время заседания, состоявшегося утром 20-го апреля, Исполнительный комитет, впрочем, ввиду обнаружившихся в частностях разногласий, не пришел ни к какому решению. Никакого решения не вынесло и собрание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся 20-го апреля в 6 часов вечера, отчасти по той же причине, отчасти же потому, что к этому времени определилось взаимное намерение Временного правительства и Исполнительного комитета Совета собраться на общее заседание и обсудить сообща разыгравшийся конфликт (какое собрание было назначено на тот же вечер). Но не только один Совет взбодорила новая правительственная нота. Под влиянием агитаторов 20-го апреля заволновались некоторые части Петроградского гарнизона. Финляндский полк, следуя приглашению одного из его солдат, бывшего раньше членом Исполнительного комитета, явился к резиденции правительства, Мариинскому дворцу, с плакатами, на которых были надписи с требованием отказа от захватной политики и отставки Милюкова. Полк этот закрыл все входы и выходы дворца; вслед за ним туда же направились другие военные части (между прочим, Московский и 18-й пехотный полки).

В ночь с 20-го на 21-ое в Мариинском дворце состоялось единенное заседание Временного правительства, Временного комитета Государственной думы и Исполнительного комитета Совета солдатских и рабочих депутатов. Члены Временного правительства обстоятельно ознакомили присутствовавших с крайне тяжелым во всех отношениях положением страны и заявили, что готовы уступить немедленно же власть тем, кто чувствует в себе больше способности и силы вывести страну из создавшегося положения. С объяснением по иностранной политике выступил Милюков, заявивший, между прочим, что позиция правительства в вопросах войны и мира была ясно и определенно формулирована в декларации от 28-го марта (вызванной к жизни давлением Исп<олнительного> комитета и в которой между прочим говорилось, что «дело свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват

чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»), что нынешняя циркулярная нота является лишь ее техническим добавлением и что ничего, кроме вреда для общего дела, не может принести с собою превратное толкование отдельных ее фраз и искание не содержащегося в ней смысла. После речи Милюкова Чхеидзе и Рамишвили³⁰¹ от имени Исполнительного комитета Совета заявили, что все данные и факты, с которыми их ознакомили члены Временного правительства, заставляют их пойти навстречу Временному правительству. Это последнее только должно немедленно же разъяснить народу содержание последней ноты; уход же Временного правительства при настоящих условиях считается совершенно недопустимым.

К тому времени, когда началось это заседание, около Маринского дворца собралась огромная толпа (в 30 000 человек). Над головами манифестантов виднелись плакаты со всевозможными надписями, начиная от «Верим Временному правительству», «Да здравствует Временное правительство!», «Ленина и его компанию обратно в Германию» и до «Долой войну», «Долой Милюкова» и т.д. и т.д.

21-го апреля было выработано и обнародовано Временным правительством новое разъяснение по поводу внешней и внутренней политики, одобренное членами Исполнительного комитета Совета.

В этот же день уже с самого утра по Невскому проспекту проходили непрерывные манифестации. Большинство их носило сначала характер благоприятный для правительства. Группа за группой проходили манифестанты, среди коих замечалось немало солдат и ... с плакатами «Да здравствует Временное правительство!», «Доверие А.И. Гучкову и П.Н. Милюкову», «Долой анархию», «Да здравствуют союзники», «Долой германский милитаризм» и т.д.

Все это были сторонники Временного правительства, вызванные на улицу, между прочим, также и призывом Партии народной свободы оказать таким образом публичную поддержку правительству. Но уже начиная с полудня в центр города стали мало-помалу прибывать рабочие толпы с окраин и из рабочих кварталов города, настроенные совсем иначе. Многие фабрики, напр<имер>, на Выборгской стороне, самопроизволь-

но стали, отвечая якобы на призыв Исполнительного комитета Совета (с которым тот отнюдь ни к кому не обращался), и народное движение начало приобретать грозный характер, что и побудило Исполнительный комитет Советов принять все зависящие от него меры к предотвращению возможных волнений и беспорядков. Тем не менее предотвратить кровавое столкновение не удалось. Столица была уже слишком распалена предшествовавшей агитацией, и крайние элементы уже слишком открыто и резко натравливали народ и солдат в эти дни на Временное правительство! Таким образом, 21-го апреля на Невском проспекте пали первые жертвы междоусобной борьбы и были пролиты первые капли крови свободных русских граждан, вышедших на улицу доказать свою приверженность новому строю.

События в Петрограде вызвали тотчас же самый энергичный отклик и в Москве. За день было несколько небольших столкновений и актов насилия, но крупных беспорядков и кровавых столкновений в Москве, к счастью, удалось избежать.

Не замедлила откликнуться на петроградские события и провинция. Сотни телеграмм полетели отовсюду к Временному правительству и к Петроградскому совету с выражениями одобрения действий одного из них и соответственным протестом или полупротестом против действий другого. Как показывали эти телеграммы и как показывали то сами столичные демонстрации и реплики столичной печати по поводу разыгравшегося конфликта между двумя инстанциями власти, вся Россия разбилась уже тогда явственно на два лагеря. Мог ли в таком случае этот конфликт действительно разрешиться путем того паллиативного примирения, которое наметилось в Петрограде между Временным правительством и Советом в результате столкновения 20-го и 21-го апреля? Очевидным образом, нет! И это и не преминуло тотчас же сказаться со всей ясностью, ибо, утратив резкость форм, конфликт продолжил себе течь и постепенно развиваться.

Ясным показателем этого было, напр<имер>, заявление, с которым Керенский вошел 25-го апреля в Центральный комитет партии социалистов-революционеров, в Петроградский совет Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>, во фракцию Трудовой группы и в Исполнительный комитет Государствен-

ной думы и в котором говорил о своевременности для представителей любой демократии принять участие в управлении страной. Не менее показательно было и письмо, с которым обратился кн<язь> Львов к Чхеидзе 26-го апреля (поставив о том одновременно в известность Родзянко) и в котором высказывался в том же самом духе. Очень показательно было также и все то, что говорилось представителями различных политических течений на торжественном соединенном заседании 4-х Государственных дум, устроенном в память 1-ой Государственной думы 28-го апреля, во время которого Шульгин так метко охарактеризовал созданное положение, сказав, что правительство «как бы сидит под домашним арестом», а Гучков произнес свои вещие слова: «Господа, вся страна когда-то признала: Отечество в опасности. Мы сделали еще шаг вперед. Время не ждет: Отечество на краю гибели!», заключив этим свою речь о развале армии и порядка в стране, произведшую большое впечатление на присутствовавших и гулко отозвавшуюся по всей стране.

Продолжающееся наличие конфликта выявилось со всей силой, когда в ночном своем заседании с 29-го на 30-ое апреля Исполнительный комитет Петроградского совета как бы в ответ на вышеупомянутое обращение кн<язя> Львова высказался 23 голосами (против 22-х и при 8 воздержавшихся) против своевременности вступления его представителей в состав правительства. И это было сделано, несмотря на то, что в последние дни буквально вся страна волновалась этим вопросом, члены правительства настаивали на этом и целый ряд социалистических деятелей и органов советовал это.

Никакого существенного улучшения в положение вещей не внесло равно и то официальное сообщение, с которым Временное правительство обратилось к населению 26-го апреля, резюмируя все сделанное до сих пор, формулируя свои задачи и намерения и призывая народ сплотиться вокруг созданной власти во имя интересов Родины и завоеваний свободы. Так что не было ничего удивительного в том, что кризис власти, в конце концов, снова разразился вовсю, когда 30-го апреля стало известно, что еще накануне вечером Гучков подал в отставку и уже сложил с себя полномочия военного министра. Конкретными поводами, побудившими Гучкова решиться окончательно

но на этот шаг, о котором он уже с некоторых пор поговаривал, были: подача в отставку генералов Брусилова и Гурко³⁰², командовавших Юго-Западным и Западным фронтами (вслед за ушедшим незадолго перед тем с поста командующего Северо-Западным фронтом генералом Рузским); подача в отставку полковником Грузиновым, командовавшим войсками Московского округа (вследствие столкновения его со своим штабом); подача в отставку генералом Корниловым, командовавшим войсками Петроградского округа, вызванную отказом 3-ей роты Финляндского полка выйти на смотр под предлогом, что у нее нет для этого приказа Исполнительного комитета Петроградского совета (что было прямым следствием советского приказа войскам от 21-го апреля, которым петроградские войска *de facto* изымались из-под власти командующего округом и подчинялись прямиком власти Совета и который правительство пыталось парализовать, — увы, лишь чисто формальным образом, — в своем официальном сообщении от 25 по поводу событий 20-го и 21-го апреля). Основными же мотивами отставки Гучкова были, без сомнения, три следующих обстоятельства. Во-первых, то состояние страны и войска, которое им самим было охарактеризовано в вышеупомянутой речи на торжественном заседании 4-х Государственных дум как «мир на фронте и война в стране» и о котором достаточно красноречиво гласило то же вышеупомянутое правительственное сообщение от 26-го апреля. Во-вторых, общее положение Временного правительства, охарактеризованное Гучковым в его речи на частном совещании членов Государственной думы 4-го мая так: «Болезнь наша заключается в том странном разделении между властью и ответственностью, которая у нас установилась; наверху полная власть, но без тени ответственности, а на видимых носителях власти полнота ответственности, но без тени власти». В-третьих, положение Гучкова в правительстве по отношению к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов и революционной демократии (и в стране, и в войске) было совсем особенным. Он был наиболее выразительным представителем столь ненавистой для этой последней буржуазии; наиболее «империалистическим» по своим взглядам членом правительства, наиболееотягченным своим не-революционным, «столыпинским» прошлым. Вместе

с Милюковым (и еще больше его) он был главной мишенью для всех нападок слева и главной помехой в деле привлечения Исполнительного комитета Петроградского совета к управлению страной. И когда он осознал все это до конца, он ретировался, чтобы не мешать другим, менее связанным и скомпрометированным, делать на его посту дело.

Отставка Гучкова произвела глубокое впечатление на все русское общество, в том числе и на советские круги. Все понимали и чувствовали, что она может повлечь за собой общий уход всего Временного правительства и большие перемены в высшем военном командном составе. Все чувствовали, что правительственный кризис достиг своей кульминационной точки и что вопрос об участии в правительстве представителей социалистической демократии ставится снова на очередь, и на этот раз радикально и резко, как никогда раньше. Между Временным правительством, неодобрительно отнесшимся к поступку Гучкова, в котором оно увидело единоличный акт, идущий вразрез с общепринятым ранее решением о недопустимости единоличных отставок, и советскими кругами сразу же начался самый усиленный обмен мнений по поводу создавшегося положения и возможных выходов из него в ряде частных заседаний. На другой день (1-го мая) вечером состоялось заседание Исполнительного комитета Совета Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>, специально посвященное этому вопросу, на котором присутствовал Керенский, познакомивший Комитет с создавшимся положением и настаивавший на необходимости создать коалиционное правительство в самый кратчайший срок. После продолжительного обмена мнений большинством голосов 44 против 19, при 2 воздержавшихся (причем голосовали против большевики и меньшевики-интернационалисты, среди коих Стеклов-Накамес и Суханов-Гиммер) вопрос об участии представителей Совета в правительстве был решен в положительном смысле. Во время всех этих обсуждений выяснилось также, что главным камнем преткновения в деле образования действительной коалиционной власти является по-прежнему недостаточно явственная интернационалистическая внешняя политика России и что безусловно желательна замена нынешнего министра иностранных дел каким-нибудь другим лицом.

2-го мая переговоры пошли вплотную, приняв более официальный характер.

Принимая во внимание и, по-видимому, надеясь, что смежной лица, заведующего Министерством иностранных дел, можно будет купить какие-то принципиальные уступки со стороны Совета в вопросе внешней политики, многие члены Временного правительства высказали в вечернем заседании 2-го мая пожелание об оставлении Милюковым своего поста и переходе его в Министерство просвещения. Милюков решительно отказался и, заявив о своем выходе из правительства, оставил заседание. Да и как он мог поступить иначе? Уступить ведь значило не только перестать быть лидером правительства и стушеваться на задворки, но и поступиться в самом существенном пункте своими международно-политическими воззрениями и начать делать то, что считаешь определенно вредным. Этого последнего ни в коем случае нельзя было делать; и Милюков мужественно решил не делать этого. И не сделал, несмотря на все последующие увещания его вернуться в правительственное лоно со стороны его ближайших единомышленников и соратников.

Глава 3 БОЛЬНАЯ СТРАНА

Коалиционное правительство

Отставка Милюкова разом углубила правительственный кризис до *pes plus ultra*. Его ряды покинул, таким образом, тот, кто был его политической душой, кто был его идейным вдохновителем и лидером. С уходом Милюкова можно было сказать, что прежнего Временного правительства больше не существовало, что должно было народиться новое правительство с новым лидером и с новой душой. Это было уже не переустройство или пополнение правительственной власти новыми элементами, а кризис или перелом в самом точном и радикальном смысле этого слова.

Первое Временное правительство кончило свое существование.

Такой оборот дела произвел сильное впечатление на все круги русского общества, в том числе и на советские. Разом почувствовалось, что дело зашло уже слишком далеко и что России грозит реальная опасность внутреннего разложения, если основные социально-политические тенденции не найдут немедленно же общей платформы для сотрудничества и не установят общей крепкой государственной власти. И вот, — как это ни странно на первый взгляд, — однако, уход Милюкова стал бесповоротным фактом, как атмосфера разом разрядилась, страсти улеглись, и непримиримость и ультимативность советских требований потускнела. Разом наметилась возможность договориться путем компромисса, и положение оставшегося состава Временного правительства сделалось более твердым и приемлемым. И действительно, в ночь со 2-го на 3-е мая борющиеся стороны пришли к окончательному соглашению вплоть до второстепенных пунктов.

Новое правительство состояло из 15 членов, так как для осуществления коалиции было создано 4 новых портфеля. А именно: министр-председатель и министр внутренних дел кн <язь> Г.Е. Львов, министр иностранных дел — М.И. Терещенко, военный и морской министр — А.Ф. Керенский, министр финансов — А.И. Шингарев, министр народного просвещения — А.А. Мануйлов, министр торговли и промышленности — А.И. Коновалов, министр труда — М.И. Скобелев, министр продовольствия — А.В. Пешехонов, министр земледелия — В.М. Чернов, министр почт и телеграфов — И.Г. Церетели, обер-прокурор Святейшего синода — В.Н. Львов, государственный контролер — И.В. Годнев, министр юстиции — П.Н. Перевезев³⁰³, министр путей сообщения — Н.В. Некрасов и министр социального обеспечения — кн <язь> Д.И. Шаховской³⁰⁴. Из состава первого Временного правительства осталось, таким образом, девять человек; из шести новоявленных министров все, кроме кн <язь> Шаховского, принадлежавшего к партии к <онституционных> д <емократов>, были членами социалистических партий. В их лице умеренные социалистические партии послали в министерство своих лучших людей и лидеров, являвшихся руководящим элементом также и в Петроградском совете. Из них трое — Пешехонов, Чернов и Церетели — пользовались давнишней и заслуженной известностью в русском обществе.

Вечером 5-го мая новое правительство получило советскую санкцию, так как Петроградский совет после продолжительных дебатов и энергичных большевистских атак и нападений вынес огромным большинством голосов (против 30) резолюцию, которая ясно и коротко гласила: «1) Совет рабочих и солдатских депутатов признает, что члены его и Исполнительного комитета должны вступить в состав правительства; 2) новые министры, делегированные Советом рабочих и солдатских депутатов, ответственны впредь до созыва Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов перед Петроградским советом; 3) Временному правительству в его новом составе выражается полное доверие, и все демократические силы страны призываются оказать ему полную поддержку».

Когда 13-го мая Церетели, Чернов и Скобелев впервые сделали свои доклады в Совете рабочих и солдатских депутатов, несмотря на противодействие большевиков, собрание почти единодушно вотировало резолюцию, гласившую: «Выслушав сообщение наших министров об их деятельности, мы подтверждаем наше полное доверие им и Временному правительству, в составе которого они находятся».

Вся печать, несоциалистическая и социалистическая (разумеется, за исключением крайней левой), со вздохом облегчения и нескрываемой радостью приняла весть об установлении нового правительства. Пессимизм последних дней разом исчез, и его место заняло бодрое и уверенное состояние духа.

Бодро и уверенно зазвучали и речи самих представителей новой власти, даже тех из них, кому ближе всех других пришлось столкнуться с надвигавшейся опасностью, как князь Львову, или кто больше всего предавался мрачным предчувствиям, как Керенский; и новое правительство тотчас же принялось со всею возможной энергией за выполнение программы, намеченной спервоначала и начатой уже в значительной мере своим осуществлением при предыдущем правительстве.

Несостоятельность коалиции

Без спору, члены коалиционного правительства отдались делу со всей энергией, на которую были способны; и нет сомнения, что то были лучшие силы, которые могли поставить на столь

ответственные посты страна при сложных обстоятельствах. И тем не менее их кипучая деятельность была лишь показной, лицевой стороной российской государственной действительности, так сказать, ее официальной поверхностью. Совсем другого рода были — увы! — ее глубины, в которых, собственно, и совершалось таинство оформления будущей России и складывались ее ближайшие судьбы.

Ожидания и надежды, возлагавшиеся на коалиционное правительство и самими его участниками, и громадной массой русских граждан всевозможных направлений и оттенков, обманули и тех и других, так как строились на песке и были голосом не столько холодного анализа и спокойного размышления, сколько пылких и страстных желаний. В дни первого правительственного кризиса, после первого «гражданского» кровопролития, страшный призрак гражданского развала и междоусобия повис над всеми смертельной угрозой. И естественно было, что все ухватились как за соломинку за эту спасительную мысль о коалиции. Ухватились и поверили. Но всех их недалеке уже поджидало разочарование. Был бесконечно прав в своем солдатском эмпиризме генерал Алексеев, когда через два всего лишь дня после формирования новой власти, открывая съезд офицеров армии и флота, с горьким упрямством утверждал по-прежнему: «Россия погибает». И достаточно было немногих дней, чтобы все почувствовали это и вновь ощутили близость бездны, к которой катилась Родина.

И прежде всего очень скоро обнаружилось, что коалиционное правительство отнюдь не представляет собой чего-либо действительно объединенного и внутренне согласного. В сущности, та разность отношения к задачам момента, которая разделяла раньше Временное правительство и Петроградский совет, оказалась теперь перенесенной внутрь самого правительства. Двоевластие не исчезло: его крылья только теснее придвинулись друг к другу; его элементы только вошли в одну и ту же конкретно-политическую комбинацию. Благодаря этому, резкость, острота противоречия, правда, несколько сгладились; оно стало менее публичным; но, с другой стороны, это еще больше парализовало деятельность противоположных сил. Раньше они все же действовали, хотя и в противоречии, хотя и сталкиваясь; теперь они больше контрбалансировались, вза-

имно компенсировались и потому давали в результате нецелительную бездеятельность. Внешний конфликт стал внутренним и, спасая государство временно от гражданской войны, губил в то же время все дело мертвостью, бессилием власти.

Это углубление и концентрация правительственного конфликта сказалось также в перемене его объекта. В то время как раньше поводом к нему служила внешняя политика, теперь разногласия сконцентрировались около существеннейших вопросов революционного преобразования России: вопросов труда и земли. В вопросе войны российская буржуазия и российский либерализм сочли возможным уступить социалистическим течениям, убедившись, что хотя позиция этих последних и вредила ходу войны и вносила дезорганизацию в войско, тем не менее, ни о каком мире *à tout prix*¹ и для них не могло быть речи и что с запозданием и большими затруднениями, но и они вынуждены будут продолжить сообща с союзниками борьбу против общего врага. В вопросе же труда и земли, где затрагивались уже конкретные жизненные интересы имущих классов, они естественным образом старались всеми силами и средствами отстоять каждую пядь, остановить или хотя бы только затормозить совершающийся процесс экспроприации. И столь же естественно, что обратная сторона всеми силами старалась настоять на своем и возможно скорее осуществить возможно более радикальные и глубокие перемены в капиталистических условиях труда, в капиталистической организации промышленности и в собственническом состоянии землепользования. Такова же была, в конце концов, противоречивая позиция представителей буржуазии и рабочих масс внутри коалиционного правительства. Правда, все они одинаково теоретически признавали, что промышленность должна быть поставлена под строгий государственный контроль, что заработная плата должна быть значительно повышена сообразно потребностям рабочих и за счет капиталистических прибылей и что земля отныне должна принадлежать народу. Но это были общие теоретические положения; когда же дело доходило до практики, то Скобелев невольно оказывался защитником рабочих интересов, а Коновалов — промышленнических; или же

¹ любой ценой (фр.)

Чернов всеми силами готов был содействовать немедленной же подготовке перехода всей земли в рабочие руки, тогда как либерально-буржуазные представители правительства неотступно стояли на том, что земельный вопрос должно разрешить окончательно Учредительное собрание (до которого еще было далеко), а до этого-де никаких мер, способных предварить это решение, приниматься не должно. Все это могло носить характер лишь естественного разногласия в мнениях, а не острого, хотя и внутреннего и скрытого конфликта, если бы конкретная жизнь не была в тот момент полем самой действительной борьбы этих мнений. Промышленность стояла ввиду непрекращающегося столкновения двух сил, сопровождающегося то ли забастовками рабочих, то ли локаутами предпринимателей. Деревня жила в непрерывном брожении, там и сям прорывавшемся в произвольном захвате земли; и то, о чем спорили наверху, в правительстве, и решение чего откладывалось так решительно до Учредительного собрания, на деле решалось стихийным развитием деревенских событий.

Прошло всего каких-нибудь две недели, и министр торговли и промышленности Коновалов подал 19-го мая в отставку, мотивируя ее тем, что правительство не имеет никакой власти и все его усилия тщетны, приглашая составить однородное социалистическое министерство. На неделю позднее Совет крестьянских депутатов, сформировавшийся за несколько дней перед тем, принял по аграрному вопросу резолюцию, в сущности предварявшую решение Учредительного собрания и подказанную ему не кем иным, как самим же министром земледелия Черновым. Соответствовавшая этой резолюции вполне тактика Чернова внутри коалиционного правительства привела, в конце концов, к уходу кн <язя> Львова в начале июля. Ярким свидетельством неустойчивости и внутренней необъединенности коалиционного правительства была также и та интерпретация его происхождения и значимости, которая давалась социалистическими партиями. Вступление социалистических членов квалифицировалось зачастую как внутренняя «жертва», принесенная Советом на алтарь Отечества ранее, чем советская организация страны позволяла всю власть воспринять Советам; а стало быть, и лишь как этап только в ходе революционной реорганизации России. Таким образом, «постольку поскольку»

оставалось, в конце концов, в силе и применительно к коалиционному правительству; эта формула нашла только себе более внутреннее, так сказать, «имманентное» применение, но по-прежнему расстраивала и обессиливала власть. И что это понималось так в точности и самими советскими кругами, об этом с ясностью свидетельствует, напр<имер>, реакция конференции социал-демократов-меньшевиков, гласящая в пункте 5-ом: «конференция считает необходимым оказывать новому Временному правительству, при гарантии твердой политики, направленной к осуществлению требований демократии в стране и в области международных отношений, полную безусловную поддержку...» Разумеется, с первого же момента своего существования коалиционное правительство сделалось мишенью для большевистских атак не в меньшей мере, чем предыдущее правительство. В «Социал-демократе», напр<имер>, можно было прочесть такую тираду на его счет: «У нас имеется правительство с империалистическим большинством, куда входит и несколько “социалистов”. И что же? Они все вместе шушукаются с английским правительством (тем самым, которое держит около четырех тысяч наших товарищей под тюремным замком), с английскими и французскими банкирами. И с ними они имеют секреты... От кого? От народа, который посылается на бойню, которого приглашают к наступлению, который проливает свою кровь...» В Петроградском и Московском советах и на всех крупных съездах, вроде крестьянского, продовольственного и т.д., большевистские представители каждодневно выступали с резкой критикой правительственной программы и тактики и с настойчивыми призывами относиться к коалиционному министерству с недоверием, верить и слушаться только Советов и при первой же возможности и каким бы то ни было способом установить их власть, осуществляя пока явочным порядком замену буржуазного строя социалистическим. И не находя в аудитории желанного отклика, они нередко покидали зал заседания в виде протеста против «буржуазного» образа мыслей большинства. По временам они находили подмогу в меньшевиках-интернационалистах, руководимых в начале мая Мартовым, в крайних левых эсэровских элементах и в горьковской газете «Новая жизнь», которая устами, главным образом, Суханова-Гиммера настаивала на совершенной неприемлемо-

сти «победы» и порицала Керенского за его решения и старания придать армии действительную боеспособность и двинуть ее на врага не хуже самих большевиков. Характерно для этих элементов было их антиправительственное поведение в «истории» с высылкой за пределы России швейцарского социалиста-интернационалиста Гримма³⁰⁵, провезшего Ленина через Германию в «запломбированном» вагоне и оказавшегося в сношениях с германскими правительственными кругами по вопросу о сепаратном мире между Россией и Германией (высылкой, против которой они стали громко протестовать, пока не были обезоружены документальными данными).

Социальное разложение страны

Но, конечно, главным свидетельством о полном бессилии коалиционного правительства, об его внутренней парализованности, было общее состояние страны во всех главных сферах народной жизни: экономической, административной, военной. Это состояние совершенно адекватно и точно выражалось страшными словами «развал» и «анархия». Да, действительно, вся Россия с первых же дней коалиционной правительственной власти особенно ярко запылала пожаром неудержимой анархии. На «местах», да и в самих столицах, шла упорная борьба между промышленниками и рабочими не на жизнь, а на смерть. Производство и нужды страны были забыты и теми и другими. Рабочие во что бы то ни стало хотели огромного, подчас невероятного повышения заработной платы и систематически вмешивались в управление заводами и предприятиями, иногда просто фактически отбирая у собственников все управление и поручая его фабричным Советам. Со своей стороны предприниматели отвечали либо окончательным, либо временным прекращением работы, не желая до конца поступиться своими интересами. Во всех отраслях крупной промышленности шла эта упорная борьба между трудом и капиталом, и все они разом оказались в состоянии безнадежного паралича. Иногда, правда, соглашательным комиссиям или правительственным комиссарам удавалось найти какой-нибудь компромисс и таким образом дать работе возобновиться; но почти что всегда не надолго; ибо, поработав на вновь установленных

было условиях, рабочие по прошествии немногих дней снова ставили прежние или еще более повышенные требования, подталкиваемые к тому, конечно, постоянным повышением рубля и быстрым вздорожанием продуктов. К этому общему резкому конфликту классовых интересов в сфере промышленности необходимо прибавить еще проявления, — в провинции особо частые, — произвола со стороны новых пролетарских хозяев, то ли в виде личных счетов с прежними хозяевами, то ли с целью оказать давление на их решение, то ли из примитивного программного теоретизма, навеянного крайними элементами и выражавшегося в простом захвате предприятий и попытке осуществить тут же на месте социалистический строй. Нередко отдельные фабричные Советы действовали, нисколько не считаясь ни с местным правительственным комиссаром, ни с местным Советом раб<очих> и солд<атских> депутатов; в свою очередь, зачастую такие местные Советы в их хозяйственной тактике и политике не желали слушать ни правительственного комиссара, ни прямых правительственных распоряжений из центра, ни даже указаний Петроградского совета р<абочих> и с<олдатских> д<епутатов>. Не лучше, чем с промышленностью, обстояло дело с земельными отношениями. Как и рабочие, крестьяне не хотели больше ждать реформ из центра, легального введения их в пользование землею, основоустройства Учредительным собранием. Организовавшись наскоро в крестьянские Советы на местах, они все чаще и чаще переходили прямо, явочным порядком, к захвату обрабатываемых земель, пастбищ, лесов и лугов. Нередко это служило поводом к кровавым столкновениям, порождало произвол и беспорядок и причиняло прямой ущерб благосостоянию страны; но зато всегда и всюду это приводило к дезорганизации земледелия, к ухудшению в общем положении продовольствия страны и начинало грозить настоящим голодом. Равным образом, и в этом случае ни местный правительственный комиссар, ни распоряжения центрального правительства, ни местные или столичные Советы рабочих и солдатских депутатов не могли ничего поделать. Деревенская жизнь шла мимо них, повинувшись каждый раз голосу внутреннего своего классового инстинкта; коалиционная же власть была способна лишь увещевать и грозить, но не обнаруживала в себе ни желания, ни способности стать «железной».

Рядом с промышленной и аграрной анархией совершалась и росла не по дням, а по часам также анархия солдатская, то ли на фронте, то ли в тылу и по всей стране. К маю месяцу число дезертиров, превышавшее перед самой революцией миллион, возросло до нескольких миллионов, как об этом заявил публично тов <арищ> военного министра, полк <овник> Якубович³⁰⁶ 14-го мая на совещании делегатов с фронта. Вся эта масса была в постоянном движении между фронтом и родными местами, то скрываясь, то разгуливая и действуя въявь, самовольно захватывая, а иногда и направляя поезда (расстраивая тем пассажирское и особенно грузовое движение), учиняя по мере движения вглубь страны всевозможные бесчинства и разгромы, поддаваясь легко всякой антипатриотической, антивоенной и анархической пропаганде (в частности, большевистской) и неся с собой это отравленное семя в родной город или родную деревню, где оно давало нередко тотчас же свои не менее ядовитые ростки. В мае месяце особенно участились случаи разгрома запасными (которых номинально числилось в то время до 10 миллионов) и дезертирами, между которыми в силу общего разложения дисциплины бывало часто трудно провести сколько-нибудь отчетливую границу, правительственных и частновладельческих винных складов и неизбежно связанные с этим буйства и беспорядки. Правительство то устами военного министра, то министров внутренних дел и юстиции щедро издавало всевозможные призывы и приказы, грозило судом и тяжелыми наказаниями, употребляло имеющиеся в его распоряжении организованные военные и административные силы на ловлю дезертиров и задержание громил, но все это делалось, в силу общей слабости, нерешительности и дезорганизованности власти, как-то спорадически, вяло и мягко, со слишком идеалистической и интеллигентской закваской, и в конце концов давало мало результатов. И бесчинства продолжались себе, дезертирство процветало вовсю, и дезорганизация страны росла и росла... На фронте, где, несмотря на преобразование войска на новых началах демократизма, дисциплина все же в общих чертах еще сохранялась, главной угрозой и опасностью для страны были «братания», являвшиеся своеобразным продуктом провозглашенного Петроградским советом пацифизма. Еще при Гучкове это явление приняло столь значитель-

ные размеры, что он вынужден был обратиться по войскам по этому поводу со специальным приказом. В течение мая волна «братаний» поднялась высоко и прокатилась чуть ли не по всему фронту. И Керенский тоже вслед за Гучковым пытался воздействовать призывами, приказами и угрозами; но, как и Гучков, — почти безрезультатно. Немцы по-прежнему продолжали использовать в своих интересах эти «идеалистические» встречи с их наивными русскими собратьями, помогая с той стороны фронта тому делу разложения и дезорганизации солдатских душ и дисциплины, которое большевики со все растущей и растущей энергией практиковали по сю его сторону.

Тяжелое зрелище представляла собою в мае месяце в равной мере вся страна и в административном отношении. Почти повсюду на местах в провинции власть Временного правительства признавалась лишь со значительными оговорками или вовсе не признавалась. Очень часто, почти непрестанно приходилось менять правительственных комиссаров по требованию местных Советов; почти повсюду правительственной власти приходилось сталкиваться с решениями и мероприятиями, нередко самого произвольного и анархического порядка, местных общественных организаций, которые нисколько не заботились о том, одобряет ли это правительство и согласуется ли содеваемое с его центральными видами и намерениями. Россия фактически разбилась как бы на множество больших или малых самостоятельных общин, что ли республик, претендующих чуть ли не на полноту власти в своем районе и поддерживающих с центральной правительственной властью лишь нечто вроде «дипломатических отношений». Было уже даже несколько случаев, так сказать, провинциального «отложения» от государства Российского, когда маленькие ячейки просто-напросто объявляли себя независимыми республиками, как то имело место, напр<имер>, в небольших размерах в уездных городах: Шлиссельбург, Кирсанов, Переяславль, в Святых горах; в губернских городах: Херсон и Красноярск, а в крупных и больших размерах — в Кронштадте. Правда, все это были явления более или менее кратковременные, которые Временному правительству удавалось ликвидировать в более или менее непродолжительный срок и более или менее мирным образом; но как болезненный симптом, как обнаружение массовой воли то

была страшная угроза всему государству, требовавшая самой энергичной борьбы со стороны правительства. Оно же боролось вяло, в силу все той же самой своей коалиционной несогласованности и слабости.

Уже с конца апреля по всему лицу земли Русской, вздымаясь с каждым днем все выше и выше, покатила волна всевозможных проявлений индивидуального и массового произвола. Каждый день целые столбцы были заняты в газетах сообщениями о грабежах, насилиях, самовольных захватах земли и строений. Стали все чаще и чаще происходить случаи самосудов, принимавшие зачастую самые варварские и кровавые формы. Стали явным образом нарушаться те самые свободы, которые были, наконец, — и казалось, навсегда — завоеваны Февральским переворотом. Так, напр<имер>, в Москве, в конце апреля, по распоряжению районного Совета р<абочих> и с<олдатских> д<епутатов> был арестован проф<ессор> Кузнецов³⁰⁷ в то время, когда читал публичную лекцию, а собрание насильственно распущено. В Нижнем Новгороде в середине мая местным Советом р<абочих>, с<олдатских> и к<рестьянских> д<епутатов> были закрыты две газеты «в интересах общественного спокойствия и безопасности». Петроградские выборы в районные думы в конце мая ознаменовались эпизодами совершенно погромного характера, направленными большевистскими агитаторами против Партии народной свободы и тоже под флагом «общественных интересов». Повсюду все чаще и чаще стали появляться всякого рода авантюристы и проходимцы, а среди членов провинциальных Советов по-прежнему время от времени обнаруживались провокаторы или представители черной сотни, и дело дошло в этом отношении до того, что в Киевском совете р<абочих> д<епутатов> под вымышленной фамилией и под меньшевистским флагом оказалась Вера Чеберяк³⁰⁸, бывшая членом воровской шайки и главным действующим лицом со стороны обвинения в процессе Бейлиса.

Но все это были лишь мелкие и мимолетные, хотя и массового характера проявления все глубже и глубже проникавшего государство Российское распада. Рядом с ними в течение мая-июня произошло несколько более крупных событий того же порядка. А именно в середине мая под влиянием большевист-

ской пропаганды произошло снова крупное волнение в Кронштадте, где Совет р<абочих,> с<олдатских> и м<атросских> д<епутатов> отказался признавать власть Временного правительства. В середине мая, по той же причине, имели место сильные волнения в Севастополе среди экипажей Черноморского флота, принудившие, между прочим, уйти в отставку командующего им вице-адмирала Колчака³⁰⁹. В конце мая было несколько отдельных вспышек в войсках на фронте и в тылу, под влиянием той же самой пропаганды, что вынудило и раскассировать несколько полков. Вся первая половина июня протекала в Петрограде под явственной угрозой большевистского вооруженного выступления против Временного правительства, невзирая на явно и решительно неодобрительное отношение к этому со стороны большинства Петроградского совета и заседавшего тогда в Петрограде Всероссийского съезда Советов; и угроза эта продолжала висеть над правительством и столицей, правда, не в столь острой форме, и впредь...

Национальный развал

Раскрепостив политически и социально русский народ, революция раскрепостила также и национальности. Сразу же после переворота жизнь и в этом отношении закипела небывалым образом. Всевозможные собрания, митинги, конференции, съезды, конгрессы, лекции, заседания, манифестации разных национальностей, населяющих Россию, сменялись бурно и калейдоскопически одни за другими и в столицах, и во всех концах и углах России. Шутка ли сказать! В царской России жило больше ста различных народов и национальностей, раньше либо спавших, либо скованных, ныне же освободившихся или пробудившихся внезапно под страшный грохот налетевшего революционного урагана. Спервоначала, как и все остальные проявления революционного обновления, этот национальный подъем был тоже преисполнен духом того всеобщего, всенародного энтузиазма, который охватил в те розовые дни Россию. Каждый русский гражданин почувствовал себя по-своему свободным общею свободой всего русского народа в целом и радовался общею всем радостью освобождения. Но непосредственный и искренний порыв энтузиазма длился недолго. И как

вскоре же заговорили в российских гражданах эгоистические классовые инстинкты, так недолго пришлось ждать пробуждения среди них и эгоистических националистических чувств.

Многолетняя борьба с царским режимом и всяческие беспощадные преследования с его стороны превратили, как уже упоминалось выше, русского революционера в своего рода профессионала, в революционера для-ради революции, в сектанта освободительности. И точно так же те же самые причины превратили многих борцов за право на национальную самобытность в сектантов национализма, в поборников национальной самостоятельности во что бы то ни стало, в экстремистов государственной независимости. И тем и другим было мало добытой абсолютной свободы строить народное бытие России, согласно воле всего народа, на новых основаниях. Одни хотели сокрушить в России самые базы современного общества, его социально-экономические основы; другие жаждали развалить Россию как государство, как многонародное единство и сосредоточие, как своеобразное культурное целое. И как была понятна и естественна, после всего пережитого народом российским, такая психология экстремиста-революционера, так точно понятно и естественно было умонастроение сектантов и доктринеров национализма. Всякое не великорусское национальное проявление было всячески ограничиваемо и беспощадно гонимо в царской России. И это длилось уже многие десятилетия так, было, так сказать, государственным порядком русского бытия, стало характеристикой государственно-народной жизни в России. «Инородец» был там с самого своего рождения существом как бы второго сорта, низшей расой, требующим особого присмотра, особенно сурового режима, притесняемым и гонимым уже потому только, что он был инородцем. Понятно, что в его душе уже сызмальства зарождалось чувство ненависти к существующему и окружающему его правопорядку, к великорусскому «господству». Он видел на каждом шагу, как притесняли его отца; слышал, каким гонениям подвергались его деды; и сам, едва только достигнув школьного возраста, он начинал испытывать на себе все невзгоды, тяготы и ограничения своего «инородческого» происхождения. Мало-помалу из него выкристаллизовывался сознательный, решительный враг российской государственности, который невольно являлся

и врагом русского народа, обремененного волею судеб в формы такой государственности. Эта ориентация подкреплялась с годами ознакомлением с историческими преданиями и воспоминаниями об отдаленных годах, когда его предки действительно вели самостоятельное или полусамостоятельное государственное существование. Если нужно было, в добавление извлекались всевозможные доводы и аргументы лингвистического, антропологического и религиозного характера. И в конце концов возникла упорная, непоколебимая националистическая идеология, практически выражавшаяся в жажде отделиться во что бы то ни стало от России, перестать быть русскими, покинуть политически и социально русский народ, из которого он сам, тем не менее, вышел, на культуре которого воспитался и частицу которого, несмотря на все, представлял собой по-прежнему.

Революция, дав свободу всем проявлениям личной и общественной жизни, открыла широкий простор также и для проявлений и пропаганды «инородческого» национализма во всех его формах. Но, конечно, не для всех них существовала в момент революции достаточно подходящая и благоприятная среда; и по разным причинам. Прежде всего, в России жили такие национальности, которые спали в национальном смысле непробудным сном, как, напр<имер>, мордва, или буряты, или калмыки, или киргизы. Ввиду этого их никто не преследовал, и они ничего не домогались. Революция должна еще была долго работать и развиваться, чтобы привести в движение эти сонные, стоячие воды. Далее, ряд народностей был в этот миг слишком поглощен борьбою с противниками России, которые по своим aspirations были вообще в еще большей степени их противниками даже при царской России, не говоря уж о революционной, которая сразу же даровала им широчайшую культурную автономию. В таком положении находились национальности грузинская и армянская, которым грозили турки, или национальности эстонская, латышская и литовская, которым грозили немцы. Другие народности, как татары и евреи, были вообще слишком разбросаны по всей России и лишены собственной территории, чтобы питать всерьез сепаратистические помыслы и планы. Им не приходилось вообще мечтать о большем, чем то, что несла им с собою Февральско-мартовская революция. Наконец, поляки, напр<имер>, представ-

для собой народность наиболее созревшую для независимого существования и исторически имевшую наиболее оснований и прав претендовать на это, а равно и будучи национальностью, чрезвычайно много претерпевшей от государственного правопорядка царской России и глубоко ненавидевшей <й> эту последнюю, — были тоже вполне удовлетворены Февральско-мартовской революцией, ибо она просто-напросто, по своему собственному почину, провозгласила их независимость и отложение от России. Им оставалось только содействовать всеми силами союзнической победе и готовить технически близкое свое отделение от России (чему и было положено начало образованием особой комиссии по ликвидации дел Королевства Польского под председательством Ледницкого³¹⁰ (15-го апреля) и формированием чисто польских военных частей). Таким образом, национализм нашел для себя спервоначала благоприятную почву лишь в двух местах: в Финляндии и на Украине; и для этого тоже были свои глубокие основания. Что касается до Финляндии, то взрыв националистического движения был подготовлен там политикой русского самодержавия, в течение последних трех десятилетий старавшегося всемерно ликвидировать автономное государственное устройство княжества, предоставленное ему при присоединении его к России Александром I^{ым} и сохранившееся при Николае I^{ом} и Александре II^{ом}. Недовольство и враждебность финнов были взвинчены царским правительством до того, что вместе с немцами против России сражалось несколько финляндских полков. В нарождении и обострении украинского сепаратизма помимо все более и более обострявшейся за последние годы антиукраинской политики правительства чрезвычайно большую роль сыграло националистическое движение, развивавшееся за последние десятилетия в Галиции, не без тайного сочувствия тому со стороны австро-венгерского правительства, видевшего в этом удобное орудие для борьбы с польским национализмом, с одной стороны, и с панславистскими затеями и растущим могуществом России, с другой, а во время войны постаравшегося всеми мерами и средствами (и денежными тоже) использовать это движение в целях внутренней дезорганизации государственного механизма России (до революции, впрочем, с большими расходами, но малым успехом). Революция позво-

лила этим резко националистическим элементам (а среди них и под их видом и немалому числу австрийских агентов), проникнув на территорию русской Украины, отдаться совершенно свободно и беспризорно пропаганде своих идей, которая, как и большевистская, прежде всего, метила на государственное разложение России.

В результате в первых числах июля, без согласия на то Временного правительства и против воли Петроградского совета и Всероссийского съезда Советов, заседавшего в конце мая, финляндский съезд постановил принять на себя законодательные прерогативы и многие существенные функции центральной власти (после чего 6 июля над зданием сейма и правительственными зданиями был поднят национальный финляндский флаг). В то же время украинская Центральная рада, образовавшаяся в качестве автономного краевого органа еще в начале апреля после многочисленных съездов украинства и широкого развития автономного движения на Украине, провозгласила фактическое установление украинской автономии и выбрала в лице особого секретариата краевой управительный орган, наделив его целым рядом прерогатив и прав и поставив во главе его известного украинского революционного деятеля и выдающегося писателя В.К. Винниченко³¹¹ (во главе Рады стоял известный ученый, историк Украины проф<ессор> М. Грушевский³¹²). Разумеется, как и в Финляндии, все эти действия автономистов носили совершенно самопроизвольный характер, не находя ни согласия, ни одобрения даже со стороны петроградских советских кругов, не говоря уже о Временном правительстве. Предшествовавшие этому два месяца (май и июнь) были полны всевозможных волнений на национальной почве как в Финляндии, так и на Украине и стоили правительству дорого и в смысле потери сил, и в смысле потери времени.

Общественная самоорганизация

Государственное единство России разваливалось; административный механизм расползался по швам; войско болело глубоким недугом распушенности, произвола и дезорганизации; промышленность умирала в распре труда и капитала; земледелие было охвачено огнем аграрной анархией. Безвластие,

произвол, анархия, голод повисли черными тучами над обновленной Россией. Да, голод; ибо не только был расстроен продовольственный аппарат, не только все хуже и хуже действовал транспорт, но и самые виды на урожай были мало утешительны (озимые хлеба в 77 уездах были, по официальным сведениям, ниже среднего, в 48 — посредственные, в 29 — плохие, в 221 — удовлетворительные и только в 57 — хорошие; состояние яровых было еще хуже). И тем не менее и в этом царстве государственного недуга и смерти, от которого, казалось, не было больше спасения, ключом была своеобразная жизнь, обнаруживая громадные общественные силы и громадный запас молодой энергии. Но только эта живительная струя не хотела течь по старым руслам, миновала существующие категории и формы государственного бытия и искала упорно, настойчиво новых образований. Рядом с внешним, нисходящим процессом государственного разложения шел глубокий внутренний и восходящий процесс социальной организации. Революционная народная Россия строилась, оформлялась и организовывалась. Организовывалась по-своему; и по большей части вопреки существующим формам государственного бытия. Спервоначала поток этой организации, казалось, вполне входил в рамки общегосударственного устройства, был его дальнейшим развитием и дополнением; и только с растущим развалом и разложением государственного механизма стала обнаруживаться ясно и всезахватывающая сила нового движения, и его полное своеобразие, полная независимость (если не противоположность) по отношению к существующему устройству. Только на фоне постепенного умирания наличествующего государственного организма во всех его функциях с особой энергией заработали и с особой ясностью обозначились новые социальные связи и силы. По сравнению с бессилием и разрозненностью власти поражать стало мощное социальное сцепление, гнувшее неуклонно свою революционную линию. Умирала Россия конституционно-демократическая, нарождалась и слагалась Россия советская.

В течение двух первых месяцев революции вся Россия покрылась сетью Советов, самопроизвольно возникавших на местах во всех сферах народной жизни, а затем стремившихся централизоваться и постепенно начинавших приобретать

вид и смысл своего рода стройной социально-политической системы, несмотря на весь окружающий хаос, нередко вносимый в общегосударственную жизнь их же собственными претензиями и действиями. Из основных социально-политических категорий страны рабочие, крестьяне и солдаты были всецело захвачены этим своеобразным устремлением к самоорганизации, образуя повсюду то в отдельности, то сообща, — в зависимости от местных условий, — или небольшие, или громадные новые социально-политические ячейки и устанавливая новые социально-политические связи и скрепы. Март и апрель ушли на черную организационную работу на местах; май и июнь были месяцами публичной регламентации и окончательной систематизации нового огромного и могучего социального механизма. Кульминационными пунктами этого импозантного процесса были, конечно, съезды и конференции; а среди них главным образом первое совещание Советов представителей солдатских и рабочих депутатов в Петрограде в конце марта, съезд военных и рабочих депутатов армии и тыла Западного фронта в Минске в начале апреля, съезды делегатов с фронта в Петрограде в середине апреля, Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в середине мая и Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов в Петрограде в начале июня (закончившийся 24-го июня и успевший решительно осудить большевистское брожение и угрозу, одобрить подготовку и начало наступления русских армий на фронте, имевшее место 18-го июня, и выбрать Центральный исполнительный комитет Советов, которому отныне перешло от Петроградского совета верховенство и в который вошли 104 социал-демократа-меньшевики, 99 социалистов-революционеров, 35 социал-демократов-большевиков, 8 представителей от фракции объединенных социал-демократов, 3 представителя объединенных фракций трудовиков и народных социалистов и 1 представитель Еврейской социалистической партии; сверх нормы, в Комитет были включены: в качестве первого члена — Чхеидзе, а также 5 министров-социалистов).

В рабочих массах эта самоорганизационная струя выразилась, так сказать, в «парламентаризации» фабрик и заводов. Чуть ли не каждое фабричное заведение или предприятие имело в России уже с первых дней революции свой фабричный ко-

митет или Совет, избранный на основании всеобщего голосования, без различия пола, возраста и положения всеми лицами, занятыми в данном заведении. Иногда он избирался прямо на общем собрании этих последних, иногда же, — в бывших заведениях, — из числа членов комитетов или Советов отдельных мастерских, которые как бы кульминировали в таком случае в этом общефабричном комитете. Функции таких фабричных комитетов состояли, разумеется, за исключением не очень-то редких случаев, когда крайние элементы, действуя очертя голову, пробовали вмешиваться в самую техническую организацию производства, — в рабочем надзоре за условиями труда, в выполнении дисциплинарных функций и в политической администрации рабочей массы, связанной с данным заведением. Фабричные комитеты отдельных фабрик, со своей стороны, выбирали в провинции уездные и губернские Советы; в крупных центрах существовали еще областные Советы, в Петрограде с конца июня заседал Центральный исполнительный комитет, представлявший собой всю сеть покрывавшей Россию рабочей советской системы (и совмещавший равным образом и представительство солдатских масс). Среди этих последних, особенно в столицах, больших городах, на фронте и в прифронтовом тылу, новая общественно-организационная струя тоже с первых же дней революции обнаружилась, так сказать, в «парламентаризации» войска. Повсюду в воинских частях стали возникать военные комитеты или Советы, выбиравшиеся тоже на основании всеобщего голосования при участии в нем всех лиц, относящихся к данной военной единице. И странное дело, — как бы чувствуя стихийную неизбежность этого явления и, с другой стороны, небезосновательно надеясь на то, что такая канализация проснувшихся разрушительных инстинктов больше всего способна обеспечить на первых порах целостность войска и дать избежать всякого рода эксцессов, — сам командный состав, особенно на фронте, — всемерно содействовал этому превращению войска из стройно иерархической системы, построенной всецело на железной и механической дисциплине, в безыерархическую организацию Советов, в основу которой было положено понятие «товарища». Фактически, к концу апреля вся армия была вдоль и поперек окомитетчена. Каждая рота, каждая команда, каждый полк <имели> свои отдельные

Советы. Полковые комитеты составлялись из представителей ротных и, в свою очередь, посылали своих представителей в Советы дивизионные; и т.д. и т.д. При этом получавшиеся таким образом Советы отнюдь не походили в своей конструкции и полномочиях один на другого: права и обязанности, численность и состав бесконечно варьировали в них. Возникнув совершенно самопроизвольно, солдатские комитеты были вскоре же санкционированы приказом ген<ерала> Алексеева, а затем и регламентированы приказом № 223 военного министра Гучкова. 8-го мая уже Керенским было утверждено ранее разработанное «Положение о ротных, командных, полковых и др. комитетах», в котором были подробно развиты и оформлены начала, возведенные в предшествующих приказах. Само собой разумеется, что, как и фабричные комитеты, солдатские комитеты, следуя за крайними элементами, нередко забывали об этих своих «правах и обязанностях», вмешиваясь в чужие функции, совершая или санкционируя акты произвола и т.д. В крестьянстве, бесспорно, процесс «осовещения» совершался медленнее всего; и когда рабочий класс и солдатская масса были уже снизу доверху сорганизованы на новых «парламентских» базах, во многих местах российской провинции, — особенно в глуши, — крестьянство не имело еще своей собственной организации. Там же, где оно уже организовалось, т.е. главным образом в Центральной России, принцип новой организации был тот же, что и в двух предыдущих случаях, т.е. дело шло о «парламентаризации» деревни, широко пользуя при этом, разумеется, уже существующие базы общинного устройства. Каждая деревня выбирала на сходе свой сельский комитет; в волостных селениях заседали волостные «Советы»; в уездных городах — уездные и т.д. и т.д. Эта крестьянская самоорганизация стала приобретать более систематические очертания лишь с образованием в первой половине апреля Всероссийского крестьянского союза. Окончательно же явственные очертания она получила на выше упоминавшемся Всероссийском съезде крестьянских депутатов, во время которого был избран Исполнительный комитет крестьянских Советов, не пожелавший слиться с рабоче-солдатским Исп<олнительным> комитетом. Если этот последний, как и вообще вся организация рабоче-солдатских Советов, был скорее детищем социал-демократическим и

во всяком случае был преисполнен социал-демократического духа, что так ясно сказалось в первоначальном сосредоточии его на внешнеполитическом циммервальдизме, то крестьянский Исп<олнительный> комитет был детищем по преимуществу социал-революционным, знаменовал собою, как и вся советско-крестьянская организация, могучее выступление на политической арене партии социалистов-революционеров, торжество оборонческой идеологии, свойственной большинству трудящихся в России, и концентрацию не на преходящем вопросе войны или правительственной власти, а на исконном и фундаментальном вопросе земли, разрешение которого должно было по существу и глубинно определить будущую физиономию русского народа. Подавляющее большинство в нем, стало быть, принадлежало социалистам-революционерам, а из социал-демократов ни одному даже не досталось места. Руководящую роль в нем играли Н.Д. Авксентьев и И.И. Бунаков (Фундаминский).

Кроме своего главного и основного проявления в форме установления и деятельности обширной советской системы, волна новой общественной самоорганизации, поднявшаяся в самом русском народе тотчас же после низвержения старого режима и достигшая особой интенсивности и широты к началу лета, в мае и июне, имела также и целый ряд других значительных проявлений. Разом воспряло и развернулось не стесняемое больше царской опекой и полицейскими преследованиями профессиональное движение. Мощный толчок получило от революции также и развитие кооперативного движения. Равным образом, в сфере городской и земской жизни обозначился небывалый подъем общественной переорганизации и самоорганизации и концентрации демократических сил. И в Петрограде, и в Москве на городских выборах абсолютную победу одержали социалистические партии, и на первом месте среди них партия социалистов-революционеров. В Петрограде в составе новой городской думы было выбрано 57 социалистов-революционеров, 40 социал-демократов-меньшевиков, 37 большевиков, 11 трудовиков, 6 народных социалистов, 5 гласных, принадлежавших к социалистической группе «Единство», и 47 членов Партии народной свободы; городским головой был избран социалист-революционер

Г.И. Шрейдер³¹³. В Москве разгром цензовых элементов и умеренно-либеральных партий, а равно и победа социалистов-революционеров была еще того более решительной: из 200 гласных 166 принадлежали к социалистическим партиям и из них 116 мест приходилось на долю социалистов-революционеров, в то время как от Партии народной свободы прошло всего лишь 34 гласных. Председателем городской думы был избран О.С. Минор³¹⁴, городским головою В.В. Руднев³¹⁵ — оба члены партии социалистов-революционеров.

Революция послужила могучим толчком также и для развития левых партийных организаций; и не только, поскольку они входили в общий контекст советской системы, но и как независимых и своеобразных социальных институтов. Уже в начале лета вся Россия, кроме советских организаций, была покрыта густой сетью социал-демократических, социал-революционных и иных социалистических ячеек, которые, слагаясь в более или менее стройную партийную и иерархическую систему, возглавлялись центральными комитетами, заседавшими в Петрограде, и собирались для регулирования и проверки деятельности этих последних на партийные, то ли всероссийские, то ли областные, съезды. Бесспорно, в этом партийном пробуждении и движении левых организаций львиная доля приходилась на долю социалистов-революционеров. В течение мая и июня партия социалистов-революционеров стала, без сомнения, основной и руководящей партией в рядах российской революционной демократии, а через то *de facto* и вообще руководительницей России. В руках ее представителей в правительстве находились два самых важных и ответственных вопроса момента, от того или иного состояния которых зависело внешнее и внутреннее положение России, т.е. вопросы военный и аграрный. Ее представители были выдвинуты на ответственные посты руководителей столичных городских дум и целого ряда провинциальных органов городского и земского самоуправления. И тот человек, который все яснее и яснее намечался как лидер всего этого революционно-демократического обновления России, т.е. Керенский, тоже принадлежал к ее рядам. Такой успех партии социалистов-революционеров объяснялся целым рядом причин первостепенного значения; и, прежде всего, в чисто политическом отно-

шении она после произведенного революцией перемещения и перераспределения социально-политических сил заняла в революционно-демократическом потоке позицию, так сказать, политического центра, позицию здравого, конкретного революционизма. Она была, затем, доступна объединению с другими демократическими партиями (хотя и не социалистического оттенка) на базе общих конкретных запросов настоящего революционного момента. Далее, она обладала разработанной и ясно сформулированной программой аграрной реформы, которая существенно и радикально разрешала этот основной и роковой вопрос русского народного бытия, соответственно исконным устоям его, отмахиваясь как от всяких общих теорий искусственной капитализации и пролетаризации, так и от всяких попыток половинчато, временно и поверхностно разрешить земельную проблему, в действительности лишь запутывая ее, усложняя и тем отдаляя от коренного и истинного решения (как то неизбежно случилось бы в случае применения знаменитого ленинского проекта удовлетворять крестьян путем «отрезков» и как то действительно и случилось уже, когда Столыпин, подражая до некоторой степени Ленину, разрешил выход из общины на «хутора» и «отруба»). Наконец, партия социалистов-революционеров одна только из всех левых партий имела ясно сформулированную программу конкретного и демократического разрешения национального вопроса в России, ориентируя его решительно в сторону установления демократической федеративной республики с самой широкой областной и культурной автономией в основании. Все это предназначало ее неминуемо к роли той средней, центральной, успокоительной среды, в которой должны были механически уравниваться крайние тенденции революционного демагогизма и разрушения, с одной стороны, и все более и более выявлявшегося с ходом революции буржуазно-капиталистического консерватизма, с другой. Если ей не удалось выполнить как следует эту свою миссию и предотвратить вырождение революционного процесса в демагогический развал и беспредельное насилие, то причинами этого были, кроме совершенно исключительных по трудности и неблагоприятности для этого условий, в которых совершалась революция, также и отсутствие в ее рядах значительных

людей, действительно сильных и волей, и разумом, а сверх того еще, склонность некоторых ее видных членов к личным партийным интригам, дезорганизовавшим и ослаблявшим немало партийную деятельность (в чем так повинен был «селянский министр» В.М. Чернов).

Концентрация умеренно-либеральных сил

Эта могучая волна общественной самоорганизации вскоре заразила также, — хотя и по контрасту, что касается социально-политической ориентации, — и умеренные и либеральные круги русского общества. В первые дни революции они всецело примкнули было к общему движению; но вскоре же заметно стали отставать от него и постепенно чувствовать себя все более и более чуждыми ему. Революция уже во второй половине марта стала приобретать социальный характер и превращаться в угрозу самым основам существования этих классов, радовавшихся политической эмансипации России, но отнюдь не хотевших коренной ломки всех социальных устоев и отношений на пользу трудящихся. Весь апрель месяц они провели в тяжком беспокойстве, созерцая подавленно и бездейственно, как Россия катилась постепенно по наклонной плоскости к социальной катаклизме, и чувствуя себя все более и более дезорганизованными в вихре несущихся событий. Их положение и состояние отягчалось еще наличием грозной военной проблемы, ибо, будучи искренними патриотами и столь же убежденными сторонниками демократии согласия, эти элементы не могли никак сделать своей пацифистски-интернационалистическую программу Советов, следствием проведения которой в жизнь были наличные уже «братания» на фронте, смахивавшие весьма и весьма фактически на начало сепаратного мира и совершенно явственным образом позволявшие Германии сильнее бить на Западе по союзникам России. Но в то же время они чувствовали себя совершенно беспомощными и бессильными сопротивляться, ибо и в этом отношении революция развивалась почти что со стихийной неудержимостью.

В таком состоянии их застали события 20-го и 21-го апреля и загремевший затем гром первого правительственного кризиса. Но события, нашедшие свое символическое выражение

в криках петроградских толп: «долгой Милюкова!», «долгой Гучкова!», пробудили их разом от охватившей их тоскливой апатии. Опасность уже не только выпустить совершенно из рук кормило управления Россией, но и быть совершенно сметенными, смятыми вздымающейся революционной волной в море глубокой социальной ломки и анархии, разом предстала перед их глазами во весь свой рост, под звуки этих народно-угрожающих кликов. Вопрос уже шел для них не о государственном руководстве или политическом главенстве, а просто о классовом и социальном существовании. И так как времени и так было пропущено уже слишком много и каждая минута была дорога, они лихорадочно принялись мобилизовать свои силы вокруг то ли новонародившихся организаций, то ли ранее существовавших организаций, партий и учреждений.

Вполне естественно, что юридическим, так сказать, центром этой самоорганизации умеренных и либеральных сил стала Государственная дума. Прежде всего, потому, что она была, за самыми ничтожными исключениями, ярким политическим выражением именно этих либерально-цензовых элементов; затем потому, что это было единственное общественно-государственное учреждение старого времени, которое, примкнув к революционному движению, сумело сохранить за собой хотя бы на время некоторый авторитет; и наконец, по тому чисто формальному соображению, что она, а не кто-либо иной, являлась до Учредительного собрания единственной государственной инстанцией, юридически правомочной требовать перед собою ответственности со стороны Временного правительства. Только Государственная дума могла быть фактически и юридически противопоставлена как государственное учреждение за семью Советов; за ее пределами оставалась лишь, так сказать, вольная общественная организация, способная меряться силами и противостоять лишь таким же другим «вольным» организациям. Именно в Государственную думу пришли с отчетом об их деятельности Гучков и Милюков тотчас же после того, как они покинули правительство. И после этого с ее трибуны периодически стало раздаваться уравновешенное и зрелое слово государственного предостережения и политического порицания всякого рода экстремизма. Но если Гос<ударственная> дума группировала около себя умеренно-либеральные элементы ре-

волюции, благодаря своим юридическим правомочиям и скорее для юридически же формального их выступления, то для фактического и конкретного действия эти силы концентрировались около Партии народной свободы. Прежде всего, именно эта партия вывела чрез посредство «Прогрессивного блока» Гос<ударственную> думу на путь революции. Далее, с революцией многие более правые элементы (из октябристов и националистов) перешли в ряды Партии народной свободы, поелику самой жизнью были сметены разделявшие их преграды или же так как сами развертывающиеся события велели беспрекословно «леветь». Затем, это была единственная умеренная партия, имевшая такую программу, которая была в одно и то же время и максимумом левизны для правых, и минимумом правизны для левых и проведением которой в жизнь можно было рассчитывать затормозить достаточно скоропалительный, чтобы не сказать безудержный, бег революции влево. И наконец, Партия народной свободы представляла собою вообще наиболее организованный, крепкий и устойчивый организм в России; она повсюду имела свои филиальные отделения и своих людей; она была сильна давнишним сотрудничеством многих лучших интеллектуальных и культурных русских сил; она до некоторой степени была окружена ореолом политических гонений. Словом, это была единственная конкретно-политическая сила умеренного демократизма, которую еще можно было с некоторой надеждой на успех противопоставить в начале лета 1917 года революционно-демократическим силам обновленной России, а среди них выдвигавшейся явно на первый план партии социалистов-революционеров. Для того чтобы успешнее влиять в угодном ей направлении на государственное сложение новой России, Партия народной свободы не только посылала, — доколе это согласовывалось с ее программой, — многочисленных представителей своих во Временное правительство (около 4-х), но и старалась принять самое ближайшее и существенное влияние во всех работах по дальнейшему государственному устройству России. И нужно сознаться, что она немало успевала в этом своем старании и немало помогала России искать здравых и упорядоченных выходов из ее тяжкого положения, благодаря, главным образом, тому, что в ее рядах было больше всего специалистов по вопросам государственного хозяйства

и ученых знатоков государственного права. Равным образом, Партия народной свободы приняла, — преследуя при этом все те же самые цели, — самое деятельное и энергичное участие в выборах во все органы местного (земского и городского) самоуправления; и не без некоторого успеха, заняв на городских выборах второе место после главенствующей партии социалистов-революционеров.

Кроме Гос<ударственной> думы и Партии народной свободы, умеренно-либеральные элементы пытались объединить свои силы и дать почувствовать свое существование также при помощи целого ряда других организаций и органов, менее значительных по своему государственному значению или более частных, ограниченных по своим задачам и своему созыву. За май и июнь состоялись: съезд Союза офицеров в Ставке, Всероссийский съезд офицерских депутатов и Всероссийский съезд юнкеров в Петрограде; образовался Женский военный народный союз добровольцев. Имели место также: съезд военно-промышленных организаций, Всероссийский съезд духовенства, многолюдный и импозантный Всероссийский казачий съезд, давший санкцию и конкретное выражение объединенных сил русского казачества, Всероссийский съезд земельных собственников и др.

Это естественное пробуждение к деятельности и самоорганизации умеренных и либеральных элементов общества было тотчас же истолковано и объявлено в крайних левых кругах революционной демократии, то ли по искреннему доктринерскому недомыслию, то ли по преступному демагогическому расчету, как начало контрреволюционного движения со стороны умеренных кругов буржуазии и командного состава. Всякая, даже самая беспристрастная критика справа налево стала крикливо клеймиться как обнаружение реакционного образа мыслей, реакционных стремлений, реакционных затей. И в таком третировании всего того, что не хотело быть непременно ультралевым, были повинны не одни только большевики и анархисты, доходившие, как уже упоминалось выше, до обвинения в буржуазности министров-социалистов и в реакционности — самого Керенского, но круги революционной демократии вообще, легко впадавшие в анархистский тон по поводу каждой ложной провокаторской тревоги, раздававшейся с крайней ле-

вой <стороны>. Характерным документом этого доктринерски-демагогического отношения революционной демократии к проявлениям и действиям умеренных и либеральных кругов является постановление Всероссийского съезда Советов по поводу упразднения Гос<ударственной> думы, вызванное усиленной агитацией большевистских и интернационалистских элементов. Но была ли в самом деле какая-либо почва для подобных предупредительных актов и для подобных беспокойных подозрений слева направо? Правильно ли было предполагать, как это делали почти инстинктивно столькие революционеры, что реакция (сиречь земельные собственники, крупная буржуазия, чиновничество, духовенство и высший командный состав) только поджидает удобного момента для того, чтобы поднять голову и попытаться отнять сделанные революцией завоевания? Поскольку дело шло о прошлом, разумеется, нет. Все социальные классы и группы в России приняли Февральско-мартовский переворот с радостью как избавление от бюрократического произвола придворных ставленников и страшной опасности внешнеполитической измены и примирения с Германией и германским кайзером. Даже самые убежденные монархисты не могли не приветствовать падения самодержавия и при виде первоначальной легкости и безболезненности перехода к фактически республиканскому режиму быстро избавлялись от своих прежних монархических предрассудков. Но если смешно и глупо было в те поры бояться в России какого-либо реакционного движения в сторону прошлого и преступно разжигать подозрительность и опасения в этом направлении, то вполне разумно и основательно было ждать его в смысле реакции на будущее; ибо для всякого сообразительного человека было ясно, что будущее несет с собой страшную угрозу социальной анархии и новых попыток (на этот раз слева) сепаратного мира или чего-нибудь вроде этого и что это не может не вызвать затем в противовес себе контрреволюционного движения. Далее, ни для кого не было секретом, что остатки черносотенства и всякого рода человекообразные орудия прежней реакции вроде городских, жандармов, охранников и т.п. действовали заодно с крайними левыми элементами, помогая этим производить беспорядки и подталкивать массы на всевозможного рода эксцессы в городах, деревнях и на фрон-

те. Так что в намерении пресечь возможную в будущем и не существовавшую в тот момент контрреволюцию охранители завоеваний и принципов революционной демократии должны были метать громы и принимать меры непосредственно не против умеренно-либеральных кругов, а против большевиков и их присных, о чем так метко и убедительно говорил Милюков и что прекрасно понимал уже к этому времени и Керенский. И дальнейшее развитие событий вскоре же и даже более чем надо подтвердило правильность такого взгляда.

Провал наступления

В первые же дни своего существования Петроградский совет рабочих (а затем и солдатских) депутатов нанес два непоправимых удара дальнейшему успешному участию России в противогерманской борьбе. Вышеупомянутым приказом № 1 он разом потряс до самых оснований устои армии, уничтожив дисциплину; обращением к народам всего мира о мире (от 14-го марта) он встал решительно на чисто интернационалистско-циммервальдистскую точку зрения. Чтобы попытаться с шансами на успех парализовать страшное, убийственное действие этого последнего акта на душу солдата и, следовательно, на состояние фронта, Временное правительство вместе с лицами, которым были вверены революцией судьбы войска и обороны, вынуждено было заняться тотчас же переорганизовыванием войска на основаниях, указанных в первом акте, смягчая их поелику возможно при конкретном и практическом их проведении в жизнь. Так был дан ход с места в карьер так называемой «демократизации» армии, затеянной в широком масштабе при Гучкове (с помощью особой комиссии, учрежденной на сей предмет под председательством генерала Поливанова) и завершенной при Керенском уже, опубликовавшем в первую голову (13-го мая) «декларацию прав военнослужащих». Но Совет недолго оставался верен своей так решительно было провозглашенной интернационалистской ориентации. Жизнь оказалась тотчас же сильнее доктрины и принудила его эволюционировать в сторону оборончества. Уже резолюция, принятая на совещании представителей Советов рабочих и солдатских депутатов 30-го марта по поводу войны (и

стало быть, обязательная и для Петроградского совета), не оставляла в том никакого сомнения. Через месяц после этого тот же самый взгляд был высказан еще определеннее и откровеннее в советском обращении к армии, и оказалось даже возможным настаивать на необходимости наступления в интересах обороны. Беря сущность дела и устраняя всяческие конфузливые и полагающиеся по социальному этикету оговорки, от лозунга «долой империалистическую и капиталистическую войну, да здравствует революционный и социалистический мир!» был совершен постепенно, но очень быстро переход к резко отличному, если не прямо-таки противоположному психологически лозунгу: «долой империалистический мир, да здравствует революционная и социалистическая война!». Таков был непреложный факт; другое дело, можно ли было теперь, используя произошедшую психологическую перемену в советских верхах, остановить ставший уже стихийным процесс «солдатского» разложения военной мощи России.

Много было причин этой глубокой перемены. Первый толчок, безусловно, исходил извне, от того международного положения, в котором вскоре же очутилась революционная Россия. Видя ее военную инертность, констатируя бессилие ее оборончески настроенного правительства и первоначальные доктринерские увлечения пацифизмом всесильного фактически Исп<олнительного> комитета Петроградского совета, и союзники, и враги все меньше и меньше стали считаться с Россией как военной силой и как реальным элементом в разрешении наличного мирового конфликта. Было неоспоримым фактом, что противник чуть ли не вдвое убавил разом же количество своих войск на фронте, перенеся остальные на Западный фронт против союзников; эти же последние слишком явственно лишь для проформы отписывались от воззваний и обращений революционной демократии, отнюдь и не помышляя на самом деле встать на предлагаемый ею путь. Революция, казалось, сильно убавила в какие-нибудь два месяца международный удельный вес России, пошатнула глубоко ее интернациональный престиж. Но в таком случае трудно было питать надежды и на проведение международной революционной программы: слабая Россия была не в состоянии не только принудить к миру, но и поставить вопрос войны и мира в той форме, как этого

требовал ее революционный дух, в форме программы мира действительно «без аннексий и контрибуций». Для того чтобы добиться чего-нибудь, необходимо было показать, что Россия еще сильна, хотя она и революционизировалась и обинтернационализировалась. Было необходимо вновь поправить ее пошатнувшийся международный престиж. Но как? Только и только наглядным обнаружением ее военной силы; ибо особенно в этот момент ни друзья, ни враги не знали и не понимали иного мерила. Кроме этих, так сказать, дипломатических соображений к возобновлению активных военных действий побуждали также соображения стратегические. Центральные державы грозили всей массой сил обрушиться на Западный союзнический фронт, так как русский фронт пребывал фактически в состоянии перемирия. Но даже и самые крайние из советских интернационалистов не хотели вовсе разгрома Согласия и торжества прусского милитаризма. Большинство же членов Исп<олнительного> комитета отлично сознавало, что даже незначительный военный перевес Германии над союзниками был бы угрозой не только делу демократизма вообще, но и русской революции и русской революционной демократии в частности. Далее, союзническими стратегами подготовлялись как раз летом 1917 года громадные военные операции, которые могли положить конец войне серьезным поражением противника и, равным образом, разом удовлетворить мирные aspirations и лозунги русской революционной демократии; но для этого была совершенно необходима поддержка со стороны русского войска. Затем, германский противник всегда мог прорвать идиллию «братаний» на русском фронте и попытаться использовать как следует разложение русской армии; это имело уже один раз место на Стоходе³¹⁶, хотя и в небольших размерах; и о возможности повторения того же самого в ближайшем будущем, но уже с гораздо большим ущербом для России, свидетельствовали кое-какие сведения. Наконец, большую, едва ли не главную даже роль играли сообщения психологического характера. Дело в том, что разлагавшаяся, бездеятельная армия представляла собой немалую опасность для внутреннего порядка и благополучия страны. Миллионы запасных изнывали без дела, все охотнее и охотнее предаваясь всяческому проявлению произвола и массами дезертируя при попытках их отпра-

вить на фронт; то же самое настроение будило в действующей армии «братание» и отсутствие активной военной борьбы. Наконец, в самой стране мало-помалу росло и укреплялось ощущение фактически заключенного перемирия, что как нельзя больше облегчало и поощряло пропаганду экстремистского пацифизма, да и общий развал государственного механизма и общественной жизни. До революции вся Россия, как-никак, была сосредоточена в усилиях поддержать и обеспечить фронт; военная дисциплина на фронте как-то невольно налагала на всех гражданскую дисциплину внутри страны. Не естественно ли, что полное падение первой, полное разложение войска должно было сказаться неизбежно и явственно же сказывалось в разложении всей страны? И для того, чтобы восстановить в стране революционный порядок и организацию, необходимо было, значит, вернуть сначала ее самый чувствительный и ответственный в этот момент орган, т.е. войско, к нормальной боевой жизни, заставить его вновь сражаться, т.е. защищаться и наступать.

Раньше других среди ответственных руководителей революционной демократии осознал со всей ясностью всю насущность этой задачи Керенский; и потому вполне естественно, что именно ему пришлось взять на себя и ее конкретное выполнение. И он действительно принялся за это дело с неисчерпаемой энергией. Был реорганизован политический отдел при кабинете военного министра с возложением на него важных функций по приведению реформированной армии в боевую готовность; на отдельные фронтовые съезды стали постоянно командироваться, — в качестве ли комиссаров, экстренно ли, — из Петрограда верные оборончески революционные элементы для того, чтобы контрбалансировать пораженческую пропаганду; был расширен и систематизирован институт комиссаров установлением фронтовых комиссаров и т.д. Ко всей этой деятельности были привлечены лучшие молодые силы военно-революционного оборончества: Савинков³¹⁷, Станкевич, Войтинский, Филоненко³¹⁸, Кириенко³¹⁹, Степун³²⁰, Толстой³²¹ и др. И сам Керенский стал неутомимо носиться между Петроградом и обширными русскими фронтами и посещать различные места еще более обширного тыла, инспектируя бесчисленные воинские части, повсюду призывая к дисциплине, организованно-

сти, революционной борьбе, ликвидируя готовые вспыхнуть или разразившиеся уже конфликты, парализуя разлагающую деятельность большевистских агитаторов и немецких агентов, раскассируя возмутившиеся или разложившиеся вконец части и своей вдохновенной речью стараясь повсюду вдохнуть революционно-боевой дух в расквасившуюся и рассеявшуюся армию. Много сильных и торжественных слов было сказано им (и его помощниками) за май и июнь месяцы русским солдатам, много захватывающих оваций и выражений энтузиазма с их стороны пришлось пережить; и много, бесспорно, помог он и своим личным участием, и общим потоком руководимого им движения делу восстановления боевого духа армии. Но одного препятствия он никак не мог преодолеть, ибо оно было вообще непреодолимо; а именно слишком мало было времени в распоряжении у него и его помощников для того, чтобы довести до конца поставленное было на рельсы дело. Обстоятельства складывались так все больше и больше, что с наступлением нельзя было медлить; приходилось начать его при первой же возможности, тем самым, наверняка, заранее нанося удар его значительности и успешности.

Как бы там ни было, в результате всей этой хотя и кратковременной, но кипучей деятельности, в середине июня настроение в войсках на самом деле заметно улучшилось и поднялось. Армия была уже к этому моменту порядочно вычищена от разложившихся элементов, удаленные части были замещены другими, свежими и не затронутыми (по меньшей мере относительно и по внешности) развалом, взятыми из тыла или новообразованными. Были составлены специальные добровольческие отряды, на которые была возложена ответственная миссия показывать пример революционной выдержки, дисциплинированности и отваги. В солдатской массе на фронте тоже, казалось, начинало пробуждаться сознание о том глубоко ответственном и чрезвычайно опасном положении, в котором находилась вся Россия перед лицом германского врага. И общий голос не только высшего командования (за небольшими исключениями) и офицерского состава, но и самой солдатской массы во многих частях был определенно за наступление. Правда, техническая подготовка войск к возобновлению активных военных действий в высшей степени еще хромала.

Глубокие потрясения и болезни не излечиваются в несколько недель! Солдаты, уже четыре месяца почти не знавшие настоящего обучения, настоящей боевой жизни, настоящей дисциплины, далеко не представляли собой прежнего вышколенного и удобного аппарата военной стратегии и тактики; и положение это усугублялось еще тем, что самая их служебная идеология находилась в процессе самого глубокого перерождения, требовавшего тем больше времени, настойчивости и терпения со стороны реформаторов. Равным образом, и снаряжение их почти повсюду заставляло весьма и весьма желать лучшего; и не потому, что был недостаток в оружии или снарядах (так как их, напротив того, не в пример кампании 1915 года, было более даже чем достаточно), а просто в силу общего упадка военной организованности и бывшего строгого сцепления войсковых частей. Но, как сказано, медлить было нельзя, и 18-го июня наступление русских войск началось. Галицийская армия двинулась и в первый же день достигла блестящих успехов, взяв свыше 10 тысяч пленных. Известие об этом мигом облетело столицы и было встречено населением с большим воодушевлением. Несмотря на то что в тот день совершалось торжественное всенародное шествие на Марсово поле к могилам жертв революции и что ввиду возможных большевистских выступлений, которыми они обещали угостить Петроград уже в течение более чем недели, столица была на положении усиленной охраны, весть с фронта вызвала целый ряд митингов и манифестаций, прошедших в полном порядке и с большим энтузиазмом. На очередном заседании съезда Советов, происходившем как раз в это время, вопрос о наступлении был экстренно поставлен на обсуждение. Прения происходили при чрезвычайном возбуждении и напряжении. Всеми чувствовалось громадное по ответственности значение этого заседания. Напрасно интернационалисты старались внести ноту своего обычного скептицизма и доктринерства; громадное большинство рабочих и солдатских депутатов явственно демонстрировало свое одобрение наступлению. В равной мере показательно было и отношение к наступлению социалистической печати, которая вся его определенно приветствовала, за исключением лишь большевистских и интернационалистских органов. На голос советского съезда отзывались тотчас же провинциальные Советы так или иначе,

то ли с энтузиазмом приветствуя пробуждение ото сна русской революционной армии, то ли сдержанно принимая это как неизбежную необходимость.

В последующие дни наступление получило дальнейшее развитие. Правда, первый успех 10-й армии остался ею неиспользованным ввиду ошибок командования и дезорганизованности, внесенной в момент начавшегося наступления несколькими полками, отказавшимися внезапно идти. Дело дошло даже до того, что 18–19 июня разложившимися воинскими частями был учинен еврейский погром в Станиславове³²², а 22-го июня в районе 11-ой армии подверглись нападению члены Петроградского совета р<абочих> и с<олдатских> д<епутатов> (среди них, между прочим, Соколов, составитель пресловутого приказа № 1), агитировавшие от его имени за наступление.

Но зато в последующие дни этой самой армией противнику вновь был нанесен сильный удар (до 8 тысяч пленных), и крупных успехов удалось достигнуть в Станиславовском районе, где было захвачено столько же пленных, а 27-го июня был занят один из важнейших стратегических пунктов галицийского фронта Галич. После этих первоначальных успехов, однако, напор русских армий стал слабеть и начатые блестящие операции не дали тех результатов, которые бы следовало ожидать. Тем не менее до конца месяца наступление еще продолжалось и довело цифру пленных до 36 тысяч. Только все чаще и чаще в различных местах наступающих армий наблюдались либо отказы частей двинуться на неприятеля, либо их самовольные отходы, либо даже попытки их предаваться беспорядку и разгромам (типичным примером чего служат ужасные солдатские бесчинства, произошедшие в маленьком городке Восточной Галиции, Калуше³²³). В начале июля боевые действия почти совсем затихли, а 6-го июля противник решительно сам перешел в наступление и произвел разом серьезный прорыв на фронте 11-ой армии. Под натиском врага войска, деморализованные усилившейся за последние дни пораженчески-интернационалистической пропагандой, только что разыгравшейся в те поры в Петрограде большевистской попыткой вооруженного восстания и извращенными слухами о ней, стали беспорядочно отступать. Некоторые атакованные части самовольно отходили, обнажая фронт, а резервные части, получив приказ

идти на подкрепление, вместо этого собирались на митинги и в течение долгих часов обсуждали, исполнять ли им приказ. В результате получилось нечто кошмарное. Началось паническое бегство многих частей; целые дивизии обращались в позорное бегство перед отдельными ротами неприятеля. Артиллерия и военные склады, заготовленные в тылу, без сопротивления отдавались неприятелю. Деморализованные части не слушались больше никаких приказаний и стремительно двигались на восток, предаваясь по пути грабёжам и разгромам, а иногда и убивая начальников и утопая в кровавой резне. Все это завершилось через несколько дней навсегда памятным в летописях русской революции позором Тернопольского разгрома³²⁴ и повлекло за собой затем неизбежный отход соседних армий, которые не только лишились только что достигнутых успехов, но должны были стремительно очистить территории, занятые еще до революции, и понесли чрезвычайно тяжелые потери и людьми, и оружием (в Тернополе были брошены запасы снарядов и продовольствия стоимостью около 3 миллиардов рублей). Этот молниеносный разгром противником целого фронта, произошедший только и только благодаря духовному разложению, которым были объаты солдатские массы, был тяжелым, непоправимым ударом по русской революции. Им начался ее внутренний распад, ее вырождение в насилие, разгром и анархию. В солдатской массе революция нашла свою первую и наиболее надежную опору; солдатская же масса нанесла ей и первый удар в спину, подорвав высокий духовный престиж революции и за границей и внутри страны и похоронив бесповоротно первые революционные восторги и надежды. Наступали черные, сумеречные дни революции...

Большевистское восстание

В то время как армия под давлением нечеловеческих усилий Керенского хоть и медленно и не систематично, но все же наступала на Юго-Западном фронте, внутри страны и в столице анархическое брожение и большевистские покушения на государственный порядок и политическую организацию страны не прекращались и не утихали. В течение последней трети июня месяца беспорядки имели место в Ростове-на-Дону, в Старом

Петергофе, в Нижнем Новгороде, в Ельце, в Рязани; и в самом Петрограде настроение продолжало оставаться самым напряженным, ввиду продолжавшей висеть угрозы вооруженного большевистского выступления, о неминуемости которого свидетельствовало с каждым днем все больше и больше признаков и симптомов. В конце концов, большевистское восстание действительно разразилось как раз в те дни, когда Временное правительство было поглощено начавшимся удачно наступлением и разрешением финляндского и украинского конфликтов и особенно новым правительственным кризисом, благодаря выходу из него членов Партии народной свободы в связи со сделанными им уступками Центральной раде. Как и в дни 10-го и 18-го июня, когда оно тоже обещало вспыхнуть, но не могло вспыхнуть благодаря решительным мерам, принятым правительством, гроза показалась сначала со стороны Кронштадта, который легче всего было раскачать большевистским агитаторам.

3-го июля прибыл в Кронштадт из Петрограда мичман Ильин (по кличке Раскольников)³²⁵ с несколькими делегатами от пулеметного полка и выступил на митинге на Якорной площади, призывая кронштадтских матросов и солдат к вооруженному выступлению в Петрограде для ниспровержения Временного правительства и передачи всей власти в руки Советов. В тот же вечер Исп<олнительный> комитет Кронштадтского совета решил, что на следующий день утром войсковые части Кронштадта должны будут с оружием в руках отправиться в Петроград. В различных воинских частях и на учебных судах происходили затем митинги, а на другой день уже с 6 часов утра, по данному гудком сигналу, на Якорную площадь стали стекаться со всех сторон матросские и солдатские отряды. Здесь они были напутствованы речами Раскольникова и Рошалья³²⁶, а также получили патроны. Затем, захватив все мелкие суда, они отплыли к Петрограду. К 10 часам утра у Николаевского моста собралась многотысячная толпа солдат и рабочих в ожидании прибытия кронштадтцев, первая партия которых стала приставать немного спустя после одиннадцати. Затем вся эта масса, по-прежнему руководимая Раскольниковым, Рошалем и другими большевиками, двинулась по Университетской набережной к дому Кшесинской (где помещалась главная штаб-

квартира большевиков и где с раннего утра 4-го июля шло заседание Центрального комитета большевистской партии). Около 12 часов дня сюда подошли первые группы вооруженных манифестантов; большевистские лидеры вышли под сенью партийных знамен на балкон виллы, и начался митинг. В то время как на Каменноостровском проспекте происходили эти события, по городу начались отдельные выступления различных воинских частей, поднявшихся на большевистские призывы. К полудню, под влиянием той же большевистской пропаганды, стали многие фабрики (напр<имер>, Путиловский завод, «Новый Леснер» и др.), а рабочие их митинговали или манифестировали, присоединившись к солдатам. К полудню же по городу стали проноситься автомобили, полные вооруженных солдат и матросов. Время от времени то там, то сям в городе раздавались ружейные выстрелы, иногда завязывались настоящие перестрелки, всегда кончавшиеся изрядным количеством жертв. По городу начали распространяться всякие сенсационные слухи об аресте правительства, провозглашении власти Советов и т.д. и т.п. В половине третьего на Невском произошла перестрелка, в результате которой оказалось 5 убитых и 20 раненых. Немного спустя на Литейном тоже началась пальба. Кронштадтские отряды стали подвергать массовым обыскам близлежащие дома. Около 5 часов дня к Таврическому дворцу, в котором после обеда шло соединенное заседание Исполнительных комитетов в присутствии некоторых министров, подошла толпа матросов с рабочими и стала требовать к ответу министра юстиции Переверзева за произведенный в июне арест анархистов на даче Дурново³²⁷; и Церетели с большим трудом удалось их успокоить. Несколько позже ко дворцу подошел 3-ий запасной полк, прибывший самовольно из Петергофа; его солдаты, находившиеся в большом возбуждении, пытались ворваться в залу заседаний, но были остановлены и умиротворены все тем же Церетели. Около 6 часов кронштадтские матросы во главе большой толпы солдат и рабочих пытались снова прорваться в здание; и вышедший к ним с целью их успокоения Чернов чуть было не подвергся насильственному аресту, коего избег только благодаря заступничеству Троцкого. Под влиянием всех этих событий, свидетельствующих, собственно, с ясностью о том, что город находился фактически в руках мятеж-

ников, а некоторые члены Временного правительства вместе с Исполнительными комитетами были чуть ли не в положении осажденных, другими членами правительства, заседавшими в штабе округа (в составе кн<язя> Львова, Переверзева, обоих помощников военного министра и вначале присутствовавшего Церетели, вынужденного потом уехать в Таврический дворец, между тем как Некрасов и Терещенко, удалившись вскоре под каким-то предлогом, не показывались затем вплоть до глубокой ночи), было решено предоставить военным властям широкие полномочия с предписанием в возможно кратчайший срок ликвидировать мятеж путем разоружения производящих беспорядки частей и отдельных лиц. Чтобы облегчить эту задачу, с согласия министра юстиции Переверзева, представителям различных воинских частей столицы было сообщено содержание имевшихся в штабе документов контрразведки, устанавливавших с несомненностью существование тесной связи между большевиками и Германией. Известие об этом произвело сильнейшее впечатление на войска Петроградского гарнизона: первоначальные их колебания исчезли и было решено следовать за Всероссийскими исполнительными комитетами Советов р<абочих,> с<олдатских> и к<рестьянских> д<епутатов>. Около 9 часов вечера общее положение около Таврического дворца заметно ухудшилось, последующие часы заседавшим там представителям революционной демократии пришлось провести под угрозой близящегося нашествия большевистских толп, а нескольким присутствовавшим там по-прежнему министрам (Церетели, Чернову и возвратившемуся в Петроград Скобелеву) — под угрозой ареста, осуществить который помешало только прибытие верных правительству воинских частей и их решительное вмешательство. В течение всей ночи с 4-го на 5-ое июля в штабе округа происходило непрерывное заседание, посвященное выработке мер по ликвидации беспорядков, на котором в качестве представителя от правительства принимал участие всплывший наконец Некрасов. Бессонную и деятельную ночь провели и нынешние обитатели Таврического дворца, внешний и внутренний вид которого во многом напоминал великие февральские дни. Екатерининский зал был полон солдат, по большей части гвардейских полков, а снаружи дворец охранялся бронированными автомобилями.

5-го июля Временное правительство начало работать с самого утра и имело заседания с небольшими перерывами почти в течение всего дня. Было решено принять самые серьезные меры для возможно скорейшего восстановления нормальной жизни в столице. Для этого, по соглашению с Исполнительными комитетами, была образована особая военная комиссия, которая должна была находиться в постоянном контакте с командующим войсками и в состав которой вошли: Скобелев и Лебедев — от правительства, Гоц — от Центрального комитета Советов и Авксентьев — от Исп<олнительного> комитета Совета крестьянских депутатов. День 5-го июля и начался и протекал неизмеримо спокойнее предыдущих. Уличные митинги были относительно редки и носили почти всегда летучий характер. Повсюду по городу расхаживали патрули, которые задерживали автомобили с солдатами или вооруженными седоками и производили обыски в подозрительных помещениях. Случаев стрельбы почти уже не было. Поддерживавшие большевиков воинские части мало-помалу от них отставали, освобождаясь от угара демагогически-экстремистской пропаганды. Начались переговоры и с Петропавловской крепостью, которой большевики завладели без труда еще 3-го июля и в которую 4-го июля вошли отряды кронштадтских матросов во главе с Раскольниковым и Рошалем, превратив ее как бы в своего рода большевистскую военно-операционную базу. Тем временем в штабе округа был разработан план обезоруживания большевиков и анархистов, о котором были поставлены в известность и Временное правительство, и Центральный исп<олнительный> комитет через посредство вышеупомянутой особой военной комиссии. Этот план затем был приведен постепенно в исполнение, так что к вечеру мятежники были разоружены, раскассированы и либо переарестованы, либо разбежались. Около 4 часов вечера был арестован по ордеру командующего войсками член Центрального исп<олнительного> комитета, большевик Козловский, заподозренный в большевистских сношениях с Германией. В течение 6-го июля в городе было спокойно, как и накануне. Трамвайное движение стало возобновляться с 3-х часов дня. Стали открываться магазины и кредитные учреждения, а на улицах началось заметное оживление. Однако по городу до поздней ночи разъезжали на грузовиках и на авто-

мобилях солдаты, следившие за тем, чтобы на улицах не появлялось вооруженных людей. В фабричных районах и на окраинах разъезжали конные патрули, на многих заводах рабочие стали возобновлять работу, подчиняясь постановлению Центральных исполнительных комитетов. В некоторых местах они собирались группами, обсуждая создавшееся положение; но в общем их настроение значительно улеглось, и они высказывались определенно с порицанием по поводу организованного в предыдущие дни мятежа. На некоторых фабриках они даже сами арестовывали участников вооруженных демонстраций и отправляли их в особую следственную комиссию, образованную при Центральных исп<олнительных> комитетах. День 7-го июля ознаменовался опять стрельбой по улицам, несмотря на то, что жизнь принимала в городе постепенно все более и более нормальный характер. В этот день прокурорским надзором был подписан ордер на арест Ленина, Зиновьева, Троцкого и Каменева. В течение ночи с 7-го на 8-ое июля было несколько крупных столкновений с большим числом жертв (до ста убитых). Весь день 8-го июля продолжались усиленные обыски и аресты. Судебное следствие относительно мятежных дней 3-го, 4-го и 5-го июля пошло сразу же быстрыми шагами вперед, и уже 22-го июля прокурор судебной палаты нашел возможным опубликовать данные, бесспорно устанавливавшие финансовую поддержку большевиков со стороны германского имперского правительства.

Петроградский большевистский мятеж послужил новым и могучим толчком к дальнейшему разложению порядка и организации в стране. И на этот счет нечего было обманываться, как и показали затем и даже чересчур скоро события, несмотря на ту массу сочувственных приветствий и обещаний поддержки, которые тотчас же полетели от всевозможных общественных организаций провинции и с фронта и во Временное правительство, и в Исп<олнительные> комитеты столицы. Все это были, в конце концов, лишь словоговорения, бумажные лоскутья и благие намерения; действительная же жизнь несла с собой и обнаруживала беспощадный развал. Но, кроме этого общего губительного влияния, действие которого стало сказываться постепенно, он своим непосредственным следствием имел ряд мятежных проявлений в провинции. Так, в явной

связи с ним находился бунт «полуботковцев»³²⁸ в Киеве, бунт эвакуированных солдат в Нижнем Новгороде, целая волна беспорядков или попыток захвата местной власти большевиками по другим провинциальным городам и местностям, в особенности в Московском военном округе. И наконец, самое поражение на фронте, сопровождавшееся столь позорным бегством целых дивизий и столь ужасными и отвратительными насилиями, грабежами и разгромами, учиненными разнуздавшейся солдатской массой, было в немалой степени психологическим продуктом июльского большевистского мятежа. Да это и не могло быть иначе; ибо петроградские события только будили в других местах уже подготовленный теми же самыми факторами и действующими силами дух произвола и насилия.

Глава 4 ДИКТАТУРА КЕРЕНСКОГО

Хроника событий

Итак, в дни первой недели июля месяца революционная правительственная власть России пережила ряд глубоких потрясений, которые если и не сбили ее окончательно с ног, то во всяком случае сильно расшатали ее силы и ее престиж как в глазах других европейских правительств, так и внутри страны. В эти дни все серьезные раны нарождающегося государственного организма России как-то разом вскрылись: все основные недуги русского революционного обновления разом дали о себе знать самым красноречивым и угрожающим образом. И, прежде всего, самый главный и роковой недуг: разлад основных политико-социальных сил, который и раньше, конечно, все время явственно чувствовался, но теперь явственно выявился со всей силой и со всей грозностью в крушении коалиционной организации верховной власти.

Поздно вечером 2-го июля подали в отставку четыре министра, принадлежавших к партии конституционалистов-демократов (Шингарев, Мануйлов, кн<язь> Шаховской и Степанов³²⁹. Общей причиной этой отставки было расхождение меж-

ду этими министрами и министрами-социалистами по целому ряду существенных вопросов внешней и внутренней политики, ибо ушедшие министры были с самого же начала определенными противниками интернационалистского пацифизма и столь же определенными сторонниками сильной и энергичной власти в области управления страной. Частным поводом к их уходу послужило соглашение, заключенное от имени Временного правительства в Киеве Церетели, Терещенко и Керенским с представителями Центральной украинской рады, явочным порядком начавшей проводить украинскую автономию, и одобренное затем большинством членов в самом правительстве. Будучи решительными сторонниками автономии, подавшие в отставку министры, тем не менее, находили, что соглашение составлено в недостаточно определенных терминах, что позволит безусловно украинским автономистам толковать договор потом шире, чем это допустимо для престижа и для продуктивной работы всероссийской правительственной власти, и что таким образом фактически договор этот стал не больше и не меньше как предварением решения Учредительным собранием национального вопроса в пределах России.

5-го июля в отставку подал министр юстиции Переверзев, мотивировавший свой уход невозможностью нести ответственность за власть и правительственную деятельность при помехах, чинимых систематически даже в такие трагические и грозные моменты, как только что пережитые, со стороны советских инстанций. 7-го июля на заседании Временного правительства, долженствовавшего быть посвященным обсуждению вопросов, сопряженных с ликвидацией мятежа, кн <язь> Львов предложил подойти вплотную к вопросу правительственного кризиса ввиду чрезвычайной его серьезности и неоткладности. В дальнейшем им были формулированы 4 следующих основных принципа, на которых он согласен продолжать свою работу в правительстве: 1) последовательная борьба с представителями анархических и большевистских течений; 2) борьба со всякого рода захватами земель, инвентаря, фабрик и т.п.; 3) устранение всего того, что обостряет борьбу в стране; 4) подготовка выборов в Учредительное собрание на таких основаниях, которые бы обеспечивали народу возможность выразить действительно свою волю и соответственное устранение всех попыток

разрешить коренные вопросы будущего устройства России до него. При последовавшем за этим обсуждении выяснилось, что министры-социалисты настаивают на немедленном же проведении в жизнь ряда законопроектов, предвещающих коренное разрешение земельного вопроса, мотивируя это необходимостью предотвратить серьезные осложнения.

Далее, выяснилось, что мятеж не мог быть первоначально быстро ликвидирован благодаря противодействию решительным мерам против большевиков со стороны министров-социалистов, действовавших в данном случае по полномочию Центрального исполнительного комитета, и что согласие их на решительные меры после настоятельных усилий Керенского пришлось купить обещанием новой правительственной программы со включением в нее: закона об упразднении Государственной думы, аграрных законопроектов Чернова и объявления России демократической республикой. Видя, что большинство членов Временного правительства высказывается за такую именно программу, кн<язь> Львов заявил в конце заседания о своем выходе в отставку; о чем на другой день и обратился во Временное правительство с письмом. Приступив немедленно же по заявлению кн<язем> Львовым о своем уходе к обсуждению разразившегося таким образом радикального правительственного кризиса, оставшиеся члены Временного правительства нашли затем в ночном заседании с 7-го по 8-е июля удовлетворяющую всех временную комбинацию. Они решили освободить от должности подавшего в отставку кн<язя> Львова и постановили назначить, согласно его предложению, военного и морского министра Александра Федоровича Керенского министром-председателем Временного правительства с сохранением за ним должности военного и морского министра; назначить Н.В. Некрасова (назначенного временно на две недели), после его ухода с поста министра путей сообщения и последовавшего затем выхода из Партии народной свободы, членом Временного правительства без портфеля заместителем министра-председателя, в случае отсутствия этого последнего. Обсуждению был подвергнут вопрос и о замещении других освободившихся министерских постов, причем наиболее подходящим было признано распределить эти портфели временно между други-

ми членами правительства, пополнив правительственный состав лишь одним только министром.

8-го июля реконструировавшееся таким образом отчасти Временное правительство опубликовало декларацию, в которой, указав сначала на чрезвычайно тяжелое и опасное положение страны, заявляло, что: 1) считает своим наипервейшим долгом всемерно бороться и с внешним врагом, и со всеми анархическими и контрреволюционными покушениями на существующий порядок; 2) намерено созвать междусоюзническую конференцию, дабы придать общесоюзной внешней политике направление, соответствующее принципам, провозглашенным русской революцией, отказываясь решительно пролить хотя бы каплю русской крови для целей, чуждых этой последней; 3) будет продолжать государственное преобразование России сообразно программе, формулированной в начале мая; 4) примет все меры к тому, чтобы выборы в Учредительное собрание имели место в установленный срок (17 сентября); 5) позаботится о возможно наискорейшем устроении земской и городской жизни на основе всеобщего избирательного права; 6) в сфере аграрного вопроса будет по-прежнему придерживаться убеждения, что аграрная реформа, которая будет санкционирована окончательно только Учредительным собранием, должна опираться на переход земли в руки трудящихся; и т.д. и т.п.

На соединенном открытом заседании Исполнительных комитетов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, после горячих прений, 252 голосами против 47 воздержавшихся (большевиков, социалистов-революционеров и меньшевиков-интернационалистов) была одобрена резолюция, кончавшаяся так: «1) Страна и революция в опасности. 2) Временное правительство объявляется правительством “спасения революции”. 3) За ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии, решительной борьбы со всякими проявлениями контрреволюции и анархии и для проведения всей той программы положительных мероприятий, которая намечена в декларации. 4) Обо всей своей деятельности министры-социалисты докладывают собранию Исполнительных комитетов не менее двух раз в неделю». Следом затем были одобрены к немедленному опубли-

кованию пять соответствующих по духу воззваний к различным слоям и классам населения.

С аналогичными воззваниями к населению о спасении Родины и поддержке правительства выступил и ряд других общественных организаций; и правительство, сильное сознанием всеобщей поддержки, тотчас же решилось на проведение ряда чрезвычайных и грозных мер. 18-го июля был распущен финляндский сейм; затем 21-го июля циркуляром министра внутренних дел, Церетели, была усилена власть правительственных комиссаров за счет местных Советов. Далее, правительство получило право закрывать собрания, распускать съезды и т.п. 23-го июля были арестованы Троцкий и Луначарский³³⁰.

Смысл правительственного кризиса

Разразившийся в начале июля правительственный кризис был финальным актом процесса распада коалиции, составлявшей неотъемлемый фундамент правительства, распада, начавшегося еще ранее ее формального образования и представлявшего собою постепенную элиминацию либерально-буржуазного элемента как в программе, так и в самом составе правительства. В самом деле, образование коалиционного правительства было куплено, как было изложено выше, ценой исторжения Гучкова и Милюкова, которые знаменовали собою в недрах Временного правительства оплот антициммервальдизма и гарантию продолжения во что бы то ни стало войны рука об руку с союзниками; вслед за тем удалился Коновалов, воплощавший в себе концепцию постепенного приспособления промышленности к условиям нового, социально справедливого строя и бывший решительным противником ее примитивно-захватного преобразования и, стало быть, разрушения; в третью очередь удалились четыре министра-кадета, не согласившись на явочное разрешение национального вопроса в смысле более или менее радикального расчленения России; и наконец, последним вышел из правительства князь Львов, цепко державшийся за революционную власть до тех пор, пока правительственное большинство не пошло на явочное разрешение основной русской народной проблемы: земельного вопроса. При том ходе и характере, которые усвоила себе революция за

четыре первых месяца, явочность многих важных мероприятий была совершенно естественным следствием; но не менее естественно было и отстранение от правительства тех элементов, которые во главу угла ставили легальность, основанную на ясно выраженной всенародной воле. После того как представители этого элемента некоторое время пробыли «буржуазными заложниками» в правительстве советской власти, настало время им сделаться ее «буржуазными изгнанниками». Временное правительство, несмотря на настойчивое словесное признание за ним Советами всяческой высшей власти и главенства, превращалось все более в исполнительно-административный их орган, который отвечал перед ними за все свои существенные шаги, но за который и перед которым они ни в чем не были ответственны.

Этот политико-социальный процесс, с одной стороны, был в высшей степени благоприятным признаком, ибо он непреложно свидетельствовал о том, что в толще русского народного бытия росла и налаживалась новая социальная организация, которая одна только, по-видимому, могла действительно предохранить от угрожавшей со всех сторон анархии и послужить базой для воистину сильной и устойчивой политической власти.

И тому было немало и других признаков. Воспряло и развернулось не стесняемое больше царской опекой и полицейскими преследованиями профессиональное движение. Мощный толчок получило от революции также и развитие кооперативного движения. Равным образом и в сфере муниципальной и земской жизни обозначился небывалый подъем общественной переорганизации и самоорганизации и концентрации демократических сил.

Но в таком ходе развития революционного процесса было благоприятно также и то, что он совершенно произвольно влек за собою, так сказать, поправление Советов, которым приходилось уже не только надсматривать над правительством, но и доподлинно через него править страной. Начинаявший их спервоначала всяческий экстремизм (политический, национальный, экономический, интернационалистический и социальный) быстро испарился в них, и мало-помалу во всех главных вопросах русского народного бытия начинало брать верх здоровое государственное отношение к действительности

(решительное осуждение и подавление большевистских выступлений; решительная поддержка обороны и даже наступления; провозглашение борьбы с анархией и произволом всех родов; отказ предрешать судьбы национального устройства России до Учредительного собрания и т.д. и т.д.). Но, с другой стороны, — увы! — с этим советским перерождением и поправением было столь же неизбежно, по-видимому, сопряжено и развитие анархически-разлагающего фермента; ибо оно влекло за собою также поправление и отчуждение либерально-умеренных и буржуазных кругов, становившихся невольно в оппозицию к правительству, всецело подчиняющемуся Советам, а равно и полевение крайних левых, хотя и не большевистских, элементов революционной демократии, тоже начавших переходить в оппозицию, сближаясь с большевиками, но уже из противоположного мотива, т.е. из нежелания сходить с первоначальной чисто революционной и не государственной советской платформы (что и выразилось, напр<имер>, в обособлении левого крыла партии социалистов-революционеров, которое солидаризовалось с большевиками во время событий 3–5 июля). Особенно важным по своим непосредственным последствиям было первое явление. <...>³³¹ Расплатой за саботаж революционного правительства слева, практиковавшийся в течение первых четырех месяцев революции, неминуемо должен был быть саботаж справа, лишь только оказались созревшими необходимые для этого условия, т.е. лишь только элиминация умеренных левыми была закончена, самоорганизация умеренных сильно подвинута вперед и общегосударственная жизнь потрясена в руках левых рядом тяжелых ударов и несчастий. Вполне понятно, что субъективно среди честных представителей умеренного крыла демократии мысль о том, что они становятся носителями контрреволюции, вызывала глубокое возмущение; но это не становилось из-за этого менее верно объективно, ибо даже при самых лучших и возвышенных теоретически-демократических намерениях они фактически практически действовали как оппозиция основной в тот момент революционной силе. Они саботировали теперь революционную власть благодаря своему контрреволюционизму подобно тому, как совсем недавно перед тем левые элементы саботировали ее в их лице в силу своего суперреволюционизма.

Углубление кризиса

Как уже упоминалось, достигнутое, казалось, разрешение кризиса рассматривалось самими его авторами первоначально же как лишь временный выход, дабы спешно справиться с проявлениями быстро разрастающейся общей разрухи и затем уже перейти к попытке восстановить действительную коалицию. Тем более ясно это почувствовалось после того, как Временным комитетом Государственной думы 12-го июля была вынесена резолюция, в которой между прочим заявлялось, что «способ, примененный при составлении нового правительства, без обращения к Комитету как органу, который является источником власти двух первых революционных правительств, не обеспечивая правильного осуществления идей коалиции, подрывает необходимое правительству доверие населения. Если правительство не отказалось от мысли об объединении всех живых сил страны, оно не может под видом коалиции проводить проекты подчинения страны ее социалистическому меньшинству». И действительно, ясно чувствуя эту свою односторонность, Временное правительство в ночном заседании 12-го июля постановило «созвать в самом ближайшем будущем в Москве совещание представителей наиболее видных общественных организаций для выслушания сообщения правительства о современном положении дел в стране и о задачах ближайшего времени». На другой день, явившись на соединенное заседание Исполнительных комитетов, Керенский подтвердил это правительственное решение во всеуслышание, добавив: «Мы категорически указываем, что Временное правительство считает, что управление государством должно быть построено на коалиционном принципе. Мы считаем, что в настоящее время все живые силы государства, враждебные реакции и контрреволюции, должны объединиться вокруг Временного правительства, послав в его состав своих представителей». Но так как созвать такое совещание было делом нелегким и нечего было и мечтать осуществить это к первоначально предполагавшемуся сроку 18-го июля, то Керенским были немедленно же возобновлены переговоры о пополнении Временного правительства новыми членами; главным образом, конечно, с партией к<онституционных>-д<емократов> и с торгово-промыш-

ленными кругами. Но переговоры эти, сулившие спервоначала как будто бы вполне благоприятный исход, кончились полной неудачей ввиду того, что представители к<онституционных>-д<емократов> и буржуазии ставили непременно условием своего вступления в новое правительство полную безответственность его членов перед какими бы то ни было организациями; настаивая, кроме того, на необходимости отложить осуществление основных социальных реформ и разрешение вопроса о государственном строе до Учредительного собрания, между тем как Исполнительный комитет Советов ни в коем случае не согласился отказаться от многократно выставлявшегося им требования строжайшей ответственности перед ним министров-социалистов и от декларации, опубликованной правительством 8-го июля. Камнем преткновения являлось также присутствие в правительстве Чернова, против которого как раз в эти дни и в либеральной, и в правосоциалистической печати была поднята подлинная травля, начавшаяся укорами его в циммервальдизме и слухами о темном происхождении средств, на которые издавала революция его заграничный журнал, но за которого стояли, разумеется, горой социалисты-революционеры. 20-го июля Чернов подал в отставку, обратившись к Временному правительству с требованием расследовать немедленно выдвигаемые против него обвинения; и в тот же день в соединенном заседании Исполнительных комитетов ему был вынесен вотум полного доверия с пожеланием возможно быстрого возвращения его на пост. Наконец, назначенный 19-го июля на пост Верховного главнокомандующего, вместо генерала Брусилова, генерал Корнилов телеграфировал в ответ не более и не менее как следующее: «Постановление Временного правительства о назначении меня Верховным главнокомандующим я исполняю как солдат, обязанный являть пример воинской дисциплины; но уже как Верховный главнокомандующий и гражданин свободной России заявляю, что я остаюсь на этой должности лишь до того времени, пока буду сознавать, что приношу пользу Родине и установлению существующего строя. Ввиду изложенного докладываю, что я принимаю назначение при условиях: 1) ответственности перед собственной совестью и всем народом; 2) полное невмешательство в мои оперативные распоряжения и потому в назначения высшего

командного состава; 3) распространение принятых на фронте за последнее время мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии; 4) принятие моего предложения, переданного телеграфно Верховному главнокомандующему к совещанию в Ставке 18-го июля»... Неподобающий тон этой телеграммы, как и всех почти других проявлений Корнилова в эти дни, был лишь частным обнаружением того, так сказать, антиправительственного настроения высшего командного состава, которое так ярко сказалось во время совещания Ставки 18-го июля под председательством Керенского. Все это к тому же разыгралось на фоне чрезвычайно тяжелого внешнего и внутреннего государственного положения, во всех отношениях требовавшего немедленного и согласного правительственного лечения и ухудшавшегося не по дням, а по часам, ввиду правительственной дезорганизованности и слабости. При таких обстоятельствах Керенскому не оставалось ничего другого, как и самому подать в отставку, что он и сделал 21-го июля, оповестив о том письменно своего заместителя Некрасова и затем покинув Ставку.

В тот же день в 10 1/2 часов вечера в Зимнем дворце Временным правительством было экстренно созвано совещание представителей важнейших общественных и политических организаций. Общий голос всех ораторов был о том, что необходимо было уполномочить Керенского создать сильное и однородное правительство, как единственное лицо, пользующееся неограниченным доверием как умеренных партий, так и Советов и огромной популярностью в стране. Это был единственный возможный выход из кризиса, ибо несоциалистическое правительство было бы явственно лишено при наличных условиях военного авторитета; Исполнительный же комитет решительно отказался через Чхеидзе принять власть в свои руки под предлогом того, что он «не может отказаться от руководства революционными массами». Однако и этот выход, видимо, терял значение и силу ввиду того, что представители Советов соглашались поддержать правительство лишь в том случае, если оно будет неукоснительно держаться декларации 8-го июля и его социалистические члены будут по-прежнему ответственны перед Исполнительным комитетом, тогда как представители к<онституционных>-д<емократов> столь же решительно от-

вергали эти условия, заявляя что будут поддерживать всячески правительство Керенского, но войдут в него лишь при снятии двух упомянутых советских условий. На другой день, однако, резкость позиций, занятых обеими сторонами, значительно сгладилась при обсуждении правительственного кризиса в совещании Исполнительных комитетов и в Центральном комитете партии к<онституционных>-д<емократов>, и на первый план был выдвинут вотум доверия Керенскому. Этот последний, поставленный в известность о ходе переговоров и об единодушном желании членов правительства, чтобы он вернулся снова на свой пост, возвратился к вечеру из Петрограда и согласился приступить к формированию нового кабинета, причем все министры представили в его распоряжение свои портфели. В его заявлении по этому поводу между прочим говорилось: «не считая возможным при настоящих обстоятельствах, когда стране угрожает внешний разгром и внутренний разлад, отказаться от тяжкого долга, возлагаемого на меня, я понимаю его как непереносимое требование создать в кратчайший срок и несмотря на все могущие возникнуть препятствия сильную революционную власть. Я полагаю в основание осуществления этой задачи непоколебимое мое убеждение, что дело спасения Родины и республики требует забвения партийных распри для самоотверженной работы всех граждан российских в условиях и формах, властно диктуемых суровой необходимостью вести борьбу, поддержать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства».

В тот же вечер Керенский приступил к переговорам о составлении нового коалиционного правительства, что и было достигнуто им на другой день отчасти ценой компромиссов, отчасти ценой двусмысленности. А именно представители к<онституционных>-д<емократов> и промышленности как будто бы уступили основному требованию держаться декларации 8-го июля, конечно, только благодаря тому, что проведение ее в жизнь находилось в руках именно Керенского, заявившего, что оставляет за собой право на случай надобности вводить «изменения в порядок распределения работы правительства»; с другой стороны, советские представители уступали как будто бы в пункте об ответственности министров перед политическими организациями, довольствуясь лишь правом их отзыва

в случае отклонения правительственной деятельности от его «демократических задач», конечно, только благодаря тому, что de facto советский контроль над правительством целиком сохранялся благодаря присутствию испытанных советских представителей в его среде. Вопрос о Чернове, один момент грозивший было такими последствиями, так как Центральный комитет партии с <оциалистов>-р <еволюционеров> заявил, что в случае его исключения из правительственной коалиции он запретит кому бы то ни было из членов партии участвовать в ней, разрешился совсем просто благодаря тому, что за последние два дня расследование документов по выше упомянутому обвинению Чернова показало полную несостоятельность распускавшихся буржуазной печатью слухов. Затянул переговоры, между прочим, Церетели, отказавшийся от участия в правительстве, в чем левые круги хотели видеть почему-то подвох.

Государственное совещание в Москве

Хотя коалиционное правительство и удалось сформировать окончательно до проектировавшегося ранее с этой целью Государственного совещания в Москве, последнее, однако, стало для него насущной необходимостью, дабы санкционировать всенародно его полномочия и укрепить действительно его престиж. Но еще важнее, пожалуй, было сделать таким образом попытку в импозантных, государственных размерах примирить ныне совсем уже расщепившиеся и взаимно ошетинившиеся стороны: революционно-социалистическую демократию и буржуазный либерализм. Действительно, теперь чуть ли не каждый день приносил с собой новые доказательства взаимного озлобления и взаимной вражды. В органах печати и справа и слева шла отчаянная взаимная травля, при которой удары нередко сыпались дождем на голову стоящего посередине правительства. Через несколько дней по установлении правительственной власти Чернов, пользуясь, по-видимому, двусмысленным положением правительства в вопросе о программе 8-го июля, сам своей властью, не посоветовавшись со своими товарищами по правительству, издал декрет о запрещении земельных сделок, предвосхищавший по существу основную государственную задачу Учредительного собрания; что не только

вызвало бурю негодования справа, но побудило и само правительство высказаться против такой самовольщины, а председателя Центрального земельного комитета, Посникова³³², угрожать отставкой. Советские круги снова давили решительно на правительство, дабы оно ликвидировало поскорее Государственную думу как контрреволюционный центр, угрожавший Новой России: и в горьковской «Новой жизни» была сделана оскорбительная попытка оклеветать союзные правительства, тоже потребовавшие вмешательства и разъяснений правительства. В свою очередь, на торгово-промышленном съезде, открывавшемся в Москве 3-го августа, председателем его были сказаны такие слова: «водворилась шайка политических шарлатанов — давит на Временное правительство, облеченное лишь видимостью власти» и затем в целом ряде обнаружений был<и> засвидетельствован<ы> отчетливо глубокая если и не ненависть, то пренебрежительность и недоверие по отношению к этой последней. В то же время отношения с Центральной радой стали натягиваться в связи с выработкой деталей принципиально одобренной автономии: и соответствующая правительственная инструкция вызвала 8-го августа выход в отставку украинск<ого> секретариат<а>, а равно и чрезвычайно двусмысленное интервью его председателя Винниченко. В Финляндии дела шли еще хуже; упоминавшийся роспуск сейма привел к большим волнениям (всеобщая стачка) и самовольному созыву сейма. Большевицкая агитация явным образом преуспевала, чему свидетельством были выборы в Петрограде в больничные рабочие кассы, которые дали неоспоримый перевес большевикам, в связи с чем они снова начали поднимать голову и в созданном 8-го августа Центральном исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов выступили с декларацией, в которой объявили о разбойническом характере войны, заявляли об отказе поддерживать правительство и намерении работать лишь для пролетарской революции; и затем демонстративно покинули совещание. На театре военных действий неприятельское наступление на Румынском фронте становилось с каждым днем грознее; продолжал также день изо дня развиваться и расти развал армии, одним из резких проявлений которого было убийство солдатами генерала Пургасова³³³, между тем как высший командный состав во главе с

Корниловым, при явном одобрении управляющего Военным министерством Савинкова и верховного комиссара Филоненко, не переставал в требовательном тоне побуждать правительство к восстановлению в армии (и на фронте и в тылу) более или менее старой железной дисциплины. Атмосфера, особенно в столице, была насыщена вообще электричеством: было неспокойно и справа и слева: настолько неспокойно, что в ночь на 1-ое августа бывший царь с семьей был вывезен по правительственному распоряжению, секретно, из Царского Села по неизвестному направлению, которым оказался потом город Тобольск (куда правительство переводило его ввиду невозможности выполнить свое первоначальное решение вывезти его в Англию, на котором лежало советское veto).

При таких условиях Государственное совещание было для правительства насущной необходимостью; и оно действительно открылось 14-го августа в 3 часа дня в Большом московском театре и продолжалось три дня. Большевики и украинская Центральная рада отказались послать своих представителей: первые — по мотивам социалистического доктринерства, вторые — по соображениям националистического экстремизма. Весь первый день ушел на доклады правительства, сделанные Керенским, Авксентьевым, Прокоповичем³³⁴ и Некрасовым о положении страны и революции и насущных нуждах программы мероприятий, которой решило следовать правительство. В центре всех речей стоял призыв к всегражданскому и внепартийному единению во имя спасения свободной Родины и заявление, что лишь при всеобщей искренней, бескорыстной и неограниченной поддержке правительство может надеяться вывести страну из этого ужасающего развала, в который она вовлечена стихийным ходом событий. Среди срочных практических мероприятий были выдвинуты: дисциплинирование армии через посредство сохранения армейских комитетов, дисциплинарных судов и комиссаров, назначенных военным министром; укрепление местной власти в лице самоуправления, при строгом надзоре за законностью со стороны центральной власти; поднятие производительности труда путем введения трудовой повинности, государственного контроля над производством и предотвращения вмешательства рабочих в управление промышленными предприятиями; подго-

товление и разработка аграрной реформы, которую осуществить дано лишь Учредительному собранию, воздерживаясь тщательно от каких бы то ни было предпрещающих действий; максимальное и всестороннее обложение имущих классов, которое, однако, не вредило бы самой промышленности. Захватывающую двухчасовую речь, полную почти что жертвенной экзальтации, беспредельного трагизма и в то же время зрелого и уравновешенного государственного смысла, произнес Керенский, прерывавшийся многократно выражениями одобрения, переходившими несколько раз в овации. Он объявил Родину в смертельной опасности, но вместе с тем показал, что правительство единственной и главной целью своей деятельности ставит задачу «спасения государства», ограждения чести и достоинства всего народа русского и государства Российского в борьбе со всем, что разрушает эту единственную силу, и с теми, кто мешает и препятствует задачам Временного правительства, им себе поставленными, и в связи с этим он дважды торжественно и в то же время с величайшим надрывом объявил, что власть будет прекращать все попытки поднять на нее вооруженную руку «железом и кровью», безразлично, откуда бы они ни исходили: справа или слева. Чрезвычайно сильное впечатление на собравшихся произвело, когда Некрасов сообщил следующие данные о финансовом положении Родины: если за последние месяцы 1914 года бумажных денег выпускалось в среднем в месяц на 2,19 миллиарда рублей, в 1915 г. — на 2,23, а в 1916 г. — на 2,91, то в в первые месяцы 1917 года выпуск их был по 4,22 миллиарда, а с марта их выпускается по 8,23 на месяц. В то же время поземельный налог упал на 32%, налог на городские имущества — на 41%, квартирный — на 43% и т.д.

На другой день начались доклады отдельных представителей различных общественных организаций. Среди них иные мягко советовали (представители Государственной думы), иные настаивали, иные формулировали требования. В этот день, по содержанию деклараций и по настроению делегатов, сразу же стал ясен двойственный характер совещания, наличие в нем двух сторон, и при том двух сторон, находившихся в явном антагонизме между собой. Центральными моментами этого дня были, бесспорно, речь Верховного главнокомандую-

щего Корнилова и декларация Советов, оглашенная Чхеидзе. Речь Корнилова была безотрадным, деловым, сухо-солдатским рассказом о болезни армии и о необходимых мерах по ее оздоровлению; и понятно, ее главный и единственный упор был на требовании восстановить железную дисциплину путем решительного укрепления власти командного состава. «Я не являюсь противником комитетов, — говорил Корнилов, — я с ними работал как командующий 8-ой армией и как главнокомандующий Юго-Западного фронта, но я требую, чтобы деятельность их протекала в круге интересов хозяйственного внутреннего быта армии, в пределах, которые должны быть точно указаны законом, без всякого вмешательства в область вопросов оперативных, боевых и выборов начальников...» Кратко и выразительно это требование было сформулировано несколько спустя представителем казачества, генералом Калединым³³⁵ в 11 пунктах, из которых особенно внушительно звучали три следующих: «2) все Советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу, кроме полевых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений; 3) декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей; ...5) тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены и к тылу...» Совсем иного порядка была, конечно, советская декларация, требовавшая от власти более решительного и точного проведения программы 8-го июля и заявлявшая о необходимости для нее всецело опираться на революционную демократию, в этой последней черпая свои силы, вдохновение и веру. «В неслыханных испытаниях, обрушившихся на Россию, — гласила между прочим эта декларация, — только самостоятельностью и сознательностью народа может быть спасена страна, уже дышавшая живительным воздухом свободы. И только власть, опирающаяся на силы многомиллионного народа, сосредоточенная в его бесчисленных организациях, способна вывести страну из трагического положения, способна справиться с натиском внешних и внутренних врагов. В этих условиях всякая попытка разрушить демократические организации, подорвать их значение,

вырыть пропасть между ними и властью и сделать власть орудием в руках привилегированных и имущих есть не только измена делу революции, — это есть прямое предательство Родины, которая погибнет в тот самый день, когда на страже ее не будут стоять сознательные, дисциплинированные, самодеятельные и организованные массы трудящегося народа...»

Говорившими затем и в этот день, и в последующий ораторами было сказано немало решительной, подчас достаточно резкой и ядовитой критики справа налево против правительства и особенно против левой демократии; так что все меньше и меньше чувствовалось то единодушие, которое владело, казалось, собранием в первый день под влиянием жгучего призыва Керенского; и сам зал разделился как-то определенно на две части, аплодировавшие каждая своим ораторам. Примирительные ноты, явственно прозвучавшие в двух речах Церетели, не остановившегося перед утверждением, что Советы должны предоставить Временному правительству всю полноту власти, не смогли возобладать над настойчивым обвинительным упором речей Гучкова, Шульгина, Маклакова, Родзянко, Миллюкова, генерала Алексеева. Только после речей представителей «группы русской истории», Брешко-Брешковской, Кропоткина и Плеханова, как-то снова почувствовался в зале электрический ток объединения, каковое затем сказалось особенно ярко в конце совещания в речи представителя крупной промышленности, Бубликова, заявившего, что, несмотря на все недоверие к буржуазии со стороны революционной демократии, она все <же> протягивает этой последней свою руку и готова жертвенно работать под ее руководством на благо Родины. Это заявление Бубликова было подкреплено затем фактическим пожатием рук между ним и Церетели, как бы в знак достигнутого примирения и союза, что вызвало взрыв энтузиазма в собрании.

Закрывая совещание и как бы отвечая всем высказанным за эти дни противоположным мнениям, Керенский еще раз остановился, — и все с тем же жертвенным трагизмом в душе и в голосе, — на общих задачах власти; еще раз подчеркнуто показал, что она должна быть поелику возможно сильной и авторитетной, но бесповоротно и всецело демократической.

Разложение растет...

Если бы московское совещание было просто очередным собранием представителей различных организаций, хотя бы и во всероссийском масштабе, с целью обменяться мнениями и послушать друг друга и если бы оно происходило в более или менее спокойной обстановке, то можно было бы признать, что оно блестяще выполнило свою задачу. Но его предназначение было совсем другого, гораздо более ответственного и многозначительного рода: оно должно было найти выход из создавшегося революционного тупика и хаоса, должно было послушать как бы трамплином, оттолкнувшись от которого слабая, зависимая, двойственная государственная власть стала бы властью единой и сильной, в себе сконцентрированной и самодовлеющей, способной разом вырвать страну из хищных когтей внутреннего развала. Московское Государственное совещание было последней значительной государственной попыткой революционной власти возобладать над грозно надвигающейся политико-социальной анархией; было последней ставкой революционного порядка. И в этом смысле оно было, безусловно, самым напряженным и самым трагическим моментом в ходе Мартовской революции. Правда, правительство на словах и официально поставило ему как будто ту первую и неизмеримо более скромную цель всероссийского политического совещания; но для всякого участника или наблюдателя его было ясно как Божий день, что это Земский собор всея земли Русской собрался на три дня в самом сердце России, чтобы решить, как быть земле сей и Родине, и влить во власть всю нужную ей физически и духовно титаническую силу. И в этом отношении московское совещание не выполнило своего предназначения, не оправдало возлагавшихся на него ожиданий: последняя ставка демократически-революционного правительства была тут бита; и все, что последовало затем, было лишь судорожно тормозимым, но неуклонным скатом к окончательному торжеству политического хаоса, к гражданской крови, к революционной тирании.

В самом деле, оно прежде всего и самым наглядным образом продемонстрировало существование глубокого внутреннего антагонизма в сфере действующих сил революции между

правым либерально-буржуазным крылом, революционно-демократическим центром и крайней левой стороной. Если отвлечься от красноречия и словесности и минутного увлечения некоторых ораторов сентиментализмом, то объективно, по существу дела, совещание не только ничего не примирило, но, наоборот, обнаружило ясную, упрямую непримиримость. И Керенский, в своем заключительном резюме, вынужден был почти что виновато интерпретировать эту непримиримость как всегдашний и естественный политический факт, которым якобы и создается прямая задача для правительства: править поверх антагонизмов и несмотря на них. Во-вторых, московское совещание показало во всей наготе бессилие и беспочвенность коалиционного правительства, вместо того, чтобы придать ему силы и вескость. Все услышали тут, что правительство гордо тем, что действует поелику возможно демократически, что прибегнет к мерам насильственным лишь в самом крайнем случае, пускай даже под угрозой опасности опоздать с ними; и для всякого жизненного и реального стало, после этого, ясно, что оно без всякого сомнения опоздает, не остановит страны в ее бешеном беге в пропасть развала и анархии.

Всему этому многозначительным свидетельством было то, что происходило во время самого совещания и в ближайшие дни после него в государстве Российском. В тот самый час, когда Церетели заявлял, как представитель Советов, о передаче всей власти наконец правительству, в Петрограде толпа кричала на улице: «Долой Временное правительство!» В Москве в день открытия московского совещания бастовало до 400 тысяч рабочих, выразивших тем, по предложению большевистских кругов, свой протест против «буржуазно-контрреволюционного» собрания. На Румынском фронте под натиском врага началось кое-где беспорядочное бегство русских войск, а затем разом стало грозно положение у Риги. В Казани произошли страшные взрывы на заводах, работавших на оборону, сопровождавшиеся солдатским бунтом и дикими эксцессами. Одновременно в Финляндии пришлось воспрепятствовать собраться насильственно пытавшемуся было собраться, вопреки правительственному распоряжению, сейму. С другой стороны, в те же дни Временное правительство было обеспокоено донесениями об усиленной деятельности в контрреволюционных

кругах и организациях, что побудило его даже к целому ряду неожиданных и решительных мероприятий, напр<имер>, к временному аресту нескольких великих князей, по личной инициативе Керенского, и к целому ряду высылки. Большевики окончательно осмелели, восстановив свое утраченное было после неудачи 3–5 июля влияние в рабочих массах Петрограда, и город снова находился все время под угрозой их возможных выступлений. Под их явственным давлением Петроградский совет вотировал, несмотря на все сопротивление Церетели, резолюцию об отмене смертной казни на фронте, а затем высказались за освобождение арестованных по делу о восстании большевиков; и при выборах в Петр<оградскую> думу они заняли второе место (с<оциалистов>-р<еволюционеров> 75, больш<евиков> 67, к<онституционных>-д<емократов> 42). Да <и> в самом правительстве дела шли далеко не согласно. Происходили обособленные совещания правого и левого крыла правительства.

Министр юстиции чувствовал себя не по себе и собрался уходить ввиду того, что Керенским при ликвидации контрреволюционного заговора был совершен целый ряд шагов, подлежащих его компетенции, без его ведома. Чернов оказался в абсолютном меньшинстве по земельному вопросу и тоже, видимо, решил ретироваться. Из-за разногласий и стесненности такое же намерение обнаруживал министр продовольствия Пешехонов. Уже через какую-нибудь неделю после московского совещания правительство оказалось настолько недееспособно, что сам собою встал и горячо обсуждался и справа и слева вопрос о его полной переорганизации.

Особенно сильный удар общегосударственному механизму и престижу власти был нанесен молниеносной потерей Риги, как бы в исполнение предостережений, высказанных на московском совещании Корниловым. Настали дни напряженной неопределенности, полной самых грозных слухов, предположений, подозрений, намерений и возможностей. Слева направо муссировались усиленно рассказы о контрреволюционных выступлениях, справа налево ползли слухи о неминуемости большевистских действий в полугодовщину революции. Приближение фронта к столице сильно взбаламутило рабочих, почувствовавших прямую угрозу вражеской оккупации; и как на

грех стала особенно остро чувствоваться разруха в продовольствовании повсюду в России и особенно в Петрограде, лапидарно характеризующаяся следующей таблицей: было доставлено в столицу вагонов муки:

	по жел<езной> дороге	по воде
В июле 1916 г.	77,7	100,2
В июле 1917 г.	22,1	1,1

Восстание Корнилова

Но московское совещание не только не выполнило своей основной и ответственной задачи, а и послужило, правда, косвенно, к облегчению организации умеренно-либеральных и правых сил. Именно им был вызван предварительный съезд правых и умеренных политических деятелей в Москве 8–10 августа, который был как бы прелюдией и подготовительной репетицией московского совещания справа. Между прочим, на совещании присутствовали генералы: Алексеев, Брусилов, Каледин и Юденич³³⁶. Председательствовал Родзянко; наиболее левым элементом были представители Крестьянского союза. Во время совещания было высказано немало суровой критики и острых упреков по адресу правительства, не говоря уже о советской демократии. Делегатом совета Союза казачьих войск была оглашена резолюция о несменяемости Корнилова на посту Верховного главнокомандующего, так как-де он является единственным залогом возврата к строгой военной дисциплине и успешного продолжения борьбы с врагом Отечества. В связи с этим Корнилову было послано совещанием следующее приветствие: «Совещание общественных деятелей приветствует Вас, Верховного вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв Вашего авторитета в армии и России оно считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, Георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжкого испытания вся мыслящая Россия смотрит на Вас с надеждой и верой». Заключительная резолюция о политическом положении, предложенная Милюковым, была

выдержана в духе условий и требований, выдвигавшихся все последнее время Партией народной свободы. Это малое собрание собиралось также и в течение московского Государственного совещания, а затем выделило постоянный комитет и решило собираться и впредь периодически. После падения Риги и среди напряженной неопределенности положения и всяческих воображаемых и действительных угроз и справа и слева, им была опубликована 26-го августа резолюция, решительно настаивающая на установлении «железной» власти, воодушевленной «национальной идеей» и совершенно и действительно независимой от «всяких» Советов и иных организаций.

Да и само московское Государственное совещание послужило в достаточной мере благоприятной средой для довершения организации и официального выступления умеренно-правой оппозиции. В то время как предварительное совещание правых и умеренных элементов было строго закрытое, на Государственном совещании слова критики правительства справа, сопровождавшиеся настаиванием на необходимости установления твердой власти и сокращения значимости и прерогатив революционной демократии, были сказаны перед лицом всего народа русского и всему народу русскому. И странно и неблагоприятно в конце концов контрастировали с этим значительно более мелкие, уступчивые выступления слева, а равно и грозная только на словах и совершенно явственно беспочвенная и бессильная позиция Керенского «между двух стульев». Кроме того, около московского совещания и в связи с ним как-то разом усилилась политическая жизнь Ставки, ввиду постоянного ее посещения представителями различных организаций и видными политическими деятелями. Шли также усиленные и учащенные заседания на некоторых частных квартирах. В Москве Корнилову было устроено нечто вроде торжественного въезда, как будто бы он был самым настоящим ставленником в диктаторы. Всеми чувствовалось, что направо складывается новая действенная сила, которая готовится к выступлениям. Но даже само правительство, недурно информированное обо всей этой закулисной подготовительной работе правых и умеренных кругов, не придавало этому большого значения, считая свое положение крепким ввиду явственной поддержки со стороны большинства страны. Только изощренный нюх

крайних левых, — и в силу своей изощренности, конечно, для данного момента преувеличенно взвинченный, — давал им почувствовать, чем здесь в действительности пахло. Только крайняя левая <сторона> была глубоко обеспокоена, и волновалась, и требовала ликвидации еще не существующего актуально, но уже потенциально назревающего движения, и тем, конечно, невольно, по контрасту, поддавая только жару. И события — увы! — не замедлили тотчас же после падения Риги подтвердить, что в этой чрезвычайной подозрительности была большая доза реального смысла.

23-го августа в Ставку приехал Савинков с предложением Керенского Корнилову направить в распоряжение Временного правительства отряд войск, при непереносимом условии, чтобы во главе отряда не было ген<ерала> Крымова³³⁷, назначенного одновременно командующим 2-й армии, и чтобы с отрядом не посылалось туземной кавказской (так называемой) «дикухой» дивизии. Этот отряд должен был служить военной базой для Временного правительства в случае противоправительственных волнений (о которых усиленно муссировались слухи слева) вообще или возможных эксцессов при эвентуальной эвакуации правительственных учреждений в Москву (в случае прямого движения врага на столицу), а равно также и потому, что петроградские войска было решено вывести немедленно же на позиции, к чему и было приступлено. Хотя Савинков и нашел ген<ерала> Корнилова в высшей степени настроенным против Керенского, а настроение в Ставке показалось ему «напряженным», ему удалось все же заручиться согласием генерала и даже получить от него заверение в поддержке Керенского, после того как Савинков по своей инициативе постарался уверить его в том, что Керенский окончательно принял программу установления твердой власти; и вот 25-го августа, по возвращении в Петроград, Савинков довел об этом до сведения Керенского. Между тем Корнилов 24-го августа вызвал генерала Крымова в Ставку и назначил ему отряд, выступавший в Петроград, не только включив в него «дикухую» дивизию, но послав ее головною частью и снабдив его вслед (26-го августа) специальным заданием, которое гласило: «В случае получения от меня (ген<ерала> Корнилова) или непосредственно на месте сведений о начале выступлений большевиков, немед-

ленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнули к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы». Того же 26-го августа в кабинет Керенского проследовал В.Н. Львов (бывший обер-прокурор Св. синода) и, сказав, что он является с «формальным предложением» от Корнилова, сделал следующее заявление (которое тотчас же, по просьбе Керенского, изложил в письменной форме): «Генерал Корнилов предлагает: 1) Объявить Петроград на военном положении; 2) Передать всю власть военную и гражданскую в руки Верхнего главнокомандующего; 3) Отставка всех министров, не исключая и министра-председателя, и передача временно управления министерствами товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим».

Савинкову и Керенскому предлагалось в ту же ночь выехать в Ставку для совещания и назначения соответственно на посты министров военного и юстиции. В тот же вечер попозже Керенским по прямому проводу было получено от генерала Корнилова подтверждение того, что изложил Львов; и затем, когда этот последний повторил Керенскому еще раз корниловское «предложение» — он был взят под стражу, а Керенский перешел к решительным действиям. В ночь с 26-го на 27-е в заседании Временного правительства Керенский доложил обстоятельства дела, заявив, что будет решительно бороться с выступлением Корнилова, и предложивши, как первую меру, отрешение его от должности; и все министры за исключением Зарудного³³⁸ передали в распоряжение Керенского свои портфели и всю полноту власти. На другой день правительством были приняты решения: объявить Петроград с уездами на военном положении, обратиться к населению с воззванием о выступлении Корнилова, но ранее попробовать уладить конфликт миром, переговорив с главнокомандующим по прямому проводу; это последнее решение навертывалось само собой тем более, что новые полученные сведения (в частности, данные Савинковым) говорили за то, что в значительной мере конфликт зиждется на недоразумении. Тем временем в Ставке у Корнилова шло вовсе подготовление правительственной перетасовки. В компании с несколькими

из ближайших своих советчиков (Завойко³³⁹, Аладьин³⁴⁰, верховный комиссар Филоненко и др.) Корнилов вырабатывал реконструкцию правительственной власти и программу дальнейшего правления. Из разных проектов больше всего одобрения снискало образование «Совета народной обороны» с Корниловым во главе. Одновременно были посланы телеграфные приглашения пожаловать в Ставку «излюбленным людям» вроде Родзянко, Милюкова, Маклакова и др. Была установлена связь с рядом других надежных представителей высшего командования на фронте и в тылу и т.д. и т.п. К несчастью, из новых переговоров ничего не вышло, ибо Корнилов на предложение сдать командование отвечал решительным отказом. И тогда-то было опубликовано следующее правительственное «обращение к населению», подписанное одним только Керенским ввиду формального сложения с себя полномочий всеми другими министрами.

«Объявляю!

26-го августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Гос<ударственной> думы В.Н. Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО для управления страной. Действительность полномочий члена Гос<ударственной> думы Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре со мной по прямому проводу. Усматривая в предъявлении этих требований, обращенных в моем лице к Временному правительству, желание некоторых кругов русского общества воспользоваться тяжелым положением государства для установления в стране государственного порядка, противоречащего завоеваниям революции, Временное правительство признало необходимым:

Для спасения РОДИНЫ, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан.

Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность.

Вместе с тем приказываю:

1) Генералу Корнилову сдать должность Верховного главнокомандующего генералу Клембовскому³⁴¹, главнокомандующему армиями Северного фронта, преграждающего пути к Петрограду. Генералу Клембовскому временно вступить в должность Верховного главнокомандующего, оставаясь в Пскове.

2) Объявить г. Петроград и Петроградский уезд на военном положении, распространив на него действие правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении (Св<од> Зак<онов Российской империи>, т. 2 общ<ее> учр<еждение> губ<ернское> ст<атья> 23 и прил<ожение> к ней 1892 г., а по прод<олжению> 1912 г.).

Призываю всех граждан к полному спокойствию и сохранению порядка, необходимого для спасения Родины. Всех чинов армии и флота призываю к самоотверженному и спокойному исполнению своего долга — защиты Родины от врага внешнего».

В тот же день Исполнительными комитетами было решено образовать из представителей левых революционных организаций особый «Комитет по борьбе с контрреволюцией», который бы сосредоточил в себе немедленное и энергичное противодействие демократии реакционному покушению. Генерал-губернатором Петрограда был назначен Савинков; тотчас же с фронта были вызваны петроградские части, туда уже было направленные. Ввиду поступивших сведений о приближении из Ставки корниловских войск, в 44 верстах от Петрограда был разобран на значительном расстоянии железнодорожный путь; а навстречу контрреволюционным войскам были высланы верные правительству войска, а равно и представители революционной демократии для увещаний.

28-го стало известно в Петрограде ответное объявление Корнилова, составленное уже в совершенно мятежных терминах и гласившее: «Телеграмма министра-председателя за № 4163 во всей своей первой части является сплошной ложью: не я послал члена Гос<ударственной> думы Владимира Львова к Вр<еменному> правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя. Тому свидетель член Гос<ударственной> думы Алексей Аладьин.

Таким образом, свершилась великая провокация, которая ставит на карту судьбу Отечества.

РУССКИЕ ЛЮДИ!

Великая Родина наша умирает! Близок час кончины. Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство под давлением большевистского большинства Советов действует в полном согласии с планом германского Генерального штаба, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели страны повелевает мне в эти грозные дни призвать всех русских людей к спасению умирающей Родины. Все, у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога, в храмы, молитесь Господа Бога об объявлении величайшего чуда, спасения Родной земли. Я, генерал Корнилов, сын казенного крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ — путем победы над врагом — до Учредительного собрания, на котором он сам решит свою судьбу, выберет уклад своей новой государственной жизни.

Передать же Россию в руки ее исконного врага — германского племени, — сделать русский народ рабами немцев я не в силах и предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский народ! В твоих руках жизнь твоей Родины!»

Этим, по существу, путь к какому бы то ни было компромиссному разрешению конфликта был окончательно отрезан; и явившемуся к Керенскому в сопровождении генерала Алексеева Милюкову с предложением и устрашением якобы «реальной силой Корнилова» пришлось выслушать решительный и бесповоротный отказ. И Керенский решился это сделать, несмотря на то, что это был как раз самый неопределенный момент в смысле вероятного исхода столкновения: с фронта были получены сведения о переходе командующего Западным фронтом Деникина на сторону Корнилова; генерал Клембовский, командовавший Северным фронтом, как-то странно уклонялся и от действия, и от ответа, цепляясь за формальности; о генерале Каледине тоже были получены неблагоприятные известия с Юга; и даже в среде самой демократии замечалась большая нервность, а иногда и серьезные колебания.

На другой день, 29-го августа, сотни телеграмм со всех сторон России возвестили правительству о том, что громадное большинство населения и войск стояло горой за него и что Корниловское восстание не могло нигде в России иметь успеха, а благодаря целому ряду принятых правительственными и революционными органами мер, главным образом, среди войск на фронте, а равно и вокруг столицы, правительство могло выпустить сообщение, гласившее: «Мятежная попытка генерала Корнилова и собравшейся вокруг него кучки авантюристов остается совершенно обособленной от всей действующей армии и флота... Лишь небольшие отряды войск, двинутые генералом Корниловым к Петрограду, остаются в заблуждении, но дальнейшее движение этих эшелонов остановлено, связь между ними прекращена... Из провинции отовсюду получают сведения о полной верности войск и населения Временному правительству и от всяких общественных организаций — заявления о решимости поддержать правительство...» Уже в этот день, а в особенности на другой, самими общественными организациями и в особенности армейскими комитетами на фронте была проявлена кипучая деятельность по ликвидации контрреволюционного покушения, выразившаяся в целом ряде арестов, между прочим, генерала Деникина, генерала Маркова³⁴², Гучкова, Пуришкевича, Шульгина и т.д. От частей, входивших в отряд, двигавшийся на Петроград под командой генерала Крымова, стали получаться заверения об их преданности правительству, с указанием на то, что они были обманно двинуты против правительства. 30-го назначенный указом Временного правительства на пост Верховного главнокомандующего, Керенский, в приказе по армии и флоту мог уже заявить: «Безумная попытка военного мятежа главного Верховного главнокомандующего и ничтожной кучки генералов закончилась полной неудачей, и виновные в мятеже предаются военно-революционному суду...» Начальником Генерального штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал Алексеев, на которого была возложена миссия арестовать Корнилова. В этот день прибыл в Петроград вызванный Керенским генерал Крымов. Покинутый войсками и вскоре после объяснения с министром-председателем, который обнаружил его двусмысленную роль и его действительные намерения, <Кры-

мов> покончил самоубийством; а генерал Корнилов сдался и был арестован в Ставке вместе с генералами Лукомским³⁴³, Романовским³⁴⁴, Плющевским³⁴⁵, а также Завойко, Кисляковым³⁴⁶ и Аладьиным, сыгравшими такую роковую роль во всем этом деле. Отголоском противоправительственного выступления генерала Корнилова был самовольный расстрел в ночь на 1-ое сентября 4-х морских офицеров по постановлению комитета линейного корабля «Петропавловск», расстрел, явившийся, увы, первой ласточкой воспоследовавших избиений и преследований офицерского состава со стороны солдатской массы.

Последствия восстания

Таким образом, поднятое генералом Корниловым восстание было ликвидировано без пролития крови и в короткий срок. Тем не менее потрясение, нанесенное им государству Российскому, было очень глубоко. Прежде всего, генерал Корнилов повредил именно тому делу, над осуществлением которого старался, делу воссоздания боеспособности армии. Он хотел усилить власть и авторитет офицерского состава, но благодаря его мятежу они настолько вообще пали, что в некоторых местах произошли кровавые эксцессы и повсеместно в солдатской массе возвратилась подозрительность. Он хотел ограничить сурово деятельность армейских комитетов, но в результате их функции и прерогативы и авторитет значительно расширились на деле; он хотел изгнать политику из армии и разжег поелику возможно политические страсти. В итоге получилось, что все сделанное для оздоровления войска с черных дней не удавшегося в начале июля наступления, ознаменовавшегося позорным бегством и гнусными насилиями и грабежами, пошло также насмарку. Есть средства, которые губят цель, ради которой применяются; и генерал Корнилов избрал — увы! — именно такие средства. Нельзя было восстанавливать государственный порядок путем военных заговоров, нельзя было изгонять политику из войска, поднимая его на правительство. Но последствия Корниловского восстания были еще того шире и глубже. Оно вызвало новый и чрезвычайно продолжительный кризис власти, сильно расшатавший ее устойчивость и престиж. Оно всколыхнуло группы революционной демократии и резко толкнуло их влево

к ждавшим уже этого «удобного» момента большевикам. В Петроградских и Московских советах тотчас же почувствовалось заметное преобладание большевистского настроения и большевистской ориентации, что нашло себе выражение, прежде всего, в резолюциях, требовавших передачи власти в руки Советов. Вслед за тем это полевание стало сказываться с каждым днем все сильнее и сильнее и быстро привело к захвату ими Исполнительного комитета Петроградского совета и к решительной победе на московских районных городских выборах.

Такой результат был вполне естественен. Прежде всего, ввиду соотношения сил страны, подавляющее большинство которых — под влиянием ли крайних демагогических лозунгов, суливших столько заманчивых вещей и так легко увлекавших толпы, или в силу искренней преданности революции — было в этот момент, бесспорно, революционно настроено и тянуло влево. Затем, ввиду того, что Керенский и его друзья были в общем *au courant*¹ подготовляющихся выступлений справа с целью установления сильной диктаторской власти и железной дисциплины и подготовлены со своей стороны.

Наконец, и потому также, что во главе движения стал такой человек, как Корнилов. Это был человек, совершенно чуждый не только политики, но и государственности в широком смысле этого слова. По воспитанию и выучке с ног до головы солдат, от природы человек, склонный к приключениям и опасным предприятиям, он был менее всего приспособлен к руководящей роли не то что бы в государственной жизни, но даже просто в жизни большого войска, руководство которым требует большой разносторонности характера и знаний и большой административной ловкости и опыта. Этот, так сказать, примитивизм, выражавшийся в солдатской односторонности и узости, да импульсивность характера, типичная для любителя приключений, не позволили генералу Корнилову хорошенько ориентироваться в социально-политическом состоянии России. Он способен был на все смотреть лишь с узковоенной точки зрения нужд данного момента; и всегда был склонен рубить сплеча, только бы добиться их немедленного и максимального удовлетворения. Это проявилось тотчас же после первого на-

¹ в курсе (фр.)

значения его на ответственный пост, когда он послал Керенскому знаменитую телеграмму, кончавшуюся словами: «Довольно! Если правительство не утвердит предлагаемых мною мер и тем лишит меня единственного средства спасти армию и использовать ее по действительному назначению защиты Родины и свободы, то я, генерал Корнилов, самовольно слагаю с себя полномочия главнокомандующего». И все действия Корнилова в течение его кратковременного пребывания сначала на посту главнокомандующего Юго-Западным фронтом, а потом на посту Верховного главнокомандующего поражают именно военной узостью и государственно-политической примитивностью. Благодаря такому неумению ориентироваться в происходящем, генерал Корнилов выбрал совершенно безнадежный для своего выступления момент. Для большей вероятности успеха он непременно должен был бы обождать хотя бы частичного проведения одобренных правительством мер по оздоровлению армии и поднятия дисциплины, или новых и действительно серьезных большевистских выступлений, которые бы еще более сдвинули демократические круги вправо, или же хотя бы новых крупных военных неудач и несчастий. Но он, как всегда, стал рубить сплеча в своем солдатском нетерпении и упрямстве и потерпел, натурально, полное фиаско. По тому же самому он окружил себя в Ставке элементами, совершенно не соответствовавшими его основной цели восстановления боеспособности войск, ибо своими ближайшими помощниками он сделал либо военных вроде ген<ерала> Лукомского, насквозь проникнутых духом старого режима и способных в те поры только ставить палки в колеса военной реформе; либо политических авантюристов вроде Аладьина, либо просто проходимцев вроде Завойко; и, разумеется, благодаря своей политической простоватости и наивности и своей солдатской узости и недальнорзкости, он тотчас же превратился в орудие их замыслов, в игрушку в их руках.

По фатальной иронии судьбы, ему пришлось иметь дело в лице Керенского с человеком совсем другой закваски и совершенно другого покроя. Корнилов — душою и телом солдат, Керенский — типичное воплощение русской интеллигенции. Первый — носитель силы принуждения, второй — носитель права и справедливости. Первый — диктатор по темперамен-

ту и натуре, второй — диктатор по обязанности и с глубоким надрывом и скорбью в душе. Первый — сама решительность, сам *impetus*¹ действия, второй — скорее нерешительный и слабый, и решительный лишь в минуты высочайшего нервного, почти истерического напряжения и подъема, решительный с отчаяния. Первый — культурный примитив и политическое ребячество; второй — и культурно и политически разносторонний, одаренный и опытный человек. Первый, благодаря своему примитивизму, чрезвычайно решительный и определенный, ясный тип, второй — скорее неопределенный, скорее нерешительный, скорее выжидатель, скорее примиритель, скорее медиатор. Для Корнилова все сосредоточивалось в слове «Родина»: он думал только о том, как защитить ее от врага; Керенский был истинный и самый чистый и благородный рыцарь «Русской революции»: и Родину, и войну он мыслил, понимал и принимал лишь в революционно-демократической интерпретации и формации. Генерал Корнилов был готов расстреливать направо и налево, лишь бы только возродить дисциплину и заставить солдат воевать; Керенский же в один из пароксизмов ораторского энтузиазма обещал проклясть самого себя, если подпишет хоть один смертный приговор, ибо он был истинный трибун народный, истинный народник, истинный вершитель народоправства и в этом смысле самый подлинный и чистый представитель советизма. Трудно было подыскать двух выдающихся людей столь разной формации и поместить их на самые ответственные посты в революционной России. И когда это стало фактом, можно ли было сомневаться в неминуемости конфликта? Мог ли Корнилов воздержаться от того, чтобы попробовать резко и решительно навязать свою волю защитить Родину от врага? Мог ли Керенский не воспротивиться этому со всею энергией отчаяния, во имя революции и завоеванного ею демократизма?

Нет никакого сомнения в том, что Корнилов лично был совершенно чужд каких бы то ни было реакционных затей и отнюдь не собирался ни начинать, ни помогать контрреволюции. Теоретически его намерения были совершенно здравы и вполне совпадали с видами самого революционного прави-

¹ толчок, импульс (лат.)

тельства. Зато практически, лишь только он начал проводить их в жизнь, сразу же в воздухе запахло реакционностью царской эпохи; и что было еще того хуже и грознее, так это то, что тотчас же за спиною и вокруг Корнилова сплотились те круги и элементы, которые всем своим прошлым были теснейшим образом в том или другом отношении связаны с предыдущей эпохой и которые, невзирая на революционные слова, невольно несли с собою реакционный дух. Бесспорно, для данного момента не было еще никакой осязательной опасности контрреволюционного движения; люди хотели лишь сильной власти и мыслили ее себе неукоснительно как такую революционную власть, которая, продолжая энергично войну, доведет народ до Учредительного собрания. Однако для будущего и, возможно, даже для близкого будущего в этом заключалась несомненная контрреволюционная угроза; ибо торжество Корниловщины означало смерть Советов, тех самых Советов, которые показали себя фактически основными организационными ячейками революционного режима. Так что смерть Советов была бы также и смертью революции. Вот почему Керенский резко и решительно прекратил выступление Корнилова.

Глава 5 НАКАНУНЕ ПАДЕНИЯ

Правительственная чехарда

Ультиматум Корнилова послужил решительным толчком к правительственному кризису, назревавшему, впрочем, и без того уже, но разразившемуся с особенной силой и резкостью ввиду исключительно трудных и грозных политических обстоятельств. Вся полнота власти с согласия других членов Временного правительства с этого момента была сосредоточена в руках Керенского, который объявил себя через два дня также и Верховным главнокомандующим.

Первой мыслью Керенского было образование Директории из 5 лиц в составе его самого, Савинкова, Никитина³⁴⁷, Кишкина³⁴⁸ и Терещенко. Но на другой уже день ему пришлось оставить

эту мысль ввиду того, что к<онституционные>-д<емократы> высказались решительно против такой затеи; точно так же и большинство Исполнительного комитета Советов, в конце концов, оказалось против этого, после того как стало ясно, что каждая партия хотела видеть в Директории своих лидеров и, в частности, туда должен был неминуемо попасть неотъемлемый Чернов. Исполнительные комитеты зато настаивали на возможно скорейшем созыве нового совещания из представителей истинно демократических организаций, которое бы состояло при правительстве в качестве совещательного органа до открытия Учред<ительного> собрания. Советская резолюция гласила: «Предоставить товарищу Керенскому формирование правительства, центральной задачей которого должна являться самая решительная борьба с развалом и генералом Корниловым. Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительный комитет <Советов> крестьянских депутатов обещают правительству самую энергичную поддержку в этой борьбе».

Получив такую санкцию слева и зная готовность содействовать ему справа, Керенский первым делом предложил остаться во Временном правительстве, на прежних основаниях, всем бывшим его членам; причем, однако, выяснилось, что Чернов и Кокошкин³⁴⁹ покидают окончательно свои места, представители же к<онституционных>-д<емократов> вообще ставят условием отмену неограниченных полномочий министра-председателя и улаж<ива>ние вспыхнувшего конфликта с Корниловым мирным путем. Вслед за тем выяснилось, что уходят окончательно и Юренев³⁵⁰ с Некрасовым.

30-го августа указом Временного правительства были назначены: военным министром генерал Верховский³⁵¹, а морским — адмирал Вердеревский³⁵²; и к вечеру этого дня Керенскому удалось все же сильно подвинуть вперед дело формирования нового кабинета, заручившись, между прочим, согласием к<онституционного>-д<емократа> Кишкина занять ответственный пост министра внутренних дел; так что 31-го вечером уже был составлен предварительный список нового правительства, в которое входило: 8 социалистов, 7 представителей либерально-буржуазных партий и 2 военных. Тем временем в заседании Исполнительных комитетов в течение 30-го и 31-го, после

того как выяснилась полная победа демократии над Корниловым, а также некоторые новые обстоятельства дела, стало брать явственно верх течение, высказывавшееся решительно против участия во власти элементов, сочувствовавших движению Корнилова; этим выносились за скобки, прежде всего, вся партия к<онституционных>-д<емократов>; и к 1-му сентября и в Петрограде, и в Москве большинство советских исполнительных комитетов высказалось определенно против их участия, причем особенное усердие в проведении такой точки зрения было обнаружено Черновым, под влиянием которого Центральным комитетом партии социалистов-революционеров было прямо заявлено Керенскому, что в противном случае из правительства будут отозваны все представители партии. Кроме того, Исполнительными комитетами было решено созвать на 12-е сентября представителей всех организаций левой революционной демократии с целью окончательного уяснения социально-политической конъюнктуры и содействия окончательному разрешению вопроса об «организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». В то же время в социалистических кругах и газетах все усиливалась и усиливалась и ожесточалась кампания против партии к<онституционных>-д<емократов>; на первый план стали выдвигаться проекты чисто социалистического министерства, а в большевистских кругах, которые снова высоко подняли голову, стали раздаваться снова голоса недоверия и порицания в сторону самого Керенского. В ночь с 1-го на 2-ое к Керенскому явилась с окончательным решением депутация от Исполнительных комитетов, руководимая Церетели, Гоцем, Даном, Минором, Ракитниковым³⁵³ и др., и заявила, что идея коалиции принимается, но партия к<онституционных>-д<емократов> должна быть исключена из возможной комбинации. Ввиду того, что Керенский и многие другие из членов Временного правительства решительно восстали против такого отвода кадетских элементов, Скобелев, Авксентьев и Зарудный подали в отставку и покинули правительственное совещание. Тогда Керенскому пришлось снова вернуться к своей первоначальной идее об образовании, впредь до формирования регулярного правительства, Директории из 5 лиц, в состав которой и вошли, кроме министра-председателя, еще Терещенко, Никитин, ген<ерал> Верховский и адм<ирал> Вердеревский.

Другим не вышедшим в отставку министрам было предложено остаться в качестве управляющих соответствующими министерствами, управление же министерствами, главы коих ушли в отставку, было решено поручить товарищам министров. Вслед за тем состоялось первое заседание «Совета пяти», на котором, как первое решение, было постановлено провозгласить демократическую республику, что и было выполнено 2-го сентября. С 3-го сентября во Временном правительстве установилось заметным образом деловое настроение; был принят ряд мер по ликвидации последствий Корниловского мятежа; в частности, был уничтожен пост Петроградского генерал-губернатора, был опубликован приказ о роспуске комитетов по борьбе с контрреволюцией и т.д. Переговоры об образовании коалиционного министерства возобновились вновь и, протекая спокойным темпом, по-видимому, сулили быстрый успех, так что в правительственных сферах возникли надежды разрешить окончательно вопрос до созыва упомянутого Демократического совещания. Но, по прошествии всего лишь 2-х дней, общее положение дел круто изменилось ввиду того, что большевикам удалось провести свою резолюцию в Петроградском совете, что вызвало уход небольшевистского президиума и дало вообще новый сильный толчок влево демократическому умонстроению. Благодаря этому, исчезла надежда и на быстрое компромиссно-коалиционное разрешение правительственного кризиса, и вопрос опять повис в воздухе грозной и роковой неопределенностью. Вместе с тем в левой печати, и уже не только в большевистской, а и в советской вообще, началась кампания против Керенского, открытая нападками Чернова в партийном органе партии с<оциалистов>-р<еволюционеров> «Дело народа»³⁵⁴, а равно и против всего «Совета пяти».

В совершенном соответствии с общей неустойчивостью правительственного положения была и отставка ген<ерала> Алексева, едва только успевшего занять пост начальника штаба главнокомандующего, а равно и программное выступление ген<ерала> Верховского перед бюро Центрального исполнительного комитета 7-го сентября и воследовавшая фиксация нового курса в приказе по армии и флоту. Всем этим не только ликвидировался мятеж Корнилова, но и аннулировалась самая концепция его по реорганизации армии на на-

чалах сильной власти командующих и железной дисциплины подчиненных, концепция, вполне, казалось, одобрявшаяся еще недавно Керенским и близкими ему людьми, но клеймившаяся Верховским как «путь плетей, нагаек и пулеметов» и заменявшаяся им концепцией, базирующейся принципиально на творческой самостоятельности подчиненных, столь дорогой сердцу всех «игроков слова», как выразился однажды Керенский, считавший его назначение одним из самых неудачных.

Демократическое совещание

Вопрос о созыве Демократического совещания был впервые поднят чуть ли не Московскими советами, резолюция которых была в высшей степени симптоматична, ибо определенно свидетельствовала о том, что часть революционной демократии (и притом часть немаловажная) думала теперь уже не о компромиссе и примирении, а о простой борьбе с либерально-буржуазными элементами. И такое умонастроение не замедлило наложить свой явственный отпечаток на самый ход занятий Демократического совещания и почти совсем аннулировало плодотворность возможных результатов.

Но созывавшееся в Петрограде Демократическое совещание отличалось от московского Государственного совещания не только решительной воинственностью намерений многочисленного крыла левodemократических элементов, но и по самому своему составу; ибо в то время как на Государственном совещании были представлены все политические партии, группы и организации, сюда приглашались лишь те из них, которыми принималась всецело программа правительственной декларации 8-го июля и декларации Советов от 14-го августа. Таким образом, если умеренно-социалистические элементы и организации и руководимые ими органы и институты (вроде городской думы, земств, кооперативов и т.д.) были обильно представлены, умеренно-демократическим элементам и организациям (вроде партии к<онституционных>-д<емократов>) доступ был решительно запрещен (да и сама эта партия, поставленная в известность относительно критерия, избранного для отделения демократических овец от якобы псевodemократических козлиц, постановила в лице своего Центрального комитета

воспретить участие всем членам партии). Демократическое совещание, стало быть, заранее было осуждено представлять собой голос не только не всей земли Русской (как Государственное совещание), но даже не всей русской демократии. Это низводило его невольно на роль частного совещания представителей лишь социалистической демократии, между тем как задача ему была поставлена всегосударственная и общенациональная: создать сильную революционную власть. Рядом с этим внутренним противоречием, гнездившимся в идее Демократического совещания, было также и другое, а именно раз совещание это созывалось Советами для установления общегосударственной власти, соответствующей определенно советской программе и советским требованиям, то не естественнее ли и не логичнее ли было создать просто панрусский съезд Советов, который бы и решил теоретически и практически вопрос об окончательной физиономии, составе и программе правительства? Не правильнее ли и не полезнее ли было бы, чтобы Советы, раз вознамерившись решить частным образом общенародное дело, приступили бы к делу открыто, ясно и определенно, не стараясь создать никаких видимостей и фикций и не прячась за спину внесоветской, умеренно-социалистической демократии? Но, увы! — метод политического лавирования был усвоен русской революционной демократией на другой же день после ее государственного рождения. Для руководящих советских элементов было необходимо поддерживать свой революционный престиж, пошатнувшийся после Корниловского выступления немало благодаря яростной травле со стороны большевиков; и для этого они предали остракизму к<онституционных>-д<емократов> и либерально-буржуазную демократию и даже позволяли себе говорить по временам о «захвате власти». Но, с другой стороны, они ясно чувствовали, что не в состоянии сами править государством, что необходима коалиция, без которой волна анархии и экстремизма захлестнет их тотчас же; и потому-то они привлекли к участию в совещании умеренно-социалистическую демократию, чтобы, несмотря на свою видимую непримиримость и свой вынужденный антикоалиционизм, все же провести на спине умеренных социалистов коалицию и даже договориться как-нибудь с ненавистными к<онституционными>-д<емократами>. Съезд Советов мог

бы, в особенности в этот момент, и на самом деле потребовать передачи Советам всей власти, что, бесспорно, выдвинуло бы на первый план и без того уже пожинавших успех за успехом большевиков; между тем как Демократическое совещание позволяло надеяться сохранить по-прежнему коалицию, избежать на время резких потрясений и продолжать государственно «сидеть между двух стульев».

Демократическое совещание открылось в Петрограде, в помещении Александрийского театра, в 5 с половиной часов дня. Открывая его, Чхеидзе нарисовал картину тупика, в который зашла страна и революция, благодаря совместному действию «империалистических поползновений вплоть до Константинополя» справа и стремлению превратить революцию «в социалистическую мировую революцию и немедленно тем самым потушить пожар капиталистической войны» слева; и затем формулировал и неотложную задачу установления сильной революционной власти, которую можно было, по его мнению, разрешить лишь на базе советской декларации, оглашенной 14-го августа на московском совещании, и для разрешения которой было созвано как раз Демократическое совещание. Краткая речь Чхеидзе, как и последующая и тоже краткая речь Авксентьева, избранного председателем, была запечатлена сухостью, мертвенностью, казенностью; говоримые слова были страшны, но трагизм их не потрясал, не захватывал. Только речь Керенского, говорившего третьим, всколыхнула все собрание и резко поставила его лицом к лицу конкретно и мучительно перед наличным трагизмом государственного положения. Его речь не носила того важно-государственного характера, которым были запечатлены его выступления на московском Государственном совещании; в ней не было того объективного трагизма, а скорее личный надрыв, личная повелительность, личное предостережение, личное отчаяние. Он произвел на собрание большое впечатление, и, захваченные, они устроили ему в конце грандиозную овацию. Он превозмог накопившееся против него слева и много раз проявлявшееся спорадически во время его речи недовольство крайних левых и вышел победителем из борьбы; но — увы! — победа эта — личная и субъективная — была мимолетна и на другой уже день ее обаяние поблекло перед напором обострившихся решительно разногласий и контрастов.

В общем в полной гармонии с речью Керенского была и речь генерала Верховского, говорившего непосредственно вслед за ним и отстаивавшего одновременно необходимость и демократизации и строгой дисциплины и власти в армии, а равно и необходимость продолжения войны до тех пор, пока не будет уверенности, что желанный мир будет действительно миром свободы. Затем в течение этого дня и последующих трех шли высказывания представителей различных партий, организаций и групп русской демократии, главным образом, по жгучему вопросу об образовании власти. На трибуне чередовались один за другим сторонники и противники принципа коалиции, а иногда раздавался голос и промежуточных предложений вроде черновского, согласно которому признавалась необходимость коалиции, но только «без к<онституционных>-д<емократов>», т.е. без представителей основной силы и организации умеренно-либеральной демократии. Представители земств, городов и коопераций высказывались решительно за коалицию всех жизненных сил демократии, тогда как представители большевиков, левых социалистов-революционеров и интернационалистов столь же решительно требовали образования однородного социалистического министерства. Левая эсерка Спиридонова³⁵⁵ прямо заявила: «Товарищи крестьяне! Знайте, что если вы будете сейчас голосовать за коалицию, то проголосуете за свою землю». Представители Советов рабочих и солдатских депутатов высказались разнo: от имени большинства Мартов отвергал коалицию с буржуазией, от имени меньшинства Дан доказывал ее необходимость.

Зато представители большинства крестьянских Советов объявили себя за коалицию. Профессиональные союзы устали Рязанова высказались против коалиции. Такая же раздвоенность получилась в высказываниях представителей различных национальностей, населяющих Россию, среди которых резко бросался в глаза экстремизм украинцев. В заключение этих четырехдневных выступлений произнесли речи: председатель Московской городской думы, правый с<оциалист>-р<еволюционер> Минор, Троцкий и Церетели. Речь первого, старого и опытного революционера, прозвучала пророчески, когда он в заключение заявил: если проголосуете отрицание

коалиции, то это может привести в лучшем случае к уличной борьбе. «Нечего себя обманывать. Мы будем резать друг друга. И больше ничего». Троцкий обрушился со всей яростью своего красноречия на Керенского за его якобы бонапартистские стремления и псевдомократизм и призывал строить новую власть на советской базе. Наконец, Церетели, как всегда в блестящей ораторской форме, искал диагонали, стараясь отстоять против огненного красноречия Троцкого идею коалиции и показать большевикам, что самым глубоким и потрясающим ударом по демократии было восстание 3–5 июля, давшее решительный толчок развитию всех бед. «Отвергая коалицию в будущем, — так кончил он, — вы не можете этого сделать иначе, как отвергая коалицию в прошлом. А наша коалиция в прошлом это — русская революция».

Суммируя все четыре дня Демократического совещания, впечатление от высказываний получалось убийственное: представители демократии пели буквально кто в лес, кто по дрова. Было совершенно ясно, что для прочного, сильного и объединенного революционно-демократического правительства в стране не было уже никакой реальной почвы. И голосование резолюций подтвердило такое впечатление тотчас же цифровыми данными. В самом деле, 19-го сентября, после длительной процедуры голосования, участники совещания узнали, что за коалицию подано 766 голосов, а против нее 688 при 38 воздержавшихся. Затем, 797 голосами против 139 при 196 воздержавшихся из коалиции были исключены все цензовые элементы, причастные к Корниловскому движению; 505 голосами против 483 и при 72 воздержавшихся в коалицию был возбранен доступ представителям к<онституционных>-д<емократов>. Наконец, в довершение всего, 813 голосами против 183 при 80 воздержавшихся была отклонена вся формула резолюции целиком. Перед лицом таких абсолютно безнадежных результатов совещания, свидетельствовавших о полной бесполезности затраченных на разговоры четырех дней и о полном бессилии русской демократии, собранием было решено, что расширенный президиум постарается путем взаимных уступок и соглашений между крыльями и группами найти все же единую формулировку, которая бы затем возымела жизненную силу. Вместе с тем собрание решило:

«Всероссийское демократическое совещание постановляет, что оно не разойдется до тех пор, пока им не будут установлены условия организации и функционирования власти в приемлемой для демократии формуле».

В тупике

Результат Демократического совещания был безусловно трагичен, ибо указывал с бесповоротной ясностью на то, что и демократия, и революция вместе с нею находились в безусловном тупике, из которого было только три выхода: либо сдвиг налево, как того хотели большевики, и опыт социалистического министерства, опирающегося на Советы; либо сдвиг направо, как того хотели конституционные демократы и вся умеренная демократия, и установление личной или коллективной диктатуры, действительно способной проявить силу власти и в отношении к войску, и в отношении к стране и довести Россию до Учредительного собрания; либо, наконец, сохранение того же неустойчивого равновесия, знаменовавшегося распадом армии и ростом социальной анархии, каковые наблюдались все последнее время, при номинальном правительстве, формально не ответственном ни перед кем, а фактически вынужденном следовать воле всякого элемента, имеющего возможность давить на него насильственно, и обнаруживающем свою кажущуюся власть лишь в печатных декретах и приказах и блестящих и пространных речах. Но была в ходе событий хорошая доза и комического элемента; особенно потому, что дезориентировавшиеся окончательно вожаки умеренной социалистической демократии склонились тотчас же к третьему решению, предпочтя новым опытам топтание на старом и бесплодном месте, топтание явственным образом более опасное, чем такие новые опыты, так как оно предоставляло анархии и распаду свободно развиваться. Совершенно явственным образом революция вступала, — по чьей вине, это уже другое дело, в свою резкую и насильственную фазу; и необходимо было решиться тотчас же без промедлений на операцию либо в сторону диктатуры Советов, либо в сторону диктатуры наличного правительства. Вместо этого, представители власти и демократического большинства предпочли сохранять, пока только это будет возможно, в

неприкосновенности чисто демократические принципы, зарывая, таким образом, как страус перед опасностью, свою голову в песок бездействия и прекраснодушия. Это было все то же политическое донкихотство, которое было так прекрасно в начале революции и будило всеобщие восторги, но которое теперь могло вызвать только жалость, смешанную с негодованием.

Расширенное совещание президиума собралось на другой день в 12 с половиной в Смольном институте. Тотчас же обнаружилось, что и тут среди представителей нет единогласия, как то было только что на Демократическом совещании. Вдобавок еще стало известно, что большевики не очень-то <расположены> и к однородному социалистическому правительству и будут его поддерживать лишь «постольку поскільки». В конце концов, голосование дало около 60 голосов против коалиции, около 50 за нее. Но при первой же попытке сформировать однородное социалистическое министерство видные представители социалистического мира стали один за другим отказываться и от этой мысли. Тогда Церетели внес предложение о том, чтобы, оставив пока вопрос о характере будущего правительства открытым, поручить Демократическому совещанию выделить особый орган, который бы и занялся затем вопросом организации власти на основе советской декларации 14-го августа, — власти, ответственной перед этим органом. Эта мысль собрала за себя значительное большинство сначала в президиуме, а затем и в самом Демократическом совещании; даже большевики сначала было заявили, что не будут голосовать против. Удостоверившись в таком благоприятном приеме своего предложения, Церетели, о котором в кулуарах уже говорили, что он «спас престиж революционной демократии», внес соответствующую резолюцию из шести пунктов, которая и была затем поставлена на голосование по пунктам. Были приняты один за другим огромным большинством совещания три первых ее пункта, которые гласили: «Демократическое совещание постановляет: 1) При решении вопроса о создании сильной революционной власти необходимо требовать осуществления программы 14-го августа, деятельной внешней политики, направленной на достижение всеобщего мира, и ответственности правительства перед представительным учреждением впредь до Учредительного собрания; 2) Выделяя из своей среды представитель-

ный орган, совещание поручает ему содействовать созданию власти на вышеупомянутых основаниях, причем в случае привлечения и цензовых элементов в состав правительства орган этот может и должен быть дополнен делегатами от буржуазных групп; 3) В органе этом должно быть сохранено преобладание демократических элементов; 4) Правительство должно быть подотчетно этому органу и ответственно перед ним». Но когда дело дошло до голосования <четвертого> пункта, гласившего: «Правительство должно, санкционировав этот орган, быть подотчетным этому органу и ответственным перед ним», то большевики внезапно перерешили и пошли в атаку, придираясь ко второстепенным мелочам и что есть сил скандала. В конце концов, однако, после исключения из четвертого пункта упоминания о правительственной санкции и замены во втором пункте слова «содействовать» словом «принять меры к», были проголосованы и все остальные пункты резолюции и она сама, наконец, принята в 5 часов утра 829 голосами против 106 при 69 воздержавшихся.

Тем временем правительство, лицезрея позорное и бесплодное топтание на одном месте Демократического совещания, не способного сколько-нибудь сговориться, признало, что у него тем самым развязаны руки; и Керенский вновь деятельно приступил, за свой страх и риск, к переговорам об образовании нового коалиционного правительства, вызвав для этого экстренно из Москвы представителей к<онституционных>-д<емократов> и промышленных кругов. Но, разумеется, и его усилия не могли привести ни к какому конкретному результату, так как представителями Демократического совещания ему было тотчас же заявлено, что правительство, возникшее помимо совещания, не найдет в нем поддержки. Со своей стороны, и Керенский заявил, сначала в своей речи 20-го перед расширенным президиумом, а затем и представителям президиума, приходившим 21-го утром оповестить его о принятой в конце концов Демократическим совещанием резолюции, что о формальной ответственности правительства перед предполагающимся представительным учреждением не может быть и речи, так как тем самым узурпировались бы права Учредительного собрания; на что те ответили ему, что употребят все усилия к тому, чтобы побудить демократию не настаивать на формаль-

ной ответственности и удовольствоваться лишь ответственностью моральной. В то же время Керенскому пришлось убеждать представителей к<онституционных>-д<емократов> и промышленников согласиться на этот минимум ответственности и принять советскую программу 14-го августа. Таким образом, и этот день прошел еще в полной неопределенности политического положения. Правда, в Демократическом совещании был подвергнут, по докладу с<оциал>-д<емократа> Войтинского, обсуждению и окончательно вырешен вопрос об образовании представительного органа, составление которого было назначено уже на другой день; и этот практический результат как будто бы несколько компенсировал за общее бесплодие словопрений; но зато, с другой стороны, по инициативе большевиков, Петроградский совет вынес в высшей степени боевую резолюцию, в которой, заявив, что «Временное правительство рядом своих распоряжений явно стремится дезорганизовать революцию»; что «так называемый Предпарламент грозит превратиться в прикрытие для всех сделок с буржуазией, для новых оттяжек Учредительного собрания, для дальнейшей затяжки империалистической политики, стало быть, и для дальнейшего углубления разрухи в стране», — так заканчивавшуюся: «Отпор контрреволюции может быть дан лишь организованными центрами революционной демократии — Советами р<абочих,> с<олдатских> и к<рестьянских> д<епутатов> и им подобными органами. Советы должны мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контрреволюции и не дать ей захватить себя врасплох. Для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью, для решения вопроса об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда р<абочих,> с<олдатских> и к<рестьянских> депутатов».

На другой день, 22-го сентября, Демократическое совещание закончило свои работы. В тот же день в 4 часа в Зимнем дворце началось соединенное заседание членов правительства с расширенным президиумом совещания в целях окончательного разрешения вопроса об образовании кабинета. Заседание открылось большой речью Керенского, в которой он ясно и решительно поддерживал принципиальную незави-

симось правительственной власти, в вопросе об организации власти настаивал на необходимости организовать ее на базе уже существующей программы и подтвердил желательность учреждения при правительстве, для облегчения его работ, особого органа из представителей всех без исключения общественных групп, организаций и политических партий, перед которым, однако, правительство не должно было быть ни в каком случае ответственно. В последовавших затем выступлениях представителей различных партий и организаций тотчас же сказалось все еще не улаженное различие в вопросе о компетенции учреждаемого Предпарламента; ибо в то время как Церетели, Авксентьев и др. отстаивали необходимость разделить его хотя бы «правом контроля власти», представители к<онституционных>-д<емократов> и промышленников отвергали возможность этого, утверждая, что, являясь суррогатом парламента, он ни в каком смысле не может играть роль «источника власти», так как в противном случае оказался бы нарушенным самый революционный строй. Но после целого ряда других выступлений, в третьем часу ночи Церетели заявил, что присутствующие представители революционной демократии соглашаются не настаивать больше на ответственности правительства, но хотят взамен этого, чтобы были совместно выработаны те пункты, которые должны будут войти в правительственную декларацию, и чтобы в их числе было указано на роспуск Государственной думы и Государственного совета. На другой день совещание собралось вновь, уже без членов правительства, и занялось обсуждением правительственной программы 14-го августа. Среди вопросов особенные трудности представляли аграрный и национальный. Но после долгих дебатов представители революционной демократии согласились не настаивать на передаче всех земель в ведение местных земельных комитетов, как того требовала программа; а по национальному вопросу договорились в конце концов на компромиссе. По вопросу о составе и функциях Предпарламента было признано необходимым, чтобы правительство выработало тотчас же специальное Положение о нем; компетенции же его были формулированы так: ему предоставляется вырабатывать законодательные предположения и обсуждать вопросы, которые ему будут переданы правительством; обращаться к прави-

тельству с вопросами, но не предъявлять запросов. Далее, относительно роспуска Гос<ударственной> думы было признано, что он не вызывается политической необходимостью; а относительно участия представителя демократии в намечающейся союзной конференции было решено, что на самой конференции такой делегат должен будет формально представлять все же правительство, а не демократию.

Вечером, по окончании этого обсуждения, представители к<онституционных>-д<емократов> и торгово-промышленных кругов выразили готовность заключить тотчас же окончательное соглашение на выработанной базе; наоборот, представители революционной демократии отказались это сделать, не имея соответствующего мандата от пославших их организаций, и были вынуждены отложить свой окончательный ответ до следующего дня. Тем временем около четырех часов дня произошло открытие Демократического совета пока еще в предварительном, не пополненном цензовыми элементами составе; а около 9 часов вечера имело место закрытое заседание, на котором подвергся окончательному обсуждению вопрос об образовании правительства. Большевиками тут было, между прочим, заявлено устами Троцкого, что они отказывают коалиционному правительству в каком бы то ни было доверии, предлагают прервать переговоры с Керенским и немедленно приступить к созданию истинно революционной власти. Затем ими и левыми с<оциалистами>-р<еволюционерами> было сделано все возможное для того, чтобы затормозить и помешать дискуссии; но, несмотря на то, около 4-х часов ночи, Советом была наконец вынесена большинством 109 голосов против 84 при 22 воздержавшихся резолюция, гласившая, что Демократический совет, находя намеченное делегацией соглашение в общих чертах приемлемым, считает необходимым установление ответственности правительства перед Предпарламентом. Таким образом, готовое состояться как будто бы соглашение оказалось вновь поставленным под угрозу, и в правительственных кругах вновь возникло опасение, что все эти переговоры не приведут ни к чему. Но, к счастью, во время происходившего 24-го сентября днем заседания «расширенного президиума» выяснилось, что ответственность не следует понимать в смысле формальной

ответственности, что Демократический совет хоть и считает эту последнюю необходимой, но не настаивает в данный момент на ее проведении в жизнь и что «бессмысленная формулировка» резолюции объясняется спешностью ее составления. Вслед за тем удалось без труда уладить все другие разногласия, после чего в зал заседания были приглашены члены правительства во главе с Керенским, и Церетели им доложил содержание состоявшегося соглашения, разъяснив специально (главным образом, по настоянию представителей умеренной и либеральной демократии) двусмыслицу, возникшую было в связи с вопросом об ответственности.

В тот же день Керенским был в общих чертах сформирован новый кабинет, который через несколько дней и вылился в окончательную форму. Через день, 26-го сентября, Временное правительство опубликовало декларацию, отвечающую выработанному столь долгими и тяжкими усилиями соглашению и построенную в общем на основе советской декларации 14-го августа, но, к сожалению, как и все прежние правительственные декларации, кроме декларативных формул не содержащую в себе никаких указаний на практические и конкретные меры, к которым было намерено прибегнуть правительство. И эта декларация была в конце концов продуктом словотворчества, а не делотворчества.

Пароксизм анархии и развала

В то время как так медленно собиралось и так бесплодно заседало Демократическое совещание, самой своею затяжной наличностью невольно расслабляя и дискредитируя и без того уже ослабевшее и дискредитированное правительство, по всей стране широкой волною стала разливаясь, буквально затопляя ее, совсем уже безудержная анархия, принимая всевозможнейшие формы, начиная от беспорядочных бесчинств и погромов и кончая планомерно организуемыми стачками. Уже летом России пришлось пережить сильный пароксизм внутренней анархии; осень же принесла с собой, особенно после восстания Корнилова, нечто гораздо худшее: началась просто сплошная вакханалия произвола и разгрома повсюду в стране и во всех отраслях социальной жизни.

Особенно резкие и интенсивные формы она приняла сразу же в деревне и среди солдат. Крестьяне самых различных местностей Российской Республики, преимущественно в Поволжье и на Украине, все чаще и чаще стали прибегать к произвольному занятию помещичьих угодий, а иногда и самих усадеб со служебными строениями, реквизируют инвентарь, запасы и вообще все преднаходимое имущество. Мало-помалу в этот произвол, с которым правительство, совершенно дезорганизованное и обессиленное полной своей неустойчивостью и всецело поглощенное безысходным кризисом своим, — увы! — было способно бороться почти исключительно лишь путем декретов и предписаний своим представителям на местах и местным земельным комитетам, стал проникать погромный элемент, благодаря ли тому, что подняло голову ввиду общей разрухи местное хулиганство, нередко прикрываясь якобы идейным анархизмом, благодаря ли, как о том уже упоминалось выше, наплыву в деревню дезертиров и самовольных отлучников с фронта. Из крупных проявлений погромного характера в деревне нельзя обойти молчанием аграрных беспорядков в Тамбовской губ<ернии>, длившихся без перерыва чуть ли не целых три недели в сентябре и приведших к полному разрушению или сожжению нескольких десятков помещичьих имений (среди которых были и образцовые) и без числа хуторов крестьян-отрубников и вообще зажиточных крестьян. Беспорядки и разгромы, чинившиеся солдатами (регулярными частями, самоотлучившимися или дезертирами) в прифронтовой полосе, но особенно в тылу, а равно и по всему огромному пространству российскому, носили подчас еще более дикий и отвратительный характер, из отдельных проявлений анархии тоже сделавшись в течение сентября явлением массовым и постоянным. Особенно крупные беспорядки и эксцессы, происшедшие по инициативе или с участием солдатских элементов, имели место в Киеве, Орле, Тамбове, Иркутске, Харькове и в целом ряде городов и местечек прифронтовой полосы Юго-Западного фронта. В Ташкенте 12-го сентября вспыхнуло целое восстание, вылившееся в учреждение самостоятельной революционной власти, вызвавшее отклик, беспорядки и развал по всему Туркестану и потребовавшее для своей ликвидации более недели и присылки специальной «карательной экспеди-

ции». Отвратительным проявлением солдатского самочинства ознаменовался перевод генерала Деникина и его товарищей из Бердичевской тюрьмы в Быхов, где содержался под арестом генерал Корнилов: в безоружных генералов, охранявшихся, самоотверженно, местными юнкерами, из озверевшей толпы стреляли, бросали камнями, плевали и т.д.; и им вообще каким-то чудом удалось добраться до приготовленного поезда. Позорно и преступно было поведение большей части войск, защищавших балтийские Эзель и Даго, своим бездействием и отходом не только позволивших противнику относительно легко завладеть тем, что могло быть сохранено русскими войсками, но и аннулировавших своим поведением героические усилия русского флота, дравшегося безупречно и несшего непрестанно большие потери. Общий солдатский развал не мог, конечно, не отозваться эхом и в русских частях, находившихся за границей; в частности, во Франции к началу сентября брожение, начавшееся уже давно в некоторых русских частях, приняло такую форму, что пришлось прибегнуть к вооруженному воздействию и образумить мятежников удалось лишь артиллерийским огнем. Наконец, когда генерал Верховский стал осуществлять в начале октября задуманное им сокращение армии, то с фронта и ближайшего тыла потекли внутрь страны потоки отпущенных солдат старейших призывов, начавшие тотчас же проявлять себя по пути своего следования самым бесчинным и погромным образом. Рядом с крестьянскими и солдатскими бесчинствами, беспорядки и разгромы производились иногда по городам также и рабочими и вообще элементами, окружавшими революционные органы и организации; в особенности, в такие момент<ы>, когда они получали фактически благодаря обстоятельствам чрезвычайные полномочия, как то было, напр<имер>, в связи с восстанием Корнилова; и бесспорно, что во многих случаях отправным пунктом для этого рода эксцессов служила безоглядная демагогическая агитация большевиков и сродных им революционных элементов. В эти дни Россия уже совершенно очевидным образом переживала революцию не под знаком социализма, а под знаком безответственной демагогии. Конечно, легкой возбудимости масс нередко содействовало состояние продовольствия и вообще всякого иного рода государственные и социальные затруднения.

Чтобы дать ясное понятие о том, что такое представляло собою Российское государство в этом отношении, самое лучшее будет привести следующие данные о погромах, сообщенные Верховским в Предпарламенте на втором его заседании 10-го октября: «с 1-го октября по сегодняшний день внутри страны было 16 погромов, 8 пьяных погромов, 24 самочинных выступлений военного вида. 16 раз пришлось применять вооруженную силу для подавления анархических выступлений».

Однако разгул охватившей Россию анархии сказывался не только в одних бесчинствах, разгромах и насилиях всякого рода, а также и в целом ряде планомерных либо совсем, либо отчасти нелегальных действий различного рода организаций. Рабочие и служащие предприятий то там, то сям и время от времени продолжали предъявлять все более повышенные, а иногда и просто невероятные требования, принуждавшие промышленников во все большем масштабе закрывать предприятия, что порождало, в свою очередь, не только растущее расстройство в индустрии, но и увеличивающуюся быстро безработицу и недовольство в среде самих же рабочих масс. Во второй половине сентября наблюдался целый ряд стачек на этой почве, в конце сентября бастовали в Москве даже фармацевты, и город остался без лекарств; к концу месяца надо всей страной повисла страшная угроза железнодорожной забастовки, которую удалось предотвратить только после длительных и чрезвычайно трудных переговоров, стоивших правительству много сил и времени, и ценою больших уступок, тяжело легших на расстроенные и без того уже вконец государственные ресурсы. Большую дезорганизацию вносили также, время от времени, своими самостоятельными проявлениями чисто революционные организации, либо действуя совершенно помимо правительства (напр<имер>, многочисленные провинциальные комитеты борьбы с контрреволюцией, возникшие после восстания Корнилова и продолжавшие потом существовать несмотря на их роспуск правительством, а равно и некоторые провинциальные Советы), либо вступая в прямой конфликт с правительством то ли по серьезным причинам, то ли по пустякам (как то случилось, напр<имер>, во второй половине сентября с так называемым «Центрофлотом», т.е. Центральным комитетом Всероссийского военного флота при Центральном исполнительном

комитете Советов, который для того, чтобы добиться желательной для него квартиры, прибег к ультиматуму, обращенному к правительству в самой грозной и резкой форме, и требованию отставки неудобных ему лиц Морского министерства, что вынудило правительство вынести постановление об его роспуске, которое, разумеется, было заменено потом компромиссом). Самочинный произвол революционных организаций в провинции доходил сплошь и рядом до фактической отмены свободы печати и кричащего нарушения неприкосновенности личности; между тем как центральное правительство чувствовало себя в большинстве случаев совершенно бессильным прийти деятельно на помощь порядку. Волновались также и студенты, устраивая забастовки, протесты и манифестации.

Равным образом, и в других формах государственной жизни неразбериха и произвол росли с каждым днем. Как будто бы временно налаженный украинский вопрос стал выплывать снова на сцену, главным образом, ввиду тенденции руководящих украинских элементов (в «Малой раде» и в «Секретариате») придавать автономии, до Учредительного собрания признанной за Украиной лишь формально, слишком материальный и конкретный характер и слишком распространительно толковать заключенное соглашение, а равно и ввиду целого ряда отдельных произвольных и антигосударственных проявлений украинского характера. Между прочим, 30-го сентября был издан новый «Универсал» о созыве своего украинского Учредительного собрания. На Дону в казацкой раде (после того как в Киеве Федеративный союз национальностей высказался в середине сентября определенно за федеративное устройство России) культивировалась мысль об явочном переустройстве России на начале же федерации, а на Кубани эта мысль даже стала приводиться в исполнение. Уже в начале сентября литовцы решили образовать независимое государство; осуществление этого возлагалось на подлежащее созыву литовское Учредительное собрание. И то же самое проделали крымские мусульмане в начале октября. В Финляндии сейм собрался 15-го сентября, несмотря на роспуск и запрещение со стороны правительства. Продовольственный вопрос с каждым днем обострялся все больше и больше, являясь самой благоприятной почвой для развития беспорядков и эксцессов и роста анархии. Все более чувствовался недостаток

топлива, и постоянная порча железнодорожного материала начинала самым тяжелым образом сказываться на транспорте и на железнодорожном сообщении вообще. В октябре доступ в обе столицы был обставлен большими затруднениями, а пассажирская циркуляция по всей России значительно сокращена и обусловлена надобностями государственного характера. Росло изо дня в день и финансовое затруднение, выразившееся к концу сентября в наличии в стране кредитных билетов на 16 миллиардов рублей и в соответствующем падении ценности рубля на международном рынке до 30–25 копеек, — затруднение, в немалой степени вызывавшееся, так сказать, «ажито-ажем заработной платы», которую рабочие, то ли из эгоистического аппетита, то ли поддаваясь темной и демагогической агитации, старались взвинтить поелику возможно больше. В своей речи в Предпарламенте от 16-го октября министр продовольствия, Прокопович, прямо заявил: «Наше положение оказывается совершенно отчаянным. Продовольственное дело висит на ниточке»; а главнокомандующий Сев<еро>-Западного фронта, генерал Черемисов³⁵⁶, несколько дней перед тем телеграфировал правительству: «Положение на фронте в отношении продовольствия катастрофическое, лошади падают от недостатка фуража, хлебопечение прекратилось из-за недостатка муки, остается доедать сухари, после которых начнется повальный голод со всеми последствиями. Всякий час промедления в устранении кризиса грозит гибелью армии». Наконец, и правительственной внешней политике был нанесен окончательно сокрушительный удар слева. До сих пор, так или иначе, хоть и находясь под постоянным и тяжким давлением Советов, правительству все же удавалось держать в своих руках руководство внешней политикой России, в себе концентрируя международное представительство России, и не порывать резко ни в одном из существенных пунктов с общесоюзной программой. Оно даже нашло в себе силы, в конце концов, отмежеваться от настойчиво, но безуспешно подготавливавшейся революционной демократией международной социалистической конференции в Стокгольме с целью заложить фундамент для перехода к мирным переговорам, заявив устами Керенского, что возможные решения такой конференции рассматриваются правительством как частное дело представленных там партий и органи-

заций и для него были бы необязательны. Но на Демократическом совещании было решено, что революционная демократия должна будет послать на ожидавшуюся вскоре международную междусоюзническую конференцию, кроме правительственных делегатов, еще своего собственного представителя, для какой роли вскоре и был намечен Скобелев; а за два дня до открытия Предпарламента Центральным исполнительным комитетом Советов был составлен для него на сей предмет особый наказ, запечатленный не только духом самого решительного пацифизма, но и тем доктринерски-интернационалистическим пренебрежением к конкретной военной и вообще международной действительности момента, которое, по-прежнему владея еще, по неискоренимому ли доктринерству, или по безволю и нерешительности, представителями революционной демократии на деле, было определено выгодно только для Центральных держав. В самом деле, советский документ, — совершенно вопреки ставший конкретно-оборонческой психологии Керенского, Церетели и самого Скобелева, но зато в полном согласии с доктринерским интернационализмом Дана и Чернова, не говоря уже о Мартове, Стеклове, Штейнберге³⁵⁷, Камкове³⁵⁸ и др., — был проникнут насквозь идеей «мира вничью». Это конкретно означало, что <1.> отдельные народы Австро-Венгрии, требовавшие либо независимости, либо отхождения к родным им по крови государственным образованиям, должны были удовлетвориться простой автономией (что вызвало тотчас же решительную реплику со стороны чешского вождя Масарика³⁵⁹, заявившего в своем письме Центральному исполнительному комитету Советов, что «разделение Австро-Венгрии на ее естественные части представляет собою основную цель войны», а равно и протест представителя словенцев Кlemenчича³⁶⁰); 2. что Эльзас-Лотарингский вопрос легко мог оказаться решенным более или менее благоприятно для Германии, так как его решать предполагалось путем неправильного плебисцита, привлекая к этому всю переселенную туда прусскую бюрократию; 3. что Турция, проливы, Малая Азия и Балканский полуостров останутся под безраздельным влиянием Германии с явственным вредом и даже угрозой русским интересам, ибо им предполагалось дать автономию, а при желании, которое демонстрировалось ими совершенно явственно, и независимость; и т.д. и т.п.

Предпарламент

Через день после разрешения правительственного кризиса, в юридическом совещании при Временном правительстве было приступлено к спешной выработке Положения о Временной Советской Республике, которое и было одобрено правительством 2-го октября, несмотря на то, что правительство было совершенно поглощено парированием новой угрозы врага, произведшего 29-го октября успешную вылазку на острове Эзель, и разного рода проявлений грозной внутренней анархии. Затем, ввиду того, что 3-го октября наступил день опубликования выборных списков в Учредительное собрание, правительство актом от 5-го октября распустило Государственную думу и Государственный совет.

Временный совет Российской Республики, или Предпарламент, открылся в Мариинском дворце 7-го октября в 5 часов дня.

Заседание открылось речью Керенского, в которой кратче, откровеннее и потому, пожалуй, беспощаднее прежнего сказал он о бедствиях, сгущающихся все мрачнее и мрачнее над головой Родины; и резко ткнул перстом прямо в гнойник.

После выборов председателя (каковым оказался Авксентьев) и президиума, первым и самым характерным ответом на призыв правительства прозвучала декларация большевиков, прочитанная Троцким. Объявив, что созданный Совет, благодаря «закулисным интригам Керенского, к<онституционных> демократов и вождей социалистов-революционеров и меньшевиков», носит характер, совершенно противоположный тем задачам, для-ради которых было созвано Центральным комитетом Советов Демократическое совещание, <Троцкий заявил,> что буржуазные элементы при его помощи хотят просто сорвать Учредительное собрание, сделать возможным продолжение бесцельной бойни на полях брани в кадетских и союзнических интересах и дать в конце концов врагу Петроград и разгромить революцию. Эта беспримерно демагогическая декларация кончалась так: «...мы, фракция социал-демократов-большевиков, заявляем, что с этим правительством народной измены и с этим Советом... мы не имеем ничего общего... Мы ничего общего не имеем с той убийственной

для людей работой, которая совершается за кулисами, мы не хотим ни прямо, ни косвенно прикрываться ни одного дня... Покидая Временный совет, мы взываем к бдительности и мужеству рабочих, солдат и крестьян всей России. Петроград в опасности, революция в опасности, народ в опасности; правительство усугубило эту опасность. Правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти себя и страну. Мы обращаемся к народу: Да здравствует немедленный честный демократический мир! Вся власть Совету! Вся земля народу! Да здравствует Учредительное собрание!...» Чтение большевистской декларации сопровождалось громкими протестами всего собрания и вызывающими криками присутствовавших большевиков, которые затем все гуртом покинули с вызывающим видом залу заседания. На другой день в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, несмотря на оппозицию не только с<оциалистов>-р<еволюционеров> и меньшевиков, но и интернационалистов, была огромным большинством принята резолюция одобрения большевистской тактики по отношению к Предпарламенту. Впрочем, и сами интернационалисты не далеко ушли от большевиков, огласив вскоре декларацию, в которой обвиняли коалиционное правительство в «политике планомерного саботажа и обессиливания революции», в воссоздании «обанкротившейся коалиции на началах фактического преобладания контрреволюционных элементов» и заявляли, что остаются в Предпарламенте, лишь «видя в нем одну из арен классовой борьбы». «Мы будем, — так заключала их декларация, — с трибуны Совета разоблачать в глазах народа контрреволюционный характер всего режима коалиции, политику провокации, гражданской войны и саботажа революции, проводимую цензовыми элементами, и капитуляцию перед ними социалистического большинства».

Уже на открытии Предпарламента ясно почувствовалось, что, как и все предыдущие ответственные ассамблеи, он будет неизбежно запечатлен двумя характерными чертами: 1) бесконечным словоизлиянием о чрезвычайной опасности переживаемого момента, не сочетанным нисколько с, казалось бы, естественной в таком случае решительностью и определенностью предполагаемых действий; 2) резким контрастом левого и правого крыльев собрания, в корне парализующим

практический результат предпарламентской, а равно и правительственной работы. И первые же два дневные заседания, посвященные вопросу обороны, дали тому неопровержимое доказательство. Действительно, в течение их было произнесено много беспощадно-аналитических речей, много суровых предупреждений и много горячих призывов, но ничего определенно-практического о том, как преодолеть беду, не было сказано; все ораторы оставались, в конце концов, в сфере общих мест и страшных слов, вместо того, чтобы вкратце сформулировать единственно возможные меры по оздоровлению армии. Мало того, большая часть ораторов, и в том числе новые министры: военный и морской, не говоря уже о представителях интернационалистов и левых с<оциалистов>-р<еволюционеров>, настойчиво провозглашали в самых общих чертах необходимость переустройства и восстановления армии на новых, революционных началах самостоятельности. Было ясно: хотели создать сильную армию и в то же время ее обезвредить, сделать ее непременно и до мозга костей революционной, республиканской, демократической. И для этого намеревались ввести совсем новую, небывалую дисциплину, именую ее революционной и совсем не замечая, что берутся за решение задачи о квадратуре круга; ибо нет и не может быть армии и дисциплины социально реакционной или социально революционной, а есть и может быть либо просто регулярная армия с обыкновенной военной дисциплиной, основывающейся на сознании своего долга и на повиновении начальникам, которую можно употреблять для тех или других целей, либо беспорядочная вооруженная толпа, опасная для самого государственного порядка. Дело дошло до того, что представитель<и> левых с<оциалистов>-р<еволюционеров> Штейнберг <и> Карелин³⁶¹ заявил<и>: сначала мирная политика в духе Советов и только потом и только через то повышение боеспособности и дисциплины. Со своей стороны, представитель интернационалистов, Мартов, требовал: радикальной чистки командного состава с удалением из армии и Ставки всех контрреволюционных элементов; демократизации командного состава и штабов путем укрепления армейских организаций с предоставлением им права отвода и аттестации лиц командного состава; развития института комиссаров с предоставлением центральному органу

революционной демократии контроля над их деятельностью; подчинения всех особых войсковых частей общему демократическому режиму армии; немедленной отмены смертной казни и восстановления в правах всех заключенных приговорами военно-революционных судов, которые совершили нарушение дисциплины по идейным мотивам; производства расследования по делу Корнилова в полном объеме с преданием обвиняемых суду на общем основании за преступление, совершенное в районе военных действий; взятия на себя Временным правительством инициативы предложения всем воюющим странам немедленно начать переговоры о заключении общего мира с одновременным провозглашением перемирия на всех фронтах и с приглашением союзных правительств присоединиться к этой инициативе Российской Республики.

Морской министр, адм<ирал> Вердеревский, в своей речи возлагал главные надежды на сотрудничество с войсковыми организациями и на то, что слова убеждения проникнут, в конце концов, в сознание солдатских и матросских масс. И это в то время, когда действительное состояние флота (особенно Балтийского) говорило явственнее явственного, что ни о каком сотрудничестве и ни о каком слове убеждения уже больше — увы! — не может быть и речи (о чем свидетельствовала хотя бы следующая резолюция, принятая 3-го октября на 2-ом съезде представителей Балтийского моря, в Гельсингфорсе: «2-ой съезд представителей Балтийского моря, заслушав и обсудив приказ Верховного главнокомандующего премьер-министра Керенского и усматривая в нем дезорганизующий и позорящий акт, брошенный всему Балтийскому флоту, свято стоящему на защите Родины и революции и теперь доблестно проливающим кровь в борьбе с немецким флотом в водах Рижского залива, постановил: требовать от всероссийских комитетов Совета р<абочих> с<олдатских> и кр<естьянских> д<епутатов> и “Центрофлота” немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, антиполитического авантюриста Керенского, как лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею и весь революционный народ. Тебе же, предавшему революцию Бонапарту — Керенскому, шлем проклятие в тот момент, когда

наши товарищи гибнут под пулями и снарядами и тонут в волнах морских, призывая защищать революцию, и когда мы все как один за свободу, землю и волю сложим свои головы, мы погибнем в честном бою в море с внешним врагом и на баррикадах с внутренним, посылая тебе, Керенский, и твоей компании проклятие за ваши призывы, которыми вы старались разъединить силы флота в грозный час для страны и революции».

Последовавшее в середине октября обсуждение продовольственной проблемы, тоже чрезвычайно грозной и безотлагательной, и директив иностранной политики носило точно такой же характер: было много сильных слов и правильных мыслей, было, казалось, ясно чувство нависшей опасности, были красноречивые цифры и неоспоримые доводы, было много беспощадной критики и слева и справа, но не было по-прежнему ни конкретно-делового настроения, ни конкретно-практических предложений и советов. Только сильнее стала снова чувствоваться самая враждебность противоположных крыльев, которые уже столько месяцев принуждали революционную демократию бесплодно и бессильно топтаться на одном месте. Речи Дана и Чернова по внешней политике показали в энный раз, что большинство меньшевиков и с<оциалистов>-р<еволюционеров> по-прежнему намерены призывать и побуждать русского солдата к обороне отвлеченной идеей справедливого демократического мира; тогда как ораторы к<онституционных>-д<емократов> с ожесточением бичевали интернационалистическую капитуляцию, упрямо выдвигая «национальные интересы России». Этот роковой контраст между правой и левой тенденциями русской общественности в Предпарламенте особенно резко выступил на фоне (имевших место тоже в середине месяца) 2-го совещания общественных деятелей в Москве и съезда представителей партии к<онституционных>-д<емократов>, из которых на этом последнем не только обозначалась резкая и упрямая оппозиция кадетского большинства, руководимого Милюковым, явственно метившего на то, чтобы «заставить» правительство сообщаться с программой к<онституционных>-д<емократов>, революционно-демократическими пунктами революционно-демократической программы, но и наметилось совершенно явственное различие по этому поводу в рядах самой партии.

В полном соответствии со всем этим, заключительные данные голосования в Предпарламенте резолюций, внесенных по поводу обороны, показали, что там нет даже незначительного большинства, ибо ни одна из предложенных формул не смогла пройти. И прямой причиной этого печального факта было то, что главенствующие с<оциалисты>-р<еволюционер>ы настаивали упрямо на упоминании в резолюции об обороне пунктов об «энергичной и открытой политике», стремящейся к скорейшему «миру без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов», и о передаче сельскохозяйственных земель в руки земельных комитетов, тем явственно колебля основы достигнутого, казалось бы, социалистически-буржуазного сотрудничества.

Одновременно с этим обнаружением внутренней бесполезности нового государственного учреждения и в самом правительстве стали намечаться трещины. Сначала возник конфликт между министром юстиции Малянтовичем³⁶² и его помощниками ввиду того, что министр, минуя этих последних и без углубленного расследования и рассмотрения дела, разрешил освободить под относительно ничтожный залог несколько большевистских лидеров, находившихся еще с 1-го июля под арестом по обвинению в покушении на существующий строй и в сношении с врагом; и это как раз в то время, когда большевики подняли голову, пожинали в массах успех за успехом, вели себя самым вызывающим образом по отношению к правительству и большинству революционной демократии и грозили изо дня в день снова прибегнуть к вооруженной борьбе для свержения существующего режима. Другой и более глубокий и существенный конфликт возник между министром иностранных дел Терещенко и Центральным исполнительным комитетом после программной речи министра в Предпарламенте в понедельник 16-го октября, в которой он высказался чересчур оборончески и просоюзнически и, что главное, осмелился говорить о германских завоевательных планах, совпадающих с наказом, выработанным Центральным исполнительным комитетом для его делегатов на союзническую конференцию, заявив, в конце концов, *horribile dictu!*¹, — что нейтрализация

¹ страшно сказать! (лат.)

проливов и неприведение к системе полного разоружения, — что тоже вытекало из того же наказа, «есть вопиющее нарушение интересов России, возвращение к положению несравненно более худшему, чем то, которое было до войны».

Таким образом, оказалось, что и создание Временного совета Российской Республики не было в состоянии нисколько упрочить конститутивно и органически шаткое, беспочвенное положение коалиционного правительства, слабого внутренней слабостью коализирования правого и левого крыльев демократии, по самой своей психологии не способных, — это было теперь уже более чем ясно, — коализироваться.

Успехи большевизма

В тот самый день, когда решился наконец вопрос об образовании последнего коалиционного правительства Керенского, Петроградский совет избрал новый президиум с явным преобладанием большевиков (4 большевика, 2 социалиста-революционера и 1 меньшевик), следствием чего и было воследовавшее избрание Троцкого его председателем и вотирование резолюции, предложенной большевиками, в которой указывалось, что новое правительство перейдет в историю под именем правительства гражданской войны и что единственная достойная реплика по его адресу может быть только: в отставку! Приблизительно в то же самое время выяснились результаты выборов в районные думы в Москве, которые дали, как об этом уже упоминалось, очень легкую победу большевикам; главным образом потому, что к урнам явилось не больше 30% избирателей, истомившихся и изверившихся вконец благодаря царящему общегосударственному хаосу. В конце же сентября забубенный Кронштадтский совет потребовал резким тоном от правительства передачи власти в руки Советов; на 2-ом съезде представителей Балтийского флота в Гельсингфорсе была принята вышеприведенная вызывающая, чтобы не сказать больше, резолюция; и Московский совет, в свою очередь, высказался за передачу Советам всей власти в резолюции, которая кончалась так: «Присоединяясь к резолюции Петроградского совета от 22-го сентября, Московские советы рабочих и солдатских депутатов обращаются

ко всем провинциальным Советам с призывом мобилизовать все силы для грядущей борьбы под лозунгом: “вся власть Советам”. Только такая власть сможет обеспечить демократический мир и двинуть вперед дело международной революции». Вслед за тем Кронштадтский, а потом и Петроградский советы потребовали освобождения большевиков, арестованных по делу о восстании 3-го июля, каковые требования, как уже упоминалось, не остались без последствий, так как министр юстиции Малянтович тотчас же действительно стал освобождать один за другим главных арестованных. Следуя примеру Петроградского совета, и в Московском совете, ввиду обозначившегося преобладания большевиков, был переизбран президиум, перешедший вполне в их руки. 4-го октября в Киеве, под давлением большевистски настроенных народных масс и гарнизона, окончилось оправданием и шумными большевистскими демонстрациями дело 78 солдат гвардии гренадерского полка во главе с большевиком капитаном Дзевалтовским³⁶³, по обвинению в содействии произвольным уклонением от исполнения приказа военной катастрофе под Тернополем. Когда затем, под влиянием грозных военных событий в Балтийском море, во Временном правительстве стала конкретно обсуждаться возможность эвакуации правительственных учреждений в Москву, то Петроградский совет решительно воспротивился этому (сначала устами своей солдатской секции); и эту затею пришлось *volens nolens* оставить. 9-го октября, после открытия Предпарламента и шумного и arrogantного ухода из заседания большевиков во главе с Троцким, Петроградский совет вынес одобрительную им резолюцию, в которой, между прочим, было сказано, что «единственное спасение страны заключается в возможно скорейшем заключении мира». Того же 9-го октября он сделал постановление о необходимости, ради целей обороны, образовать вне правительства своего рода революционный штаб. Из провинции тем временем приходили одно за другим сведения о резолюциях, выносившихся нередко тамошними Советами и революционными организациями в пользу передачи власти в руки Советов. 11-го октября в Петрограде открылся в Смольном институте, под председательством большевика Крыленко³⁶⁴, областной съезд Советов северных губерний, созданный по инициативе Петроградского совета.

Вопреки постановлению Всероссийского съезда Советов, это было сделано без ведома Центрального исполнительного комитета, и состав съезда был определенно подтасован, так что фактически он оказался съездом исключительно большевистски настроенных делегатов. «Советское правительство немедленно предложит от имени России перемирие на всех фронтах и честный демократический мир всем народам, — гласила между прочим его резолюция, — немедленно передаст все земли и живой инвентарь земельным комитетам Учредительного собрания и созовет в назначенный срок избранное Учредительное собрание».

12-го <октября> Петроградский совет, в связи с приказом главнокомандующего Северным фронтом, ген<ерала> Черемисова, о выводе на театр военных действий петроградских войск и ввиду неисполнения этими последними приказа с апелляцией к нему как высшей инстанции, обсудил и принял план организации петроградских войск для обороны без их вывода и, пользуясь этим предлогом, постановил учредить военно-революционный комитет, который и забрал немедленно в свои руки практическое руководство громадной массой петроградских воинских частей. На другой день, обсудив земельный вопрос, съезд высказался за немедленный переход земли в руки земельных комитетов. В заключение был подвергнут рассмотрению вопрос о созыве Всероссийского съезда; и хотя пришлось констатировать, что немало Советов и фронтовых и тыловых организаций отказываются присылать своих делегатов, ввиду предвыборной кампании в Учредительное собрание, тем не менее было решено осуществить эту затею во что бы то ни стало и по возможности к 20-му октября; для чего и был избран особый комитет, в котором, разумеется, получили преобладание большевистские представители (11 большевиков и 7 с<оциалистов>-р<еволюционеров> левых).

Вместе с тем по городу стали ползти тревожные слухи о том, что на 20-ое, в связи с открытием съезда Советов, готовится на самом деле вооруженное выступление большевиков; на улицах стали показываться снова группы вооруженных красногвардейцев, иногда на быстро несущихся автомобилях с демагогическими и угрожающими плакатами вроде «Смерть Керенскому».

14-го октября на пленарном заседании Центрального комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов обсуждались вопросы обороны Петрограда и съезда Советов. Заседание открылось резким заявлением делегатов с фронтов, требовавших ведения активной внешней политики, направленной к скорейшему заключению мира; причем многими делегатами указывалось, что в противном случае армейские комитеты рискуют совершенно утратить свое влияние на солдатские массы. Большевики, разумеется, не преминули заявить устами Рязанова о своем с каждым днем все более и более настойчивом требовании передать власть Советам. 15-го октября в Петрограде имело место чрезвычайное заседание Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) с участием видных представителей большевиков различных столичных организаций, на котором был подвергнут обсуждению вплотную вопрос о восстании; только двое из присутствующих заняли отрицательную позицию.

16-го октября начальник Петроградского округа генерал Полковников³⁶⁵ издал обращение к населению по поводу готовящихся выступлений, призывая к спокойствию и предупреждая о том, что будут приняты самые решительные меры подавления. И Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов обратился на другой день, со своей стороны, к рабочим и солдатам с воззванием, в котором требовал от них не поддаваться призывам к выступлению, заканчивая словами: «Рабочие и солдаты, не поддавайтесь провокации! Помните о нашем долге перед страной и революцией; не нарушайте единства революционного фронта обреченными на неудачу выступлениями».

Но 17-го октября Центральный исполнительный комитет, видя, с одной стороны, невозможность предотвратить советский съезд, а с другой, констатировав невозможность созвать его на 20-ое, как хотелось того большевикам, по причине малого стечения делегатов, решил отложить его открытие на 5 дней, оповестив все местные организации и в особенности войска о том, что посылка делегаций крайне желательна, дабы трудовые массы были правильно представлены. Хотя большевики и согласились молчаливо на это, ввиду присут-

ствия слишком малого числа делегатов, недостаточного для открытия съезда, а равно и по целому ряду стратегических и тактических соображений, они, разумеется, продолжали готовиться к выступлению и агитировать что есть силы; и надо сознаться, со все бóльшим и бóльшим успехом. Состоявшееся 19-го закрытое собрание представителей полковых и ротных комитетов Петроградского гарнизона, созванное по инициативе военного отдела Петроградского совета, показало, что бóльшая часть гарнизона настроена самым антиправительственным образом, и готова выступить по первому знаку Петроградского совета, и решительно противится выведению петроградских войск на фронт. Резюмируя выступления представителей отдельных военных частей, Троцкий осмелился совершенно ясно формулировать положение так: «Правительство желает пойти в открытую борьбу с нами, и мы принимаем бой, и примем его с честью». В конце заседания, на котором членам Центрального исполнительного комитета слово дано не было, был оглашен ряд постановлений относительно непрерывной связи Петроградского совета со всеми частями гарнизона, среди коих одно касалось назначения специальных комиссаров от Петроградского совета во все войсковые части. В тот же день в частном заседании Московских советов рабочих и солдатских депутатов, в связи с обострившейся за последние недели борьбой между рабочими и промышленниками в Московском промышленном районе, по настоянию большевиков, была принята следующая уже совершенно вызывающая резолюция, являвшаяся простым объявлением войны, не более и не менее: «Капиталисты создают грандиозный локаут, безработицу. Правительство не поддерживает рабочих, а открыто идет против них. Исходя из этого, Совет 1) декретирует удовлетворение требований рабочих в отраслях, где назревает или уже идет стачка; 2) приглашает профессиональные союзы явочным порядком осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках; 3) ставит капиталистов, саботирующих производство, перед угрозой неминуемого ареста их Советами; <4>) принимает активное участие в создании органов в борьбе за переход власти в руки демократии».

Последние дни Временного правительства

Последняя неделя жизни Временного правительства была запечатлена тремя следующими фактами: 1) дальнейшим углублением анархии, особенно солдатской, в стране; 2) прогрессивной дезорганизованностью и бездеятельностью правительства; 3) усиленной и вызывающей подготовкой большевиков к восстанию. Эта последняя угроза, мрачной тучей повисшая над столицей и страной во второй половине октября, с каждым днем сгущалась все более и более. Равным образом, не дремали и все другие уже упоминавшиеся дезорганизующие силы, пользуясь отсутствием настоящей власти и удвоенным рвением увеличивая общий развал.

Много времени у Временного правительства за эти дни отняли хлопоты по улаживанию готового вспыхнуть конфликта по поводу внешней политики. Ибо левые социалистические элементы были решительно недовольны программной речью Терещенко, столь ясно расходившейся с наказом, выработанным для делегатов революционной демократии на междусоюзническую конференцию; между тем как правые демократические элементы, особенно в лице Милюкова, резко и беспощадно наседали на революционную демократию за ее интернационалистическое доктринерство, да и самого Терещенко упрекали в сознательной недоговоренности и слишком большой уступчивости влево. На этой почве шли бесконечные переговоры и споры; ползли всевозможные слухи, терялась бездна сил и времени. Но едва только стало намечаться компромиссное решение в этом вопросе, как разом вспыхнула история с военным министром, генералом Верховским, который в заседании Комиссии по обороне от 20-го октября заявил, что иного выхода для России нет, как заключить немедленно же мир с противником, так как-де она не может больше сражаться, и благодаря этому вынужден был сложить свои полномочия, ибо такая ориентация совершенно расходилась с практиковавшейся внешней политикой Временного правительства (тем более что сведения о таком его выступлении сейчас же проникли в печать, и «Общее дело» Бурцева поплатилось даже закрытием за чересчур поспешное разоблачение).

В сущности говоря, в состоянии полной дезориентации, бездеятельности и бесконечных словопрений находился кро-

ме правительства также и Центральный исполнительный комитет Советов. Он также не чувствовал уже более твердой почвы под своими ногами; и это оттого, что советская организация вообще находилась, особенно в провинции, в состоянии упадка и разложения. В № от 12-го октября в «Известиях Испол<нительного> ком<итета> С<вета> Р<абочих и> С<олдатских> Д<епутатов>» было изложено совершенно ясно и открыто, что многих из 800 местных Советов не существует больше фактически; что в столицах и крупных центрах Советы не объединяют всей демократии; что крестьянство по-прежнему остается вне этой организации; и что Советы мало-помалу начинают заменяться в их деятельности реформированными органами местного самоуправления. Единственной действительной силой в Советах оставались, таким образом, только большевики, действовавшие, однако, в полном контрасте с директивами, сформулированными 1-ым Всероссийским съездом Советов, хранителем и исполнителем коих и являлся как раз Центральный исполнительный комитет, составленный, главным образом, из меньшевиков и с<оциалистов>-р<еволюционеров>. Другими словами, те советские элементы, которые могли бы придать правительству силы и авторитет, сами находились в состоянии разложения (да к тому же они никак уже не решались, даже на словах, расстаться с целым рядом доктринерских рецептов, тем еще того более затрудняя и обессиливая правительство), наоборот, советские элементы, обнаруживавшие энергию и жизненность и имевшие бесспорный и растущий успех в определенных кругах народной массы, благодаря своим крайним лозунгам и своей беспринципной агитации, вели решительную кампанию и против Временного правительства, и, как то было уже упомянуто выше, против самого Центрального исполнительного комитета и сочувствовавших ему Советов. Если добавить к этому еще то, что в рядах самого Центрального исполнительного комитета и представленных им кругов революционной демократии не было никакого согласия, то получится картина полного разложения и бессилия всяческой, официальной и неофициальной, власти в те дни, когда большевики вознамеривались повторить свой опыт, не удавшийся в <первой> половине июля.

Действительно, день 20-го октября, на который первоначально предполагалось открытие съезда Советов, должен был быть для большевиков знаменательной датой, ибо в этот день должна была начаться решительная атака Советов против Временного правительства. Об этом еще откровеннее многочисленных вышеупоминавшихся большевистских выступлений и резолюций высказался Троцкий 18-го октября: «Пролетариат, армия и крестьянство могут бороться за Учредительное собрание только взятием власти, — говорил он. — Надо это сознать и сказать, что гражданская война неизбежна...» Совершенно в том же тоне еще раньше высказался Ленин, каждая статья которого в верном ему «Рабочем пути» звучала, собственно, прямым призывом к восстанию. «Отказ от восстания, — писал он, — есть отказ от передачи власти Советам и “передача” всех надежд и упований на добренькую буржуазию, которая “обещала” созвать Учредительное собрание...» «Немцы имеют одного Либкнехта, без газет, без свободы собраний, без Советов, при невероятной враждебности всех классов населения вплоть до последнего зажиточного крестьянина, при великолепной организованности империалистической буржуазии, и немцы все-таки делают некоторые попытки агитации; а мы, имея десятки газет, свободу собраний, имея большинство Совета, мы, наилучше поставленные во всем мире пролетарские интернационалисты, можем ли мы отказаться от поддержки немецких революционеров в организации восстания...» И что продолжавшие еще номинально господствовать социалистические элементы принимали совершенно всерьез эти большевистские высказывания и угрозы, об этом, кроме вышеупоминавшихся предостережений, свидетельствовала вся умеренно-социалистическая печать.

Вот что, напр<имер>, писали 19-го октября «Известия Ц<ентрального> И<сполнительного> К<омитета> С<оветов> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов>: «Гг. большевики хотят свергнуть Временное правительство, хотят свергнуть Ц<ентральный> И<сполнительный> К<омитет>, хотят разогнать только что начавший работать Совет Республики, хотят даже предупредить Учредительное собрание съездом Советов (это тоже значит свергнуть, только в скрытой форме) и даже хотят свергнуть самый съезд Советов, собирая его вопреки уставу».

Однако, как об этом уже упоминалось, съезд Советов пришлось согласиться отложить на пять дней, а вместе с тем возникла возможность повременить и с восстанием, используя ближайшие дни для лучшей его подготовки и для воздействия на «малодушных» товарищей, которые, как, напр<имер>, Каменев (Розенфельд) и Зиновьев (Апфельбаум), обнаруживали явное нежелание предпринимать волю столь близкого уже съезда. Ввиду этого, в большевистском лагере был дан отбой и даже было сделано немало лицемерных заявлений, будто большевистское восстание вообще выдумка буржуазии и контрреволюционных кругов, и день 20-го октября и ближайшие последующие за ним дни протекли внешне спокойно. Несмотря на это, однако, военными и административными властями в течение 20-го и 21-го октября были приняты решительные меры предосторожности: нарядами юнкеров были заняты все здания, имеющие государственное или стратегическое значение; особенное внимание было обращено на охрану складов спирта; перед Зимним дворцом был поставлен отряд бронированных автомобилей и т.д., а 21-го в Смольном институте состоялось вновь общее собрание представителей войсковых комитетов Петроградского гарнизона, которое еще раз продемонстрировало выявленно большевистское настроение петроградских войск. 22-го большевиками был организован день «Петроградского совета», в течение которого мобилизованные большевистские силы вели на многочисленных митингах и собраниях (разумеется, формально запрещенных правительством, но происходивших так, как будто бы такого запрещения и не существовало) во всех частях города антиправительственную агитацию и одновременно происходил сбор денег на собственную газету, ввиду того, что все средства и органы печати находились в руках Центрального исполнительного комитета. 22-го же военно-революционным комитетом, который, не теряя времени, был занят эти дни усиленной реквизицией оружия на государственных фабриках и складах (напр<имер>, в ближайшем Сестрорецке) и раздачею его среди симпатизировавших большевикам рабочих и иных элементов, были назначены во все воинские части Петрограда свои комиссары и в пояснение опубликовано следующее объявление: «В интересах защиты революции нами назначены комиссары при воинских

частях и особо важных пунктах столицы и ее окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению их комиссарами. Комиссары, как представители Совета, неприкосновенны». Это своеволие показалось, по-видимому, правительству переходящим все границы. Оно отдало распоряжение арестовать Ленина и потребовало от военно-революционного комитета тотчас же отменить свои распоряжения. Центральный исполнительный комитет признал затем правительственное требование правильным. Однако военные власти, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить немедленно к решительным и энергичным мерам, — увы! — считали надобным, как выразился Керенский, «дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку» и фиксировали срок для того, чтобы они ее исправили. Как и следовало того ждать, несмотря на целый ряд принятых мер, выступлений, уговоров и предложений, шедших от целого ряда общественных организаций, и несмотря на заявление, сделанное 23-го октября представителями всех съехавшихся в столицу делегаций с фронта относительно недопустимости никаких выступлений и актов произвола, нужного ответа в указанный правительством срок не последовало. Правда, ночью с 23-го на 24-ое октября от лица военно-революционного комитета было сделано заявление о том, что пункты правительственного ультиматума-де принимаются; но, на деле, контрраспоряжения по петроградским полкам сделано не было и до полудня 24-го. И даже наоборот, продолжалась усиленная самовольная раздача оружия, продолжалась самая энергичная агитация среди солдат и рабочих за восстание, и все новые и новые части выражали большевикам свою готовность постоять за них; все шире и шире раскидывалась сеть большевистских агентов и информаторов по городу, его округе и ближайшим станциям и городам; между прочим, к большевикам перешел гарнизон Петропавловской крепости. В Смольный для охраны комитета были вызваны наконец специальные части.

Ввиду всего этого, признавая, что пришло время перейти наконец к решительным действиям, Керенский явился днем 24-го октября в Предпарламент и изложил вкратце положение вещей и ход большевистского подготвления к восстанию, за-

являя, что квалифицирует «такие действия русской политической партии как предательство и измену Российскому государству», что партия, осмелившаяся поднять руку на свободную волю русского народа, угрожая одновременно открыть фронт Германии, «подлежит немедленной и решительной ликвидации», что Временный совет должен немедленно же сказать, может ли Временное правительство выполнить свой долг с уверенностью в его поддержке. Во время его речи стало известно, что военно-революционный комитет обратился к войскам со следующим призывом: «Совет в опасности. Всем полкам приказано быть наготове и ждать распоряжений. Всякое неисполнение, а равно и всякая задержка в исполнении приказов будет считаться предательством по отношению к революции». Последовавшие дебаты и ответ Предпарламента показали еще раз и с баснословной ясностью, до какой степени внутреннего развала дошла в это время государственная власть в России и державшая ее на себе «революционная демократия». А именно собрание после длительных колебаний между правой и левой тенденциями, в конце концов, вотировало резолюцию левых, в которой, избегая касаться прямо вопросов доверия и неограниченных полномочий и осуждая повстанческое движение, в то же время причина его приписывалась антидемократической политике правительства, от правительства требовалась активная военная политика (разумеется, в духе пацифизма и интернационализма) и передача земель во владение земельных комитетов. Эта резолюция, принятая 123 голосами против 122 при 26 воздержавшихся, означала, собственно, потенциальную капитуляцию и всей революционной демократии, и правительства перед большевиками, была во время прений гораздо откровеннее, выразительнее и точнее формулирована возгласом одного из лидеров левых с <оциалистов>-р <еволюционер> ов, Камкова-Каца: «В отставку!»

Примечания

Рукопись книги Б.В. Яковенко «История Великой русской революции» (хранится в Архиве Б.В. Яковенко, Прага, Чехия) включает 347 страниц как машинописного, так и рукописного текста, из которых первая часть содержит 155 страниц, а вторая — 192 страницы. В рукописном тексте встречаются авторские подчеркивания, которые в настоящем издании переданы курсивом.

Весь текст воспроизводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Авторские постраничные примечания отмечены звездочками, переводы иноязычных слов, которые выполнены авторами примечаний, даны постранично под римскими цифрами. Отдельные нетипичные сокращения раскрыты в угловых скобках, как и пропущенные автором слова, которые вставлены по смыслу. Научные примечания к тексту Б.В. Яковенко обозначены арабскими цифрами и помещены ниже.

Предисловие ко второму выпуску

¹ Яковенко цитирует труд итальянского философа Бенедетто Кроче (Croce; 1866–1952) «Философия духа» («Filosofia dello spirito»), 1-й том под названием «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» («Estetica come scienza dell'espressione e linguistica generale», 1902; рус. пер.: Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Ч. I: Теория / пер. с ит. Б. Яковенко. М., 1920).

² Яковенко имеет в виду выражение немецкого философа Иоганна Готлиба Фихте (Fichte; 1762–1814) из его книги «Первое введение в наукоучение» («Erste Einleitung in die Wissenschaftslehre», 1797): «Какую кто философию выберет, зависит поэтому от того, какой кто человек: ибо философская система — не мертвая утварь, которую можно было бы откладывать или брать по желанию, она одушевлена душою человека, обладающего ею» (Фихте И.Г. Избр. соч. М., 1916. Т. 1. С. 424).

³ *Четверное согласие* (Антанта) — название империалистического блока Великобритании, Франции, России и Италии (присоединилась к Антанте в 1915 г.), противостоящего в 1-ю мировую войну Четверному союзу (Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции).

⁴ Под «Центральными державами» подразумевается Четверной союз (см. предыдущее примеч.).

⁵ Подразумевается Международная социалистическая конференция, которая состоялась 5–8 (18–21) сентября 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд. Задачей конференции было выработать общую позицию социалистов (из 11 стран) по отношению к войне. Итогом конференции стал манифест (составлен Л.Д. Троцким), признававший войну империалистической со стороны всех воюющих стран и призывавший «начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций».

⁶ Дантон Жорж Жак (Danton; 1759–1794), выдающийся деятель Великой французской революции, блестящий оратор, вождь правых монтаньяров, первый председатель Комитета общественного спасения. 31 марта 1794 г. был арестован, по приговору Революционного трибунала 5 апреля 1794 г. казнен.

⁷ Матьез Альбер (Mathiez; 1874–1932), французский историк, исследователь истории Великой французской революции, основатель Робеспьеристского общества, экстраординарный профессор Сорбонны (с 1926), автор многочисленных работ, в том числе сборников статей «Вокруг Робеспьера» («Autour de Robespierre», 1926) и «Вокруг Дантона» («Autour de Danton», 1926). На русский язык были переведены многие работы А. Матьеза: Французская революция. М.; Л., 1925–1930. Т. 1–3; Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928; Термидорианская реакция. М.; Л., 1931. Матьез выступал против «легенды о Дантоне» как о величайшем вожде революции, утверждаемой в работах Ф. Олара и его школы. В противовес «продажному» Дантону Матьез выдвинул фигуру «неподкупного» Робеспьера (см.: Матьез А. Новое о Дантоне. М.; Л., 1928).

⁸ Олар Франсуа Виктор Альфонс (Aulard; 1849–1928), французский историк, исследователь истории Французской революции, в 1886–1922 гг. возглавлял кафедру истории Французской революции в Сорбонне. В главном своем труде «Политическая история Французской революции» («Histoire politique de la Révolution française», 1901) идеализировал и превозносил заслуги Дантона.

⁹ Керенский Александр Федорович (1881–1970), адвокат, политический и общественный деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. С 1906 г. начал карьеру адвоката на политических процессах. С 1909 г. присяжный поверенный в Петербурге. Депутат IV Государственной думы, входил во фракцию «трудовиков». В 1912 г. вступил в масонскую ложу «Великий Восток народов России», в 1915–1917 гг. генеральный секретарь Верховного Совета этой ложи. Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, товарищ (заместитель) председателя Пе-

троградского совета рабочих и солдатских депутатов. В марте 1917 г. официально вступил в партию эсеров, стал одним из лидеров партии. С марта 1917 г. министр юстиции Временного правительства, с мая 1917 г. военный и морской министр, с июля 1917 г. министр-председатель при сохранении поста военного и морского министра (с сентября 1917 г. Верховный главнокомандующий). С 1918 г. в эмиграции, жил в Англии, Франции, США.

¹⁰ Милюков Павел Николаевич (1859–1943), политический деятель, историк, публицист. Выпускник Московского университета, при котором был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. В 1886–1895 гг. приват-доцент Московского университета. В 1892 г. защитил магистерскую диссертацию. В 1895 г. отстранен от преподавания в Московском университете в связи с политической неблагонадежностью. С начала XX в. один из идеологов либерализма в России. В октябре 1905 г. один из создателей Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы), с 1907 г. председатель Центрального комитета этой партии. В 1907–1917 гг. депутат III и IV Государственных дум. В марте–мае 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. С ноября 1918 г. в эмиграции, жил в Англии, с 1920 г. — во Франции.

¹¹ Деникин Антон Иванович (1872–1947), военный деятель. С 1902 г. служил в Генеральном штабе. В 1903–1904 гг. старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В январе–декабре 1906 г. штаб-офицер для особых поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса. В декабре 1906–январе 1910 г. штаб-офицер при управлении 57-й пехотной резервной бригады. С 1910 г. командир 17-го пехотного Архангелогородского полка. С марта 1914 г. исполнял должность генерала для поручений Киевского военного округа, с июня 1914 г. генерал-майор. С сентября 1914 г. командующий 4-й стрелковой бригадой (с 1915 г. дивизия). С сентября 1916 г. командующий VIII армейским корпусом. С мая 1917 г. командующий армиями Западного фронта. С июля 1917 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. После Корниловского мятежа арестован, в ноябре 1917 г. бежал из тюрьмы, прибыл в Новочеркасск и принял участие в формировании Добровольческой армии. С января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. С октября 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией. С декабря 1918 г. главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В апреле 1920 г. передал полномочия главнокомандующего генералу П.Н. Врангелю. С апреля 1920 г. в эмиграции. С 1926 г. жил во Франции, с 1945 г. в США.

¹² Суханов Николай Николаевич (наст. фамилия Гиммер; 1882–1940), экономист, публицист, политический деятель. С 1903 г. член

партии социалистов-революционеров (эсеров). В мае 1904 – октябре 1905 г. в тюрьме. В 1910–1913 гг. в ссылке. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В мае 1917 г. вступил в группу меньшевиков-интернационалистов. В 1917–1918 гг. редактор газеты «Новая жизнь». Член Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) 2, 3, 4-го созывов, в июне 1918 г. исключен из состава ВЦИК. С 1920 г. выступил в поддержку III интернационала. В декабре 1923 г. полностью порвал с меньшевизмом и подал заявление о приеме в партию, но в партию не был принят. При советской власти работал в различных государственных учреждениях. С 1930 г. в заключении. С 1935 г. в ссылке в Тобольске. В сентябре 1937 г. был арестован по обвинению в антисоветской агитации. В 1940 г. приговорен к расстрелу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

¹³ *Столыпин* Петр Аркадьевич (1862–1911), государственный деятель. Выпускник Петербургского университета. В 1902 г. гродненский губернатор, в 1903–1906 гг. саратовский губернатор. С 26 апреля (9 мая) 1906 г. министр внутренних дел, с 8 (21) июля 1906 г. одновременно председатель Совета министров, на этом посту осуществил ряд законопроектов, в том числе провел аграрную реформу. П.А. Столыпин был и остается сложной фигурой русской истории, вызывающей противоречивые оценки и имеющей как критиков, так и почитателей (современные оценки см. в изд.: П.А. Столыпин и опыт реформ в России. М., 2012).

¹⁴ *Богров* Дмитрий Григорьевич (1887–1911), член киевской группы анархистов-коммунистов (с 1906), секретный осведомитель Киевского охранного отделения (с 1907). В конце августа 1911 г. явился в Киевское охранное отделение с вымышленным сообщением о готовящемся покушении на одного из сановников во время приезда императора Николая II и его свиты в Киев. 1 (14) сентября 1911 г. по пропуску, выданному начальником Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко, прошел в киевский городской оперный театр и во время антракта смертельно ранил П.А. Столыпина двумя выстрелами из браунинга. Богров по приговору военно-окружного суда был приговорен к смертной казни и повешен 12 (25) сентября, т.е. через неделю после смерти П.А. Столыпина.

¹⁵ Яковенко допускает неточность: Д.Г. Богрову было 24 года.

¹⁶ *Трусевич* Максимилиан Иванович (1863–1917), государственный деятель, в 1906–1909 гг. директор Департамента полиции, затем сенатор. 9 (22) сентября 1911 г. император Николай II поручил

Трусевичу расследовать действия Киевского охранного отделения и обстоятельства убийства П.А. Столыпина. По итогам расследования и заключению Трусевича были обвинены в бездействии и превышении власти товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов, полковник А.И. Спиридович, подполковник Н.Н. Кулябко.

¹⁷ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), революционер, секретный сотрудник Департамента полиции (с 1893), член союза эсеров (с 1899), руководитель боевой организации эсеров (с 1903). Успешно работал и на эсеров, и на полицию: одни террористические акты организовывал (убийство В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича), другие — предотвращал, сообщая планы полиции и выдавая членов своей организации. В 1908 г. был разоблачен публицистом В.Л. Бурцевым, после чего скрылся и жил в Германии под чужой фамилией.

¹⁸ Витте Сергей Юльевич (1849–1915), государственный деятель. Выпускник Новороссийского университета в Одессе. В 1892–1903 гг. министр финансов, в 1903–1905 гг. председатель Комитета министров, в 1905–1906 гг. председатель Совета министров. Одним из его политических достижений стал Манифест 17 октября 1905 г., согласно которому в России были дарованы основные гражданские свободы и введена в качестве института народного представительства Государственная дума. Благодаря этому С.Ю. Витте заслужил репутацию либерала, которого Яковенко противопоставляет консерватору П.А. Столыпину.

¹⁹ В 1905 г. С.Ю. Витте был назначен императором Николаем II главноуполномоченным на Портсмутскую конференцию в США, где заключил Портсмутский мирный договор между Российской империей и Японией (подписан 23 августа (5 сентября) 1905 г. в г. Портсмут), который положил конец Русско-японской войне 1904–1905 гг.

²⁰ В 1894 г. по инициативе С.Ю. Витте была введена государственная «винная монополия» на производство спирта и торговлю крепкими спиртными напитками, что значительно увеличило приток финансовых средств в государственный бюджет.

²¹ «Гроза», ежедневная черносотенная литературно-политическая и общественная газета, издавалась в Санкт-Петербурге с сентября 1909 г. по ноябрь 1917 г. (была временно закрыта после Февральской революции). Учредителем и первым редактором-издателем был Н.И. Большаков (в 1909), затем издателем стал деятель монархического движения Н.Н. Жеденов.

²² Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), политический деятель, член II, III, IV Государственных дум. Выпускник Московского университета. С 1896 г. помощник присяжного поверенного, с 1901 г. присяжный поверенный округа Московской судебной палаты. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии, с 1906 г. член ее Цен-

трального комитета. Один из популярных ораторов в Государственной думе. В 1917 г. был назначен Временным правительством послом России во Франции. До 1924 г. фактически исполнял обязанности посла, затем возглавлял Эмигрантский комитет, который представлял интересы русских эмигрантов во Франции. Умер в Швейцарии.

²³ *Плеве* Вячеслав Константинович (1846–1904), государственный деятель. Выпускник Московского университета. В 1881–1884 гг. директор Департамента государственной полиции, с 1885 г. товарищ министра внутренних дел, с 1894 г. государственный секретарь и главноуправляющий кодификационной частью при Государственном совете. С 1899 г. министр-статс-секретарь Великого княжества Финляндского. С апреля 1902 г. министр внутренних дел и шеф Корпуса жандармов. Предполагаемый организатор Кишиневского погрома 1904 г. В июле 1904 г. убит эсером Е.С. Созоновым (террористический акт был подготовлен Е.Ф. Азефом).

²⁴ *Горемыкин* Иван Логгинович (1839–1917), государственный деятель. В 1895–1899 гг. министр внутренних дел, с 1899 г. член Государственного совета, в апреле–июле 1906 г. председатель Совета министров, в январе 1914 – январе 1916 г. вторично председатель Совета министров. После Февральской революции был арестован, допрошен в Чрезвычайной комиссии Временного правительства, в мае 1917 г. освобожден и выслан из Петрограда. В декабре 1917 г. убит в Сочи в результате разбойного нападения.

²⁵ *Львов* Николай Николаевич (1867–1944), политический деятель, член I, III и IV Государственных дум. В 1893–1900 гг. предводитель дворянства Саратовской губернии. Один из основателей «Союза освобождения». С 1906 г. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, вскоре стал одним из учредителей Партии мирного обновления. В III Государственной думе был одним из основателей партии «прогрессистов», в IV Государственной думе — товарищ (заместитель) председателя. С 1920 г. в эмиграции.

²⁶ Яковенко имеет в виду Положение о выборах в Государственную думу от 3 (16) июня 1907 г., согласно которому вводилась новая избирательная система, увеличившая представительство в Думе землевладельцев и состоятельных граждан. Указанное положение действовало при выборах III и IV Государственных дум.

²⁷ Законодательной «вермишелью» назвал «законопроекты», обсуждавшиеся и принимавшиеся в Государственной думе при П.А. Столыпине, председатель III Думы октябрист Н.А. Хомяков (о характере законопроектов говорят их названия, например: «О передаче благотворительных заведений в ведение Варшавского магистрата», «Об учреждении при Эриванской учительской гимназии 20 стипендий для воспитанников-татар...» и т.д.).

²⁸ *Кауфман* Петр Михайлович (1857–1928), государственный деятель. В 1877 г. начал службу в канцелярии Комитета министров. С 1900 г. сенатор. С 1906 г. член Государственного совета. В апреле 1906 – январе 1908 г. министр народного просвещения, разработал новый проект университетского устава, который не был утвержден в связи с его отставкой. Разрешив некоторое расширение самостоятельности высшей школы, П.М. Кауфман в тот же день разослал по округам циркулярное письмо председателя Совета министров, предупреждавшее о несовместимости государственной службы с пребыванием в оппозиционных политических партиях. В результате политики П.М. Кауфмана университеты постепенно возвращались к прежним порядкам, связанным с университетским уставом 1884 г. Циркуляр П.М. Кауфмана, запрещавший допуск вольнослушательниц к экзаменам, делал их обучение в университете практически бесцельным. При назначении стипендий и льгот студентам обязательным стал отзыв проректора.

²⁹ *Шварц* Александр Николаевич (1848–1915), филолог, государственный деятель. Выпускник Московского университета. С 1875 г. приват-доцент Московского университета по кафедре греческой словесности, с 1884 г. экстраординарный профессор, с 1892 г. ординарный профессор. С 1900 г. попечитель Рижского учебного округа, с 1902 г. попечитель Варшавского учебного округа, в сентябре–октябре 1905 г. попечитель Московского учебного округа. С ноября 1905 г. сенатор. В 1908–1910 гг. министр народного просвещения, подготовил и внес в Государственную думу новый проект университетского устава.

³⁰ *Кассо* Лев Аристович (1865–1914), государственный деятель. Получил юридическое образование в Германии, в Гейдельбергском и Берлинском университетах. С 1892 г. приват-доцент Юрьевского университета, с 1895 г. профессор Харьковского университета, с 1899 г. профессор Московского университета. В 1910 г. управляющий Министерством народного просвещения. В 1911–1914 гг. министр народного просвещения, в области высшего образования проводил правительственный курс, направленный на ограничение университетской автономии и усиление государственного контроля за учебными заведениями.

³¹ «*Новое время*», ежедневная газета, выходившая в Санкт-Петербурге (Петрограде) в 1868–1917 гг. Первоначально либеральное направление газеты сменилось на консервативное, когда издателем газеты стал А.С. Суворин (в 1876–1912).

³² *Марков* Николай Евгеньевич (1866–1945), политический деятель, монархист, публицист, член III и IV Государственных дум, председатель главного совета «Союза русского народа» (с 1910). С 1920 г. в эмиграции.

³³ *Коковцев (Коковцов) Владимир Николаевич* (1853–1943), русский государственный деятель. Выпускник Александровского лицея. С 1896 г. товарищ (заместитель) министра финансов С.Ю. Витте. С 1900 г. сенатор. В 1902–1904 гг. государственный секретарь. В 1904–1914 гг. министр финансов, в 1911–1915 гг. председатель Совета министров. С 1918 г. в эмиграции.

³⁴ *Императорское Вольное экономическое общество*, старейшее научное общество в России, действовало в 1765–1918 гг., учреждено императрицей Екатериной II.

³⁵ *Пироговское общество* (первоначально, в первые годы, носило названия «Хирургическое общество», «Московско-Петербургское медицинское общество», «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова»), негосударственное медицинское объединение, учреждено в 1881 г. (устав общества утвержден в 1883 г.), ликвидировано в 1922 г.

³⁶ *Олсуфьев Дмитрий Адамович* (1862–1937), общественный и государственный деятель, граф. Выпускник физико-математического факультета Московского университета. В 1886–1888 гг. служил в гвардии, затем вышел в отставку в чине поручика. В 1893–1902 гг. уездный предводитель Камышинского дворянства. В 1902–1904 гг. председатель Саратовской губернской земской управы. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. уполномоченный Российского Красного Креста, возглавлял санитарный поезд. В 1905 г. один из организаторов «Союза 17 октября». С 1907 г. член Государственного совета от земского собрания Саратовской губернии. После 1918 г. в эмиграции, жил во Франции, умер в Ницце.

³⁷ *Непотизм* — служебное покровительство родственникам.

³⁸ *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861–1918), государственный деятель. В 1906–1915 гг. министр юстиции. С 1907 г. член Государственного совета, с 1 (14) января 1917 г. его председатель. В 1918 г. расстрелян в период «красного террора».

³⁹ *Хвостов Алексей Николаевич* (1872–1918), государственный и политический деятель. В 1906–1910 гг. вологодский губернатор. В 1910–1912 гг. нижегородский губернатор. С 1912 г. член IV Государственной думы. В 1915–1916 гг. министр внутренних дел и начальник Отдельного корпуса жандармов. В 1918 г. расстрелян в период «красного террора».

⁴⁰ *Толмачев Иван Николаевич* (1863–1932), государственный деятель. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Генерал-губернатор Одессы в 1907–1914 гг., градоначальник Одессы в 1907–1911 гг. В июне 1908 г. получил разрешение министра внутренних дел П.А. Столыпина на проведение в Одессе съезда «Союза русских людей». Вымогатель-взяточник, занимался поборами в синагогах, моленных домах, у ювелиров. Его произвол, злоупотребления и

беззакония были частой темой либеральных газет (о нем писали Аркадий Аверченко и Шолом-Алейхем). 15 (28) ноября 1911 г. отстранен от должности одесского градоначальника, но временным генерал-губернатором Одессы пробыл до 1914 г. После 1917 г. в эмиграции, жил и умер в Германии.

⁴¹ *Муратов* Николай Павлович (1867 – после 1920), государственный деятель. Выпускник Императорского училища правоведения. В 1906–1912 гг. тамбовский губернатор. Отличался особым усердием в искоренении «крамолы», которую искал среди рабочих, крестьян, офицеров. Вмешивался в работу многих учреждений, в том числе музыкального училища и театров, лично просматривал программы предстоящих концертов и театральные репертуары. В 1912–1915 гг. курский губернатор. Преследовал журналистов за критику действий администрации, угрожая им высылкой из губернии. Запретил под предлогом «Положения усиленной охраны» выписку печатных изданий либерального направления и предписал полиции всячески способствовать распространению черносотенных изданий «Союз русского народа» и «Курская быль». В 1915–1917 гг. товарищ министра внутренних дел. С 1915 г. член Совета министров. Член Государственного совета. В начале 1920-х гг. написал воспоминания, большая часть которых посвящена его деятельности в Тамбове.

⁴² *Думбадзе* Иван Антонович (1851–1916), военный и государственный деятель. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Один из покровителей «Союза русского народа». С 1903 г. командующий 16-м стрелковым полком. Отличился решительностью в подавлении революционных выступлений 1905–1907 гг. С 1906 г. генерал-майор. В 1906–1912 гг. градоначальник Ялты. В 1912 г. в свите императора Николая II, которым вновь возвращен на пост градоначальника Ялты. В августе 1916 г. вышел в отставку по болезни и вскоре умер.

⁴³ Правильно: *Ширинский-Шихматов*. *Ширинский-Шихматов* Андрей Александрович (1868–1927), государственный деятель. Выпускник Императорского училища правоведения. Служил в Министерстве внутренних дел. В 1909–1911 гг. симбирский вице-губернатор. В 1911–1913 гг. симбирский губернатор. В 1913–1915 гг. саратовский губернатор. Коллекционер, археолог, знаток церковных древностей, писатель, путешественник, исследователь Севера, собаковод и охотник. Умер в Москве.

⁴⁴ «*Киевлянин*», русскоязычная литературная и политическая газета, издавалась в Киеве в 1864–1919 гг. В 1864–1879 гг. выходила три раза в неделю, с 1879 г. ежедневно. В политическом отношении газета эволюционировала от умеренно-либерального до консервативно-монархического направления. Газету редактировали В.Я. Шульгин (1864–1879), Д.И. Пихно (1879–1913), К. Смаковский (1913), В.В. Шульгин (1913–1919).

⁴⁵ *Гарин Николай Павлович* (1861 – после 1917), государственный деятель. Выпускник Императорского училища правоведения. С июля 1905 г. директор Департамента полиции, с конца 1905 г. сенатор. Руководил сенаторскими ревизиями: в 1907 г. московского градоначальства и московской полиции, в 1908 г. — других московских правительственных учреждений. Раскрыл массу злоупотреблений, в результате чего московский градоначальник был предан суду. В 1909–1911 гг. проводил ревизию военных округов в России и других учреждений военного ведомства, раскрыл множество злоупотреблений. В 1915 г. член Государственного совета. В 1916–1917 гг. помощник военного министра. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁴⁶ *Нейдгардт Дмитрий Борисович* (1861–1942), государственный деятель. Выпускник Пажеского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба. В 1897–1902 гг. калужский вице-губернатор. В 1903–1905 гг. одесский градоначальник. С 1907 г. член Сената. В 1910 г. руководил ревизиями всех правительственных и общественных учреждений Привислинского края Варшавского военного округа, в 1911 г. — всех мостостроительных операций в России. В результате ревизий раскрыл большое количество злоупотреблений. Незадолго до февраля 1917 г. был назначен членом Государственного совета. После 1917 г. эмигрировал, жил в Германии и Франции. В начале 1920-х гг. участвовал в работе Российского монархического объединения в Германии. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

⁴⁷ *Дедюлин Николай Александрович* (1858–1913), государственный деятель. Выпускник Александровского лицея. В 1910–1912 гг. первоприсутствующий сенатор Департамента герольдии. Провел сенаторскую ревизию Киевского и Одесского военных округов, обнаружил полный развал в интендантской деятельности, раскрыл множество злоупотреблений.

⁴⁸ *Пален Константин Константинович* (1861–1923), государственный деятель, граф. Выпускник Императорского училища правоведения. С 1897 г. варшавский вице-губернатор. С 1900 г. псковский вице-губернатор. В 1902–1905 гг. виленский губернатор. С 1906 г. сенатор и гофмейстер. В 1908–1910 гг. руководил сенаторской ревизией Туркестанского края, которая выявила недостатки административной системы (судопроизводства, сбора налогов и пошлин, переселенческой политики) и непригодность местного бюрократического аппарата. С 1920 г. в эмиграции, жил в Германии.

⁴⁹ Яковенко имеет в виду дело генерала Рейнбота: московский градоначальник Анатолий Анатольевич Рейнбот (1868–1920) после сенаторской ревизии и разоблачительных публикаций в газетах был привлечен к суду по многочисленным обвинениям в лихоимстве и произволе.

⁵⁰ В 1911 г. князь Борис Григорьевич Волконский (1861–?) был обвинен в присвоении добровольных пожертвований и осужден. Других сведений о нем найти не удалось.

⁵¹ *Вонлярлярский* Владимир Михайлович (1852–1930), отставной гвардии полковник, гофмейстер императорского двора, помощник статс-секретаря (1901), крупный новгородский помещик и промышленник, директор двух бумагопрядилен в Санкт-Петербурге, председатель Новгородского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, член Общества содействия русской промышленности и торговле, владелец золотых приисков на Урале, председатель правления Северо-Восточного Сибирского общества. В 1909 г. вместе с сыном Дмитрием был обвинен в подлоге завещания князя Богдана Огинского. В мае 1911 г. Вонлярлярский-отец был оправдан судом присяжных (сын был признан виновным и сослан на два года в арестантские роты).

⁵² Яковенко подразумевает призывы участника «Союза русского народа» иеромонаха Илиодора (Труфанова) к погромам и его склонность к обличительным выступлениям с площадной бранью. *Труфанов* Сергей Михайлович (в монашестве Илиодор; 1880–1952), религиозный и политический деятель, бывший иеромонах (расстрига). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. В 1905–1906 гг. иеромонах в Почаевской лавре. С 1908 г. служил в Царицыне, пользовался поддержкой Г.Е. Распутина. В 1909 г. отказался подчиниться решению Синода о запрещении ему священнического служения. В 1912 г. по постановлению Синода отправлен во Флорисшеву пустынь Владимирской епархии, после чего обратился с посланием к Синоду и отрекся от православной веры, был расстрижен и удален из монастыря. В 1914 г. организовал неудачное покушение на Г.Е. Распутина и, опасаясь уголовного преследования, бежал за границу, жил в Норвегии, с 1916 г. в США. После Октябрьской революции вернулся в Россию, в 1918–1922 гг. жил в Царицыне, затем опять уехал в США, где стал баптистом и работал швейцаром в гостинице.

⁵³ *Бейлис* Менахем Мендель (1874–1934), мещанин г. Василькова Киевской губернии, еврей, приказчик кирпичного завода в Киеве. 22 июля (3 августа) 1911 г. был арестован и обвинен в ритуальном убийстве 27 февраля (12 марта) 1911 г. ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского. По итогам судебного процесса 25 сентября (8 октября) — 28 октября (10 ноября) 1913 г. был оправдан присяжными заседателями. В 1914 г. эмигрировал в Палестину, с 1920 г. жил в США.

⁵⁴ *Сазонов (Созонов)* Егор Сергеевич (псевдонимы — Авель, Яков; 1879–1910), революционер, член боевой организации эсеров. В 1904 г. совершил убийство министра внутренних дел В.К. Плеве, был пригово-

рен к бессрочной каторге. Покончил жизнь самоубийством в каторжной тюрьме.

⁵⁵ «Русские ведомости», общеполитическая газета, издавалась в Москве в 1863–1918 гг., была органом либеральной московской профессуры, с конца 1905 г. — органом Конституционно-демократической партии.

⁵⁶ *Боргман* Иван Иванович (1849–1914), физик. Окончил Петербургский университет. С 1888 г. профессор Петербургского университета, с 1901 г. директор Физического института при университете. В 1905 г. стал первым выборным ректором Петербургского университета, в 1910 г. в знак протеста против нарушения полицией прав студентов подал в отставку.

⁵⁷ «Союз русского народа», черносотенная организация, создана в 1905 г., получила поддержку правительства, пользовалась особым покровительством царя.

⁵⁸ *Муромцев* Сергей Андреевич (1850–1910), юрист, публицист, политический деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета. С 1875 г. приват-доцент Московского университета, с 1877 г. профессор. С 1884 г., после увольнения из Московского университета, присяжный поверенный Московской судебной палаты. С 1898 г. читал лекции в Александровском лицее. С 1906 г. вновь профессор Московского университета. Один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии. В 1906 г. председатель I Государственной думы.

⁵⁹ *Мануйлов* Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, государственный деятель. С 1901 г. профессор Московского университета. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии. В 1905–1911 г. ректор Московского университета. С 1911 г. профессор Московского коммерческого университета и Народного университета А.Л. Шанявского. В марте–июле 1917 г. министр народного просвещения Временного правительства. В 1919–1920 гг. консультант народного комиссара финансов советского правительства. С 1924 г. член совета Государственного банка. Умер в Москве.

⁶⁰ *Мензбир* Михаил Александрович (1855–1935), выдающийся зоолог, зоогеограф, основатель русской орнитологии. С 1886 г. профессор, в 1902–1911 гг. помощник ректора Московского университета. В 1901–1911 гг. организатор и директор Института и Музея сравнительной анатомии Московского университета. В 1911 г. был уволен из университета (вместе с ректором А.А. Мануйловым и проректором П.А. Минаковым). В 1917 г. вернулся в университет. В 1917–1919 гг. ректор Московского университета. Создал лабораторию зоогеографии и сравнительной анатомии МГУ (в 1917–1930 гг. ее заведующий). Организатор лаборатории зоогеографии АН СССР (1930). С 1926 г. почетный, с 1929 г. действительный член АН СССР.

⁶¹ *Минаков Павел Андреевич* (1865–1932), судебный медик, антрополог. Один из основоположников судебной медицины в России. Профессор и заведующий Институтом судебной медицины Московского университета. Проректор Московского университета. В 1911 г., после подачи прошения об отставке с поста проректора, был уволен из университета. В 1917 г. вернулся на кафедру судебной медицины Московского университета, которой заведовал до 1931 г. С 1923 г. председатель Антропологического общества при МГУ. Открыл нейтральный гематин и его спектр, впервые описал субэндокардиальные экхимозы («пятна Минакова»); предложил оригинальный способ бальзамирования. Автор классического исследования о судебно-медицинском значении волос и о сравнительном строении волос у человека и у некоторых животных.

⁶² *Тимирязев Климент Аркадьевич* (1843–1920), естествоиспытатель-дарвинист, один из основоположников русской школы физиологии растений. С 1877 г. профессор Московского университета. В 1911 г. покинул университет в знак солидарности с уволенными профессорами А.А. Мануйловым, М.А. Мензбиром и П.А. Минаковым и протеста против политики министра просвещения Л.А. Кассо. С 1917 г. вновь профессор Московского университета. Последние 10 лет жизни занимался литературно-публицистической деятельностью. Депутат Московского совета. Член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1890). Почетный член Харьковского и Петербургского университетов, Вольного экономического общества. Член Лондонского королевского общества, Эдинбургского и Манчестерского ботанических обществ. Почетный доктор европейских университетов в Кембридже, Глазго и Женеве.

⁶³ *Вернадский Владимир Иванович* (1863–1945), естествоиспытатель, мыслитель и общественный деятель. В 1911 г. ушел из Московского университета в знак протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо. Академик Санкт-Петербургской академии наук. Один из основателей и первый президент Украинской академии наук. Создатель многих научных школ. Один из представителей русского космизма, создатель биогеохимии. В круг его научных интересов входили геология, кристаллография, минералогия, радиогеология, биология, философия. Лауреат Сталинской премии I степени.

⁶⁴ *Зелинский Николай Дмитриевич* (1861–1953), химик-органик, автор фундаментальных открытий в области синтеза углеводов, органического катализа, каталитического крекинга нефти, гидролиза белков и противохимической защиты. Профессор Московского университета, заведующий кафедрой органической химии. В 1911 г. покинул Московский университет в знак солидарности с изгнанными из университета профессорами А.А. Мануйловым, М.А. Мензбиром и П.А. Минаковым и протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо. Создатель советской научной школы, один из основоположников органического ка-

тализа и нефтехимии. Академик АН СССР (1929), Герой Социалистического Труда (1945), лауреат Ленинской и Сталинских (трижды) премий.

⁶⁵ *Виноградов Павел Гаврилович* (1854–1925), историк, правовед. С 1884 г. профессор Московского университета. Инициатор создания Педагогического общества при Московском университете. Из-за конфликта с министром просвещения П.С. Ванновским подал в отставку и уехал в Англию. С 1903 г. профессор сравнительного правоведения Оксфордского университета. В 1908 г. вернулся в Московский университет как сверхштатный профессор, сохранив профессорскую должность в Оксфорде. В 1911 г. в знак протеста против увольнения профессоров Московского университета навсегда покинул университет. С 1918 г. британский подданный.

⁶⁶ *Шершеневич Гавриил (Габриэль) Феликсович* (1863–1912), юрист. Профессор Казанского и Московского университетов. В конце 1905 г. избран в I Государственную думу от Конституционно-демократической партии. Протестовал против роспуска I Государственной думы и подписал воззвание с призывом к гражданскому неповиновению, затем вместе с некоторыми другими депутатами сидел в Таганской тюрьме. После освобождения преподавал на юридическом факультете Московского университета, затем в Московском коммерческом институте. В 1911 г. ушел из Московского университета в знак солидарности с уволенными профессорами А.А. Мануйловым, М.А. Мензбиром и П.А. Минаковым.

⁶⁷ *Умов Николай Алексеевич* (1846–1915), физик. Занимался проблемами теоретической и экспериментальной физики. Профессор Московского университета. Организатор и создатель Физического института при Московском университете. В 1911 г., протестуя против изгнания из университета профессоров А.А. Мануйлова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова, счел своим нравственным долгом подать в отставку. С 1911 г. работал в Московском обществе исследователей природы, которое возглавлял с 1897 г., и в «Леденцовском обществе». В последние годы жизни вел экспериментальные работы в лаборатории Московского технического училища.

⁶⁸ *Хвостов Вениамин Михайлович* (1868–1920), правовед, социолог. Профессор Московского университета. В 1911 г. в знак протеста против действий министра просвещения Л.А. Кассо ушел из университета. В 1917 г. вернулся в Московский университет, читал курс гражданского права. В феврале 1920 г. покончил жизнь самоубийством.

⁶⁹ *Новгородцев Павел Иванович* (1866–1924), правовед, философ, общественный и политический деятель. С 1896 г. приват-доцент, с 1903 г. профессор Московского университета. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной думы. Подписал Выборгское воззвание и отбыл трехмесячное тюрем-

ное заключение. После избрания в Государственную думу отказался от профессорской должности, но продолжал читать лекции в Московском университете в должности приват-доцента. В 1906–1918 гг. ректор Московского коммерческого института. В 1911 г. присоединился к ученым, которые покинули Московский университет, протестуя против изгнания из него профессоров А.А. Мануйлова, М.А. Мензбира и П.А. Минакова. В годы 1-й мировой войны активный сотрудник Всероссийского союза городов и московский уполномоченный Особого совещания по топливу. С 1917 г. вновь профессор Московского университета, член-учредитель «Лиги русской культуры». После октября 1917 г. один из руководителей антисоветских подпольных организаций в Москве. В 1918 г. покинул Москву, читал лекции в Таврическом университете в Симферополе. С 1920 г. в эмиграции. С 1922 г. жил в Чехии, основатель и декан Русского юридического факультета в Праге.

⁷⁰ *Трубецкой* Евгений Николаевич (1863–1920), философ, правовед, публицист, общественный деятель. В 1897–1905 гг. профессор Киевского университета, в 1906–1911 гг. — Московского университета. Один из организаторов Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева и издательства «Путь» в Москве. В 1907–1908, 1915–1917 гг. член Государственного совета. В 1911 г. присоединился к группе профессоров и приват-доцентов, покинувших Московский университет. Читал лекции в Народном университете А.Л. Шанявского. С 1918 г. в Добровольческой армии, один из идеологов Белого движения. Умер от тифа в Новороссийске при отступлении Добровольческой армии.

⁷¹ *Кизеветтер* Александр Александрович (1866–1933), историк, политический деятель, публицист. Профессор Московского университета. Один из учредителей и видный деятель Конституционно-демократической партии, член Центрального комитета (1906). Депутат II Государственной думы. В 1911 г. ушел из Московского университета в знак протеста против политики Л.А. Кассо. В 1922 г. выслан из Советской России за границу. С января 1923 г. жил в Праге, профессор русской истории в Карловом университете. Член Союза русских академических организаций за границей, заместитель председателя. С 1932 г. председатель Русского исторического общества.

⁷² *Головин* Сергей Селиванович (1866–1931), врач-офтальмолог. Выпускник медицинского факультета Московского университета. В 1895 г. защитил докторскую диссертацию. С начала XX в. профессор Новороссийского университета в Одессе. С 1911 г. профессор Московского университета и главный врач Московской глазной больницы. В марте 1917 г. за свои консервативные взгляды уволен из Московского университета и Московской глазной больницы. С 1919 г. профессор Высшей медицинской школы, занимался частной врачебной практикой. Автор фундаментального труда «Клиническая офтальмология».

⁷³ Гучков Александр Иванович (1862–1936), политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября» (октябристов). Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Член III Государственной думы от Москвы. В 1910–1911 гг. председатель III Государственной думы. В 1911 г. ушел с поста председателя Государственной думы в знак протеста против трехдневного роспуска палат (Государственной думы и Государственного совета) П.А. Столыпиным. 2 (15) марта 1917 г. принял отречение Николая II. В марте–мае 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. Член Предпарламента. Участвовал в создании Добровольческой армии. В 1919 г. направлен А.И. Деникиным в Париж для переговоров с французским правительством, затем жил в эмиграции.

⁷⁴ Хомяков Николай Алексеевич (1850–1925), государственный деятель. Член I, II, III Государственных дум. В 1906 г. один из основателей и лидеров партии «Союз 17 октября» (октябристов). В 1907–1910 гг. первый председатель III Государственной думы. В 1918–1920 гг. участник Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.

⁷⁵ Гегечкори Евгений Петрович (1881–1954), революционер, меньшевик. Член III Государственной думы, в которой являлся одним из лидеров социал-демократической фракции. С ноября 1918 г. министр иностранных дел Грузии, в 1921 г. министр юстиции. С 1921 г. в эмиграции, жил во Франции. Умер в Париже.

⁷⁶ В.Н. Коковцев произнес фразу: «У нас, слава Богу, парламента еще нет!» на заседании III Государственной думы 24 апреля (7 мая) 1908 г. в полемике с П.Н. Милюковым, требовавшим создания парламентской комиссии для изучения расходов по эксплуатации железной дороги. На следующий день, во время очередного заседания председатель Государственной думы Н.А. Хомяков неуважительно отозвался о словах Коковцева, сказанных накануне. В.Н. Коковцев счел себя оскорбленным, а П.А. Столыпин решительно потребовал извинений от Хомякова, который извинился за свои слова перед Кабинетом министров, и инцидент был исчерпан.

⁷⁷ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1869–1916), «духовный» наставник императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. Из крестьян Тобольской губернии. Странствовал по монастырям. Три года носил вериги, общался с известными старцами в Тобольском, Тюменском, Верхотурском монастырях. Как «святой старец» был введен духовником царской семьи архимандритом Феофаном (Быстровым) в высшие круги столичной аристократии, затем стал известен царской семье, на которую приобрел влияние через императрицу Александру Федоровну. Ловко манипулируя суеверной и мистически настроенной императрицей, давал Николаю II «советы» по управлению страной, сменял министров и даже глав кабинета,

церковных иерархов, оказывал «протекции» и т.п. В ночь с 16 (29) на 17 (30) декабря 1916 г. убит заговорщиками, среди которых были великий князь Дмитрий Павлович, Ф.Ф. Юсупов и В.М. Пуришкевич. Совершившие уголовное преступление убийцы не понесли наказания. Следствие по делу об убийстве Распутина было прекращено 4 (17) марта 1917 г. А.Ф. Керенским, который в тот же день разрешил высланным из столицы князю Ф.Ф. Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу вернуться в Петроград.

⁷⁸ Макаров Александр Александрович (1857–1919), государственный деятель. В 1909–1911 гг. государственный секретарь, в 1911–1912 гг. министр внутренних дел, с 1912 г. член Государственного совета, в 1916 г. министр юстиции. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией, был освобожден под залог. В 1918 г. арестован большевиками, позднее расстрелян.

⁷⁹ Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918), государственный деятель. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. С 1909 г. черниговский губернатор. В 1913–1915 гг. министр внутренних дел и шеф жандармов. В марте 1917 г. арестован, содержался в Петропавловской крепости. Летом 1918 г. перевезен в Москву, где был вскоре расстрелян.

⁸⁰ Подразумевается немецкая промышленная династия Крупп (Krupp), владевшая заводами сталелитейного и военного производства.

⁸¹ Подробных сведений о Преображенском найти не удалось.

⁸² Правильно: Трещенков. Трещенков Николай Викторович (1875–1915), жандармский ротмистр, заместитель главы губернской полиции, руководитель расстрела рабочих 4 (17) апреля 1912 г. на Ленских приисках.

⁸³ Тульчинский Константин Николаевич (1865–1939), горный инженер. Выпускник Горного института. В 1906 г. возглавлял первую государственную сахалинскую экспедицию. Затем работал окружным горным инженером в Ленском горном округе. Активный участник Ленских событий в марте–апреле 1912 г. В 1917 и августе–ноябре 1918 г. начальник Нерчинского горного округа. Потом жил в Бодайбо, Чите, Новосибирске. В 1930 г. арестован и приговорен к трем годам ссылки в Минусинск. В 1937 г. вновь арестован, в 1939 г. умер во Владимирской тюрьме.

⁸⁴ Гололобов Яков Георгиевич (1855–1918), государственный и политический деятель. Член III Государственной думы. С 1912 г. вице-губернатор в Полтаве. В 1915 г. губернатор Волынской губернии. С октября 1915 г. губернатор Енисейской губернии. В марте 1917 г. арестован представителями Красноярского совета и отправлен в Петроград, в мае 1917 г. освобожден, уехал в Екатеринослав. В декабре 1918 г. расстрелян, когда в Екатеринославе находились отряды Н.И. Махно.

⁸⁵ Курлов Павел Григорьевич (1860–1923), государственный деятель. Выпускник Военно-юридической академии. С 1890 г. служил в Министерстве юстиции. С 1899 г. прокурор при Вологодском окружном суде. С 1900 г. товарищ прокурора Московской судебной палаты. С 1903 г. курский вице-губернатор, с 1905 г. минский губернатор. С 1907 г. начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции. С 1909 г. товарищ министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. С 1911 г. в отставке. С начала 1-й мировой войны на Северо-Западном фронте. С 1916 г. товарищ министра внутренних дел. 28 февраля (13 марта) 1917 г. арестован Временным правительством, несколько месяцев провел в заключении, в августе 1917 г. освобожден под домашний арест. С августа 1918 г. в эмиграции, жил в Германии.

⁸⁶ «Польское коло» (от польск. *Kolo* — круг), название польской парламентской фракции в I–IV Государственных думах. Представители польских демократических и социалистических кругов в Государственной думе в «Польское коло» не входили.

⁸⁷ Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), государственный и политический деятель. Один из основателей и лидеров партии «Союз 17 октября» (октябристов). В марте 1911 – феврале 1917 г. председатель III и IV Государственных дум. С 27 февраля 1917 г. возглавлял Временный комитет Государственной думы. Участник переговоров с Николаем II об отречении от престола. В 1918–1920 гг. участник Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии. Автор мемуаров «Крушение империи» (Берлин, 1926) и «За кулисами царской власти» (М., 1926).

⁸⁸ Саблер Владимир Карлович (1847–1929), юрист и государственный деятель. В мае 1911 – июле 1915 г. обер-прокурор Святейшего синода. В 1918–1925 гг. был несколько раз арестован, в 1926 г. приговорен к ссылке в Тверь, где умер.

⁸⁹ Речь идет о так называемом «Витмеровском деле» 1912 г.: в петербургской частной гимназии Витмера полиция арестовала группу гимназистов во время собрания ученической организации, используя для внедрения в нее агентов-гимназистов. Дело получило широкую огласку в прессе, результатом чего стал запрос в Государственной думе.

⁹⁰ Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931), философ, социолог. Выпускник юридического факультета Киевского университета. В 1898–1917 гг. возглавлял кафедру энциклопедии и философии права Петербургского (Петроградского) университета. Депутат I Государственной думы, член Центрального комитета Конституционно-демократической партии. С 1918 г. в эмиграции, жил в Польше, работал на кафедре социологии Варшавского университета.

⁹¹ *Пергамент* Михаил Яковлевич (1866–1932), философ, правовед. Выпускник юридического факультета Новороссийского университета в Одессе. С 1896 г. читал лекции по римскому праву на кафедре гражданского права Новороссийского университета. С 1900 г. профессор на кафедре русского гражданского права и судопроизводства Юрьевского университета, в 1906–1911 гг. профессор Петербургского университета. Одновременно с 1907 г. профессор, с 1910 г. декан юридического факультета Высших женских курсов в Петербурге. В 1911 г. новым министром просвещения Л.А. Кассо переведен из Петербургского университета в Юрьев университет, но от перевода отказался и вышел в отставку. С 1917 г. и до конца жизни профессор юридического факультета Петроградского (Ленинградского государственного) университета.

⁹² *Гримм* Давид Давидович (1864–1941), юрист, правовед. С 1906 г. декан юридического факультета Петербургского университета, в 1910–1911 гг. ректор Петербургского университета (на этом посту его сменил брат профессор Э.Д. Гримм). 3 (16) августа 1913 г. отстранен Министерством народного просвещения от должности профессора Петербургского университета под предлогом перевода в Харьковский университет (в Харьков ехать отказался). С марта 1917 г. комиссар Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции, с 1922 г. в Чехии, где был профессором Русского юридического факультета в Праге. С 1927 г. профессор Тартуского университета в Эстонии. С 1934 г. на пенсии.

⁹³ *Сопотько* Михаил Аркадьевич (1869–1938), врач, публицист, издатель. В 1891–1896 гг. поклонник Л.Н. Толстого и его идей. В 1896 г. после разрыва с Л.Н. Толстым стал православным миссионером. Участник Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. Окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге. Издавал журналы «Студент-христианин», «Академист», «Врач-медик». Писал под многочисленными псевдонимами (Изгой, Сырокомля, Михаил Изгоев, Сопотько-Сырокомля и др.). В 1914–1917 гг. военный врач. С 1917 г. в эмиграции в Югославии, жил и умер в Белграде.

⁹⁴ *Маковеев* Иван Иванович (1846 – после 1917), врач, доктор медицины. После окончания Медико-хирургической академии работал земским врачом, затем на военно-медицинской службе. В 1913–1917 гг. начальник Военно-медицинской академии. В марте 1917 г. был арестован, затем освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

⁹⁵ *Сухомлинов* Владимир Александрович (1848–1926), государственный деятель. В 1909–1915 гг. военный министр, член Государственного совета. В июне 1915 г. уволен с поста военного министра. В марте 1916 г. арестован и обвинен в том, что армия оказалась не подготовленной к войне. После Февральской революции приговорен к пожизненной каторге. 1 мая 1918 г. амнистирован по старости, затем в эмиграции, жил в Германии.

⁹⁶ Правильно: Бразуль-Брушковский. Бразуль-Брушковский Степан Иванович (1879–?), журналист газеты «Киевская мысль», самостоятельно занимался расследованием и поиском убийц А. Ющинского, доказывал версию, что убийство произошло в доме В. Чеберяк.

⁹⁷ Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), политический деятель, публицист, писатель, мемуарист. Депутат II, III и IV Государственных дум. 27 февраля (12 марта) 1917 г. был избран в состав Временного комитета Государственной думы. 2 (15) марта 1917 г. был отправлен вместе с А.И. Гучковым в Псков для переговоров с императором Николаем II, присутствовал при подписании Николаем II манифеста об отречении от престола. Отказался войти во Временное правительство. В ноябре 1917 г. приехал в Новочеркасск и вступил в организацию генерала М.В. Алексева, затем активный участник Добровольческой армии Юга России. С 1920 г. в эмиграции. В 1944 г. на территории Югославии арестован и депортирован в СССР, где осужден за контрреволюционную деятельность. После освобождения в 1956 г. по амнистии жил во Владимире.

⁹⁸ Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928), адвокат, революционный деятель. Придерживался социал-демократических убеждений, но в партиях не состоял. В 1896 г. арестован, обвинялся в участии в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. выслан в Ревель. Выступал адвокатом на многочисленных политических процессах. В 1906 г. выслан из Прибалтийского края. В 1910-е гг. состоял членом масонских лож. В марте 1917 г. член и секретарь Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, автор знаменитого «Приказа № 1», приведшего к развалу русской императорской армии. В советское время работал в различных государственных учреждениях, служил юрисконсультom советского правительства.

⁹⁹ Малиновский Роман Вацлавович (1876–1918), политический деятель. Член РСДРП, сначала меньшевик, затем большевик. С 1910 г. секретный сотрудник Московского охранного отделения, затем Департамента полиции. В 1912–1914 гг. член Центрального комитета Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Депутат IV Государственной думы, в которой возглавлял социал-демократическую фракцию. В 1917 г. разоблачен как провокатор, в 1918 г. по приговору трибунала расстрелян.

¹⁰⁰ Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), политический деятель, монархист. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Один из лидеров «Союза русского народа», создатель «Союза Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственных дум. Участник убийства Г.Е. Распутина. После Февральской революции противник Временного правительства. В 1918–1920 гг. жил на Юге России, поддерживал Добровольческую армию. Умер в Новороссийске от тифа.

¹⁰¹ Фридман Нафтали Маркович (1863–1921), общественный и политический деятель, юрист. Депутат III и IV Государственных дум, где примыкал к Конституционно-демократической партии, активно работал во многих думских комиссиях (по народному образованию, вероисповедной, по городской политике и др.).

¹⁰² Чхеидзе Николай (Карло) Семенович (1864–1926), политический деятель. Один из лидеров меньшевиков, депутат III и IV Государственных дум. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, в феврале–августе 1917 г. первый председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК. В сентябре 1917 г. сложил свои полномочия, вскоре уехал в Грузию. С 1918 г. председатель Закавказского сейма и Учредительного собрания Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

¹⁰³ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), государственный деятель. С 1883 г. служил в Министерстве иностранных дел. В 1894–1904 гг. секретарь русской миссии при Ватикане. С 1904 г. советник посольства в Лондоне. С 1906 г. министр-резидент в Ватикане при папе римском. С 1907 г. посланник в США. В 1910–1916 гг. министр иностранных дел. В январе 1917 г. назначен послом в Великобритании, но из-за революции не успел выехать на место новой службы. В 1918 г. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине, в 1919 г. министр иностранных дел Всероссийского правительства А.В. Колчака и А.И. Деникина. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции.

¹⁰⁴ «Дифензистское» (от англ. defence — оборона) — оборонческое.

¹⁰⁵ Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918), политический и общественный деятель, теоретик марксизма. С 1876 г. член революционной организации «Земля и воля». С 1879 г. организатор и руководитель организации «Черный передел». С 1880 г. в эмиграции, в Швейцарии. В 1883 г. основал группу «Освобождение труда». В 1903 г. разошелся в революционных взглядах с В.И. Лениным и стал одним из лидеров меньшевистской фракции РСДРП. В марте 1917 г. вернулся в Россию. Редактировал газету «Единство», поддерживал Временное правительство, критиковал В.И. Ленина и большевиков. В январе 1918 г. уехал на лечение в Финляндию, где вскоре умер.

¹⁰⁶ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), философ, теоретик анархизма. С 1868 г. член Русского географического общества, участвовал в экспедициях по Маньчжурии и Восточной Сибири. В 1874 г. арестован за революционную пропаганду, заключен в Петропавловскую крепость, через два года бежал из тюрьмы и выехал за границу, где прожил в эмиграции 40 лет (в Швейцарии, Франции, Англии). В июне 1917 г. вернулся в Россию. Умер в Дмитрове.

¹⁰⁷ «Русские ведомости», общественно-политическая газета, выходившая в Москве в 1863–1918 гг. С 1905 г. фактически была органом правого крыла Конституционно-демократической партии.

¹⁰⁸ *Бурцев Владимир Львович* (1862–1942), публицист, издатель. В 1885 г. за революционную деятельность арестован, в 1886 г. сослан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал в Швейцарию, затем жил в Англии. За границей занимался историей революционного движения, с 1900 г. издавал журнал «Былое». В 1905 г. нелегально вернулся в Россию, с 1907 г. снова в эмиграции. В 1908–1909 гг. приобрел известность разоблачениями провокаторов, агентов Департамента полиции (Е.Ф. Азефа, З.Ф. Гернгросс-Жученко, А.М. Гартинга и др.). В 1911–1914 гг. издавал в Париже газету «Будущее». В 1914 г. вернулся в Россию, в 1915 г. приговорен к ссылке в Туруханский край, вскоре амнистирован. После Февральской революции занимался разборкой уцелевших материалов Охранного отделения. После июля 1917 г. резко критиковал большевиков, разоблачая их как немецких агентов. В ночь с 25 на 26 октября (с 7 на 8 ноября) 1917 г. арестован по личному приказу Л.Д. Троцкого, содержался в Петропавловской крепости. В феврале 1918 г. освобожден, эмигрировал в Финляндию, затем жил во Франции.

¹⁰⁹ *Слетов Степан Николаевич* (1876–1915), политический деятель, публицист. Один из руководителей партии эсеров и член ее Центрального комитета. В декабре 1905 г. участвовал в вооруженном восстании в Москве. В 1907 г. выслан за границу. После начала 1-й мировой войны пошел добровольцем во французскую армию, в июне 1915 г. погиб на Западном фронте.

¹¹⁰ *Онипко Федот (Федор) Михайлович* (1880–1938), политический деятель, эсер. Депутат I Государственной думы. В 1906 г. арестован и приговорен к ссылке в Туруханский край, по пути в ссылку бежал, затем эмигрировал во Францию. В начале 1-й мировой войны пошел добровольцем во французскую армию. В 1917 г. после Февральской революции вернулся в Россию, назначен Временным правительством комиссаром на Балтийский флот. Избран в Учредительное собрание. На процессе эсеров 1922 г. значился обвиняемым, но не разысканным следствием. Позднее был арестован, расстрелян.

¹¹¹ *Лебедев Владимир Иванович* (1883–1956), политический и государственный деятель, публицист. Во время революции 1905 г. член боевой организации партии эсеров. После 1908 г. в эмиграции во Франции. Один из редакторов эсеровского журнала «За народ». В период 1-й мировой войны вступил добровольцем во французскую армию. Воевал на Салоникском фронте. После Февральской революции вернулся в Россию. С мая 1917 г. помощник военного и морского министра А.Ф. Керенского. В июле–августе 1917 г. управляющий Морским министерством. В 1918 г. в Самаре был одним из организаторов Народной армии. 19 июня 1918 г. назначен членом Военного штаба Комуча (Комитета Учредительного собрания). Участник Государственного со-

вещания в Уфе. В 1919 г. эмигрировал, жил в Париже, затем, с 1921, г. в Праге. Член редколлегии журнала «Воля России» (1921–1932), организатор и директор журнала на сербохорватском языке «Руски архив» (1928–1939), один из руководителей Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей в Белграде (Земгора). С 1936 г. жил в США, редактировал в Чикаго газету «Рассвет», сотрудник редакции газеты «Новое русское слово».

¹¹² Дейч Лев Григорьевич (1855–1941), политический деятель. С 1879 г. член революционной организации «Земля и воля», затем «Черного передела». С 1880 г. в эмиграции, в 1883 г. принял участие в организации группы «Освобождение труда». В 1884 г. арестован в Германии и выдан России, где приговорен к 13 годам каторги и поселению в Сибири. В 1901 г. бежал за границу, жил в Германии. В 1905 г. вернулся в Россию, арестован, приговорен к ссылке, но бежал, в 1907 г. опять уехал за границу. В 1911–1916 гг. жил в США. После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, один из редакторов меньшевистской газеты «Единство». Октябрьскую революцию 1917 г. не принял. В 1918 г. отошел от политической деятельности. С 1928 г. на пенсии, писал воспоминания и статьи по истории русского освободительного движения.

¹¹³ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), политический деятель. С 1905 г. член партии эсеров, с 1907 г. член Центрального комитета партии. Участник революции 1905 г. В 1906 г. осужден и приговорен к ссылке, но бежал за границу. В 1907–1917 гг. в эмиграции. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, член Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Всероссийского совета крестьянских депутатов. В июле–сентябре 1917 г. министр внутренних дел Временного правительства. Депутат Учредительного собрания. После Октябрьской революции возглавил в Петрограде эсеровский «Комитет спасения Родины и революции», был арестован, но вскоре освобожден. В 1918 г. председатель Уфимской Директории. В ноябре 1918 г. арестован по приказу А.В. Колчака и выслан из России. В эмиграции жил во Франции, с 1940 г. в США. В 1920–1940 гг. соредактор парижского журнала «Современные записки».

¹¹⁴ Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), политический деятель, публицист. Депутат II Государственной думы. Член РСДРП, с 1905 г. большевик. В 1907–1917 гг. в эмиграции. В 1909 г. один из организаторов (вместе с А.А. Богдановым) фракционной группы «Вперед». После Февральской революции вернулся в Россию, примкнул к плехановской группе «Единство», активно выступал против большевиков. В 1918 г. арестован ВЧК, но вскоре отпущен. С 1919 г. в эмиграции.

¹¹⁵ Аргунов Андрей Александрович (1866–1939), политический деятель. Один из основателей и руководителей партии эсеров. В 1901 г.

выслан в Восточную Сибирь. В 1905 г. бежал из ссылки, эмигрировал. В 1917 г. вернулся в Россию. Избран в Учредительное собрание. В январе 1918 г. арестован, вскоре освобожден. В 1918 г. заместитель председателя Уфимской Директории. В ноябре 1918 г. арестован по приказу А.В. Колчака и выслан из России. В 1920 г. вернулся в Россию, жил на территории, занятой Добровольческой армией. С 1921 г. в эмиграции, жил в Чехословакии. В 1922 г. вышел из партии эсеров, лидер организации «Крестьянская Русь».

¹¹⁶ «Русские записки», ежемесячный литературный и научный журнал, выходил в Петрограде в сентябре 1914 – марте 1917 г. С 1876 г. журнал издавался под названием «Русское богатство», в 1906 г. закрыт правительством, после чего выходил под названием «Современные записки», вскоре первоначальное название было возвращено. В сентябре 1914 г. последовал новый запрет журнала, который стал выходить уже под названием «Русские записки».

¹¹⁷ «Северные записки», ежемесячный литературно-политический журнал, выходил в Петрограде в январе 1913 – январе 1917 г.

¹¹⁸ «Ежемесячный журнал», выходил в Петрограде в 1914–1916 гг. Сначала назывался «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», но с № 10 за 1914 г. получил название «Ежемесячный журнал». Издатель журнала — В.С. Миролюбов.

¹¹⁹ «Современный мир», ежемесячный литературный и научно-популярный журнал, выходил в Петрограде в 1906–1918 гг. С 1892 г. издавался под названием «Мир Божий», в августе 1906 г. официально закрыт из-за раздела «Политическое обозрение», но с октября 1906 г. стал выходить под названием «Современный мир».

¹²⁰ Маслов Петр Павлович (1867–1946), экономист. Участник социал-демократического движения. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности. Как ученый занимался аграрным вопросом. В 1918–1920 гг. преподавал в Омском сельскохозяйственном институте, в 1919–1921 гг. в Иркутском государственном университете, в 1921–1922 гг. в Читинском институте народного хозяйства, в 1923–1926 гг. в Московском университете. В 1924–1929 гг. работал в Институте экономики РАНИОН. Академик АН СССР (1929).

¹²¹ Потресов Александр Николаевич (1869–1934), политический деятель. С 1896 г. член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1897 г. арестован, в 1898 г. сослан. С 1900 г. в эмиграции. После II съезда РСДРП (1903) примкнул к меньшевикам, был одним из лидеров меньшевизма. В 1905 г. по амнистии вернулся в Россию. Во время 1-й мировой войны защитник социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в газете «День», выступал против большевиков. С 1925 г. в эмиграции, жил во Франции.

¹²² Рожков Николай Александрович (1868–1927), политический деятель, историк. С 1905 г. член РСДРП. В 1908 г. арестован, в 1910–1917 гг. в ссылке в Восточной Сибири. В марте 1917 г. приехал в Москву. С мая 1917 г. товарищ министра почт и телеграфа Временного правительства, в августе 1917 г. подал в отставку. Октябрьскую революцию не поддержал, критиковал большевиков. В 1921 и 1922 гг. дважды арестован, приговорен к высылке из России, но высылку заменили на ссылку в Псков. В 1924 г. вернулся в Москву, с 1926 г. директор Государственного исторического музея.

¹²³ Огановский Николай Петрович (1874–1938), политический деятель, экономист. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1901–1902 гг. работал в воронежском земском статистическом бюро. В 1906 г. редактор-издатель крестьянских газет «Голос деревни» и «Народный листок» (Саратов). В 1910 г. арестован по обвинению в принадлежности к партии эсеров, но вскоре освобожден. В 1908–1912 гг. заведующий библиотекой, в 1914–1916 гг. приват-доцент Московского коммерческого института. В 1916 г. редактор журнала «Новый колос». После Февральской революции вошел в организационный состав Народно-социалистической партии. С мая 1917 г. член Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов. С июня 1917 г. член Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии. В сентябре 1917 г. вышел из Трудовой народно-социалистической партии и присоединился к партии эсеров. Октябрьскую революцию не принял. В сентябре 1918 г. стал товарищем министра земледелия в Уфимской Директории. В 1918–1920 гг. заведующий экономическим отделом Сибирского центрального союза. С 1921 г. жил в Москве, работал в советских учреждениях. В 1935 г. арестован и приговорен к пяти годам заключения, в 1933 г. сослан в Башкирию, после освобождения остался жить в Уфе.

¹²⁴ Аксельрод Павел Борисович (1849 или 1850–1928), политический деятель. С 1872 г. студент Киевского университета. В 1874 г. принял участие в «хождении в народ» с целью революционной пропаганды среди крестьян, был задержан в Могилевской губернии, но бежал и эмигрировал за границу. В эмиграции жил сначала в Германии, затем в Швейцарии. В 1876–1879 гг. член революционной организации «Земля и воля», с 1879 г. член «Черного передела». В 1883–1903 гг. член группы «Освобождение труда», затем член РСДРП, после раскола партии примкнул к фракции меньшевиков. В мае 1917 г. вернулся в Россию, избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В августе 1917 г. уехал за границу. Осудил приход большевиков к власти, эмигрировал.

¹²⁵ Мартов Лев (наст. имя, отчество и фамилия Юлий Осипович Цедербаум; 1873–1923), политический деятель, публицист. С 1891 г.

учился в Петербургском университете. В 1892 г. арестован за распространение революционной литературы, затем выслан в Вильно. В 1895 г. один из основателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1896 г. арестован и сослан в Туруханск. В 1900 г. вернулся из ссылки, с 1901 г. жил за границей. После II съезда РСДРП (1903) руководитель фракции меньшевиков. В 1905 г. вернулся в Россию, участник революции, член Петербургского совета. В 1906 г. был дважды арестован, выслан за границу, жил в Швейцарии, затем во Франции. Во время 1-й мировой войны меньшевик-интернационалист, участвовал в Циммервальдской конференции (1915). В мае 1917 г. вернулся в Россию. Отрицательно оценивал Октябрьскую революцию, критиковал большевиков, выступал за демократизацию советского строя. В 1919 г. член ВЦИК. В 1919–1920 гг. депутат Моссовета. С 1920 г. в эмиграции.

¹²⁶ *Мартынов* Александр Самойлович (наст. фамилия Пиккер; 1865–1935), политический деятель. С 1884 г. член партии «Народная воля». В 1886 г. арестован и сослан на 10 лет в Сибирь. С 1899 г. член РСДРП. С 1900 г. в эмиграции. После II съезда РСДРП (1903) вошел во фракцию меньшевиков. Во время 1-й мировой войны сначала центрист, затем меньшевик-интернационалист. В мае 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. уехал на Украину и отошел от партийной работы. В 1918–1922 гг. работал учителем. В 1923 г. принят в члены РКП(б). С 1923 г. работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса, с 1924 г. член редакции журнала «Коммунистический интернационал».

¹²⁷ *Ларин* Юрий (наст. имя, отчество и фамилия Михаил Залманович Лурье; 1882–1932), политический деятель, экономист, публицист. С 1900 г. член РСДРП. В 1903 г. сослан в Якутию, в 1904 г. бежал за границу. В 1905 г. вернулся в Россию, в 1913 г. арестован и выслан за границу, жил в Германии. До 1917 г. входил во фракцию меньшевиков, в августе 1917 г. примкнул к большевикам. После Октябрьской революции 1917 г. принимал участие в национализации промышленности, введении монополии внешней торговли. В 1917–1921 гг. член президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). Один из создателей Госплана, с ноября 1921 г. член его президиума.

¹²⁸ *Рязанов* Давид Борисович (наст. фамилия Гольдендах; 1870–1938), политический деятель. С 1887 г. участвовал в революционном движении. В 1891–1896 гг. находился в тюремном заключении. С 1901 г. возглавлял социал-демократическую группу «Борьба». После II съезда РСДРП (1903) и раскола партии занял внефракционную позицию. В 1907 г. выслан за границу. Участвовал в международном социал-демократическом движении, по поручению германской социал-демократии вел научную работу по исследованию и изданию литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. В годы 1-й мировой войны цен-

трист, сотрудничал в меньшевистских газетах. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. С июня 1918 г. по декабрь 1920 г. возглавлял Главное архивное управление (Главархив) при Народном комиссариате просвещения. В 1918–1920 гг. руководил Главным управлением по делам науки. Входил в состав Государственного ученого совета и президиума Социалистической академии. В 1921 г. организовал и возглавил Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. С 1929 г. академик АН СССР. В феврале 1931 г. был отстранен от работы, исключен из ВКП(б) и выслан в Саратов. В 1938 г. арестован и приговорен к расстрелу выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР.

¹²⁹ *Павлович* Михаил Павлович (наст. имя, отчество и фамилия Михаил Лазаревич Вельтман; 1871–1927), общественный и государственный деятель, публицист, востоковед. С гимназических лет участвовал в революционном движении. В 1898 г. вступил в РСДРП. После раскола на II съезде РСДРП (1903) примкнул к меньшевикам. В 1907 г. эмигрировал в Париж, где вел партийную, публицистическую и научную работу. В годы 1-й мировой войны занял интернационалистскую позицию. Летом 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. вступил в РКП(б). В 1919–1920 гг. уполномоченный Реввоенсовета на Южном фронте. В 1920 г. на I съезде народов Востока избран в Совет действия и пропаганды. С 1921 г. руководитель Всероссийской научной ассоциации востоковедения. Один из создателей и первый ректор Московского института востоковедения, внес большой вклад в развитие советского востоковедения. Создатель и редактор журнала «Новый Восток».

¹³⁰ *Лозовский* Соломон Абрамович (наст. фамилия Дридзо; 1878–1952), политический и государственный деятель. С 1901 г. член РСДРП. С 1908 г. в эмиграции, примыкал к группе большевиков-примиренцев. В июне 1917 г. вернулся в Россию, возглавил группу социал-демократов-интернационалистов. В 1919–1938 гг. секретарь Красного интернационала профсоюзов (Профинтерна). В 1937–1939 гг. директор Государственного литературного издательства. В 1939–1949 гг. член ЦК ВКП(б). В 1939–1946 гг. заместитель народного комиссара (министра) иностранных дел, в 1941–1946 гг. директор Совинформбюро. В 1940–1949 гг. преподавал в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). В 1949 г. исключен из ВКП(б), арестован. В 1952 г. приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹³¹ *Троцкий* Лев Давидович (наст. фамилия Бронштейн; 1879–1940), политический и государственный деятель, публицист. С 1896 г. принимал участие в социал-демократическом движении. С 1902 г. в эмиграции. После II съезда РСДРП (1903) вошел во фракцию меньшевиков. С 1904 г. выступал за объединение фракций большевиков и меньшевиков. В 1905 г. нелегально вернулся в Россию и принял участие в революции. В конце 1905 г. был председателем Петербург-

ского совета рабочих депутатов, в декабре 1905 г. арестован, в 1906 г. сослан на вечное поселение в Сибирь, но по пути в ссылку бежал за границу. Во время 1-й мировой войны входил в редакцию парижского «Нашего слова», был участником Циммервальдской конференции (1915), занимал центристскую позицию с лозунгом «Ни побед, ни поражений». В мае 1917 г. вернулся в Россию. В октябре–ноябре 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьской революции. В 1917–1918 гг. народный комиссар иностранных дел, в 1918–1925 гг. народный комиссар военных дел, председатель Реввоенсовета Республики. Один из организаторов Красной армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны. В 1917–1927 гг. член ЦК РКП(б), в 1919–1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б). В 1923–1924 гг. возглавлял оппозицию. В 1926 г. лидер «оппозиционного блока» (с Л.Б. Каменевым и Г.Е. Зиновьевым). В 1927 г. исключен из ВКП(б), выслан в Алма-Ату, в 1929 г. — за границу, жил во Франции, Норвегии, Мексике. Убит в Мексике испанцем Р. Меркадером.

¹³² *Ранпопорт* Шарль (Rappoport; 1865–1941), французский политический деятель, философ, историк. Автор биографии Ж. Жореса. С 1883 г. в революционном движении, член «Народной воли». В 1887 г. принимал участие в подготовке покушения на Александра III, после чего эмигрировал во Францию. В 1892 г. один из создателей Союза русских социалистов-революционеров. С 1902 г. социал-демократ. Сотрудничал в социалистической прессе Франции, Швейцарии, Германии. В 1920 г. один из основателей Французской коммунистической партии (ФКП), в 1920–1923 гг. член ЦК ФКП. С 1923 г. парижский корреспондент «Известий» и ряда других советских газет.

¹³³ *Чернов* Виктор Михайлович (1873–1952), политический деятель, публицист. С 1892 г. студент юридического факультета Московского университета. Сотрудничал с партией «Народное право». В 1894 г. был арестован, затем выслан из Москвы, жил в Саратове и Тамбове. В 1899 г. уехал за границу. В 1900 г. участвовал в создании «Аграрно-социалистической лиги». В 1902 г., сразу после создания партии социалистов-революционеров (эсеров), вступил в ряды новой партии, стал одним из ее лидеров и идеологов, член Центрального комитета партии, редактор центрального органа партии газеты «Революционная Россия». В 1905 г. вернулся в Россию. В годы 1-й мировой войны колебался между оборончеством и интернационализмом. В мае–сентябре 1917 г. министр земледелия Временного правительства. После Октябрьской революции вел активную борьбу против советской власти. В январе 1918 г. был избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии и Франции, занимался общественно-политической, научной и литературно-публицистической

деятельностью. С 1941 г. жил в США, активно участвовал в деятельности нью-йоркской группы партии эсеров, был одним из редакторов журнала «За свободу», писал мемуары.

¹³⁴ Натансон Марк Андреевич (1850–1919), политический деятель. Один из организаторов кружка «чайковцев». В 1876–1877 гг. организовал «Общество северных народников», получившее в 1878 г. название «Земля и воля». С 1904 г. в эмиграции, вступил в партию социалистов-революционеров (эсеров), в 1906 г. избран членом Центрального комитета партии. Во время 1-й мировой войны занял интернационалистскую позицию, участвовал в конференциях в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916). Вместе с В.И. Лениным и П.Б. Аксельродом подписал воззвание Циммервальдской конференции к пролетариату. В мае 1917 г. вернулся в Россию, возглавил левое крыло партии эсеров. После Октябрьской революции 1917 г. поддерживал большевиков, представлял левых эсеров во ВЦИКе. После мятежа левых эсеров в июле 1918 г. вошел в отколовшуюся группу революционных коммунистов, вскоре примкнувших к РКП(б). В 1919 г. уехал за границу. Умер в Швейцарии.

¹³⁵ Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. имя, отчество и фамилия Евсей Ааронович Радомысльский; 1883–1936), партийный и государственный деятель. С 1901 г. член РСДРП. С 1902 г. в эмиграции, жил в Германии, Франции и Швейцарии. После II съезда РСДРП (1903) вошел во фракцию большевиков. В 1905–1907 гг. участвовал в революции в России. В 1908 г. арестован, по болезни освобожден, вскоре эмигрировал. В апреле 1917 г. вернулся в Россию. С июля 1917 г. скрывался от ареста в Разливе вместе с В.И. Лениным. В октябре 1917 г. выступил против вооруженного восстания, считая его преждевременным. С декабря 1917 г. председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (с 1924 г. Ленсовета). С марта 1918 г. член ЦК РКП(б). В 1919–1926 гг. председатель Исполкома Коммунистического интернационала. В 1921–1926 гг. член Политбюро ЦК РКП(б). В 1925 г. выступил против Сталина. В 1926 г. отстранен от руководства Ленсоветом, выведен из Политбюро. В 1927 г. выведен из ЦК, исключен из партии. В 1928 г. после покаяния восстановлен в партии, назначен ректором Казанского университета. В 1932 г. вновь исключен из партии, арестован, приговорен к четырем годам ссылки. В 1933 г. восстановлен в партии. В 1934 г. арестован и осужден на 10 лет тюрьмы. В 1936 г. по делу «Троцкистско-зиновьевского объединенного центра» приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹³⁶ «Голос», русская ежедневная газета, выходила в Париже с сентября 1914 г. Печатный орган группы социал-демократов-интернационалистов. В январе 1915 г. закрыта по распоряжению французского правительства. Возобновилась под названием «Наше слово» (см. след. примеч.).

¹³⁷ «Наше слово», газета социал-демократов-интернационалистов, выходила в Париже в 1915–1916 гг.

¹³⁸ «Вперед», газета, выходила в Женеве в 1910–1917 гг. под руководством А.А. Богданова.

¹³⁹ «Жизнь», газета, печатный орган партии эсеров, выходила в Женеве в 1915–1916 гг.

¹⁴⁰ «Социал-демократ», нелегальная газета, печатный орган большевиков, выходила в 1908–1917 гг. в России (1908, № 1, конфискован полицией), в Париже (1909–1913, № 2–32), в Женеве (1914–1917, № 33–58). Главным редактором фактически был В.И. Ленин.

¹⁴¹ «Коммунист», журнал, был учрежден редакцией газеты «Социал-демократ» (см. примеч. выше) в Женеве, вышел только один двойной номер в августе 1915 г.

¹⁴² Каутский Карл (Kautsky; 1854–1938), немецкий социал-демократ, теоретик марксизма, один из лидеров и теоретиков II интернационала.

¹⁴³ «Союз вызволения України» (рус. «Союз освобождения Украины», укр. «Союз визволення України», нем. «Bund zur Befreiung der Ukraine»), организация, создана при содействии Министерства иностранных дел Австро-Венгрии в августе 1914 г. — фактически с целью оказания поддержки Центральным державам в войне против России. «Союз» представлял собой политическую организацию украинских эмигрантов (в основном бежавших из России, спасаясь от преследования властей за деятельность в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг.), претендовавшую на представительство интересов российских украинцев. В работе организации также участвовали ряд буковинских и галицких деятелей. «Союз» провозгласил своей задачей отделение Украины от России и образование самостоятельного монархического государства под протекторатом Австро-Венгрии и Германии, вел националистическую пропаганду среди российских военнопленных украинского происхождения, содержащихся в лагерях на территории Германии и Австро-Венгрии. По ходатайству «Союза» украинских пленных сосредоточили в отдельных лагерях (около 50 тыс. в Германии и 30 тыс. в Австрии). Члены «Союза» вели информационно-представительскую деятельность в Германии, Турции, Болгарии, Румынии, Италии, Швеции, Норвегии, Швейцарии. «Союзом» издавались журналы «Вісник Союзу визволення України» (редакторы Владимир Дорошенко, Андрей Жук, Михаил Возняк), «Ukrainische Nachrichten», «La Revue Ukrainienne». «Союз» выпустил более 50 книг и 30 брошюр на нескольких языках («Ukraina, Land und Volk» С. Рудницкого, «Geschichte der Ukraine» М. Грушевского, «Півтораста літ української політичної думки» и «Українство в Росії» В. Дорошенко, «Галичина в житті України» М. Лозинского, «Національне відродження

австро-угорських українців» В. Гнатюка, «Українськи Січові Стрільці» В. Темницького и др.).

¹⁴⁴ «Боротьба» («Борьба»), газета Украинской социал-демократической рабочей партии, выходила в Женеве на украинском языке, с февраля 1915 г. по декабрь 1916 г., придерживалась позиций интернационализма.

¹⁴⁵ Донцов Дмитрий Иванович (1883–1973), украинский политический деятель, литературный критик, публицист, идеолог украинского национализма. Член Революционной украинской партии и Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). В 1913 г. из-за конфликта на национальной почве вышел из состава УСДРП. Призывал к тому, чтобы Украина в грядущей войне ради обретения независимости выступила против России. Первый председатель «Союза освобождения Украины». С 1914 г. жил и работал в Вене, затем в Берлине, в 1916–1921 гг. в Швейцарии. С 1922 г. жил во Львове (в то время на территории Польши). Редактор журналов «Литературно-науковий вісник», «Заграв», «Вісник». Публиковался в немецкой, швейцарской и польской печати. Автор ставшей культовой в среде украинских националистов книги «Национализм» (1926). Позднее отошел от политической деятельности. После вхождения Западной Украины в состав СССР эмигрировал в Бухарест, где редактировал журнал «Батава». С мая 1945 г. находился в американской оккупационной зоне, откуда через Францию, Англию и США переехал в Канаду. С 1947 г. жил в Монреале, где в 1948–1953 гг. преподавал украинскую литературу в университете. Похоронен на украинском кладбище в Нью-Джерси (США).

¹⁴⁶ Дорошенко Владимир Викторович (1879–1963), украинский общественный и политический деятель, библиограф, литературовед. С 1908 г. жил во Львове. До 1911 г. член Украинской социал-демократической рабочей партии. В 1913 г. окончил философский факультет Львовского университета. Видный деятель «Союза освобождения Украины». С 1944 г. в эмиграции, жил в США (с 1949 г. в Филадельфии). Похоронен на украинском кладбище в Нью-Джерси.

¹⁴⁷ Меленевский Мариан Иванович (1878–1938), украинский политический деятель. Член Революционной украинской партии (до 1904). В 1904–1911 гг. член «Спилки», которая в 1905 г. примкнула к фракции меньшевиков РСДРП. Позже член Украинской социал-демократической рабочей партии. Один из руководителей «Союза освобождения Украины». В 1920-е гг. вернулся в СССР. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

¹⁴⁸ Скоропис-Йолтуховский Александр Филаретович (1880–1950), украинский политический деятель. Один из руководителей Украинского социал-демократического союза. В 1906 г. был сослан в Сибирь, совершил побег, с 1908 г. жил в Австрии. В 1914–1917 гг. один из руко-

водителей «Союза освобождения Украины». С 1920 г. жил в Германии. Один из основателей Украинского научного института в Берлине. В 1945 г. был арестован советской военной контрразведкой и осужден, умер в лагере в Мордовии.

¹⁴⁹ *Зализняк* Николай Кондратьевич (1888–1950), украинский общественный и политический деятель, публицист. Один из основателей «Союза освобождения Украины». Возглавлял Заграничный комитет украинских социалистов-революционеров. С 1921 г. в эмиграции, жил в Чехии, профессор Украинского свободного университета в Праге.

¹⁵⁰ *Жук* Андрей Ильич (1880–1968), украинский общественный и политический деятель, публицист, украинский националист. С 1901 г. член Революционной украинской партии и Украинской социал-демократической рабочей партии (УСДРП). С 1906 г. член Центрального комитета УСДРП. В 1907 г. жил в Галиции, где с 1909 г. был редактором кооперативного журнала «Экономист». Один из основателей «Союза освобождения Украины». С 1930 г. жил во Львове, с 1940 г. в Вене.

¹⁵¹ «*La Revue Ukrainienne*», печатный орган «Союза освобождения Украины» (см. примеч. 143). Выходил на французском языке в Лозанне (Швейцария) в 1915–1917 гг.

¹⁵² «*Русское знамя*», ежедневная национально-монархическая газета, печатный орган «Союза русского народа», выходила в Петербурге (Петрограде) в 1905–1917 гг. Запрещена постановлением Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов в марте 1917 г.

¹⁵³ *Савенко* Анатолий Иванович (1874 – после 1920), журналист. Сотрудник газет «Новое время», «Киевское слово», «Подольнин» и др. В 1905–1906 гг. организатор Партии правового порядка в Киеве. Организатор и один из руководителей Киевского клуба русских националистов. С 1910 г. гласный Киевской городской думы, депутат IV Государственной думы. Выступал за сотрудничество с октябристами и прогрессистами, за поддержку В.Н. Коковцова. В 1913–1914 гг. возглавил Киевский клуб русских националистов.

¹⁵⁴ *Львов* Георгий Евгеньевич (1861–1925), общественный и политический деятель, князь. С 1905 г. член Конституционно-демократической партии, с 1911 г. член Московского комитета партии прогрессистов. В 1915–1917 гг. глава Объединенного комитета Земского союза и Союза городов. В марте–июле 1917 г. министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции. Умер во Франции.

¹⁵⁵ *Челноков* Михаил Васильевич (1863–1935), политический деятель. Член Конституционно-демократической партии, II, III и IV Государственных дум от Москвы. С 1914 г. московский городской голова, с 1914 по апрель 1917 г. председатель Союза городов. Со 2 (15) по 6 (19)

марта 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы по управлению Москвой. После Октябрьской революции участник антибольшевистского подполья, затем в эмиграции. Умер в Сербии.

¹⁵⁶ *Игнатъев Павел Николаевич* (1870–1945), государственный деятель, граф. Выпускник Киевского университета. С 1907 г. киевский губернатор. С 1909 г. директор Департамента земледелия. С 1912 г. товарищ (заместитель) главноуправляющего земледелием и землеустройством А.В. Кривошеина. В 1915–1916 гг. министр народного просвещения. Предлагал проведение либеральных реформ в области образования, но не был поддержан правительством, после чего подал в отставку. С 1917 г. почетный академик Российской академии наук. С 1919 г. в эмиграции, с 1920 г. жил в Англии, с 1932 г. в Канаде.

¹⁵⁷ *Бобринский Георгий Александрович* (1863–1928), военный деятель, граф. С 1910 г. генерал-лейтенант, с 1915 г. генерал-адъютант. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. с ноября 1904 г. генерал для особых поручений при главнокомандующем всеми сухопутными и морскими силами, с апреля 1905 г. состоял в распоряжении командующего 1-й Маньчжурской армией. После окончания Русско-японской войны в сентябре 1905 г. зачислен в Военное министерство, с мая 1910 г. в распоряжении военного министра. В октябре 1914 г. возглавил временное генерал-губернаторство, созданное на занятой русскими войсками значительной части Галиции (в марте 1916 г. после потери Галиции генерал-губернаторство было ликвидировано). С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции.

¹⁵⁸ *Евлогий* (Василий Семенович Георгиевский; 1868–1946), архиерей Русской православной церкви. С 1903 г. епископ Люблинский. Член II и III Государственных дум, входил во фракцию националистов. С 1912 г. архиепископ. С 1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский. С 1920 г. в эмиграции, сначала жил в Югославии, в 1921 г. назначен Патриархом Тихоном на должность управляющего русскими приходами в Западной Европе, переехал в Берлин. С 1922 г. митрополит. С 1923 г. жил в Париже, в 1925–1946 гг. ректор Свято-Сергиевского Православного богословского института, в 1930 г. заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) уволен и запрещен в священнослужении, в 1931 г. перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, с 1945 г. вновь в юрисдикции Московского Патриархата.

¹⁵⁹ *Бадаев Алексей Егорович* (1883–1951), государственный и политический деятель, участник революционного движения в России, большевик. Депутат IV Государственной думы. С ноября 1914 г. в ссылке в Туруханском крае. После Февральской революции вернулся в Петроград, избран в Петроградскую городскую думу. Участник Октябрьской революции. С 1925 г. член ЦК ВКП(б). С 1930 г. председатель Цен-

тросоюза, с 1931 г. — Московского союза потребительских обществ. В 1937–1938 гг. народный комиссар пищевой промышленности РСФСР. В 1938–1943 гг. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. В 1943–1951 гг. руководитель треста «Главпиво».

¹⁶⁰ *Муранов* Матвей Константинович (1873–1959), государственный и политический деятель. С 1904 г. член РСДРП, большевик. Депутат IV Государственной думы. С 1915 г. в ссылке в Туруханском крае. После Февральской революции вернулся в Петроград. В ноябре–декабре 1917 г. заместитель народного комиссара внутренних дел РСФСР. В 1917–1923 гг. инструктор ЦК РКП(б). В 1923–1934 гг. член Верховного суда СССР. В 1934–1937 гг. работал в аппарате ВЦИК. С 1939 г. на пенсии.

¹⁶¹ *Петровский* Григорий Иванович (1878–1958), государственный и политический деятель. С 1898 г. член РСДРП. Депутат IV Государственной думы, с 1913 г. председатель большевистской фракции. С 1915 г. в ссылке в Туруханском крае. После Февральской революции направлен партией на Донбасс. В ноябре 1917 – марте 1919 г. народный комиссар внутренних дел РСФСР. В 1919–1938 гг. председатель Всеукраинского ЦИК. В 1938–1939 гг. заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР. С 1940 г. заместитель директора Музея революции.

¹⁶² *Самойлов* Федор Никитич (1882–1952), государственный и политический деятель. С 1903 г. член РСДРП. Депутат IV Государственной думы. В 1914 г. был арестован и сослан в Сибирь. После Февральской революции вернулся из ссылки, председатель Иваново-Вознесенского совета. В 1920–1921 гг. заместитель народного комиссара труда Украины. В 1922–1928 гг. заместитель заведующего Комиссией по истории Октябрьской революции и РКП(б) при ЦК партии. В 1937–1941 гг. директор Музея революции. С 1941 г. на пенсии.

¹⁶³ *Шагов* Николай Романович (1882–1918), государственный и политический деятель. С 1905 г. член РСДРП. Депутат IV Государственной думы, с 1913 г. член большевистской фракции. В ноябре 1914 г. арестован, в 1915 г. выслан в Туруханский край. После Февральской революции вернулся из ссылки душевнобольным, вскоре умер.

¹⁶⁴ *Каменев* Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд; 1883–1936), партийный и государственный деятель. С 1901 г. студент Московского университета. В 1902 г. за участие в студенческой демонстрации арестован и выслан в Тифлис. В 1902–1903 гг. жил в Париже, где познакомился с В.И. Лениным. С 1907 г. член ЦК РСДРП, входил во фракцию большевиков. В 1914 г. арестован и сослан в Туруханский край. После Февральской революции освобожден из ссылки, приехал в Петроград. С 7 по 17 ноября 1917 г. председатель ВЦИК. В 1918–1925 гг. занимал ряд важных государственных постов. С марта 1919 г. член Политбюро ЦК РКП(б). В 1925 г. выступил против И.В. Сталина, затем в

октябре 1926 г. выведен из Политбюро ЦК РКП(б), дважды исключался из партии, был в ссылке. В 1935 г. арестован, в 1936 г. расстрелян.

¹⁶⁵ Колюбакин Александр Михайлович (1868–1915), политический деятель. В 1905 г. участвовал в создании Конституционно-демократической партии, с 1906 г. член секретариата Центрального комитета партии. Член III Государственной думы. В 1909 г. голосованием исключен из состава Государственной думы. С 1910 г. председатель Петербургского городского комитета Конституционно-демократической партии. Председатель продовольственной комиссии Императорского Вольного экономического общества. В ноябре 1914 г. добровольно пошел на фронт, служил в чине штабс-капитана. В январе 1915 г. погиб в бою.

¹⁶⁶ Самсонов Александр Васильевич (1859–1914), государственный и военный деятель. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1884 г. окончил Академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. начальник штаба Варшавского военного округа. С 1907 г. атаман Войска Донского. С 1909 г. туркестанский генерал-губернатор. С 1910 г. генерал от кавалерии. В августе 1914 г. командовал в Восточной Пруссии 2-й русской армией (потерпела поражение и частично была окружена). Погиб при выходе из окружения (по одной версии, застрелился).

¹⁶⁷ Макензен Август фон (Mackensen; 1849–1945), немецкий генерал-фельдмаршал. С ноября 1914 г. командующий 9-й германской армией на Восточном фронте против России. В апреле–сентябре 1915 г. командующий 11-й армией. С октября 1915 г. командующий группой армий против Сербии, с конца 1916 г. — против Румынии. С 1920 г. в отставке.

¹⁶⁸ Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915), полковник русской армии. С 1892 г. служил в Отдельном корпусе жандармов. С 1907 г. уволился в запас. В 1911–1912 гг. служил в Военном министерстве. С начала 1-й мировой войны призван на фронт. В феврале 1915 г. арестован, по ложному обвинению в шпионаже повешен.

¹⁶⁹ Васильчикова Мария Александровна (1859–1934), фрейлина. Дочь гофмейстера императорского двора. В 1914 г., после объявления войны, находилась под домашним арестом в своем австрийском имении. В 1915 г. отправила к императору Николаю II три письма с предложением взять на себя инициативу заключить сепаратный мир с Германией. Через Данциг приехала в Стокгольм, где в посольстве получила русский паспорт. Прибыв в Петербург, написала письмо императрице, прося принять ее, и отправила с ним привезенное ею письмо брата царицы герцога Гессенского. Своей инициативой вызвала раздражение императора, породила множество слухов и общественное возмущение. Арестована и выслана из Петербурга в министерском ва-

гоне в сопровождении жандармского офицера, чиновника Министерства двора и четырех человек охраны, была отвезена в имение своей сестры в Черниговской губернии.

¹⁷⁰ Рузский Николай Владимирович (1854–1918), военный деятель. Участник Русско-турецкой 1877–1878 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг. войн. В июле–сентябре 1914 г. командующий 3-й армией. С сентября 1914 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта. С августа 1915 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. В марте 1917 г. отстранен от командования, уехал в Кисловодск. В сентябре 1918 г. арестован большевиками, убит в группе заложников.

¹⁷¹ Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918), военный деятель, генерал от инфантерии. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1907–1911 гг. военный агент в Китае. С 1911 г. служил на Дальнем Востоке. С августа 1914 г. командующий 48-й пехотной дивизией, которая воевала в Галиции и Карпатах. В 1915 г. попал в австрийский плен. В июле 1916 г. бежал из плена. С сентября 1916 г. командующий XXV армейским корпусом. С 15 марта 1917 г. главнокомандующий Петроградским военным округом, с конца апреля 1917 г. командующий 8-й армией, с июля 1917 г. Верховный главнокомандующий русской армии. В конце августа 1917 г. объявлен мятежником и смещен А.Ф. Керенским с поста Верховного главнокомандующего. В сентябре–ноябре 1917 г. находился под арестом. После падения Временного правительства перебрался на Юг России, стал одним из создателей Добровольческой армии и ее первым командующим. В апреле 1918 г. убит в бою под Екатеринода-ром.

¹⁷² Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922), государственный деятель. Выпускник Александровского лицея. С 1905 г. товарищ министра юстиции. С 1912 г. член Государственного совета. В 1915–1916 гг. министр юстиции и генерал-прокурор. В июле–сентябре 1916 г. министр внутренних дел. После февраля 1917 г. был допрошен в Чрезвычайной следственной комиссии, но обвинение ему не предъявлялось. С 1917 г. жил в своем имении в Елецком уезде Орловской губернии.

¹⁷³ Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932), государственный деятель. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета. С 1900 г. камер-юнкер императорского двора, с 1906 г. камергер, с 1910 г. егермейстер. В 1908–1915 гг. московский губернский предводитель дворянства. С 1912 г. член Государственного совета. В июле–сентябре 1915 г. обер-прокурор Святейшего синода. В сентябре 1918 г. арестован, в апреле 1919 г. освобожден. В августе 1919 г. вновь арестован, в 1922 г. освобожден. В 1925 г. арестован, послан в Якутию. С 1929 г. жил в Костроме.

¹⁷⁴ *Щербатов Николай Борисович* (1868–1943), государственный деятель, князь. Выпускник Пажеского корпуса. В 1895–1897 гг. служил в Министерстве государственных имуществ. С 1907 г. полтавский губернский предводитель дворянства. С 1909 г. камергер. С 1912 г. член Государственного совета от Полтавского земства. В июне–сентябре 1915 г. министр внутренних дел, затем вновь избран членом Государственного совета. С 1918 г. в эмиграции, жил в Германии.

¹⁷⁵ *Поливанов Алексей Андреевич* (1855–1920), военный деятель. С 1911 г. генерал от инфантерии. С 1912 г. член Государственного совета. В 1915–1916 гг. военный министр. С февраля 1920 г. служил в Красной армии, военный эксперт при заключении советско-польского мирного договора. Умер от тифа.

¹⁷⁶ *Бобринский Владимир Алексеевич* (1867–1927), политический деятель, граф. Депутат II, III и IV Государственных дум. В начале Первой мировой войны на фронте, в 1915 г. демобилизован и вернулся к парламентской работе. Участник Белого движения. С 1919 г. в эмиграции.

¹⁷⁷ *Шингарев Андрей Иванович* (1869–1918), общественный, политический и государственный деятель. С 1895 г. работал врачом. С 1898 г. земский врач в Воронежской губернии. С 1907 г. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Депутат II, III и IV Государственных дум. В марте–мае 1917 г. министр земледелия Временного правительства, в мае–июле 1917 г. министр финансов. В декабре 1917 г. арестован большевиками, в январе 1918 г. переведен по состоянию здоровья в тюремную больницу, где был убит.

¹⁷⁸ *Протопопов Александр Дмитриевич* (1866–1918), государственный деятель. Депутат III и IV Государственных дум, октябрист. В декабре 1916 – феврале 1917 г. последний министр внутренних дел Российской империи. С марта 1917 г. в заключении в Петропавловской крепости, после Октябрьской революции переведен в Москву, в октябре 1918 г. расстрелян.

¹⁷⁹ *Штюрмер Борис Владимирович* (1848–1917), государственный деятель. С 1894 г. новгородский губернатор, с 1896 г. ярославский губернатор. С 1904 г. член Государственного совета. В январе–ноябре 1916 г. председатель Совета министров, в марте–июле 1916 г. одновременно министр внутренних дел. В марте 1917 г. был арестован, содержался в Петропавловской крепости, затем переведен в тюрьму «Кресты», где вскоре умер.

¹⁸⁰ *Струков Ананий Петрович* (1851–1922), общественный и государственный деятель. Выпускник Петербургского университета. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1882–1897 гг. екатеринославский губернский предводитель дворянства. С 1906 г. член Государственного совета. В 1905 г. участвовал в организации Объеди-

ненного дворянства, с 1913 г. председатель Постоянного совета Объединенного дворянства. В 1915 г. написал письмо премьер-министру И.Л. Горемыкину с критикой либеральных политических сил. После 1917 г. в эмиграции, жил и умер в Болгарии.

¹⁸¹ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857–1918), генерал, военачальник. Во время Первой мировой войны начальник штаба Юго-Западного фронта (июль 1914 – март 1915), главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта (март 1915 – август 1915), главнокомандующий армиями Западного фронта (август 1915). С 18 (31) августа 1915 г. начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего. После присяги Временному правительству со 2 (15) апреля по 21 мая (3 июня) 1917 г. Верховный главнокомандующий Русской армией. В ноябре 1917 г. прибыл в Новочеркасск, в дальнейшем один из руководителей Добровольческой армии.

¹⁸² *Варнава* (Василий Александрович Накропин; 1859–1924), архиерей Русской православной церкви. С 1911 г. епископ Каргопольский. С ноября 1913 г. архиепископ Тобольский. Пользовался поддержкой Г.Е. Распутина. В марте 1917 г. был уволен на покой.

¹⁸³ *Кривошеин Александр Васильевич* (1857–1921), государственный деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. С 1884 г. служил в Министерстве юстиции, с 1887 г. в земском отделе Министерства внутренних дел. В 1889–1891 гг. комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском. С 1902 г. начальник Переселенческого управления Министерства внутренних дел. С 1905 г. товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием. С 1906 г. член Государственного совета и товарищ министра финансов. С 1909 г. гофмейстер, с 1910 г. статс-секретарь. В 1908–1915 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием, один из соратников П. А. Столыпина в проведении аграрной реформы, сторонник ликвидации общинного землевладения и развития хуторского хозяйства. С 1916 г. член комиссии по делам сельского хозяйства Государственного совета. В 1918 г. в Киеве организовал монархический Совет государственного объединения России (был товарищем председателя). В декабре 1919 – феврале 1920 г. начальник управления снабжения правительства при генерале А.И. Деникине. С июня 1920 г. председатель правительства Юга России и помощник генерала П.Н. Врангеля. С ноября 1920 г. в эмиграции.

¹⁸⁴ *Рухлов Сергей Васильевич* (1852–1918), государственный деятель. Служил в Министерстве внутренних дел, а затем в аппарате Государственного совета. В 1903 г. товарищ главноуправляющего торговым мореплаванием и морскими портами великого князя Александра Михайловича, в ноябре 1905 г. назначен членом Государственного совета. С января 1909 г. министр путей сообщения. В 1915 г. вышел в

отставку, оставшись членом Государственного совета. Весной 1917 г. уехал на Кавказ. В октябре 1918 г. был арестован большевиками и вскоре расстрелян как заложник под Пятигорском.

¹⁸⁵ *Трепов Александр Федорович* (1862–1928), государственный деятель. С 1900 г. камергер императорского двора, с 1905 г. егермейстер. С 1906 г. сенатор. С 1914 г. член Государственного совета. С 1915 г. управляющий Министерством путей сообщения. В ноябре–декабре 1916 г. председатель Совета министров. С 1918 г. в эмиграции. В конце 1918 – начале 1919 г. возглавлял Особый комитет по делам русских в Гельсингфорсе. Умер во Франции.

¹⁸⁶ *Наумов Александр Николаевич* (1868–1950), государственный деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета. С 1908 г. самарский губернский предводитель дворянства, егермейстер императорского двора. С 1909 г. член Государственного совета. В ноябре 1915 – июле 1916 г. министр земледелия. При отставке с поста министра назначен членом Государственного совета, но к присутствию в нем определен не был. С 1920 г. в эмиграции.

¹⁸⁷ *Белецкий Степан Петрович* (1873–1918), государственный деятель. С 1909 г., по приглашению П.А. Столыпина, вице-директор Департамента полиции. С 1912 г. директор Департамента полиции. В сентябре–феврале 1916 г. заместитель министра внутренних дел. В феврале 1916 г. назначен иркутским генерал-губернатором, после отказа выехать к месту назначения уволен. Во время Февральской революции арестован. В марте–ноябре 1917 г. в тюрьме Петропавловской крепости, давал показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 1918 г. арестован как заложник, расстрелян.

¹⁸⁸ *Питирим* (Павел Васильевич Окнов; 1858–1920), митрополит. С июля 1914 г. архиепископ Карталинский и член Святейшего синода. С ноября 1915 г. митрополит Петроградский. В обществе имел репутацию ставленника Г.Е. Распутина. В марте 1917 г. был арестован. Определением Святейшего синода 6 (19) марта 1917 г. уволен на покой. Умер в Екатеринодаре.

¹⁸⁹ *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848–1925), военный деятель. С 1902 г. генерал-адъютант. В 1898–1904 гг. военный министр. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке. После Мукденского сражения в марте 1905 г. смещен с поста главнокомандующего. С 1906 г. член Государственного совета. В сентябре 1915 г. назначен командиром гренадерского корпуса, в 1916 г. — главнокомандующим армиями Северного фронта. С июля 1916 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. После 1917 г. преподавал в сельской школе.

¹⁹⁰ *Бобринский* Алексей Александрович (1852–1927), государственный и общественный деятель, археолог, граф. В 1886–1917 гг. председатель Императорской археологической комиссии, член различных зарубежных археологических обществ. В 1889 г. вице-президент Академии художеств, в 1894 г. председатель Вольного экономического общества. Депутат III Государственной думы, в которой принадлежал к фракции правых. Сторонник П.А. Столыпина. В марте–июле 1916 г. товарищ министра внутренних дел. В июле–ноябре 1916 г. министр земледелия. С 1919 г. в эмиграции. Жил во Франции, похоронен на русском кладбище в Ницце.

¹⁹¹ *Шуваев* Дмитрий Савельевич (1854–1937), военный деятель. С 1911 г. генерал от инфантерии. В марте 1916 – январе 1917 г. военный министр. С января 1917 г. член Государственного совета. С марта 1917 г. член Военного совета. С 1918 г. служил в Красной армии. С 1927 г. на пенсии. В 1937 г. арестован, расстрелян.

¹⁹² *Риттих* Александр Александрович (1868–1930), государственный деятель. Выпускник Александровского лицея. С 1888 г. служил в Министерстве внутренних дел. С 1903 г. чиновник особых поручений при Министерстве финансов. С 1905 г. директор Департамента государственных земельных имуществ Главного управления землеустройства и землевладения. С 1915 г. товарищ министра земледелия. С ноября 1916 г. управляющий Министерством земледелия, с января 1917 г. министр земледелия. После Февральской революции был арестован, вскоре освобожден. С 1919 г. в эмиграции, жил в Англии, работал директором русского банка в Лондоне.

¹⁹³ *Волжин* Александр Николаевич (1860–1933), государственный деятель. С 1889 г. служил в Министерстве внутренних дел. С 1904 г. седлецкий генерал-губернатор. С 1913 г. холмский губернатор. С сентября 1915 г. исполняющий должность обер-прокурора Святейшего синода. В январе–августе 1916 г. обер-прокурор Святейшего синода. С августа 1916 г. член Государственного совета. С 1918 г. в эмиграции.

¹⁹⁴ *Раев* Николай Павлович (1856–1919), государственный деятель. Выпускник Лазаревского института восточных языков в Москве. С 1894 г. служил в Министерстве народного просвещения. С 1905 г. член Совета министра народного просвещения. В августе 1916 – марте 1917 г. обер-прокурор Святейшего синода.

¹⁹⁵ *Харитонов* Петр Алексеевич (1862–1916), государственный деятель. С 1906 г. сенатор. В сентябре 1907 – январе 1916 г. государственный контролер.

¹⁹⁶ *Покровский* Николай Николаевич (1865–1930), государственный деятель. С 1914 г. член Государственного совета, в январе–ноябре 1916 г. государственный контролер, в ноябре 1916 – марте 1917 г. последний министр иностранных дел Российской империи. После Октябрьской революции эмигрировал. Умер в Каунасе.

¹⁹⁷ *Феодосьев* Сергей Григорьевич (1880–1937), государственный деятель. В ноябре 1916 – феврале 1917 г. государственный контролер. С ноября 1918 г. председатель Государственного экономического совещания при адмирале А.В. Колчаке. В конце 1919 г. начальник управления Министерством земледелия при Омском правительстве. С 1920 г. в эмиграции.

¹⁹⁸ *Брусилов* Алексей Алексеевич (1853–1926), военный деятель. С начала 1-й мировой войны командующий 8-й армией, с марта 1916 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом, летом 1916 г. организовал наступление («Брусиловский прорыв»). В мае–июле 1917 г. Верховный главнокомандующий, затем военный советник Временного правительства. С 1920 г. служил в Красной армии.

¹⁹⁹ *Манасевич-Мануйлов* Иван Федорович (1869–1918), журналист. С 1890 г. сотрудник Охранного отделения. В 1904–1906 гг. работал в Департаменте полиции. Авантюрист, аферист, входил в окружение Г.Е. Распутина. В 1918 г. при переходе советско-финской границы арестован и расстрелян.

²⁰⁰ *Беляев* Михаил Алексеевич (1863–1918), военный деятель. С 1908 г. генерал-майор. В январе–феврале 1917 г. последний военный министр Российской империи. После Февральской революции арестован, находился в заключении в Петропавловской крепости, вскоре освобожден. В 1918 г. арестован ЧК и расстрелян.

²⁰¹ *Скобелев* Матвей Иванович (1885–1938), политический деятель. Член РСДРП, входил во фракцию меньшевиков. С 1905 г. жил за границей, окончил Венский политехникум. В 1912 г. вернулся в Россию, избран депутатом IV Государственной думы. С марта 1917 г. товарищ председателя Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В мае–сентябре 1917 г. министр труда Временного правительства. В 1919–1920 гг. жил в Баку. С конца 1920 г. в эмиграции. В 1920–1925 гг. торговый представитель СССР во Франции. В 1925 г. вернулся в СССР, работал в Госплане, Концессионной комиссии РСФСР, Народном комиссариате внешней торговли, Всесоюзном радиокомитете. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

²⁰² *Хаустов* Валентин Иванович (1884 – после 1921), политический деятель. Член РСДРП. Депутат IV Государственной думы. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁰³ *Чхенкели* Акакий Иванович (1874–1959), политический деятель, юрист. Член РСДРП, меньшевик. Депутат IV Государственной думы. После Февральской революции член Особого кавказского комитета. С апреля 1918 г. председатель правительства Закавказской федеративной демократической республики. В мае–ноябре 1918 г. министр иностранных дел Грузинской демократической республики. С февраля 1921 г. посол Грузинской республики во Франции, затем в эмиграции.

²⁰⁴ *Дзюбинский Владимир Иванович* (1860–1927), политический деятель. Депутат III и IV Государственных дум, лидер Трудовой группы. С 1920 г. заведующий Лефортовским архивом в Москве. С 1924 г. работал в комиссии по строительству при Совете труда и обороны. Умер в Москве.

²⁰⁵ *Кейнис Франц Осипович* (1870 – после 1917), политический деятель, крестьянин. Депутат III и IV Государственных дум. Беспартийный. Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. В марте 1917 г. участник Государственного совещания в Москве. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁰⁶ *Шидловский Сергей Илиодорович* (1861–1922), политический деятель. Депутат III и IV Государственных дум. Один из лидеров «Прогрессивного блока». Во время Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, затем член Главного земельного комитета при Временном правительстве. С 1920 г. в эмиграции.

²⁰⁷ *Савич Никанор Васильевич* (1869–1942), политический деятель. Депутат III и IV Государственных дум, входил во фракцию октябристов. Товарищ председателя Комитета государственной обороны. С 28 февраля (13 марта) по 2 (15) марта 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы в Военном и морском министерстве. В мае 1918 г. уехал на Украину. В 1919 г. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. С июня 1920 г. государственный контролер в Крымском правительстве при генерале П.Н. Врангеле. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

²⁰⁸ *Ржевский Владимир Алексеевич* (1865 – после 1917), политический деятель. Депутат IV Государственной думы, входил в думскую фракцию прогрессистов. Член Временного комитета Государственной думы. С конца марта 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы в Москве. В июне 1917 г. отказался от членства во Временном комитете Государственной думы. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁰⁹ *Голицын Николай Дмитриевич* (1850–1925), государственный и политический деятель, князь. С 1893 г. калужский губернатор. С 1897 г. тверской губернатор. С 1903 г. сенатор. С ноября 1915 г. член Государственного совета. С 27 декабря 1916 г. (9 января 1917 г.) последний председатель Совета министров. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией, вскоре освобожден. Остался в России, в 1920–1924 гг. дважды был арестован, в 1925 г. арестован в третий раз и расстрелян.

²¹⁰ *Рубинштейн Дмитрий Львович* (1876–1936), финансист, биржевик, банковский делец, спекулянт. В 1916 г. был арестован по обвинению в государственной измене, выслан в Псков, но вскоре освобожден. После 1917 г. в эмиграции, жил в Германии и Франции.

²¹¹ Коновалов Александр Иванович (1875–1949), общественный и политический деятель, член IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы, министр торговли и промышленности Временного правительства. Один из основателей Торгово-промышленной партии. С 1912 г. член партии прогрессистов, с июля 1917 г. член Конституционно-демократической партии. 25 октября (7 ноября) 1917 г. вел последнее заседание Временного правительства, с другими министрами был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В начале 1918 г. освобожден из заключения, затем эмигрировал.

²¹² Аджемов Моисей Сергеевич (1878–1950), политический деятель. Присяжный поверенный, член Центрального комитета Конституционно-демократической партии, член II, III и IV Государственных дум. В 1917 г. комиссар Временного правительства в Министерстве юстиции. После 1917 г. в эмиграции, жил во Франции.

²¹³ Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967), князь, граф Сумароков-Эльстон. Представитель одного из самых богатых и знатных родов России, был женат на племяннице императора Николая II. Выпускник Оксфордского университета. Один из организаторов и участник убийства Г.Е. Распутина. В конце 1917 г. уехал с семьей в Крым, откуда на борту линкора «Мальборо» перебрался на Мальту. Жил в Англии, затем во Франции. Автор мемуаров об убийстве Г.Е. Распутина.

²¹⁴ Дмитрий Павлович (1891–1942), великий князь. Флигель-адъютант, двоюродный брат императора Николая II. Участвовал в убийстве Г.Е. Распутина, после чего был выслан в Персию. С 1918 г. в эмиграции. Умер в Швейцарии.

²¹⁵ Баратов Николай Николаевич (1865–1932), военный деятель. С 1905 г. генерал-майор, с 1912 г. генерал-лейтенант, с 1917 г. генерал от кавалерии. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Участник 1-й мировой войны, в 1914–1916 гг. командир 1-й Кавказской казачьей дивизии, с октября 1915 г. командующий Отдельным экспедиционным корпусом в Персии (с апреля 1916 г. Кавказский кавалерийский корпус). С марта 1917 г. главный начальник Кавказского военного округа. С 1918 г. в Добровольческой армии Юга России. В марте–апреле 1920 г. управляющий Министерством иностранных дел при генерале П.Н. Врангеле. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Париже.

²¹⁶ Головина Мария Евгеньевна (1887–1972), секретарь Г.Е. Распутина. Дочь действительного статского советника, камергера Е.С. Головина. Вместе с матерью Л.В. Головиной была горячей почитательницей Распутина.

²¹⁷ Исидор (Петр Александрович Колоколов; 1866–1918), архиерей Русской православной церкви. С 1902 г. епископ Новгород-Северский, викарий Черниговской епархии. С 1903 г. епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии. С 1906 г. епископ Михайловский,

викарий Рязанской епархии. В 1911 г. уволен из Рязанской епархии и откомандирован в Омскую епархию, где был управляющим Омским Покровским монастырем. С 1916 г. управляющий Тюменского Свято-Троицкого монастыря, где познакомился с Г.Е. Распутиным. В декабре 1916 г. совершил отпевание убитого Г.Е. Распутина. В марте 1917 г. перемещен в Казанскую епархию. В августе 1918 г. арестован ЧК и расстрелян.

²¹⁸ *Вырубова Анна Александровна* (в монашестве Мария; 1884–1964), фрейлина, ближайшая и преданная подруга императрицы Александры Федоровны. Одна из самых горячих почитательниц Г.Е. Распутина. В 1917 г. была арестована Временным правительством, несколько месяцев содержалась в Петропавловской крепости, затем отпущена на свободу. В декабре 1920 г. вместе со своей матерью бежала в Финляндию. В Смоленском скиту Валаамского монастыря приняла монашество с именем Мария. Умерла в Хельсинки. Автор воспоминаний «Страницы моей жизни» (Париж, 1922).

²¹⁹ *Добровольский Николай Александрович* (1853–1918), государственный деятель. С 1897 г. гродненский вице-губернатор, с 1899 г. губернатор. С 1900 г. камергер императорского двора. С октября 1900 г. обер-прокурор Первого департамента Сената. С 1906 г. сенатор. В декабре 1916 – феврале 1917 г. последний министр юстиции Российской империи. Во время Февральской революции арестован, с 3 (16) марта по 4 (17) апреля 1917 г. содержался в Петропавловской крепости. В 1918 г. казнен большевиками в Пятигорске в составе большой группы заложников.

²²⁰ *Кульчицкий Николай Константинович* (1856–1925), государственный и общественный деятель, ученый. С 1883 г. приват-доцент Харьковского университета, с 1889 г. профессор. С 1912 г. попечитель Казанского учебного округа, с 1914 г. попечитель Петроградского учебного округа. В декабре 1916 – феврале 1917 г. последний министр народного просвещения Российской империи. С 1921 г. в эмиграции.

²²¹ *Шаховской Всеволод Николаевич* (1874–1954), государственный деятель. С 1905 г. служил в Министерстве промышленности и торговли. С февраля 1915 г. управляющий министерством. В мае 1915 – феврале 1917 г. последний министр торговли и промышленности Российской империи. С 1918 г. в эмиграции.

²²² *Григорович Иван Константинович* (1853–1930), военно-морской деятель, адмирал. Выпускник Морского корпуса (1874). В 1874–1886 гг. служил на Балтийском флоте. В 1888–1889 гг. флаг-офицер штаба начальника эскадры Тихого океана, затем командир различных кораблей. В 1896–1898 гг. военно-морской атташе в Англии. В 1899–1904 гг. командир эскадренного броненосца «Цесаревич». С апреля 1904 г. и до конца осады командир порта Порт-Артур. В 1905–1906 гг.

начальник штаба Черноморского флота, в 1906–1908 гг. командир порта Либава (Лиепая), в 1908 г. главный командир Кронштадтского порта. С 1909 г. товарищ морского министра и представитель Морского министерства в Государственной думе. С 1911 г. адмирал. В 1911–1917 гг. морской министр. С 1924 г. в эмиграции, жил во Франции.

²²³ *Барк* Петр Львович (Людвигович) (1869–1937), государственный деятель. С 1892 г. работал в Министерстве финансов, с 1894 г. в Государственном банке. В 1907–1911 гг. директор-распорядитель и член правления Волжско-Камского коммерческого банка. С 1911 г. товарищ (заместитель) министра торговли и промышленности. В 1914–1917 гг. последний министр финансов Российской империи. В марте 1917 г. был арестован, вскоре освобожден и уехал в Крым. С 1920 г. в эмиграции, жил в Великобритании.

²²⁴ «Русская воля», ежедневная газета, выходила в Петрограде в 1916–1917 гг. Редактор газеты — Н.Д. Смирнов. Яковенко допускает неточность: А.В. Амфитеатров был не редактором газеты, а заведующим отделом публицистики.

²²⁵ *Амфитеатров* Александр Валентинович (1862–1938), публицист, писатель, литературный и театральный критик. Выпускник юридического факультета Московского университета. После окончания университета увлекся оперным пением, был зачислен в труппу Мариинского театра. Учился оперному пению в Италии. После возвращения из Италии пел два сезона в Тифлисе и Казани. В 1889 г. оставил оперную карьеру и посвятил себя литературе. В 1892–1899 гг. сотрудник газеты «Новое время». В 1899 г. участвовал в создании газеты «Россия», где выступал с литературно-критическими статьями. В 1902 г. за критику правящей династии в ссылке в Минусинске, с 1904 г. в Вологде. В 1903 г. освобожден из ссылки. С 1904 г. в эмиграции, жил в Париже, в 1906–1907 гг. издавал журнал «Красное знамя». В 1906–1916 гг. жил в Италии, работал над историческими романами «Восьмидесятники» (СПб., 1907), «Девятидесятники» (СПб., 1910–1911), «Закат старого века» (СПб., 1910) и др. В 1916 г. вернулся в Россию. В начале 1917 г. за критику в печати министра А.Д. Протопопова выслан в Иркутск, не доехал до места ссылки и после Февральской революции вернулся в Петроград. В августе 1921 г. бежал в Финляндию. В конце 1921 – начале 1922 г. жил в Праге, затем в Италии, в Леванто.

²²⁶ *Ефремов* Иван Николаевич (1866–1945, по некоторым сведениям, 1933), политический и государственный деятель. Член I, III и IV Государственных дум, председатель фракции прогрессистов. В период Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. С июля 1917 г. министр юстиции Временного правительства, в августе 1917 г. министр государственного призрения. Осенью 1917 г. назначен посланником в Швейцарии. С 1918 г. жил в Париже.

²²⁷ «Летопись», ежемесячный литературный, научный и политический журнал, основан М. Горьким, издавался в Петрограде в 1915–1917 гг. А.Н. Тихоновым. Редактором этого единственного легального антивоенного журнала был А.Ф. Радзишевский. Журнал выступал против империалистической войны, национализма и шовинизма, противостоял потоку милитаристской и декадентской литературы. Н.Н. Суханов был активным сотрудником журнала, автором ярких антивоенных статей и памфлетов.

²²⁸ Бьюкенен Джордж Уильям (Buchanan; 1854–1924), английский дипломат, в 1910–1918 гг. посол Великобритании в России.

²²⁹ Хабалов Сергей Семенович (1858–1924), генерал-лейтенант. В 1914–1916 гг. военный губернатор Уральской области и атаман Уральского казачьего войска. С июня 1916 г. командующий войсками Петроградского военного округа. 24 февраля (9 марта) 1917 г. получил полную власть в столице. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В конце 1917 г. был освобожден, уехал на Юг России. Активный участник Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

²³⁰ Кирпичников Тимофей Иванович (1892–1917/1918), старший унтер-офицер, участник Февральской революции. Родился в крестьянской семье. Призван в армию еще до начала 1-й мировой войны, служил старшим фельдфебелем и старшим унтер-офицером в учебной команде запасного батальона Волынского лейб-гвардии полка. 27 февраля (12 марта) 1917 г. возглавил восстание учебной команды, что явилось фактическим началом Февральской революции. Временным правительством награжден Георгиевским крестом 4-й степени и произведен в прапорщики. Избран в состав Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В ноябре 1917 г. безуспешно пытался организовать поддержку антибольшевистского похода генерала П.Н. Краснова, затем бежал из Петрограда на Юг России. В конце 1917 или начале 1918 г. пытался присоединиться к Добровольческой армии, но как участник свержения монархии по приказу полковника А.П. Кутепова был расстрелян.

²³¹ Подробных сведений о Матусове найти не удалось.

²³² Михаил Александрович (1878–1918), великий князь, младший брат императора Николая II, военачальник. В период 1-й мировой войны командовал Кавказской туземной конной дивизией, затем с февраля 1916 г. 2-м кавалерийским корпусом, с января 1917 г. генерал-инспектор кавалерии. 2 (15) марта 1917 г. после отречения Нико-

лая II наследовал императорский престол, но 3 (16) марта отказался принять власть, оставив решение за будущим Учредительным собранием. После ноября 1917 г. находился под арестом, в марте 1918 г. выслан в Пермскую губернию, в июне расстрелян под Пермью.

²³³ *Караулов Михаил Александрович* (1878–1917), атаман Терского казачьего войска, депутат II и IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы. 1–4 (14–17) марта 1917 г. комендант Таврического дворца. 8 (21) марта назначен комиссаром Временного правительства в Терской области и уехал из Петрограда во Владикавказ. 27 марта (9 апреля) 1917 г. избран атаманом Терского казачьего войска. 1 (14) декабря возглавил Терско-Дагестанское Временное правительство. 13 (26) декабря 1917 г. убит на станции Прохладная солдатами, которые возвращались с фронта.

²³⁴ *Дмитрюков Иван Иванович* (1871 – после 1918), политический деятель, член III и IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы. Член партии «Союз 17 октября» (октябристов). В 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. В 1918 г. уехал из Петрограда на Юг России. Дальнейшая судьба неизвестна.

²³⁵ *Некрасов Николай Виссарионович* (1879–1940), политический деятель, член III и IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы, министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства. В 1909–1915 гг. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В сентябре–ноябре 1917 г. генерал-губернатор Финляндии. После 1917 г. работал в различных советских учреждениях, преподавал в Московском университете. В 1930 г. арестован и осужден, работал на строительстве Беломоро-Балтийского канала, в 1933 г. досрочно освобожден. В 1939 г. вновь арестован, в 1940 г. расстрелян.

²³⁶ *Львов Владимир Николаевич* (1872–1930), политический деятель, член III и IV Государственных дум, член Временного комитета Государственной думы, обер-прокурор Святейшего синода в составе Временного правительства (до 8 (21) июля 1917 г.). В 1920–1922 гг. в эмиграции. В 1922 г. вернулся в Советскую Россию. В 1922–1924 гг. управляющий делами обновленческого Высшего церковного управления. В 1927 г. арестован и выслан из Москвы, затем жил в Томске. В 1930 г. арестован и умер в тюремной больнице.

²³⁷ *Энгельгардт Борис Александрович* (1877–1962), военный и политический деятель, член IV Государственной думы, член Временного комитета Государственной думы и первый революционный комендант Петрограда. С 1918 г. активный участник Добровольческой армии Юга России. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции и Латвии. После присоединения прибалтийских республик к СССР в 1940–1946 гг. в ссылке в Средней Азии. С 1946 г. жил в Риге.

²³⁸ Правильно: Нахамкис. *Стеклов* Юрий Михайлович (наст. фамилия Нахамкис; 1873–1941), политический и государственный деятель, публицист, историк. С 1893 г. в революционном движении. С 1910 г. в эмиграции. В 1914 г. вернулся в Россию. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1917–1925 гг. редактор газеты «Известия ВЦИК». В 1938 г. арестован, умер в заключении.

²³⁹ *Гвоздев* Кузьма Антонович (1882–1956), политический деятель. В 1905–1907 гг. член партии социалистов-революционеров (эсеров), затем член социал-демократической партии меньшевиков. С 1909 г. работал на заводах Петербурга. В 1911 г. арестован и сослан в Вологодскую губернию на три года. В 1914 г. вернулся в Петроград, с 1915 г. председатель рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. В январе 1917 г. арестован, освобожден во время Февральской революции, избран в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С сентября 1917 г. министр труда Временного правительства. 25 октября (7 ноября) 1917 г. арестован вместе с другими министрами, через три дня освобожден. В 1917–1918 г. председатель рабочей кооперации Петрограда. С 1919 г. беспартийный. В 1920-е гг. работал в различных советских учреждениях. В 1930 г. арестован, в 1931 г. осужден на 10 лет лагерей. В 1941 г. осужден еще на 8 лет лагерей, затем в ссылке в Красноярском крае. В 1956 г. освобожден, вскоре умер.

²⁴⁰ *Бубликов* Александр Александрович (1875–1945), политический деятель, инженер. Выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения. С 1912 г. депутат IV Государственной думы, входил во фракцию прогрессистов. С конца февраля (начала марта) 1917 г. комиссар Временного комитета Государственной думы, затем комиссар Временного правительства в Министерстве путей сообщения. В сентябре 1917 г. уехал в США, где остался в эмиграции.

²⁴¹ *Иванов* Николай Иудович (1851–1919), генерал, военный деятель. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1888 г. заведующий мобилизационной частью Главного артиллерийского управления. С 1890 г. командующий Кронштадтской крепостной артиллерией. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905–1907 гг. командир I армейского корпуса. С 1907 г. главный начальник Кронштадта. С 1908 г. генерал от артиллерии и командующий войсками Киевского военного округа. В 1914–1916 гг. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта. С марта 1916 г. генерал-адъютант при императоре в Ставке. 27 февраля (12 марта) 1917 г. назначен главнокомандующим Петроградским военным округом с особыми полномочиями, 28 февраля (13 марта) выехал из Могилева в Петроград. После отречения императора вернулся в Ставку, в Могилев. Затем уехал в

Киев, был арестован и отправлен в Петроград, где освобожден по личному распоряжению А.Ф. Керенского. В 1918 г. присоединился к Добровольческой армии, с октября 1918 г. командовал Южной армией. В январе 1919 г. умер от тифа.

²⁴² *Комиссаров Михаил Степанович* (1870–1933), генерал-майор, служащий Департамента полиции. В 1904–1909 гг. глава секретного отделения по наблюдению за иностранными посольствами и военными агентами. В 1909–1915 гг. последовательно возглавлял жандармские управления в Енисейске, Перми, Саратове, Вятке. В 1915–1916 гг. помощник начальника Петербургского охранного отделения, заведовал охраной Г.Е. Распутина. С марта 1916 г. градоначальник Ростова-на-Дону. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией, позднее был освобожден. С 1920 г. в эмиграции. Умер в США.

²⁴³ *Климович Евгений Константинович* (1871–1932), генерал-майор, служащий Департамента полиции. В 1909 г. заведовал Особым отделом в Департаменте полиции. С декабря 1909 г. градоначальник Керчь-Еникальского, с 1913 г. градоначальник Ростова-на-Дону. В феврале–сентябре 1916 г. директор Департамента полиции. С сентября 1916 г. сенатор. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией. В 1918–1920 гг. активный участник Добровольческой армии Юга России, с мая 1920 г. начальник контрразведки у генерала П.Н. Врангеля. С ноября 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии.

²⁴⁴ *Рейн Георгий Ермолаевич* (1854–1942), врач, общественный деятель. С 1876 г. доктор медицины. С 1880 г. приват-доцент Медико-хирургической академии, с 1883 г. профессор Киевского университета. С 1896 г. профессор Военно-медицинской академии. С 1908 г. почетный лейб-хирург императорского двора. С 1901 г. академик Петербургской академии наук. С 1905 г. активный участник общественно-политической жизни. Член III и IV Государственных дум, входил во фракцию октябристов. С марта 1915 г. член Государственного совета. В сентябре 1916 – феврале 1917 г. главноуправляющий государственным здравоохранением на правах министра. В марте 1917 г. был арестован, вскоре освобожден. Участник Добровольческой армии, затем в эмиграции.

²⁴⁵ *Борисов Иван Николаевич* (1858–1928), инженер, государственный деятель. Выпускник Института инженеров путей сообщения. С 1884 г. служил в Министерстве путей сообщения. С 1914 г. начальник Управления железных дорог. В 1916–1917 гг. товарищ (заместитель) министра путей сообщения. В марте 1917 г. был арестован, вскоре выпущен. С 1918 г. служил в Народном комиссариате путей сообщения, с 1922 г. заместитель народного комиссара путей сообщения по технической части.

²⁴⁶ Балк Александр Павлович (1866–1957), государственный деятель. С 1887 г. служил в лейб-гвардии Волынском полку. С 1903 г. помощник Варшавского обер-полицмейстера. С ноября 1916 г. градоначальник Петрограда. В марте 1917 г. был арестован, в июне 1917 г. по решению Временного правительства освобожден. С 1918 г. активный участник Добровольческой армии на Юге России. С 1920 г. в эмиграции, сначала жил в Югославии, после 1945 г. в Бразилии, умер в Сан-Паулу.

²⁴⁷ Гирс Владимир Константинович (1861–1918), вице-адмирал. В 1909–1915 гг. начальник Ревельского порта. С апреля 1915 г. начальник артиллерийского отдела Главного управления кораблестроения, с июня 1916 г. начальник Главного управления кораблестроения. В 1916–1917 гг. член Адмиралтейств-совета и Особого совещания по обороне государства. В 1918 г. убит большевиками в период красного террора.

²⁴⁸ Дейтрих Владимир Федорович (1850–1919), государственный деятель. С 1888 г. служил на различных судебных должностях. С 1902 г. помощник финляндского генерал-губернатора. С сентября 1905 г. член Государственного совета. С января 1917 г. вице-председатель Государственного совета. В марте 1917 г. был арестован, вскоре освобожден. В 1919 г. расстрелян большевиками.

²⁴⁹ Дубровин Александр Иванович (1855–1921), политический деятель, врач. В 1905 г. один из основателей «Союза русского народа», председатель его Главного совета, издатель и редактор газеты «Русское знамя». В 1911 г. основатель Всероссийского дубровинского союза русского народа. В марте 1917 г. был арестован, допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией, в октябре 1917 г. освобожден. С декабря 1917 г. жил в Москве, работал врачом. В 1920 г. арестован ВЧК, позднее расстрелян.

²⁵⁰ Кригер-Войновский Эдуард Брониславович (1864–1933), государственный деятель, инженер. С 1909 г. управляющий Владикавказской железной дорогой. С 1915 г. начальник Управления железных дорог Министерства путей сообщения. С апреля 1916 г. товарищ (заместитель) министра путей сообщения. С января 1917 г. последний министр путей сообщения Российской империи. В марте 1917 г. был арестован, вскоре освобожден. С мая 1917 г. член правления и председатель Владикавказской железной дороги. С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии, Германии, Франции.

²⁵¹ Кирилл Владимирович (1876–1938), великий князь. Окончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В начале 1-й мировой войны служил в штабе Верховного главнокомандующего. С 1915 г. командир Гвардейского экипажа. 1 (14) марта 1917 г. явился во гла-

ве Гвардейского экипажа в Государственную думу и признал власть Временного комитета, т.е. фактически поддержал революцию. Вскоре уехал в Финляндию, затем жил в Швейцарии и Германии. В 1924 г. провозгласил себя императором как старший представитель династии Романовых. Умер в Париже.

²⁵² *Шаховской* Петр Иванович (1848–1919), общественный и политический деятель, князь. Член III Государственной думы. В годы 1-й мировой войны товарищ председателя, затем председатель Комиссии по государственной обороне.

²⁵³ *Стишинский* Александр Семенович (1852–1922), государственный деятель. В 1899–1904 гг. товарищ министра внутренних дел. С 1904 г. член Государственного совета. В марте–ноябре 1917 г. находился в заключении, в Петропавловской крепости. В декабре 1917 г. уехал на Украину, затем на Кубань. С 1920 г. в эмиграции. Умер в Константинополе (Стамбуле).

²⁵⁴ *Клейнмихель* Мария Эдуардовна (1846–1931), графиня. Хозяйка великосветского салона в Петрограде. В эмиграции написала мемуары, которые были переизданы в Советской России (*Клейнмихель М.Э.* Из затонувшего мира. М.; Пг., 1923).

²⁵⁵ *Стучка* Петр Иванович (1865–1932), юрист, государственный и политический деятель. Родился в Латвии. С 1907 г. жил в Петербурге. С 1915 г. осуществлял связь Социал-демократической партии Латышского края с ЦК РСДРП. В марте 1917 г. вошел в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Активный участник Октябрьской революции. С марта 1918 г. народный комиссар юстиции РСФСР, в 1919–1920 гг. заместитель народного комиссара юстиции. В декабре 1918 – январе 1920 г. председатель советского правительства Латвии. С 1923 г. председатель Верховного суда РСФСР. С 1931 г. директор Института советского права.

²⁵⁶ *Козловский* Мечислав Юльевич (1876–1927), юрист, государственный деятель. Родился в Вильно. Активный участник революционного движения в Литве и Польше. Соратник Ф.Э. Дзержинского. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В июле 1917 г. был арестован Временным правительством по обвинению в государственной измене. В ноябре 1917 г. председатель следственной комиссии Петроградского военно-революционного комитета. С декабря 1917 г. работал в Народном комиссариате юстиции. В 1918–1920 гг. член и председатель Малого Совнаркома. В 1922–1923 гг. на дипломатической работе (Вена, Рим, Берлин). С 1923 г. юрисконсульт Народного комиссариата путей сообщения.

²⁵⁷ *Зензинов* Владимир Михайлович (1880–1953), политический деятель. С 1903 г. член партии социалистов-революционеров (эсе-

ров). С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Центрального комитета партии социалистов-революционеров. В июне 1917 г. на I съезде Советов избран членом ВЦИК. С ноября 1917 г. депутат Учредительного собрания. В 1918 г. в Уфе избран членом Всероссийского временного правительства, затем после прихода к власти адмирала А.В. Колчака выслан в Китай. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции, затем в США. Умер в Нью-Йорке.

²⁵⁸ *Русанов Николай Сергеевич* (1859–1939), политический деятель. С 1881 г. жил за границей, где сблизился с русскими революционными эмигрантами. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С 1918 г. в эмиграции. Умер в Швейцарии, в Берне.

²⁵⁹ *Чайковский Николай Васильевич* (1850–1926), политический деятель. С 1869 г. участник революционного движения. С 1874 г. в эмиграции, жил в США и Западной Европе. С 1904 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1907 г. вернулся в Россию. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918–1919 гг. председатель Временного правительства Северной области в Архангельске. С 1920 г. в эмиграции, жил в Англии.

²⁶⁰ *Брамсон Леонтий Моисеевич* (1869–1941), публицист, юрист, политический и общественный деятель. В 1906 г. член I Государственной думы, идеолог Трудовой группы, автор ее программных документов. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С июня 1917 г. член Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии. Председатель комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов по выборам в Учредительное собрание. В декабре 1917 г. арестован большевиками за участие в «Союзе спасения Родины и революции», в январе 1918 г. освобожден. С 1918 г. (по другим сведениям, с 1920 г.) в эмиграции, жил во Франции.

²⁶¹ *Пешехонов Алексей Васильевич* (1867–1933), политический деятель, экономист, журналист. Учился в Тверской духовной семинарии, из которой был исключен за политическую неблагонадежность. Работал народным учителем, служил в земских учреждениях. С 1899 г. жил в Петербурге, сотрудничал в журнале «Русское богатство». В 1903 г. один из основателей «Союза освобождения». В 1906 г. один из основателей Народно-социалистической партии. Во время Февральской революции избран в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В мае–августе 1917 г. министр продовольствия Временного правительства. В июне 1917 г. один из лидеров

Трудовой народно-социалистической партии. После октября 1917 г. член антибольшевистской организации «Союз возрождения России». В 1918 г. арестован в Москве, вскоре освобожден. Осенью 1918 г. уехал на Юг России. В 1921–1922 гг. член коллегии Центрального статистического управления Украины. В июне 1922 г. приехал в Москву. В июле 1922 г. арестован, в сентябре 1922 г. выслан из России. Жил в Берлине, Праге, Риге.

²⁶² *Приказ № 1*, документ Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, подготовлен 1 (14) марта 1917 г., опубликован 2 (15) марта 1917 г. в «Известиях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», адресован гарнизону Петрограда, всем солдатам и матросам, предписывал создание выборных комитетов из нижних чинов и подчинение армии и флота не офицерам, а выборным комитетам.

²⁶³ *«Известия Петроградского совета рабочих депутатов»*, газета, выходила в Петрограде с 28 февраля (13 марта) 1917 г. Первоначально контролировалась эсерами и меньшевиками. С 1 (14) августа 1917 г. стала выходить под названием «Известия ЦИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», с 29 сентября (12 октября) 1917 г. — «Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов». После октября 1917 г. перешла в руки большевиков, с марта 1918 г. стала выходить в Москве под названием «Известия Всероссийского ЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов».

²⁶⁴ *Терещенко Михаил Иванович* (1886–1956), предприниматель, политический деятель. С 1915 г. председатель Киевского военно-промышленного комитета и товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучкова. С марта 1917 г. министр финансов Временного правительства, с мая 1917 г. министр иностранных дел. С 1918 г. в эмиграции, жил во Франции и в Англии.

²⁶⁵ *Юревич Вадим Александрович* (1872–1963), врач, профессор Военно-медицинской академии. Окончил Петербургский университет и Военно-медицинскую академию, при которой был оставлен. В 1902 г. защитил докторскую диссертацию. С 1911 г. экстраординарный профессор, с 1912 г. заведующий кафедрой заразных болезней. С 1915 г. ординарный профессор. С марта 1917 г. исполняющий обязанности начальника академии, петроградский общественный градоначальник, начальник Петроградской городской милиции. С июня 1917 г. начальник Главного военно-санитарного управления русской армии. В ноябре 1917 г. уволен со службы, в декабре 1917 г. уехал на Юг России. С 1919 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, затем во Франции, с 1945 г. в США. Умер в Нью-Йорке.

²⁶⁶ *Николай Николаевич* (1856–1929), великий князь. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1900 г. генерал от кавалерии.

С 1905 г. председатель Совета государственной обороны, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа. В июле 1914 – августе 1915 г. Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами. С августа 1915 г. наместник на Кавказе и главнокомандующий Кавказским фронтом. В марте 1917 г. вышел в отставку и уехал в Крым. С 1919 г. в эмиграции, сначала жил в Италии, затем с 1922 г. во Франции. С 1924 г. руководил Русским общевоинским союзом.

²⁶⁷ *Воейков* Владимир Николаевич (1868–1947), военачальник. Выпускник Пажеского корпуса. С 1907 г. командир лейб-гвардии Гусарского полка. С 1913 г. дворцовый комендант. В марте 1917 г. был арестован, допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, затем выпущен. В 1918 г. бежал в Крым, потом уехал в эмиграцию. Жил в Финляндии, Швеции. Автор мемуаров «С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта» (1936).

²⁶⁸ *Фредерикс* Владимир Борисович (1838–1927), государственный деятель, граф. В 1891–1893 гг. шталмейстер императорского двора. В 1893–1897 гг. помощник министра императорского двора. В 1897–1917 гг. последний министр императорского двора. С 1913 г. граф (ранее носил титул барона). Сопровождал императора во всех поездках. 2 (15) марта 1917 г. скрепил своей подписью акт об отречении Николая II. 9 (22) марта 1917 г. был арестован, доставлен в Петроград, допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, затем выпущен. В 1924 г. получил разрешение советского правительства уехать в Финляндию, где умер.

²⁶⁹ *Нарышкин* Кирилл Анатольевич (1868–1924), военный и государственный деятель. Выпускник Императорского училища правоведения, затем служил в лейб-гвардии Преображенском полку. С 1909 г. помощник начальника военно-походной императорской канцелярии. С декабря 1916 г. генерал-майор и начальник военно-походной императорской канцелярии. В марте 1917 г. после ликвидации канцелярии вышел в отставку, жил в эмиграции.

²⁷⁰ *Грибунин* Семен Федорович (1870 – после 1917), депутат IV Государственной думы от Костромской губернии. Из дворянской семьи. Выпускник московского Александровского военного училища. В 1894–1897 и 1901–1914 гг. юрьевецкий уездный предводитель дворянства. В 1902–1914 гг. председатель Юрьевецкой уездной земской управы. В 1914 г. избран в IV Государственную думу на дополнительных выборах. В 1917 г. участвовал в аресте царской семьи. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁷¹ *Вершинин* Василий Михайлович (1874–1946), депутат IV Государственной думы от Томской губернии. Из купеческой семьи. Жил в Барнауле, издатель газеты «Жизнь Алтая» и владелец типографии.

В 1912 г. избран в IV Государственную думу. В 1917 г. участвовал в аресте царской семьи, затем исполнил задание Временного правительства по сопровождению царской семьи в Тобольск. С начала 1920-х гг. в эмиграции, умер в Праге.

²⁷² *Калинин Савелий Андреевич* (1873 – после 1918), депутат IV Государственной думы от Вятской губернии. Из крестьянской семьи. Служил приказчиком в чайном магазине. С 1909 г. гласный Вятского уездного и губернского земств. Член партии «Союз 17 октября» (октябристов). В 1912 г. избран в IV Государственную думу. В 1917 г. участвовал в аресте царской семьи, сопровождал великого князя Николая Николаевича в Крым, исполнял обязанности комиссара Временного правительства в Вятской губернии. В декабре 1917 г. арестован следственной комиссией Революционного трибунала. В марте 1918 г. освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

²⁷³ *Нилов Константин Дмитриевич* (1856–1919), военно-морской деятель, адмирал. Выпускник Морского училища. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1890–1903 гг. адъютант великого князя Алексея Александровича. В 1903–1908 гг. командир гвардейского экипажа. В 1905–1917 гг. флаг-капитан императора Николая II. С 1912 г. адмирал. В марте 1917 г. уволен в отставку.

²⁷⁴ *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869–1922), юрист, политический деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. В 1896–1904 гг. преподавал в Императорском училище правоведения. В 1905 г. один из учредителей Конституционно-демократической партии, затем товарищ председателя Центрального комитета этой партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. Во время 1-й мировой войны служил прапорщиком в армии. В марте–мае 1917 г. управляющий делами Временного правительства. С ноября 1918 г. министр юстиции Крымского краевого правительства. С 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. жил в Берлине. Убит монархистами при покушении на П.Н. Милюкова.

²⁷⁵ *Годнев Иван Васильевич* (1854–1919), политический деятель. Выпускник Казанского университета. С 1882 г. доктор медицины, врач казанской Мариинской женской гимназии. С 1886 г. приват-доцент Казанского университета. В 1891–1895 и 1905–1917 гг. гласный Казанской городской думы. Член партии «Союз 17 октября» (октябристов). Член III и IV Государственных дум. В марте 1917 г. член Временного комитета Государственной думы. В марте–июне 1917 г. государственный контролер Временного правительства. В сентябре 1917 г. уехал в Уфу, где спустя два года умер.

²⁷⁶ *Родичев Федор Измайлович* (1854–1933), политический деятель. Депутат I, II, III и IV Государственных дум. Один из основателей и член Центрального комитета Конституционно-демократической пар-

тии. В марте–мае 1917 г. комиссар Временного правительства по делам Финляндии. В 1917 г. избран в Учредительное собрание, был арестован большевиками. В сентябре 1918 г. уехал на Юг России, участник Добровольческой армии. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции и Швейцарии.

²⁷⁷ *Грузинов Александр Евграфович* (1873 – после 1917), военный деятель. С 1913 г. в отставке в чине полковника. В 1915–1917 гг. председатель Московской губернской земской управы. 1 (14) марта 1917 г. возглавил Московский армейский гарнизон, поддержал Февральскую революцию в Петрограде, решением Временного правительства назначен командующим Московским военным округом. В апреле 1917 г. ушел в отставку.

²⁷⁸ *Шебеко Вадим Николаевич* (1864–1943), военный и государственный деятель. Выпускник Пажеского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба. Военный агент в США (1899–1901) и Германии (1901–1905). В 1905–1913 гг. служил в Генеральном штабе. В 1913 г. саратовский вице-губернатор. В 1913–1916 гг. гродненский губернатор. С февраля 1916 г. московский градоначальник. С апреля 1917 г. в отставке. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

²⁷⁹ *Татищев Никита Алексеевич* (1879–1948), государственный деятель. Выпускник Александровского лицея. В 1909–1911 гг. ломжинский вице-губернатор. В 1911–1915 гг. екатеринославский вице-губернатор. С мая 1916 г. московский губернатор. С марта 1917 г. в отставке. Участник Добровольческой армии. В 1919–1920 гг. таврический губернатор. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

²⁸⁰ *Мрозовский Иосиф Иванович* (1857–1934), военный деятель. Выпускник Михайловской артиллерийской академии. С 1895 г. полковник. Участник Китайского похода 1900–1901 гг. С 1903 г. генерал-майор. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1907 г. генерал-лейтенант. С 1912 г. командир Гренадерского корпуса. С 1914 г. генерал от артиллерии. С начала 1-й мировой войны на фронте. С сентября 1915 г. командующий войсками Московского военного округа. С 1 (14) марта 1917 г. находился под домашним арестом, 10 (23) марта 1917 г. уволен со службы. В конце 1917 г. уехал на Юг России, присоединился к Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции. С 1925 г. жил во Франции.

²⁸¹ *Непенин Адриан Иванович* (1871–1917), вице-адмирал, военноморской деятель. Выпускник Морского кадетского корпуса. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1907 г. капитан 2-го ранга, с 1911 г. капитан 1-го ранга. С 1913 г. контр-адмирал. С августа 1916 г. вице-адмирал и командующий Балтийским флотом. В начале марта 1917 г. признал власть Временного комитета Государственной думы. 4 (17) марта 1917 г. убит матросами в Гельсингфорсском порту.

²⁸² *Цертели* Ираклий Георгиевич (1881–1959), политический деятель. В 1901–1903 гг. в ссылке за участие в студенческом движении. С 1903 г. член Тифлисского комитета РСДРП, входил во фракцию меньшевиков. В 1907 г. депутат II Государственной думы. В том же году после разгона II Государственной думы арестован, приговорен к шести годам тюрьмы и последующей ссылке. В апреле 1917 г. вернулся из Сибири в Петроград, избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С мая 1917 г. министр почт и телеграфов Временного правительства. В 1918 г. после роспуска Учредительного собрания уехал в Грузию, где вошел в правительство Грузинской республики. С 1921 г. в эмиграции, жил во Франции и США.

²⁸³ *Брешко-Брешковская* Екатерина Константиновна (1844–1934), деятель революционного движения в России. С 1873 г. участвовала в революционных организациях. В 1874 г. арестована, приговорена к пяти годам каторги, затем жила в ссылке, в Сибири. В 1896 г. вернулась из ссылки. Была одним из организаторов партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1903 г. в эмиграции. В 1905 г. вернулась в Россию и перешла на нелегальное положение. В 1907 г. арестована, приговорена к ссылке, из которой вернулась в марте 1917 г. Поддерживала Временное правительство, к захвату власти большевиками отнеслась отрицательно. С 1919 г. в эмиграции, жила в США, Франции, Чехословакии.

²⁸⁴ *Керенская* Ольга Львовна (урожд. Барановская; 1886–1975), первая жена А.Ф. Керенского (с 1904). Дочь начальника Генерального штаба Л.С. Барановского. Во второй половине 1917 г. разошлась с мужем. В 1918 г. жила в Усть-Сысольске. В августе 1918 г. арестована ЧК, затем этапирована в Котлас. С 1921 г. в эмиграции, жила в Англии.

²⁸⁵ «Социал-демократ», ежедневная газета, издавалась Московским областным бюро ЦК РСДРП(б) (затем горкомом) с марта 1917 по март 1918 г. в Москве.

²⁸⁶ *Коллонтай* Александра Михайловна (1872–1952), государственный деятель, дипломат. С 1890-х гг. участвовала в революционном движении. С 1908 г. в эмиграции. В марте 1917 г. вернулась в Россию, избрана членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В ноябре 1917 – марте 1918 г. народный комиссар общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров. В 1918 г. была направлена на Украину, возглавляла Народный комиссариат агитации и пропаганды Крымской советской республики. С 1920 г. заведующая женотделом ЦК РКП(б). В 1921 г. вместе с А.Г. Шляпниковым возглавила «рабочую оппозицию», выпустила программную брошюру «Рабочая оппозиция»,

осужденную В.И. Лениным. С 1923 г. на дипломатической работе (в Норвегии, Мексике, Швеции).

²⁸⁷ *Кшесинская* Матильда Феликсовна (1872–1971), балерина. В 1890 г. окончила Императорское театральное училище, затем была принята в балетную труппу Мариинского театра в Петербурге (с 1896 г. прима-балерина). С 1920 г. в эмиграции, жила в Париже, где открыла собственную балетную студию. Автор воспоминаний, изданных в 1960 г. на французском языке. Б.В. Яковенко упоминает особняк (адрес: Большая Дворянская ул., д. 2), в котором М.Ф. Кшесинская жила с 1906 г. до марта 1917 г.

²⁸⁸ *Богданов* Борис Осипович (1884–1960), политический деятель. С 1901 г. член Социал-демократической партии меньшевиков. В январе 1917 г. арестован, освобожден во время Февральской революции, избран в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В июне 1917 г. избран членом ВЦИК. После октября 1917 г. выступил против захвата власти большевиками, в декабре 1917 г. был арестован, вскоре освобожден. В 1918 г. вышел из партии меньшевиков, переехал в Одессу. В 1920 г. арестован, через год освобожден. С 1922 г. неоднократно приговаривался к различным срокам заключения, в 1955 г. освобожден, в 1959 г. вернулся в Москву, где вскоре умер.

²⁸⁹ *Филипповский* Василий Николаевич (1882–1940), морской офицер, революционер. Служил инженером на флоте. С 1903 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). Во время Февральской революции избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Депутат Учредительного собрания, с ноября 1917 г. возглавлял Петроградский союз защиты Учредительного собрания. В 1918 г. министр торговли и промышленности в правительстве Комуча в Самаре. После прихода к власти А.В. Колчака был арестован, вскоре освобожден. В 1919 г. уехал в Грузию. Затем проживал в Астрахани, работал преподавателем автодорожного техникума. В 1933 г. арестован, но вскоре освобожден. В 1936 г. вновь арестован, приговорен к восьми годам лагерей. Умер в заключении.

²⁹⁰ *Станкевич* Владимир Бенедиктович (1884–1964), политический деятель. Депутат I Государственной думы. С начала I-й мировой войны идеолог «оборончества». С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, комиссар при командующем Петроградским военным округом. С июля 1917 г. член Центрального комитета Трудовой народно-социалистической партии. С 1919 г. в эмиграции.

²⁹¹ *Либер* Михаил Исаакович (наст. фамилия Гольдман; 1880–1937), политический деятель. С 1896 г. член Социал-демократической

партии. С 1902 г. член Центрального комитета Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза). В 1903 г. возглавлял делегацию Бунда на II съезде РСДРП в Брюсселе, где после раскола на две фракции поддерживал меньшевиков. В 1910, 1912, 1914 гг. подвергался арестам и ссылкам. В 1915–1917 гг. в ссылке в Самарской губернии. В 1917 г. приехал в Петроград, во время Февральской революции избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В июне 1917 г. избран членом ВЦИК и товарищем председателя. После октября 1917 г. выступил против захвата власти большевиками. С 1919 г. жил в Харькове. В 1921 г. был арестован, но вскоре освобожден. С конца 1921 г. жил в Саратовской губернии, работал в кооперации. С 1922 г. находился в заключении и ссылках. В 1937 г. арестован, расстрелян.

²⁹² Эрлих Хенрих Моисеевич (1882–1942), политический деятель. С 1903 г. член Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза). В 1904 г. арестован, исключен из Варшавского университета, вскоре освобожден, уехал в Германию. В 1905 г. вернулся в Варшаву. В 1906–1908 гг. учился в Петербургском университете. В 1909 г. арестован, после освобождения уехал во Францию, в 1910 г. вернулся в Варшаву. С 1914 г. жил в Петербурге. Во время Февральской революции избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в июне 1917 г. — членом ВЦИК. В 1918 г. уехал в Польшу. В 1920–1930 гг. член Центрального комитета Бунда. После начала 2-й мировой войны и немецкой оккупации Польши бежал в СССР. В октябре 1939 г. был арестован НКВД. В сентябре 1941 г. освобожден для создания Международного еврейского антигитлеровского комитета. В декабре 1941 г. арестован, приговорен к расстрелу, в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

²⁹³ Залуцкий Петр Антонович (1887–1937), политический и государственный деятель. Участник революции 1905–1907 гг. С 1907 г. член РСДРП, затем примкнул к большевикам. С 1911 г. жил в Петербурге, работал на Франко-русском заводе. Во время Февральской революции избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В октябре 1917 г. член Петроградского военно-революционного комитета. В 1918–1920 гг. политработник Красной армии. В 1920–1922 гг. кандидат в члены ЦК РКП(б), в 1923–1925 гг. член ЦК РКП(б). В 1922–1925 гг. ответственный секретарь Петроградского (Ленинградского) губкома ВКП(б) и секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1926–1927 гг. сторонник оппозиции. В 1927 г. исключен из ВКП(б), в 1928 г. восстановлен после признания ошибок. В 1928–1932 гг. председатель Нижневолжского краевого совета народного хозяйства. В 1934 г. управляющий Всесоюзным трестом «Строймашина». В декабре 1934 г. арестован,

в 1935 г. приговорен к пяти годам лагерей. В 1937 г. приговорен к смертной казни, расстрелян.

²⁹⁴ *Линде Федор Федорович* (1881–1917), политический деятель. С 1905 г. член РСДРП, большевик. Участник революции 1905–1907 гг. В 1912 г. приговорен к двум годам ссылки, которая затем заменена выездом за границу на два года. В 1912–1914 гг. жил в Италии и Швейцарии. В 1914 г. вернулся в Россию, мобилизован в армию, служил в Финляндском полку. Во время Февральской революции возглавил восставших солдат, избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В мае 1917 г. назначен комиссаром Юго-Западного фронта. В августе 1917 г. получил известие о солдатских беспорядках и выехал для их усмирения в расположение 444-го пехотного полка, где был убит.

²⁹⁵ *Дан Федор Ильич* (1871–1947), политический деятель. С 1894 г. в революционном движении. С 1896 г. в ссылке. С 1901 г. в эмиграции. В 1903 г. примкнул к меньшевикам. В 1913 г. вернулся в Россию. В 1915 г. арестован и сослан в Сибирь. С марта 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. После 1917 г. работал врачом. В 1922 г. выслан за границу и лишен советского гражданства. В эмиграции возглавлял заграничную делегацию РСДРП, в 1941–1947 гг. жил в США и издавал журнал «Новый путь».

²⁹⁶ О Бинасине сведений найти не удалось.

²⁹⁷ *Войтинский Владимир Савельевич* (1885–1960), политический деятель, экономист. С 1903 г. член РСДРП, большевик. В 1905–1906 гг. член Петербургского комитета РСДРП. В 1908 г. арестован, приговорен к четырем годам каторги и ссылке в Сибирь. 20 марта (2 апреля) 1917 г. приехал в Петроград, вошел в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, перешел от большевиков к меньшевикам. В июне 1917 г. избран членом ВЦИК. В июле 1917 г. назначен комиссаром Временного правительства на Северном фронте. В ноябре 1917 г. помогал А.Ф. Керенскому организовать поход отряда П.Н. Краснова на Петроград, затем был арестован. После освобождения в 1918 г. уехал вместе с И.Г. Церетели в Грузию. В 1920 г. выехал с делегацией грузинского правительства в Италию. С 1921 г. в эмиграции, жил в Германии, Швейцарии, с 1935 г. в США.

²⁹⁸ *Гоц Абрам Рафаилович* (1882–1940), политический деятель. С 1906 г. член боевой организации партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1907 г. арестован, приговорен к восьми годам каторги. С 1915 г. жил в ссылке в Иркутске. В марте 1917 г. приехал в Петроград, лидер эсеров в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов. После захвата власти большевиками председатель «Комитета

спасения Родины и революции». При советской власти несколько раз был арестован, находился в заключении, отбывал ссылку. В 1939 г. был приговорен к 25 годам лишения свободы, умер в лагере.

²⁹⁹ *Фондаминский* Илья Исидорович (литературный псевдоним — Бунаков; 1880–1942), публицист, историк, общественный и политический деятель. С 1905 г. член Центрального комитета партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1907 г. в эмиграции, жил во Франции. В марте 1917 г. вернулся в Россию. В апреле 1917 г. был избран товарищем председателя Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов. Летом 1917 г. отправлен комиссаром Временного правительства на Черноморский флот. Член Учредительного собрания от Черноморского флота. С 1919 г. в эмиграции. Один из основателей и соредактор журнала «Современные записки» (1920–1940). Участник Русского студенческого христианского движения и объединения «Православное дело». В 1941 г. арестован немцами, в 1942 г. погиб в концлагере. В 2004 г. Константинопольским Патриархатом причислен к лику святых.

³⁰⁰ «*К народам всего мира*», обращение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, опубликовано 1 (14) марта 1917 г., уведомляло народы всего мира о свержении монархии в России, будущем созыве Учредительного собрания на основе прямых и равных выборов, призывало к установлению мира и международному единству всех трудящихся.

³⁰¹ *Рамишвили* Исидор Иванович (1859–1937), революционный деятель. Выпускник Тифлисской духовной семинарии. После окончания семинарии работал учителем. Член РСДРП, входил во фракцию меньшевиков. В декабре 1905 г. председатель стачечного комитета в Тифлисе. В 1906 г. депутат I Государственной думы. С сентября 1906 г. на нелегальном положении. В 1909 г. в ссылке в Вятской губернии, с 1909 г. в Астраханской губернии, с 1913 г. в Самарской губернии. В марте 1917 г. председатель Самарского совета рабочих депутатов, затем выехал в Петроград, избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1918–1920 гг. входил в состав правительства Грузии. После 1921 г. был арестован и сослан. По неподтвержденным сведениям, был осужден и расстрелян в период «большого террора».

³⁰² *Гурко (Ромейко-Гурко)* Василий Иосифович (1864–1937), военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С ноября 1914 г. командовал VI армейским корпусом, с августа 1916 г. — 5-й армией. В марте–мае 1917 г. командующий войсками Западного фронта. В августе–сентябре 1917 г. находился под арестом по постановлению Временного правительства, в октябре 1917 г. выслан из России. В эмиграции жил в Италии.

³⁰³ *Переверзев Павел Николаевич* (1871–1944), политический деятель, адвокат. После окончания Петербургского университета служил в Министерстве юстиции, затем присяжным поверенным, занимался адвокатской практикой. В 1915 г. адвокат депутатов IV Государственной думы от большевистской фракции. С марта 1917 г. прокурор Петроградской судебной палаты. В мае–июле 1917 г. министр Временного правительства. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

³⁰⁴ *Шаховской Дмитрий Иванович* (1861–1939), общественный и политический деятель, князь. Выпускник Петербургского университета. С 1889 г. гласный Ярославского уездного земского собрания. С 1895 г. гласный Ярославского губернского уездного собрания. В 1902 г. один из организаторов «Союза освобождения». В 1905 г. один из создателей Конституционно-демократической партии, затем член ее Центрального комитета. В 1906 г. член I Государственной думы. В мае–июле 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства. В 1918–1919 гг. участник антибольшевистских организаций «Союз возрождения России» и «Всероссийский национальный центр». В 1920 г. был арестован ЧК, но затем отпущен. В 1938 г. арестован, в 1939 г. за участие в «антисоветской организации» расстрелян.

³⁰⁵ *Гримм Роберт* (Grimm; 1881–1958), швейцарский политический деятель, публицист. В 1909–1918 гг. секретарь Социал-демократической партии Швейцарии. С 1911 г. депутат швейцарского парламента. Пацифист, председатель конференций в Циммервальде (1915) и Кинтале (1916). Весной 1917 г. оказал содействие русским эмигрантам, которые хотели вернуться из Швейцарии в Россию. В мае 1917 г. сопровождал поезд с русскими эмигрантами в Россию, где пытался прозондировать почву для заключения сепаратного мира России с Германией. После того как его цели стали известны, был выслан Временным правительством из России как «германский агент». Яковенко допускает неточность: услугами Гримма воспользовались не Ленин и большевики, а меньшевики и эсеры.

³⁰⁶ *Якубович Григорий Андрианович* (1880–1926), военный и государственный деятель. Выпускник Киевского пехотного юнкерского училища и Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1910 г. служил при Генеральном штабе. С 1915 г. полковник и помощник делопроизводителя Главного управления Генерального штаба. С 1916 г. начальник отделения Главного управления Генерального штаба. В 1917 г. помощник военного министра А.Ф. Керенского. Затем в эмиграции, жил во Франции.

³⁰⁷ О профессоре Кузнецове сведений найти не удалось.

³⁰⁸ *Чеберяк (Чеберякова) Вера Владимировна* (?–1919), свидетельница по делу М.М. Бейлиса. Держательница воровского притона

в Киеве и скупщица краденых вещей. По одной из версий, в ее доме произошло убийство А. Ющинского, в котором был затем обвинен М.М. Бейлис. Дело Бейлиса получило широкий общественный резонанс, подсудимый был оправдан присяжными. В. Чеберяк была дважды арестована, но ее вина не была доказана. В 1919 г. арестована и расстреляна киевской ЧК.

³⁰⁹ Колчак Александр Васильевич (1874–1920), адмирал, политический деятель, ученый-океанограф, полярный исследователь. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1912 г. служил на Балтийском флоте. С начала 1-й мировой войны руководил операциями по установке минных заграждений в Балтийском море. В июне 1916 – июне 1917 г. командующий Черноморским флотом. С августа 1917 г. в служебной командировке в США, затем вернулся в Россию через Японию. В ноябре 1918 г. в Омске был избран Верховным правителем России. В январе 1920 г. арестован в Иркутске, в феврале 1920 г. расстрелян по постановлению большевистского военно-революционного комитета.

³¹⁰ Ледницкий Александр Робертович (1866–1934), общественный и политический деятель, адвокат, журналист. Родился в польской дворянской семье. Окончил Демидовский юридический лицей в Ярославле. С 1889 г. жил в Москве, занимался адвокатской практикой. В 1900–1906 гг. читал лекции на юридическом факультете Московского университета. В 1905–1916 гг. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. В 1910–1917 гг. председатель Объединенного (Соединенного) банка в Москве. С марта 1917 г. руководитель (на правах министра) Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, представлял польские интересы во Временном правительстве. В 1918 г. выслан большевиками из России, затем жил в Польше.

³¹¹ Винниченко Владимир Кириллович (1880–1951), украинский общественный и политический деятель, писатель. С 1901 г. принимал активное участие в революционном движении, состоял в Революционной украинской партии. В 1903 г. бежал в Австро-Венгрию, жил во Львове. В 1905 г. один из основателей Украинской социал-демократической рабочей партии. В 1906–1914 гг. в основном жил в эмиграции, во Франции, Швейцарии, Австро-Венгрии (в 1913–1914 гг. во Львове). В 1914 г. вернулся в Россию, жил в Москве под чужим именем. В марте 1917 г. приехал в Киев и вошел в Центральную раду, в апреле 1917 г. избран заместителем главы Центральной рады М.С. Грушевского. В мае 1917 г. возглавлял Украинскую делегацию, отправленную в Петроград для переговоров с Временным правительством о даровании Украине автономии. С июня 1917 г. руководил Генеральным секретариатом Центральной рады и занимал пост генерального секретаря

внутренних дел. В январе 1918 г. возглавил Совет народных министров Украины, но в том же месяце ушел в отставку. С сентября 1918 г. председатель Украинского национального союза. В ноябре 1918 г. один из инициаторов свержения гетмана и создания Директории. В декабре 1918 г. после бегства гетмана возглавил Директорию. В феврале 1919 г. отстранен С.В. Петлюрой от власти, после чего уехал за границу, со второй половины 1919 г. жил в Австрии. В 1920 г. приезжал в Советскую Россию и вел переговоры с большевиками, но в том же году вернулся в Австрию. С 1922 г. жил в Чехословакии, с 1925 г. во Франции.

³¹² *Грушевский* Михаил Сергеевич (1866–1934), украинский общественный и политический деятель, историк. Окончил Киевский университет. С 1896 г. возглавлял кафедру всеобщей истории Львовского университета. В 1914 г. вернулся в Киев, в декабре 1914 г. арестован по обвинению в шпионаже и выслан в Симбирск. С 1915 г. жил в Казани, с 1916 г. в Москве. С марта 1917 г. избран председателем Центральной рады и вернулся в Киев. В марте 1919 г. уехал в Австрию. В 1924 г. после разрешения советских властей вернулся в Киев, преподавал в Киевском университете, с 1930 г. жил в Москве.

³¹³ *Шрейдер* Григорий Ильич (1860–1940), политический деятель, публицист. С 1900 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1905–1917 гг. в эмиграции, жил в Италии. В 1917 г. вернулся в Россию. В августе 1917 г. избран городским головой Петрограда. В ноябре 1917 г. арестован большевиками, вскоре освобожден. В 1918 г. уехал в Екатеринодар. С 1919 г. в эмиграции, жил в Чехословакии. Умер во Франции.

³¹⁴ *Минор* Осип Соломонович (1861–1934), политический деятель, юрист. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1910 г. арестован и приговорен к 10 годам каторги. В марте 1917 г. вернулся в Москву, избран председателем Московской городской думы. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции.

³¹⁵ *Руднев* Вадим Викторович (1884–1940), журналист, издатель, общественно-политический деятель. С 1905 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). В июле 1917 г. избран московским городским головой. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции. Один из основателей и соредaktor журнала «Современные записки» (1920–1940), с 1936 г. секретарь редакции.

³¹⁶ *Стоход*, река на Волыни, правый приток Припяти. Ее берега — место ожесточенных боев во время 1-й мировой войны. В ночь на 22 марта (4 апреля) 1917 г. немецкие войска неожиданно перешли в наступление и полностью разгромили III армейский корпус русской армии на Черевещенском плацдарме в районе реки Стоход.

³¹⁷ *Савинков* Борис Викторович (1879–1925), политический деятель, писатель. С 1903 г. член партии социалистов-революционеров

(эсеров). В 1906 г. арестован полицией, приговорен к смертной казни, бежал в Румынию. В эмиграции жил в Германии и Франции. В 1914 г. вступил добровольцем во французскую армию, участвовал в боевых действиях. В апреле 1917 г. вернулся в Россию, назначен комиссаром Временного правительства в 7-ю армию. С июня 1917 г. комиссар Юго-Западного фронта. С июля 1917 г. управляющий Военным министерством и товарищ (заместитель) военного министра. 27 августа (9 сентября) был назначен военным губернатором Петрограда, но 30 августа (12 сентября) подал в отставку. После октября 1917 г. начал борьбу с советской властью. В феврале–марте 1918 г. создал подпольный «Союз защиты Родины и свободы». После раскрытия организации и подавления мятежей в Рыбинске, Ярославле, Муроме бежал в Казань, занятую чешскими войсками, затем переехал в Уфу, откуда по поручению Уфимской Директории отправился с военной миссией во Францию. В 1919 г. вел переговоры с представителями Антанты о помощи Белой армии. В 1924 г. тайно приехал в Советскую Россию, арестован в Минске, приговорен к смертной казни, которая была заменена на 10 лет тюрьмы. В мае 1925 г., по официальной версии, покончил жизнь самоубийством.

³¹⁸ *Филоненко* Максимилиан Максимилианович (1885–1960), политический деятель, адвокат. Участник 1-й мировой войны. С июня 1917 г. комиссар Временного правительства в 8-й армии, с июля 1917 г. комиссар при ставке Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. После октября 1917 г. возглавлял подпольную антибольшевистскую группу. В 1918–1919 гг. член городской думы Архангельска. С 1919 г. в эмиграции, жил во Франции.

³¹⁹ *Кириенко* Иван Иванович (1877–1918), политический деятель. Член РСДРП. Депутат II Государственной думы. В 1917 г. комиссар Временного правительства в 11-й армии, комиссар Киевского военного округа. С сентября 1918 г. помощник Челябинского окружного комиссара, с октября 1918 г. исполняющий обязанности окружного комиссара. После свержения Директории в Омске отказался признать власть А.В. Колчака. 30 ноября 1918 г. арестован и отправлен в Омск. В конце декабря 1918 г. после подавления большевистского восстания в Омске расстрелян.

³²⁰ Правильно: *Степун*. *Степун* Федор Августович (1884–1965), философ, литератор. В 1902–1909 гг. изучал философию в Гейдельбергском университете, в 1910 г. защитил докторскую диссертацию о философии истории Вл.С. Соловьева. В 1910–1914 гг. входил в редакционный совет журнала «Логос». Участник 1-й мировой войны. В марте 1917 г. избран депутатом Всероссийского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, работал в политическом отделе Военного министерства Временного правительства. В 1918–1922 г.

преподавал в театральных училищах, сотрудничал с созданной Н.А. Бердяевым Вольной академией духовной культуры. В 1922 г. был выслан из Советской России. С 1926 г. профессор социологии Высшего технического училища в Дрездене. В 1937 г. был лишен нацистами права преподавательской деятельности и публикации своих сочинений. С 1946 г. профессор философского факультета Мюнхенского университета.

³²¹ Толстой Павел Михайлович, политический деятель, журналист. Член Конституционно-демократической партии. В 1917 г. помощник начальника политического управления Временного правительства.

³²² Станиславов, город в Галиции (совр. Ивано-Франковск, Украина). В 1917 г. значительную часть населения в Станиславове составляли евреи, поэтому грабеж, учиненный в июле 1917 г. отступающими солдатами русской армии, воспринимался как еврейский погром.

³²³ Калуш, город в Галиции (совр. Ивано-Франковская область, Украина). В начале июля 1917 г. части XII армейского корпуса совершили в Калуше погром, сопровождавшийся актами насилия над еврейскими и польскими жителями.

³²⁴ Под Тернопольским разгромом подразумевается контрнаступление германских войск, которое 6 (19) июля 1917 г. привело к прорыву фронта под Тернополем и отступлению русской армии.

³²⁵ Раскольников Федор Федорович (наст. фамилия Ильин; 1892–1939), военный и государственный деятель, дипломат, писатель. С 1910 г. член РСДРП. В 1912–1914 гг. литературный сотрудник газет «Звезда» и «Правда». Во время 1-й мировой войны слушатель гардемариных курсов. В марте 1917 г. заместитель председателя Кронштадтского совета. В июле 1917 г. арестован по приказу Временного правительства, в ноябре 1917 г. освобожден. Участник Гражданской войны. С весны 1918 г. заместитель народного комиссара Л.Д. Троцкого по морским делам. С июля 1918 г. член Реввоенсовета Восточного фронта, с осени 1918 г. член Реввоенсовета Республики. В 1919 г. командующий Астраханско-Каспийской флотилией, затем Волжско-Каспийской флотилией. В 1920–1921 гг. командующий Балтийским флотом. С 1921 г. на дипломатической службе, служил полномочным представителем в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. В апреле 1938 г. был вызван в Москву, но отказался вернуться в СССР, предвидя арест. В 1938–1939 гг. жил во Франции.

³²⁶ Рошаль Семен Григорьевич (1896–1917), политический деятель, революционер. С 1914 г. член РСДРП. В сентябре 1915 г. мобилизован на фронт. В декабре 1915 г. арестован за революционную пропаганду. Во время Февральской революции освобожден из тюрьмы. В марте 1917 г. избран членом горкома РСДРП и членом Исполнительного комитета Кронштадтского совета. В июле 1917 г. арестован

по приказу Временного правительства, в ноябре 1917 г. освобожден. В декабре 1917 г. отправлен В.И. Лениным комиссаром на Румынский фронт, где был арестован румынскими властями, выдан русским офицерам и расстрелян.

³²⁷ «Дача Дурново», усадьба Бакуниных и Дурново в Петрограде, на Полюстровской набережной. В 1917 г. стала штабом анархистов. По решению Временного правительства было предписано освободить усадьбу, но анархисты не подчинились решению. 19 июня (2 июля) 1917 г. с помощью казачьей сотни и батальона пехоты усадьба была взята штурмом, при котором погиб анархист Ш.А. Аснин и 59 человек арестованы.

³²⁸ Бунт «полуботковцев», восстание солдат в Киеве 4–5 (17–18 июля 1917 г. Полк, сформированный в Чернигове, в конце июня 1917 г. прибыл в Киев для дальнейшей отправки на фронт. Солдаты полка под влиянием националистической агитации потребовали перестройки полка в отдельный украинский полк имени гетмана Павла Полуботка. В ответ на отказ военного командования выполнить их требования солдаты в ночь на 5 (18) июля 1917 г. захватили штаб милиции и комендатуру Киева. После выступления против них 1-го Украинского полка имени гетмана Богдана Хмельницкого «полуботковцы» вернулись в казармы. 8 (21) июля 1917 г. Генеральный секретариат Центральной рады постановил создать 2-й Украинский полк имени Павла Полуботка, 14 (27) июля полк был отправлен на фронт.

³²⁹ Степанов Василий Александрович (1871 или 1873–1920), политический деятель. Окончил Горный институт, работал инженером. В 1907–1917 гг. депутат III и IV Государственных дум, член Конституционно-демократической партии, с 1916 г. входил в ее Центральный комитет. В марте–июле 1917 г. товарищ министра торговли и промышленности, с мая 1917 г. управляющий министерством после отставки министра А.И. Коновалова. В ноябре 1917 г. был арестован большевиками, но вскоре отпущен на свободу. С 1918 г. на Юге России в Добровольческой армии, в 1918–1919 гг. член Особого совещания при генерале А.И. Деникине. В феврале 1920 г. эвакуировался из Новороссийска в Константинополь, затем уехал в Париж. В мае 1920 г. приехал в Крым, умер на обратном пути во Францию.

³³⁰ Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), общественный и политический деятель, писатель, публицист, критик. Учился в Цюрихском университете. С 1898 г. на революционной работе. Член РСДРП, после раскола партии примкнул к фракции большевиков. В 1899–1904 гг. в ссылке. С 1904 г. жил в Швейцарии, член редакций газет «Пролетарий» и «Вперед». В 1909 г. был исключен из фракции большевиков за участие в группе «отзовистов», считавших, что соци-

ал-демократам не место в Государственной думе. В мае 1917 г. вернулся в Россию. 10 (23) июля 1917 г. арестован по приказу Временного правительства, 26 июля (8 августа) отпущен. С ноября 1917 г. народный комиссар просвещения советского правительства. С 1929 г. председатель Ученого комитета при Центральном исполнительном комитете СССР. С 1930 г. академик Академии наук СССР. В 1933 г. назначен полпредом СССР в Испании, но умер по пути к месту назначения.

³³¹ В рукописи повтор текста, см. с. 252–255.

³³² *Посников Александр Сергеевич* (1846–1921), экономист. Выпускник Петербургского университета. В 1876–1882 гг. профессор Новороссийского университета в Одессе. В 1886–1896 гг. редактор газеты «Русские ведомости». С 1912 г. депутат IV Государственной думы. В 1917 г. председатель Главного земельного комитета при Временном правительстве. После 1917 г. профессор Петроградского политехнического института.

³³³ *Пургасов Андрей Андреевич* (1866–1917), военный деятель. Выпускник 3-го Александровского военного училища. С 1885 г. подпоручик, с 1889 г. поручик, с 1898 г. штабс-капитан, с 1900 г. капитан, с 1912 г. подполковник. С августа 1914 г. командир батальона 123-го пехотного Козловского полка. С 1915 г. полковник. С июня 1916 г. командир 299-го пехотного Дубненского полка. С марта 1917 г. генерал-майор. 30 июля (12 августа) 1917 г. убит в результате конфликта с солдатами (заколот штыком).

³³⁴ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871–1955), экономист, политический деятель. Учился в Брюссельском университете. В 1904 г. участник «Союза освобождения». В 1905 г. член Конституционно-демократической партии, но затем вышел из этой партии. С 1908 г. преподавал в Народном университете А.Л. Шанявского. В 1917 г. министр торговли и промышленности в третьем составе Временного правительства, министр продовольствия в четвертом составе Временного правительства. 25 октября (7 ноября) 1917 г. арестован, но в тот же день отпущен. С 1918 г. декан юридического факультета 1-го МГУ. В 1921 г. один из руководителей «Всероссийского союза помощи голодающим». В 1921 г. арестован, в 1922 г. выслан за границу. В эмиграции жил в Германии, с 1922 г. в Чехии, с 1938 г. в Швейцарии.

³³⁵ *Каледин Алексей Максимович* (1861–1918), военный деятель. Выпускник Михайловского артиллерийского училища. С 1879 г. хорунжий, с 1882 г. сотник, с 1889 г. подьесаул, с 1891 г. капитан, с 1895 г. подполковник, с 1899 г. полковник, с 1907 г. генерал-майор, с 1914 г. генерал-лейтенант, с 1915 г. генерал от кавалерии. С 1914 г. командовал XII армейским корпусом. В мае 1916 – мае 1917 г. командую-

щий 8-й армией Юго-Западного фронта. С июня 1917 г. атаман Войска Донского. После захвата власти большевиками отказался признать советскую власть, 27 октября (9 ноября) 1917 г. объявил в Донской области военное положение. 29 января (11 февраля) 1918 г., после отказа казачества бороться с большевиками, сложил свои полномочия и застрелился.

³³⁶ *Юденич Николай Николаевич* (1862–1933), военный деятель. Выпускник Александровского военного училища в Москве. С 1892 г. подполковник, с 1896 г. полковник. С 1902 г. командир 18-го стрелкового полка. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1912 г. генерал-лейтенант, начальник штаба Казанского военного округа. С 1913 г. начальник штаба Кавказского военного округа. С начала 1-й мировой войны начальник штаба Кавказской армии. В 1916 г. выиграл крупное сражение под Эрзерумом. В марте–мае 1917 г. командующий Кавказским фронтом. В январе 1919 г. перешел русско-финскую границу, прибыл в Гельсингфорс, затем возглавил Северо-Западную армию для борьбы с большевиками. В 1919 г. организовал поход на Петроград, но не смог взять город. После поражения Северо-Западной армии уехал в Великобританию, затем жил во Франции.

³³⁷ *Крымов Александр Михайлович* (1871–1917), военный деятель. Окончил Павловское военное училище. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. служил при Главном штабе. С 1911 г. командир 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. С 1913 г. служил при командующем войсками Туркестанского военного округа. С сентября 1914 г. командующий бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии. С марта 1915 г. начальник Уссурийской конной бригады, с декабря 1915 г. командующий Уссурийской конной дивизией. С апреля 1917 г. командующий 3-м конным корпусом. В августе 1917 г. назначен главнокомандующим отдельной Петроградской армией и отправлен генералом Л.Г. Корниловым в Петроград, вступил в переговоры с главой Временного правительства А.Ф. Керенским, который объявил Л.Г. Корнилова бунтовщиком и потребовал от Крымова сдать полномочия. После разговора с Керенским в тот же день Крымов застрелился.

³³⁸ *Зарудный Александр Сергеевич* (1863–1934), политический деятель. Выпускник Училища правоведения. С 1885 г. работал в Петербургском окружном суде. В 1888–1891 гг. служил в Министерстве юстиции, в 1891–1895 гг. — в провинциальных органах прокуратуры (Кременчуга, Полтавы, Петрозаводска), в 1895–1900 гг. — товарищем прокурора Петербургского окружного суда, в 1900–1902 гг. — в Министерстве юстиции. С 1902 г. занимался адвокатской деятельностью. С марта 1917 г. товарищ министра юстиции Временного правительства, в июле–сентябре 1917 г. министр юстиции Временного прави-

тельства. В советское время отошел от политической деятельности, член Президиума коллегии адвокатов в Ленинграде.

³³⁹ *Завойко Василий Степанович* (1895 – после 1929), офицер. Выпускник Александровского лицея. С начала 1-й мировой войны прапорщик Текинского конного полка, служил адъютантом при генерале Л.Г. Корнилове. Во время Гражданской войны воевал в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1920 г. начальник личной канцелярии атамана Г.М. Семенова. В эмиграции жил в США.

³⁴⁰ *Аладьин Алексей Федорович* (1873–1927), политический деятель. Начал революционную деятельность еще в гимназии. В 1896 г. был арестован, освобожден под залог. В 1897 г. бежал за границу, жил в Бельгии, Франции, Англии. В 1905 г. вернулся в Россию, в 1906 г. депутат I Государственной думы. После роспуска I Государственной думы жил в Англии, работал журналистом. В июле 1917 г. вернулся в Россию, поддерживал генерала Л.Г. Корнилова. После подавления Корниловского мятежа был арестован, освобожден после октября 1917 г. Участник Гражданской войны, штабс-капитан в Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции.

³⁴¹ *Клембовский Владислав Наполеонович* (Владимир Николаевич) (1860–1921), военный деятель. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. В 1890–1894 гг. преподаватель Тверского кавалерийского юнкерского училища. С 1894 г. полковник. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1904 г. генерал-майор. С 1912 г. генерал-лейтенант. С 1915 г. генерал от инфантерии. С декабря 1915 г. начальник штаба Юго-Западного фронта. В марте–апреле 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. С мая 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. 27 августа (9 сентября) 1917 г. отказался от предложения А.Ф. Керенского сменить Л.Г. Корнилова на посту главнокомандующего, за что снят с должности. В 1918 г. был арестован, затем отпущен и принят на службу в Красную армию, председатель военно-исторической комиссии по изучению опыта мировой войны. В 1920 г. член Особого совещания при Главкоме Красной армии. В конце 1920 г. арестован, умер в тюрьме.

³⁴² *Марков Сергей Леонидович* (1878–1918), военный деятель. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1908 г. преподаватель в Павловском военном училище и Михайловском артиллерийском училище. С 1909 г. подполковник. С 1911 г. преподаватель Николаевской академии Генерального штаба. С начала 1-й мировой войны служил на Юго-Западном фронте. С декабря 1914 г. начальник штаба при генерале А.И. Деникине. С декабря 1915 г. генерал-майор. С мая 1916 г. служил на Кавказском фронте. В 1917 г. начальник штаба Западного и Юго-Западного фронтов. С мая 1917 г. генерал-лейтенант. В сентябре 1917 г.

за поддержку генерала Л.Г. Корнилова арестован. В декабре 1917 г. перебрался на Дон и вступил в Добровольческую армию. Участник 1-го и 2-го кубанских походов. Погиб в бою.

³⁴³ *Лукомский Александр Сергеевич* (1868–1939), военный деятель. С 1898 г. помощник старшего адъютанта штаба Киевского военного округа, с 1902 г. старший адъютант штаба Киевского военного округа. С 1907 г. начальник штаба 42-й пехотной дивизии. С 1909 г. начальник мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба. С 1913 г. помощник начальника канцелярии Военного министерства. С 1915 г. помощник военного министра. С апреля 1916 г. начальник 32-й пехотной дивизии. С октября 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. С апреля 1917 г. командир I армейского корпуса. С июня 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего. После Корниловского мятежа арестован, в ноябре 1917 г. бежал из тюрьмы. После прибытия в Новочеркасск участвовал в организации Добровольческой армии. С декабря 1917 г. начальник штаба Добровольческой армии. С июля 1918 г. заместитель председателя Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армией. С сентября 1918 г. помощник главнокомандующего Добровольческой армией, начальник Военного и морского управления. С октября 1918 г. председатель Особого совещания, с декабря 1919 г. председатель правительства при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В феврале 1920 г. уволен приказом генерала А.И. Деникина. С февраля 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

³⁴⁴ *Романовский Иван Павлович* (1877–1920), военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1906–1909 гг. обер-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа. С 1909 г. помощник делопроизводителя мобилизационного отдела Генерального штаба. С 1910 г. помощник начальника отделения в отделе дежурного генерала Главного штаба, с 1912 г. начальник того же отделения. С 1914 г. начальник штаба 25-й пехотной дивизии. С 1915 г. командир 206-го Сальянского пехотного полка. В июне–октябре 1916 г. начальник штаба XIII армейского корпуса. С октября 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии. В марте–июле 1917 г. начальник штаба 8-й армии. С июля 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. После Корниловского мятежа арестован, в ноябре 1917 г. бежал из тюрьмы. После прибытия в Новочеркасск участвовал в организации Добровольческой армии. С декабря 1917 г. начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. С февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии. В марте 1920 г. сложил свои полномочия, уехал в Константинополь, где был убит бывшим офицером Добровольческой армии.

³⁴⁵ *Плющевский-Плющик* Юрий Николаевич (1877–1926), военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время 1-й мировой войны 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. В 1917 г., после Корниловского мятежа, арестован, но вскоре освобожден. С декабря 1917 г. в Добровольческой армии. С ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии. С января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Вооруженных сил Юга России. С февраля 1919 г. генерал-лейтенант. С марта 1920 г. в эмиграции, жил во Франции.

³⁴⁶ *Кисляков* Владимир Николаевич (1875–1919), генерал-майор, военный деятель. Выпускник Александровского кадетского корпуса, Константиновского артиллерийского училища и Николаевской академии Генерального штаба. С 1903 г. капитан. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 г. подполковник. В 1908–1913 гг. штабс-офицер для поручений при командующем Одесским военным округом. С 1913 г. заведывающий передвижениями войск по железнодорожным и водным путям Варшавского района. Участник 1-й мировой войны. С октября 1915 г. начальник военных сообщений армий Западного фронта. С 1916 г. генерал-майор. В январе–феврале 1917 г. товарищ министра путей сообщения на театре военных действий. После подавления Корниловского мятежа был арестован, в ноябре 1917 г. бежал из тюрьмы. В 1918 г. служил при гетмане П.П. Скоропадском, затем в Вооруженных силах Юга России. Расстрелян большевиками в Полтаве.

³⁴⁷ *Никитин* Алексей Максимович (1876–1939), политический деятель. Выпускник юридического факультета Московского университета. С 1899 г. член РСДРП, с 1903 г. входил во фракцию меньшевиков. В марте 1917 г. председатель военно-революционного комитета Москвы, председатель Московского совета рабочих депутатов, начальник милиции Москвы. С апреля 1917 г. член президиума Исполнительного комитета Моссовета. С июня 1917 г. заместитель председателя Московской городской управы. С 24 июля (6 августа) 1917 г. министр почт и телеграфов Временного правительства. В сентябре 1917 г. член Директории до образования нового состава Временного правительства. С 25 сентября (8 октября) 1917 г. министр почт и телеграфов и одновременно министр внутренних дел Временного правительства. 25 октября (7 ноября) 1917 г. арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства, но через четыре дня отпущен на свободу как социалист. С января 1918 г. жил в Ростове-на-Дону, где работал в кооперации. В 1920 г. арестован, доставлен в Москву, приговорен к расстрелу, в 1921 г. помилован и освобожден. Затем жил в Москве, был одним из руководителей издательства «Никитинские субботники»

(1922–1931). В 1938 г. арестован, в 1939 г. приговорен к смертной казни и расстрелян.

³⁴⁸ *Кишкин* Николай Михайлович (1864–1930), политический деятель. Выпускник медицинского факультета Московского университета. С 1905 г. член Центрального комитета Конституционно-демократической партии. С марта 1917 г. комиссар Временного правительства в Москве. С сентября 1917 г. министр государственного призрения Временного правительства. В ноябре 1917 г. был арестован вместе с другими министрами Временного правительства. Весной 1918 г. освобожден, после чего работал врачом. С 1923 г. служил в курортном отделе Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, затем вышел на пенсию.

³⁴⁹ *Кокошкин* Федор Федорович (1871–1918), политический деятель, юрист. Выпускник Московского университета. С 1897 г. приват-доцент Московского университета. В 1905 г. один из основателей Конституционно-демократической партии. В 1906 г. депутат I Государственной думы. В 1911 г. покинул Московский университет в знак протеста против политики министра народного просвещения Л.А. Кассо. Затем преподавал в Московском коммерческом институте, Народном университете А.Л. Шанявского. В июле–августе 1917 г. государственный контролер Временного правительства. В декабре 1917 г. арестован по постановлению Петроградского военно-революционного комитета, в январе 1918 г. убит в тюремной больнице.

³⁵⁰ *Юрнев* Константин Константинович (наст. фамилия Кротовский; 1888–1938), революционный деятель, дипломат. С 1905 г. член РСДРП. С 1916 г. в армии, бежал, арестован как дезертир, но затем опять бежал. В 1917 г. член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С сентября 1917 г. председатель Главного штаба Красной гвардии, член Петроградского военно-революционного комитета. Участник Октябрьской революции 1917 г. С декабря 1917 г. член коллегии Народного комиссариата по военным делам, в 1918–1919 гг. одновременно член Всероссийской коллегии по формированию Красной армии, председатель Всероссийского бюро военных комиссаров. В апреле–августе 1919 г. член Реввоенсовета Восточного фронта, в октябре 1919 – январе 1920 г. член Реввоенсовета Западного фронта. С 1920 г. член Московского комитета РКП(б). С 1921 г. на дипломатической работе. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

³⁵¹ *Верховский* Александр Иванович (1886–1938), военный деятель. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905–1908 гг. служил в 3-м Финляндском артиллерийском дивизионе. С 1909 г. поручик, с 1911 г. штабс-капитан, с 1913 г. капитан. В 1911–1913 гг. командир роты 2-го Финляндского стрелкового полка. С 1913 г. старший адъютант штаба 3-й Финляндской стрелковой бригады. В начале 1-й

мировой войны был ранен, затем на штабной работе. С 1916 г. подполковник. С февраля 1917 г. исполнял должность начальника штаба отдельной Черноморской морской дивизии. С 1917 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). С июня 1917 г. командующий войсками Московского военного округа. Активно выступил против генерала Л.Г. Корнилова и его мятежа. С сентября 1917 г. военный министр Временного правительства, генерал-майор. В октябре 1917 г. предложил Временному правительству заключить мир с Германией, не был поддержан другими министрами, подал рапорт об отставке. С ноября 1917 г. участвовал в организации антибольшевистского движения. В июне 1918 г. арестован в Петрограде. В декабре 1918 г. освобожден, вступил в Красную армию, на фронт не был отправлен, служил на различных должностях в военно-учебных заведениях. С 1921 г. преподаватель, с 1922 г. главный руководитель Военной академии РККА. С 1929 г. начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. В 1931 г. арестован, приговорен к расстрелу, который был заменен на 10 лет лагерей, в 1934 г. досрочно освобожден. С 1935 г. преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе, с 1936 г. — в Военной академии Генерального штаба. В 1938 г. арестован, приговорен к смертной казни и расстрелян.

³⁵² *Вердеревский* Дмитрий Николаевич (1873–1947), военно-морской деятель, контр-адмирал. С 1904 г. на морской службе, на Черноморском флоте. С 1905 г. артиллерийский офицер на броненосце «Петр Великий», с 1908 г. старший офицер. В 1910–1911 г. командир эскадренного миноносца «Генерал Кондратенко», в 1911–1914 гг. командир эскадренного миноносца «Новик». С 1915 г. командир крейсера «Богатырь». С ноября 1916 г. командующий дивизией подводных лодок Балтийского моря. С апреля 1917 г. начальник штаба Балтийского флота. В июне 1917 г. командующий Балтийским флотом. В июле 1917 г. арестован за отказ послать корабли на помощь Временному правительству против большевиков. Во время Корниловского мятежа освобожден, в сентябре 1917 г. назначен морским министром Временного правительства. 25 октября (7 ноября) 1917 г. арестован в Зимнем дворце вместе с другими министрами Временного правительства, вскоре освобожден. С мая 1918 г. в эмиграции, жил в Англии, затем во Франции.

³⁵³ *Ракитников* Николай Иванович (1864–1938), политический деятель. Выпускник юридического факультета Петербургского университета. С 1885 г. член рабочей группы партии «Народная воля». С 1902 г. член Центрального комитета партии социалистов-революционеров (эсеров), участвовал в выработке программы партии. Участник революции 1905–1907 гг. В марте 1917 г. организовал и возглавил Саратовский комитет партии социалистов-революционеров. В мае

1917 г. делегат Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. С июня 1917 г. товарищ министра земледелия Временного правительства. Член Учредительного собрания. В 1918 г. член Комуча. В 1919 г. вышел из Центрального комитета партии социалистов-революционеров, отошел от политики, работал в области статистики. В 1937 г. арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. В 1938 г. расстрелян.

³⁵⁴ «Дело народа», ежедневная газета, центральный орган партии социалистов-революционеров (эсеров), выходила с 15 (28 марта) 1917 г. в Петрограде. Редактор газеты — В.В. Сухомлинов, среди авторов — Н.Д. Авксентьев, А.Ф. Керенский, В.М. Чернов. В январе 1918 г. закрыта по решению советского правительства, но затем выходила в марте–июне и октябре 1918 г., марте 1919 г. (последние десять номеров вышли в Москве).

³⁵⁵ *Спиридонова Мария Александровна* (1884–1941), революционный деятель. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1906 г. совершила убийство советника тамбовского губернатора Г.Н. Луженовского, приговорена к смертной казни, которую затем заменили на бессрочную каторгу. В марте 1917 г. освобождена по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского. В мае 1917 г. приехала в Москву и стала играть ведущую роль в партии социалистов-революционеров. После октября 1917 г. вместе с левыми эсерами выступала за сотрудничество с большевиками. С апреля–мая 1918 г. стала политическим противником большевиков. В июле 1918 г. была арестована, но вскоре отпущена. В январе 1919 г. вновь арестована, но в апреле 1919 г. бежала. В 1920 г. арестована, в 1921 г. отпущена. В 1923–1930, 1931–1937 гг. в ссылке. В 1937 г. арестована и приговорена к 25 годам тюремного заключения. В 1941 г. расстреляна.

³⁵⁶ *Черемисов Владимир Андреевич* (1871–1937), генерал, военный деятель. Выпускник Николаевской академии Генерального штаба. С 1904 г. подполковник, с 1908 г. полковник. В 1911–1914 гг. преподаватель военных наук в Николаевской академии Генерального штаба. С июля 1914 г. командир 120-го Серпуховского пехотного полка, участник боев в Восточной Пруссии. С 1915 г. генерал-майор. С февраля 1916 г. командир бригады 32-й пехотной дивизии, с июля 1916 г. генерал для поручений при командующем 7-й армией. С марта 1917 г. командир 159-й пехотной дивизии, с апреля 1917 г. генерал-лейтенант и командир XII армейского корпуса. В июле 1917 г. командующий 8-й армией, в августе 1917 г. командующий 9-й армией. С августа 1917 г. генерал от инфантерии. С сентября 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. В ноябре 1917 г. отстранен большевиками от должности и арестован, но вскоре освобожден. С 1918 г. в эмиграции, жил в Дании и Франции.

³⁵⁷ *Штейнберг* Исаак Захарович (1888–1957), политический деятель, литератор. Из купеческой семьи. Учился в Московском университете. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1907 г. арестован и сослан в Тобольскую губернию на два года. После ссылки жил в Германии, где защитил магистерскую диссертацию. Затем вернулся в Россию, работал адвокатом и журналистом. В 1917 г. член Уфимского совета рабочих и солдатских депутатов. В декабре 1917 – марте 1918 г. народный комиссар юстиции в Совете народных комиссаров (СНК) РСФСР. В марте 1918 г. вышел из СНК в знак протеста против заключения Брестского мира, затем уехал на Юг России, организатор Главного военного штаба левых эсеров в Таганроге. В 1919 г. арестован, вскоре отпущен. С 1923 г. в эмиграции, жил в Германии, Англии, Австралии и США. Автор мемуаров и книг о революции 1917 г.

³⁵⁸ *Камков* Борис Давидович (наст. фамилия Кац; 1885–1938), политический деятель. Член партии социалистов-революционеров (эсеров). С 1905 г. в ссылке. С 1907 г. в эмиграции. В 1911 г. окончил Гейдельбергский университет. В марте 1917 г. вернулся в Россию, избран в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. К осени 1917 г. занял лидирующее положение в петроградской организации партии социалистов-революционеров, создал фракцию (затем партию) левых эсеров, поддержал участие левых эсеров в Петроградском военно-революционном комитете. Сотрудничал с большевиками, был избран во Всероссийский центральный исполнительный комитет, но затем выступил против Брестского мира. В июле 1918 г. участвовал в левозеро-восстании против большевиков, после подавления восстания ушел в подполье. В 1920 и 1921 гг. дважды был арестован. С 1923 г. в ссылках (Челябинск, Воронеж, Тверь, Архангельск). В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

³⁵⁹ *Масарик* Томаш Гарриг (Masaryk; 1850–1937), чешский государственный деятель, социолог, философ. С 1882 г. профессор Карлова университета в Праге. В 1907–1914 гг. депутат парламента австрийских земель. С 1915 г. участник движения за независимость Чехословакии. В 1917 г. участвовал в России в формировании Чехословацкого корпуса. В 1918–1935 гг. первый президент независимой Чехословацкой республики.

³⁶⁰ *Клеменчиц* Ловро (Klemenčič; 1891–1928), словенский политик, публицист. Член организации «Препород». Сторонник отделения Словении от Австро-Венгрии и создания независимого государства, объединяющего югославянские народы.

³⁶¹ *Карелин* Владимир Александрович (1891–1938), политический и государственный деятель, журналист. С 1907 г. член партии социалистов-революционеров (эсеров). В 1917 г. возглавил Харьковский комитет партии социалистов-революционеров, с июля 1917 г. предсе-

датель Харьковской городской думы. С ноября 1917 г. член Центрального комитета партии левых эсеров. В декабре 1917 – марте 1918 г. народный комиссар государственных имуществ в коалиционном с большевиками Совете народных комиссаров (СНК). В марте 1918 г. вышел из СНК в знак протеста против подписания Брестского мира. После подавления левозэсеровского мятежа в июле 1918 г. заочно приговорен к трем годам тюрьмы. В 1919 г. арестован, но вскоре освобожден. В советское время работал юрисконсультom. В 1937 г. арестован, в 1938 г. расстрелян.

³⁶² *Малянтович* Павел Николаевич (1869–1940), политический и государственный деятель. Выпускник юридического факультета Дерптского (Юрьевского) университета. С 1893 г. помощник присяжного поверенного, с 1898 г. присяжный поверенный. Защитник по политическим процессам рабочих и членов РСДРП. С сентября 1917 г. министр юстиции Временного правительства. 25 октября (7 ноября) 1917 г. был арестован вместе с другими министрами, но через день отпущен. Отошел от политической деятельности. С 1921 г. юрисконсульт при президиуме ВСНХ. В 1930 г. арестован, в 1931 г. освобожден. В 1937 г. вновь арестован, в 1940 г. расстрелян.

³⁶³ *Дзевалтовский* Игнатий Леонович (1888–1925), революционер. С 1908 г. член партии социалистов. В 1915 г. курсант Павловского военного училища, затем офицер гвардейского гренадерского полка. С апреля 1917 г. член РСДРП(б). В октябре 1917 г. член Петроградского военно-революционного комитета. С 26 октября (8 ноября) 1917 г. комиссар Зимнего дворца. С 27 октября (9 ноября) заместитель командующего войсками Петроградского военного округа. В 1918–1919 гг. на военных должностях. В 1920 г. военный министр и министр иностранных дел Дальневосточной республики. В 1923–1924 гг. член Экономического совета Юго-Востока РСФСР. В 1923–1924 гг. заместитель председателя правления Российского общества добровольного вооруженного флота. С марта 1925 г. резидент разведывательного управления РККА в Прибалтике. В ноябре 1925 г. бежал в Польшу, стал советником Ю. Пилсудского, но вскоре умер (предположительно, отравлен советскими агентами).

³⁶⁴ *Крыленко* Николай Васильевич (1885–1938), политический и государственный деятель. С 1904 г. член РСДРП(б). С 1906 г. на нелегальном положении, жил за границей в Бельгии и Франции. В том же году вернулся в Россию, в 1907 г. арестован, но был оправдан. С 1909 г. после окончания университета работал учителем литературы и истории. В 1911 г. работал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». В 1912–1913 гг. отбывал воинскую повинность. С апреля 1916 г. прапорщик в действующей армии. После Февральской революции председатель армейского комитета 11-й армии Юго-Западного фронта.

В июле 1917 г. арестован по обвинению в государственной измене, в сентябре 1917 г. освобожден. Сентябрь и октябрь 1917 г. занимался подготовкой вооруженного восстания в Петрограде. С 26 октября (8 ноября) 1917 г. в составе Совета народных комиссаров. С 6 (19) ноября 1917 г. по март 1918 г. Верховный главнокомандующий. С марта 1918 г. член коллегии Народного комиссариата юстиции. С мая 1918 г. председатель Революционного (Верховного) трибунала. В 1922–1929 гг. заместитель народного комиссара юстиции РСФСР. В 1929–1931 гг. прокурор РСФСР. В 1931–1936 гг. народный комиссар юстиции РСФСР. В 1936–1938 гг. народный комиссар юстиции СССР. В 1938 г. арестован и расстрелян.

³⁶⁵ *Полковников* Георгий Петрович (1883–1918), военный деятель. Выпускник Михайловского артиллерийского училища и Николаевской академии Генерального штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. и 1-й мировой войны. Во время Корниловского мятежа поддержал Временное правительство. С 4 (17) сентября 1917 г. главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. 25 октября (7 ноября), накануне большевистского восстания, снят с занимаемой должности Временным правительством. 29 октября (11 ноября) 1917 г. возглавил юнкерское восстание в Петрограде, которое было подавлено большевиками. Затем бежал на Дон, где вступил в Добровольческую армию. В марте 1918 г. схвачен большевиками и казнен. Яковенко допустил неточность: Г.П. Полковников имел воинское звание полковника (присвоено в сентябре 1917 г.), а не генерала.

Указатель имен

- Авксентьев Н.Д. 94, 248, 267, 282, 303, 307, 314, 323, 362
Аджемов М.С. 139, 382
Азеф Е.Ф. 35, 38, 344
Аксельрод П.Б. 94, 208, 364
Аладьин А.Ф. 293, 294, 297, 299, 408
Александр I 242
Александр II 242
Александра Федоровна 141, 142, 143, 188
Алексеев М.В. 118, 132, 146, 169, 183, 184, 185, 188, 208, 230, 247, 285, 289, 295, 296, 304, 377
Алексинский Г.А. 94, 362
Амфитеатров А.В. 147, 384
Аргунов А.А. 94, 362
Бадаев А.Е. 108, 372
Балк А.П. 174, 389
Баратов Н.Н. 139, 382
Барк П.Л. 146, 174, 384
Бейлис М.М. 59, 86, 87, 238, 350
Белецкий С.П. 121, 378
Беляев М.А. 132, 146, 170, 176, 380
Бинасин 212
Бобринский А.А. 125, 126, 134, 156, 379
Бобринский В.А. 116, 136, 376
Бобринский Г.А. 107, 372
Богданов Б.О. 212, 397
Богров Д.Г. 35, 343
Боргман И.И. 60, 61, 351
Борисов И.Н. 174, 388
Бразуль-Брушковский С.И. 87, 359
Брамсон Л.М. 176, 212, 391
Брешко-Брешковская Е.К. 199, 285, 396
Брусилов А.А. 127, 129, 174, 178, 182, 225, 277, 289, 380
Бубликов А.А. 173, 178, 184, 188, 285, 387
Бунаков И.И. см. Фондаминский И.И.
Бурцев В.Л. 93, 108, 334, 361
Бьюкенен Дж.У. 162, 384
Варнава (Накропин В.А.) 120, 122, 377
Васильчикова М.А. 111, 374
Вердеревский Д.Н. 302, 303, 326, 412
Вернадский В.И. 63, 352
Верховский А.И. 302, 303, 304, 305, 308, 318, 319, 334, 412
Вершинин В.М. 188, 393
Винниченко В.К. 243, 281, 402
Виноградов П.Г. 63, 353
Витмер 81
Витте С.Ю. 36, 37, 67, 71, 111, 344
Воейков В.Н. 184, 188, 393
Войтинский В.С. 212, 259, 313, 399
Волжин А.Н. 126, 379
Волконский Б.Г. 55, 350
Вонлярлярский В.М. 55, 350
Вонлярлярский Д.В. 55, 350
Вырубова А.А. 140, 383
Гарин Н.П. 55, 348
Гвоздев К.А. 171, 212, 387
Гегечкори Е.П. 66, 355
Гиммер см. Суханов
Гирс В.К. 174, 389
Гогенцоллерны 100
Годнев И.В. 192, 228, 394
Голицын Н.Д. 137, 146, 167, 170, 174, 183, 381
Головин С.С. 63, 354
Головина М.Е. 140, 382
Гололобов Я.Г. 76, 356

- Горемыкин И.Л. 40, 68, 82, 83, 89,
105, 114, 116, 118, 120, 121,
122, 123, 175, 345
- Горький М. 162
- Гоц А.Р. 212, 267, 303, 399
- Грибунин С.Ф. 188, 393
- Григорович И.К. 146, 383
- Гримм Д.Д. 84, 358
- Гримм Р. 234, 401
- Грузинов А.Е. 194, 225, 395
- Грушевский М.С. 243, 402
- Гурко В.И. 225, 400
- Гучков А.И. 65, 66, 68, 75, 79, 85,
86, 115, 132, 146, 153, 162, 178,
179, 180, 185, 186, 191, 205,
209, 220, 222, 224, 225, 226,
236, 237, 247, 252, 256, 273,
285, 296, 355
- Дан Ф.И. 212, 303, 308, 322, 327,
399
- Дантон Ж.Ж. 32, 341
- Дедюлин Н.А. 55, 349
- Дейтрих В.Ф. 174, 389
- Дейч Л.Г. 94, 362
- Деникин А.И. 34, 295, 296, 318, 342
- Денисов 201
- Дзевалтовский И.Л. 330, 415
- Дзюбинский В.И. 135, 381
- Дмитрий Павлович 139, 382
- Дмитрюков И.И. 171, 386
- Добровольский Н.А. 145, 146, 174,
383
- Донцов Д.И. 100, 370
- Дорошенко В.В. 100, 370
- Дубровин А.И. 174, 389
- Думбадзе И.А. 54, 348
- Евлогий (Георгиевский В.С.) 107,
372
- Ефремов И.Н. 148, 384
- Жук А.И. 100, 371
- Завойко В.С. 293, 297, 299, 408
- Зализняк Н.К. 100, 371
- Залуцкий П.А. 212, 398
- Зарудный А.С. 292, 303, 408
- Зелинский Н.Д. 63, 352
- Зензинов В.М. 176, 212, 390
- Зиновьев Г.Е. 94, 268, 337, 368
- Иванов Н.И. 173, 178, 183, 184, 387
- Игнатъев П.Н. 105, 146, 372
- Иллицкий 60
- Илиодор см. Труфанов С.М.
- Исидор (Колоколов П.А.) 140, 382
- Каледин А.М. 285, 289, 295, 407
- Калинин С.А. 188, 394
- Каменев (Розенфельд) Л.Б. 108,
109, 209, 212, 268, 337, 373
- Камков (Кац) Б.Д. 322, 339, 414
- Караулов М.А. 171, 386
- Карелин В.А. 325, 415
- Кассо Л.А. 46, 54, 63, 70, 80, 83, 84,
85, 86, 105, 346
- Каутский К. 99, 369
- Кауфман П.М. 46, 346
- Кейнис Ф.О. 135, 381
- Керенская О.Л. 201, 396
- Керенский А.Ф. 33, 34, 87, 91, 109,
110, 111, 116, 134, 135, 139,
148, 149, 169, 170, 171, 172,
176, 179, 180, 182, 187, 191,
198, 209, 212, 216, 220, 223,
226, 228, 229, 234, 237, 247,
249, 254, 256, 259, 263, 269,
270, 271, 276, 278, 279, 282,
283, 285, 287, 288, 290, 291,
292, 293, 295, 296, 298, 299,
300, 301, 302, 303, 304, 305,
307, 308, 309, 312, 313, 315,
316, 321, 322, 323, 326, 327,
329, 331, 338, 341
- Кизеветтер А.А. 63, 354
- Кириенко И.И. 259, 404
- Кирилл Владимирович 175, 389
- Кирпичников Т.И. 167, 385
- Кисляков В.Н. 297, 410
- Кишкин Н.М. 301, 302, 411
- Клейнмихель М.Э. 176, 390

- Клембовский В.Н. 294, 295, 409
 Клеменчич Л. 322, 415
 Климович Е.К. 174, 388
 Козловский М.Ю. 176, 212, 267, 390
 Коковцев (Коковцов) В.Н. 51, 68, 69, 70, 71, 72, 80, 82, 83, 89, 143, 346
 Кокошкин Ф.Ф. 302, 411
 Коллонтай А.М. 209, 212, 396
 Колчак А.В. 239, 401
 Колюбакин А.М. 109, 374
 Комиссаров М.С. 174, 388
 Коновалов А.И. 139, 171, 191, 228, 231, 232, 273, 381
 Корнилов Л.Г. 112, 181, 188, 225, 277, 278, 282, 284, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 316, 318, 319, 326, 375
 Кривошеин А.В. 120, 377
 Кригер-Войновский Э.Б. 174, 389
 Кропоткин П.А. 93, 285, 360
 Крупп 72, 356
 Крыленко Н.В. 330, 415
 Крымов А.М. 291, 296, 408
 Кузнецов 238
 Кульчицкий Н.К. 146, 383
 Курлов П.Г. 76, 129, 174, 357
 Куропаткин А.Н. 125, 378
 Кшесинская М.Ф. 209, 264, 397
 Ларин Ю. 94, 365
 Лебедев В.И. 93, 267, 361
 Ледницкий А.Р. 242, 402
 Ленин 90, 94, 208, 209, 210, 222, 234, 268, 250, 336, 338
 Либбер (Гольдман) М.И. 212, 397
 Либкнехт 336
 Линде Ф.Ф. 212, 398
 Лозовский С.А. 94, 366
 Лукомский А.С. 297, 299, 409
 Луначарский А.В. 273, 406
 Львов В.Н. 171, 180, 228, 292, 293, 294, 386
 Львов Г.Е. 102, 105, 170, 180, 186, 187, 189, 190, 191, 209, 224, 228, 229, 232, 266, 270, 271, 273, 371
 Львов Н.Н. 42, 80, 345
 Макаров А.А. 70, 73, 80, 82, 126, 130, 145, 174, 356
 Макензен (Маккензен) А. фон 110, 130, 374
 Маклаков В.А. 39, 80, 134, 285, 293, 344
 Маклаков Н.А. 70, 82, 85, 86, 102, 105, 114, 175, 356
 Маковеев И.И. 84, 174, 358
 Малиновский Р.В. 89, 359
 Малянтович П.Н. 328, 330, 415
 Манасевич-Мануйлов И.Ф. 130, 138, 380
 Мануйлов А.А. 62, 180, 228, 269, 351
 Марков Н.Е. 51, 68, 82, 346
 Марков С.Л. 296, 409
 Мартов Л. 94, 208, 233, 308, 322, 325, 364
 Мартынов А.С. 94, 365
 Масарик Т.Г. 322, 414
 Маслов П.П. 94, 363
 Матусов 168
 Матъез (Матъе) А. 32, 341
 Меленевский М.И. 100, 370
 Мензбир М.А. 62, 351
 Милюков П.Н. 34, 90, 91, 117, 130, 133, 134, 137, 138, 139, 148, 165, 171, 172, 177, 179, 180, 187, 190, 191, 205, 209, 213, 219, 220, 221, 222, 225, 227, 252, 256, 273, 285, 289, 293, 295, 327, 334, 342
 Минаков П.А. 62, 352
 Минор О.С. 249, 303, 308, 403
 Михаил Александрович 170, 177, 185, 186, 187, 189, 385
 Мрозовский И.И. 195, 395
 Муранов М.К. 108, 373

- Муратов Н.П. 54, 348
 Муромцев С.А. 61, 351
 Мясоедов С.Н. 111, 374
 Набоков В.Д. 191, 394
 Нарышкин К.А. 185, 393
 Натансон М.А. 94, 368
 Наумов А.Н. 120, 125, 126, 378
 Нахамкес, Нахамкис см. Стеклов
 Нейдгардт Д.Б. 55, 349
 Некрасов Н.В. 171, 180, 228, 266, 271, 278, 282, 283, 302, 386
 Непенин А.И. 196, 395
 Никитин А.М. 301, 303, 411
 Николай I 242
 Николай II 140, 141, 142, 143, 147, 160, 163, 183, 184, 187, 188, 189
 Николай Николаевич 182, 185, 186, 392
 Нилов К.Д. 188, 394
 Новгородцев П.И. 63, 353
 Огановский Н.П. 94, 364
 Олар Ф.В.А. 32, 341
 Олсуфьев Д.А. 53, 347
 Онипко Ф.М. 93, 94, 361
 Павлович М.П. 94, 366
 Пален К.К. 55, 349
 Пергамент М.Я. 85, 358
 Переверзев П.Н. 228, 265, 266, 270, 400
 Петражицкий Л.И. 84, 357
 Петровский Г.И. 108, 373
 Пешехонов А.В. 176, 228, 288, 391
 Пирогов Н.И. 59
 Питирим (Окнов П.В.) 122, 175, 378
 Плеве В.К. 40, 123, 345
 Плеханов Г.В. 93, 95, 199, 285, 360
 Плющевский-Плющик Ю.Н. 297, 410
 Покровский Н.Н. 126, 137, 146, 147, 379
 Поливанов А.А. 115, 126, 256, 376
 Полковников Г.П. 332, 416
 Посников А.С. 281, 406
 Потресов А.Н. 94, 363
 Преображенский 72, 356
 Прокопович С.Н. 282, 321, 407
 Протопопов А.Д. 116, 126, 127, 128, 129, 133, 134, 135, 136, 138, 144, 145, 146, 147, 156, 160, 163, 176, 376
 Пургасов А.А. 281, 407
 Пуришкевич В.М. 90, 126, 130, 136, 138, 139, 148, 296, 359
 Раев Н.П. 126, 379
 Рацитников Н.И. 303, 413
 Рамишвили И.И. 222, 400
 Раппопорт Ш. 94, 367
 Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 265, 267, 405
 Распутин Г.Е. 69, 82, 111, 116, 120, 121, 122, 128, 135, 139, 140, 142, 143, 144, 145, 160, 355
 Рейн Г.Е. 174, 388
 Рейнбот А.А. 55, 349
 Ржевский В.А. 137, 171, 381
 Риттих А.А. 126, 134, 148, 156, 379
 Родзянко М.В. 79, 111, 120, 136, 163, 165, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 174, 178, 182, 183, 184, 185, 187, 205, 206, 224, 285, 289, 293, 357
 Родичев Ф.И. 192, 196, 394
 Рожков Н.А. 94, 363
 Розенфельд, Розенфельд-Каменев см. Каменев Л.Б.
 Романовский И.П. 297, 410
 Рошаль С.Г. 264, 267, 405
 Рубинштейн Д.Л. 138, 381
 Руднев В.В. 249, 403
 Рузский Н.В. 112, 115, 118, 174, 182, 184, 185, 186, 225, 375
 Русанов Н.С. 176, 391
 Рухлов С.В. 120, 377
 Рязанов Д.Б. 94, 308, 332, 365
 Саблер В.К. 80, 81, 114, 357

- Савенко А.И. 101, 371
 Савинков Б.В. 259, 282, 291, 292, 294, 301, 403
 Савич Н.В. 137, 381
 Сазонов (Созонов) Е.С. 59, 350
 Сазонов С.Д. 93, 111, 126, 127, 147, 360
 Самарин А.Д. 115, 375
 Самойлов Ф.Н. 108, 373
 Самсонов А.В. 110, 374
 Скобелев М.И. 135, 139, 169, 171, 196, 212, 214, 215, 216, 228, 229, 231, 266, 267, 303, 322, 380
 Скоропис-Йолтуховский А.Ф. 100, 370
 Слетов С.Н. 93, 361
 Соколов Н.Д. 87, 109, 171, 177, 212, 262, 359
 Сопочко М.А. 84, 358
 Спиридонова М.А. 308, 413
 Сталин 176
 Станкевич В.Б. 212, 259, 397
 Стеклов (Нахамкис) Ю.М. 171, 177, 180, 209, 212, 213, 214, 216, 226, 322, 387
 Степанов В.А. 269, 406
 Степун Ф.А. 259, 404
 Стишинский А.С. 175, 390
 Столыпин П.А. 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56, 57, 59, 64, 66, 67, 68, 69, 70, 74, 89, 129, 205, 250, 343
 Струков А.П. 118, 119, 376
 Стучка П.И. 176, 212, 390
 Суханов (Гиммер) Н.Н. 34, 135, 162, 171, 177, 180, 212, 213, 214, 216, 226, 233, 343
 Сухомлинов В.А. 85, 86, 114, 115, 126, 176, 358
 Татищев Н.А. 195, 395
 Терещенко М.И. 180, 228, 266, 270, 301, 303, 328, 334, 392
 Тимирязев К.А. 63, 352
 Толмачев И.Н. 54, 347
 Толстой Л.Н. 57, 62
 Толстой П.М. 259, 404
 Трепов А.Ф. 120, 134, 135, 136, 137, 145, 146, 175, 378
 Трещенков Н.В. 72, 73, 356
 Троцкий Л.Д. 94, 265, 268, 273, 308, 309, 315, 323, 329, 330, 333, 336, 364
 Трубецкой Е.Н. 63, 67, 137, 354
 Трусевич М.И. 35, 343
 Труфанов С.М. (Илиодор) 56, 69, 76, 350
 Тульчинский К.Н. 73, 356
 Умов Н.А. 63, 353
 Феодосьев С.Г. 126, 380
 Филипповский В.Н. 212, 216, 397
 Филоненко М.М. 259, 282, 292, 404
 Фондаминский (Бунаков) И.И. 212, 248, 399
 Фредерикс В.Б. 185, 188, 393
 Фридман Н.М. 91, 360
 Фондаминский см. Фондаминский И.И.
 Хабалов С.С. 163, 166, 170, 174, 181, 183, 385
 Харитонов П.А. 126, 379
 Хаустов В.И. 135, 380
 Хвостов А.А. 115, 126, 141, 375
 Хвостов А.Н. 54, 82, 120, 121, 126, 347
 Хвостов В.М. 63, 353
 Хомяков Н.А. 65, 68, 69, 76, 355
 Церетели И.Г. 198, 212, 213, 214, 215, 218, 220, 228, 229, 265, 266, 270, 273, 280, 285, 287, 288, 303, 308, 309, 311, 314, 316, 322, 396
 Чайковский Н.В. 176, 212, 391
 Чеберяк В.В. 238, 401
 Челноков М.В. 105, 371
 Черемисов В.А. 321, 331, 413

- Чернов В.М. 94, 212, 214, 228, 229, 232, 251, 265, 266, 271, 277, 280, 288, 302, 303, 304, 322, 327, 367
- Чхеидзе Н.С. 91, 110, 116, 134, 135, 169, 171, 177, 212, 213, 215, 216, 222, 224, 245, 278, 284, 307, 360
- Чхенкели А.И. 135, 380
- Шагов Н.Р. 108, 373
- Шаховской В.Н. 146, 383
- Шаховской Д.И. 228, 269, 400
- Шаховской П.И. 175, 390
- Шварц А.Н. 46, 60, 346
- Шебеко В.Н. 195, 395
- Шевченко Т.Г. 85
- Шершеневич Г.Ф. 63, 353
- Шидловский С.И. 137, 139, 171, 381
- Шингарев А.И. 116, 148, 180, 191, 228, 269, 376
- Ширинский-Шихматов А.А. 54, 174, 348
- Шрейдер Г.И. 249, 403
- Штейнберг И.З. 322, 325, 414
- Штюрмер Б.В. 116, 121, 122, 123, 125, 126, 127, 130, 133, 134, 174, 376
- Шуваев Д.С. 126, 134, 146, 379
- Шульгин В.В. 87, 134, 148, 171, 179, 185, 187, 224, 285, 296, 359
- Щегловитов И.Г. 54, 80, 86, 105, 114, 115, 138, 146, 170, 347
- Щербатов Н.Б. 115, 376
- Энгельгардт Б.А. 171, 386
- Эрлих Х.М. 212, 398
- Юденич Н.Н. 289, 407
- Юревич В.А. 182, 392
- Юренев К.К. 302, 411
- Юсупов Ф.Ф., граф Сумароков-Эльстон 139, 141, 382
- Ющинский А. 59
- Яковенко К.А. 22
- Якубович Г.А. 236, 401

Содержание

А.М. Шитов. Б.В. Яковенко — историк	5
---	---

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Февральско-мартовская революция
и ее последствия*

Предисловие к первому выпуску. От автора	23
Предисловие ко второму выпуску	24

Часть первая РАЗЛОЖЕНИЕ СТАРОГО ПОРЯДКА

Глава 1

Столыпиниада	35
Гибель Столыпина	35
Режим государственной провокации	38
Защита помещика	40
Прогрессивный паралич государственности	42
Фиаско столыпинского правления	47
«Хуторское» и «отрубное» хозяйство	47
Переселения	49
Продовольственная помощь	50
Внутренняя политика	52
Мартиролог политической действительности	56
Студенческие «беспорядки»	57
Кары и гонения на печать	57
Казни	58
Тюрьма и ссылка	58
Сектанты и инородцы	59
Общественное пробуждение	64

Глава 2

Расцвет реакции при Коковцеве и Горемыкине	68
Наследство Столыпина	68
Политика «успокоения» продолжается	70
Результаты деятельности 3-ей Думы	73
Первая сессия новой Государственной думы	78
Дальнейшие успехи реакции	82
Общественное пробуждение	88

Глава 3

ВОЙНА И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО	90
Общее единодушие в России	90
Революционные партии и война.	93
Пораженчество	95
Работа общественных организаций на войну	101
Реакция все же продолжается	105

Глава 4

Разрыв между обществом и властью.	109
Начало военного разгрома.	109
Возмущение общественных кругов	113
Конец политической «весны».	117
Чем дальше в лес, тем больше дров	121
Штюрмериада.	126

Глава 5

Государственная дума против правительства	130
Атака Милюкова.	130
Краткосрочное министерство Трепова	134
Смерть Распутина	139
Последние дни царского правительства	145

Глава 6

Россия накануне революции	149
Финансовое положение	149
Аграрное положение	150
Торговля и промышленность	151

Транспорт и продовольственное дело	153
Правительственная деятельность	155
Общее политико-социальное положение	156

Часть вторая **<РЕВОЛЮЦИЯ>**

Глава 1

Переворот	164
Начало беспорядков	164
Решительный день	167
Победа	171
По пути углубления победы	175
Установление нового правительства	179
Перст Божий	183
Временное правительство	189
Революционный переворот в провинции	193
Общественное пробуждение	196

Глава 2

Двоевластие	201
Наследие старого строя	201
Психология русского революционера	203
Симптомы надвигающегося разложения	206
Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов	210
Революционная опека над правительством	214
Первый правительственный кризис	219

Глава 3

Больная страна	227
Коалиционное правительство	227
Несостоятельность коалиции	229
Социальное разложение страны	234
Национальный развал	239
Общественная самоорганизация	243
Концентрация умеренно-либеральных сил	251
Провал наступления	256
Большевистское восстание	263

Глава 4

Диктатура Керенского	269
Хроника событий	269
Смысл правительственного кризиса	273
Углубление кризиса	276
Государственное совещание в Москве	280
Разложение растет... ..	286
Восстание Корнилова	289
Последствия восстания	297

Глава 5

Накануне падения	301
Правительственная чехарда	301
Демократическое совещание	305
В тупике	310
Пароксизм анархии и развала	316
Предпарламент	323
Успехи большевизма	329
Последние дни Временного правительства	334

Примечания	340
------------------	-----

Указатель имен	418
----------------------	-----

-
- Яковенко, Б.В.**
Я-471 История Великой русской революции : Февральско-мартовская революция и ее последствия / Борис Яковенко ; подгот. текста и вступ. ст. А.М. Шитова ; примеч. А.М. Шитова, О.Т. Ермишина. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, ВИКМО-М, 2013. — 432 с., ил.

ISBN 978-5-98854-046-5

ISBN 978-5-98454-029-2

Впервые публикуется рукопись «История Великой русской революции», написанная в эмиграции русским философом Борисом Валентиновичем Яковенко (1884–1949). Автор, более известный своими работами по истории философии, стремится понять русскую революцию 1917 г. и ее причины, воссоздать масштабную картину революционных событий. Издание, снабженное вступительной статьей и примечаниями, адресовано всем, кто интересуется историей России и русской эмиграции XX в.

УДК 947
ББК 63.3(2)611

Борис Валентинович Яковенко

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Февральско-мартовская революция и ее последствия

Редактор-корректор *Н.С. Самбу*
Верстка *Л.А. Фирсовой*

Подписано в печать 22.11.2013. Формат 60х90/16.
Тираж 500 экз. Заказ 295т

ООО «ВИКМО-М»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6, офис 64
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицы
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2. Тел.: (495) 915-10-47
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в типографии НИИ «Геодезия»
141292. г. Красноармейск, ул. Испытателей, д. 14

Издательство «Русский путь» представляет:

Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ. 1921–1923 / Вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; Коммент. В.Г. Макарова.

В сборнике впервые представлен уникальный комплекс материалов, раскрывающий малоизвестные страницы истории массовой акции большевистского руководства по изгнанию из страны в начале 1920-х годов инакомыслящей оппозиции в лице известных деятелей интеллектуальной элиты России. Эти драматические события получили известность как «философский пароход». В книге публикуются архивные документы, касающиеся ареста и высылки знаменитых политических деятелей, ученых и мыслителей: Н.А. Бердяева, А.А. Кизеветтера, Е.Д. Кусковой, Н.О. Лосского, С.Л. Франка и др. Большинство документов извлечены из ранее засекреченных малодоступных для исследователей фондов Центрального архива ФСБ России и архивов территориальных органов безопасности. Сборник адресован широкому кругу специалистов: историкам, философам, социологам, правоведам, преподавателям, студентам и аспирантам вузов, а также всем тем, кто интересуется проблемами отечественной истории XX столетия.

П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России:
К 100-летию со дня гибели П.А. Столыпина: Международная научно-практическая конференция: Москва, 28–30 сентября 2011 г.
/ Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына;
[ред.-сост. Н.Ф. Гриценко].

Сборник, составленный на основе материалов конференции, которая прошла в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, посвящен жизни и деятельности Петра Аркадьевича Столыпина (1862–1911) — министра внутренних дел, председателя Совета министров Российской империи (с 1906 г.). В сборнике представлены статьи, освещающие государственную деятельность Столыпина, Столыпинскую аграрную реформу, личность и окружение Петра Аркадьевича.

В сборнике публикуются уникальные документы и фотографии из собрания российских архивов — материалы выставки «П.А. Столыпин: страницы государственной деятельности», приуроченной к открытию конференции.

Столыпинская реформа и землеустроитель А.А. Кофод: Документы, переписка, мемуары / Сост., предисл. и коммент. А.В. Гутерца.

Издание включает в себя неопубликованные документы из фондов Российского государственного исторического архива; знаменитые программные речи П.А. Столыпина в Государственной думе; главы из мемуаров «идеолога реформы» А.А. Кофода; доклады главноуправляющих землеустройством и земледелием; забытые и часто уникальные материалы, изданные в императорской России, среди них — письма крестьян об экскурсиях на хутора Волыни, поездках на практику в Европу, использовании чужого опыта на родине. Читатель увидит аграрную реформу 1906–1917 годов глазами участников: реформаторов и крестьян, ради блага которых и велись преобразования.

Савич Н.В. После исхода: Парижский дневник. 1921–1923.

Дневник известного политического деятеля, депутата Государственной думы (1907–1917) Н.В. Савича представляет собой уникальное историческое свидетельство и публикуется впервые. Автор в 1919–1920 гг. входил в состав Особого совещания, а затем правительства при генералах А.И. Деникине и П.Н. Врангеле. Период изгнания провел во Франции. В 20-х гг. активно участвовал в политической жизни русского зарубежья, нередко оказывался в центре событий, отражая их в своих записях. Этим определяется особая ценность дневника. Интересны не только малоизвестные факты, их оценка, но и оригинальные размышления политика об истории и судьбах России, ее революционном крушении и уроках, которые следует извлечь потомкам. Важным дополнением служит содержащийся в приложении фрагмент переписки автора дневника с генералом П.Н. Врангелем.

Катков Г.М. Дело Корнилова

Г.М. Катков (1903–1958), известный философ и историк русского зарубежья, значительную часть своей жизни посвятил изучению русской революции и ее причин. Предметом настоящего исследования, в частности, являются события 25–31 августа (по ст. стилю) 1917 года, которые советская историческая наука называла «корниловским мятежом». Книга основывается на документальных материалах, долгие годы остававшихся недоступными для большинства историков нашей страны.

Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / Сост., предисл. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова.

Сборник представляет собой наиболее полную научную публикацию документов из архивов органов госбезопасности, освещающую основные аспекты борьбы РКП(б) с политическими противниками в начале 1920-х гг. Издание является продолжением работы, посвященной высылке политических оппонентов за границу осенью 1922 г. Материалы, представленные в сборнике, выявлены в Центральном архиве ФСБ России и ряде архивов территориальных органов госбезопасности. Значительная часть документов публикуется впервые.

Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века) / Михаил Карпович; [вступ. ст. Н.Г.О. Перейры, предисл. С.М. Карповича; примеч. П.А. Трибунского].

Впервые публикуемый курс лекций профессора М.М. Карповича (1888–1959) по интеллектуальной истории России XVIII – начала XX в. читался в Гарвардском университете США. Курс стал важнейшей отправной точкой развития русистики в США после Второй мировой войны, сформировав целое поколение историков и задав направление их исследований. Издание адресовано всем интересующимся историей России.

Посмотреть подробную информацию о книгах и заказать их вы можете на сайте издательства «РУССКИЙ ПУТЬ»:

www.rp-net.ru или русский-путь.рф

Приобрести книги можно также
в книжном магазине «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
ул. Нижняя Радищевская, д. 2 (м. «Таганская» (кольцевая))
тел. (495) 915-11-45, сайт: www.kmrz.ru

Отдел продаж издательства «Русский путь»:
(495) 915-10-05

Борис Валентинович Яковенко (1884–1949) – русский философ, публицист.

С 1913 г. жил в Италии, с 1924 г. в Чехословакии. В 1922 г. он закончил рукопись «История великой русской революции», в которой стремился воссоздать и осмыслить революционные события 1917 г. Рукопись, подготовленная для итальянского издательства, так и не увидела свет и впервые представлена в настоящем издании.

ISBN 978-5-98854-046-5

